

к 1447192

Александр Халов

Милый ненавижу
Мирный лююмиру

ДОКТОР ХАС

...man&human...

2012

Издательство «Семейные Традиции»

и

«Британский Страховой Дом»

представляют:

ВСЁ, к этому времени написанное

Мастером

*о современном
(и не очень современном)
- человеке !*

Милый ненавидит
...man&human...
Милый ненавидит

КНИГА 1

том первый

УДК 921.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)-44
X17

Александр Сергеевич Халов (ДОКТОР ХАС)
X17 Милый ненавидимый любимый : [в 2-х т.]. Т.1 / Александр Халов. - Вологда,
2012. - 432с.: ил.
ISBN 978-5-91965-084-3

ISBN 978-5-91965-086-7 (т.1)
ISBN 978-5-91965-084-3

© Халов А. С., 2012

Предисловие

в котором Автор на манер старинных романистов говорит о своей книге сам

Никто не знает своих контуров лучше и, в тоже время, не может описать себя хуже, - то есть, внятно, не пугаясь, без возвеличивания, либо наоборот без самоуничтожения, - чем ты сам. Не хватит слов ни с первой, ни со второй, ни с третьей попытки, а следующих не станет ожидать никто. Даже такой мастер художественного слова, как Ромен Гари, увенчанный всевозможными лаврами, как Сципион, - даже он прибег к интервьюированию себя, когда ему предложили о себе рассказать. «Ночь будет спокойной»; но будет своим голосом или пером документальное описание фальшиво. Своей рукой не описать себя - нет, никак. Конечно, если иметь ввиду адекватность: честную картину. Но другие неинтересны.

Подобно рыбе, которая по своей любознательности, глупости или произволу подхватившей её внутреннее движение воды, выброшена на берег, ты смотришь на мир и только развеиваешь беззвучный рот. Слов нет, хотя очень хочется говорить; насмотрелась.

...Но вот рыба в воде - как рыба в воде! Как именно адекватно она «описывает» собой воду. По строению, форме тела, конфигурации, движениям плавников, - по сну и бодрствованию, пище и ... пр. - в том случае, если мы сами не находимся в воде, по её обитателям, по жизни её обитателей мы можем её, воду, изучать, понимать.

Так и писатель. Что - он? «Рыба, Вода». Вода? Рыба?

Говорят, способом художественного осмысления действительности, он познаёт жизнь. Прекрасная фраза. Но что есть жизнь? Может, он, драпируясь (то есть, застенчиво либо беззастенчиво прикрываясь) тканью рассказов, своих романов тем только и занят, что изучает себя?

Конечно: он изучает себя.

Известная поговорка: кто же ещё в Этой жизни интереснее ему себя любимого.

Пользуясь тем, что метод предоставляет право, писатель создаёт «воду», пускает туда «рыб», вволю даёт себе, им наиграться, нарезать, - устраивает целые бури (в стакане воды), разрешает погони, скачки (по волнам, по морям, нынче здесь, завтра там), мутит воду...скрывает, что в тихом омуте - still waters run de-e-er...впадает в любовь, в ярость. Тем живёт.*

Даже если он уже прошёл период автобиографичности, предлагаю не верить, когда он (рукой отводя категорически все обвинения) изрекает: то не я, то - жизнь. Ах, жизнь?.. Нет, нет, это всё он: всё также пользуется обницей (общечеловеческой) нашей «водой», всё пускает в неё своих «рыб», - кормит их, размножает, умертвляет... Дразнит.

Пусть не от своего имени, пусть от имени других - всё равно: то он.

Вот и Автор: не придумал ничего нового, ничего лучшего, чем вот ТАК написать предисловие.

...Этот мой старый роман, - роман любимейший, оттого что горел во мне ярко, высвечивал себя до мельчайших подробностей весь! Слепил, как галогенная лампа фотографа, в

* - (англ.фразеолог.) в тихом омуте черти водятся

движении высвечивая всё. Как от света такой лампы видны малейшие неровности, и светом её одинаково беспристрастно рисуются и чарующие морщинки гладкой поверхности снега и отталкивающие замаскированные - лица, - так показывал себя он; да не был написан. (Я побоялся. (Из-за него тривиально остаться без денег. (Ведь роман - это год.)) Я был, как все. И зря.

...И до сих пор, со своего ...3-го года новой эры, он всё горит, всё жжёт. Сравниваю: как досадой и завистью цепляют не приобретённая когда-то книга, картина, не сделанная поездка, не купленный «бриллиант». Он так дорог мне, что может, когда-нибудь напишу; а сейчас - сейчас вдруг он оказался самым лучшим введением в книгу, эту книгу. И, кроме представления её автора, уже тем хорош, что, основанный на реальных событиях, художественен, а не документален. С провинциальной весёлостью и столичной иронией он прибавит живой ткани - яркой, красочно-образной, мысленной, - самой по себе, как сталкеровский океан, живущей и думающей! - живой, а не высушенных несколько га документалистики прибавит к полю книги. Будет и Предисловием, и - Предисловием (от - «СЛОВО»), и разговором об авторе, и введением.

Чем ещё он хорош - тайной... Он связан с каждым текстом сей книги, он связан с ПослеСловием. Они родились в разное время, в разных краях, у разных людей, и они связаны: Предисловие автора и ПослеСловие со СКАЗКОЙ и сказкой Лоры Лад. Таково устройство Духа.

И я сам не пойму, почему. Это просто удача, и не хочется её объяснять.

Они связаны, как бутоны роз, - их рожденственный трепет во время раскрытия, их трепет от ветра, их всепривлекающий природный и человечески волнующий аромат, - и корни: замысловатые корни замысловатого куста расцветивших раскрывшихся роз.

Всегда все видят только свершения: цветы. Всем требуются цветы, никто не думает, никто никогда не хочет связать цветы и корни. Никто не хочет узнать их, невидимые, никто никогда не поставит на стол - в вазу, на видное место... А ведь они пра-, те «пра-пра-», без которых нет рода. А ведь они - тайна: они таинственны, корни. И вот ставлю; впервые; даже для себя - впервые и неожиданно. Сам удивляюсь: а ставлю! Вот как...

Прочитав всё написанное для книги (сами повести, рассказы) уже не один раз (поговорка), да плюс вслух: «на кухнях», в гостиных, в залах на чтения, что прибавляет ещё «сто раз», от предисловия зная всё, сам сразу перехожу к После-. О, «После-» меня лично, Автора, интригует, цепляет теперь гораздо больше: пройдя и закончив путь, там, в конце его, видишь новые: и путь, и, словно ладья моя в шлюзе, ладье моей открывающиеся створы. Спешу туда; но путь Туда - через этот роман, и через всю эту книгу.

...В которой Автор на манер старинных романистов рассказывает о себе сам.

из романа

1.

Они для неё - класс! Их привезла мне одна постоянная пациентка. Кокетка, хотела понравится всем: им - показать диковинку, меня, мне - заодно удружить, указав на них, - продемонстрировав их, прекрасно зная, как я падох до всего характерного человеческого, любопытного.

Она не ошиблась: я пришёл в восторг! Пристально, обескуражено раскрыв рот, распахнув очи, смотрел на них в кубриковские «широко закрытые глаза».

Вначале я всё-таки как-нибудь прикрывался, ведь, право... Но скоро бросил - даже если бы я открыл рот, с их Зрением они всё равно б ни-чер-та не обнаружили.

Она, привёзшая, хохотала. От совершающегося на её глазах ей было одновременно и страшно любопытно и прельстительно, смешно. Из её глаз сыпались произвольные знаки - мне, им, когда она космически то сощуривала, то распахивала глаза. Она напоминала мне зрителя - отставного шулера за карточной игрой, которому разрешено ходить кругом всего стола, и подглядывать у кого угодно, - свободно заглядывать в карты всех играющих нынче. А наглядевшись, затем испытывать другое волнение: задержавшись за плечом одного игрока, тщательно обдумывающего ход, и из тени, - из-за границы круга плеч, круга игры, границы тени и света, - выжидательно-напряжённо зря в лицо его противника; карты которого ему тоже известны. Вот где игра: по-настоящему! По-крупному!... И вот, она ходит, и заглядывает - и видит всё с тыла... И знает все карты: знает карты всех... И ей жгуче интересны уже не карты: сами игроки! Их таинства, их психология, психика, мимика, как бы задумчивые обманные движения мышц лица, демонстративно-расстроенный взгляд, тяжкий отчаянный вздох и!...И ловкий, неожиданный ход.

Мне приходилось осаживать её иногда длинным пристальным стегающим взглядом; но - вот, бессовестная: она умело вспархивала ресничками - «Ой, а в чём дело!? Ой, я не понимаю, ведь я так наивна» - и в первый час встречи с нескрываемым удовольствием наблюдала меня. (Занимательно иногда наблюдать за наблюдающим.) Когда я неподдельно сердился: «Мешаешь! Не устраивай цирк!...» - она тайком показывала мне язык. Что означало: «Я тоже доктор». Тогда я выписывал, посылал ей пилюлю: «Здесь ты только врач-терапевт, не более». Это помогало; она на минуту прекращала «бегать по кругу», втискиваясь между нами, - так, что приходилось смотреть через неё, - поджимала губки: так сердилась.

Они!... Они, приехавшая зачем-то, за чем - я не догадывался пока, пара - решили, что между нами идёт любовная игра и вначале, стараясь поймать её, шурились.

Они вообще вначале лишь шурились: ослепли, слепило. Терялись, спрашивались о каждом шаге, - осведомлялись, сообщали, были робки, - вдыхая, нюхали новую ат-

мосферу, пробовали, есть ли почва для ног. Затем, - затем... ведь, собственно, никто ни с кем ни во что не играл, и не намеревался «объехать на вороных» ни справа, ни слева- не рынок: никто никого не обманывал - и стоило б им спросить... (Но надо ж найти сам вопрос!) - на любой вопрос им было б отвечено - затем чуть вздохнули. А собственно, что!? (Warning: далее «распальцовка» и жуткий их слэнг.) А выехали, а-Любаня са-а-Ва-алерой а на природу-у, на ша-ашлыки-и, агдахнуть а-ат горада, а падышать свежим а воздухом, сменить а-абстановку. (Стоп.) Ну да: отрешиться, забыть о работе. Ну - к странному человеку, пусть, но, говорят, к полезному, не вредному. Подружку, вот, заодно ему подвезли: всё - жизнь, всё по природе.

Всё быстро наладилось. Устроились в отдельно стоящей веранде под куполом-крышей берёз, накрыли стол. После первой рюмки тут же, не теряя времени, хлопнули по второй, после третьей перешли на «ты», после четвёртой сближающим огоньком в глазах у всех пыхнуло удовлетворение - приятно сидеть с приятными, да вообще с любыми, которые без выпендрёжа, людьми. После пятой - все начали оживлённо, одновременно говорить!...

После четвёртой, чтобы не напиться и не сорвать предполагаемую Работу, я взял баян. Он, я - мы огласили близкий луг, близкий сумеречный лес всё трогающими звуками. Выслушав нас, Валера с Любой похлопали (решили: ну - концерт...), что ж, с удовольствием хлопнули ещё по одной, закусили, закурили - и!...

Начали баять Самостоятельно.

Всерьёз, уверенно - пеняли мне, даже упрекали и даже сердито корили: отстал от жизни, отста-а-ал... Ладно, да - пусть, ну, это - «старый русский». Но надо же, не поздно - *настроиться!* (Даже пересмеялись между собой, считая, жить, как я, юродством. Считали: не замечу.)

Моя привезшая загототала. Пришлось вновь братья за баян, чтобы незаметно пригрозить ей пальцем, незаметно подать знак. Вскрикнул: «Арина!...» Мол, ну-ка уймись. И этих - «кулибиных» своих, давай-ка: приведи в чувство. Осади свою подружку. А то вишь, разошлись...

А они действительно разошлись! Водка - раскрепощает!...

Они цепко, как прожектором, повели в две пары сметливым глазом, вычислили, вычленили, что я могу, какие возможности у меня есть, и, исходя из этого, КАК я должен жить. (Читай: делать деньги - тратить деньги. Формула.) Оказалось, а и неплохо ж таки я могу жить!!... Если настроиться.

Настроиться... «Настроившиеся» и *Намерения* - так назову роман.

Настроиться. Всё это уже миллионы раз, в тысячах вариантов (вот знак бесконечность - число перестановок из раздела «комбинаторика» математики), начиная с пещерного человека, на белом свете уже было, и я отшучивался, отбрыкивался, жаловался на могущую происходить у некоторых от такого устройства жизни головную боль,

однако, вынужденно поддакивал совершенно в себе уверенным, поддерживал темп, помогая им, направлял стезю разговора, - при этом переглядывался, перемигивался иногда с ней, Ариной. Отмечал Черты, указывал ей на Новенькое; кивал - благодарил её, размышлял, зачем они мне, вставлял, что я тоже - настроился, уже настроился, - что? - ах, как? - а, вот: вот, помните «Чайку» - Чайку по имени Джонатан Ливингстон? - вот и настроился по нему, сейчас всерьёз подумываю про «вертикальный полёт». «Чаво!?!...» - офонарели две пары глаз. (Арина со слезами, с завыванием смеха упала в траву. Взглянул: жива? Жива, корчится в судорогах. Та-ак, будешь должна мне шесть-сот пятьдесят рублей за театр, неплохо устроилась: «третий ряд среднее место». Придёт же в голову.) Обдумывал, куда завернуть нить разговора. Кажется, я Включался.

Она... - моя фея, моя умница, нисколько не «Маргарита» - Ариадна моя, - радостно посмеивалась, наблюдая Это, наблюдая меня, и Толкая Меня С собой. Но я уже не обращал внимания ни на что: Работа!... (Однако, скоро же ей и сказал (незримые очки на лоб, стетоскоп, пальцы, готовые к пальпации.)): «Очень любопытно, знаешь, очень». (...Нет, лучше пенсне. И после паузы поправить на переносице указательным пальцем.) «Очень... Но мне их не написать: не Мои люди. У меня не получится - я их не чувствую, и я ими не увлечён. Следующие...» Она (аккуратно сняла с меня все причиндалы, вместо лести подала любимую коричневую сигарету, даже спички) настаивала: «Давай-давай, работай... Мне интересно, что Это такое, как Это выглядит, как у тебя выйдет, и что из этого получится». (Господи, что получится, Что получится... «То, что вчера было нашим духом, завтра станет телом наших детей». Лазарев, книга вторая.) Но как милой женщине отказать? К тому же...

Мне нравится моя Работа. Пусть сейчас за неё получаю лишь пени и пенни, и поэтому вынужден зарабатывать на жизнь другим (сделаю вставку, я же «иезуит одиннадцатого года*»: через пять лет получу за всё 1+1+1+1+1+1+1+1+1 миллионов), я ценю свой господень дар. И хоть он тяжкий, чаще всего едва носимый груз, ещё ни разу - ни разу! - не роптал на него. Слава богу, какой-то есть. Пусть такой. Что он? Он - странный талант; кроме всего, он странен ещё и тем, что я завишу от него полностью. Но он - прелесть!... Из-за него могу вытворять что угодно, жить, как захочу: всё сойдёт с рук - летанье в рай, нырянье в ад. Ненарушимое условие единственно: должен писать. Писать: пропускать через себя, переваривать, описывать то, что чувствовал, видел, узнал. Хоть как: в виде дневников, рассказов, романов... - на форму Им (мне не известно пока, кто они - я их чувствую, как чувствует истово верующий Небеса) - Им наплевать. Есть иная строгость (и, кстати, в логике Им не откажешь, всё в русле): ты должен строго подчиняться Судьбе. То Долг. (Так что, я Должник дважды.)

Что ж, долг есть долг, некуда деваться, от судьбы, как мы говорим, не уйдёшь. Кроме того, меня, ранее, муштровали одиннадцать лет, и вот так, таким способом и

путём, до того, как дать Руководить, научили Служить и Подчиняться. Служить, тянуть лямку не раздумывая, у кадровых военных это в крови. И, выйдя из одной епархии, сменив китель на скюртук, я всё не прекращаю служить.

Надо Служить, надо Работать, надо следовать законам своего таланта, надо подчиниться - подчиняться своему Предназначению. (В конце концов, так даже практичней, рациональней: гораздо меньше проблем имеешь Здесь.)

У каждого есть свой талант. Открыть его не трудно, открыть - даже легко, по сравнению с теми трудностями, которые начнутся дальше, какие ждут тебя впереди при его исполнении. Дело в том, что один раз открыв, и понимая, и воспринимая его сознательно, ты автоматически становишься его должником, всю твою жизнь тебе придётся перенастраивать под него. (Женщинам в этом смысле намного легче.)

Что такое Талант, Предназначение? Это не моя Тема и я не знаю ответ. Это то, что Дано.

Кто-то придумывает машины, кто-то одежду, - кто-то пьёт, а кто-то поёт, - кто-то ворует, кто-то делает деньги, кто-то кирпичи, - кто-то организует людей, кто-то сам лезет без страховки на скалы... Он всё стремится в ледяной заоблачный верх - и то уже странно; но мой совсем странный, много лет, десятки лет я не понимал: куда - куда!? - применить его. К чему, как? Как в соответствии с ним выстроить свою земную жизнь. Может, ещё и поэтому меня привели в столь искренний, столь детски-полный восторг эти двое, сегодняшние, с которыми я, уже «тёпленький», продолжал пить водку, и которые, несомненно Что-то имея, вовсе не утруждали себя головоломкой что-либо открывать. Они поступили отчаянно просто: хлебнув глотка жизни, откусив от края её пирога, сообразили: уже всё поняли; у смекалистых русских людей понимание равно действию; как следствие, взяли да настроились.

И я подумывал, (алкоголь способствует безалаберности) глядя на них: может и мне?.. Спрашивал себя: как ты, а? Блин, как надоело Вкалывать за двоих и троих - давай, последуем их советам, давай? Но, прикидывая, отвечал себе: да нет, нет-нет, это опасно, почва не твёрда. Во-первых, сам испытал: с Должниками не церемонятся. Алгоритм активного Небесного Законодательства короток: первый звонок, не понял - лёгкий удар, не понял - средний удар. Что дальше? Бр-р-р... Дальше я не пошёл - слетела Спесь. Не дурак. Теперь знаю: кара порой страшно близка. И взглядывал, трезвея до состояния головы, бывшей вечером «на бровях», засунутой утром под ледяной кран - взглядывал на свои обрубленные пальцы. Кара, как сторожевая собака чистых кровей, всё время, не мешая никому, невидимая никому, бродит рядом. Бродит вокруг, как страж-наблюдатель: все Делом заняты, ар-р-р? Р-р-р, вот один уклоняется от Пути. И... Ох, «челюсти» у неё... Прокатывать сталь... Во-вторых, думал я, глядя на них: жизнь коротка. Жизнь Здесь - и без того коротка. А этак - «настроившись» - запросто проживёшь не свою. Свою не проживёшь: вот Аргумент. Спых-

ватишься потом, в конце, когда в миг Просветленья перед смертью помудреешь, ан нет: поздно, душа моя, - посетует Присланный ангел, посоветует: уже впору успеть долги раздать, да поплакать, и собороваться - вот и всё. Поэтому - нет, нет, и нет, и не мечтай.

Ну - нет, так нет, как говаривала мне одна жена (она и сейчас жива), - бога ради, ведь только размышляю, не жалуюсь. Всё бы ничего (ах вот и жалоба): платилось бы вовремя хоть сколько-нибудь. Им, Вверху - что, а здесь не проживёшь без хлеба насущного. А чтобы понимать жизнь Здесь, надо, к тому же, его - и с маслом, и с красной икрой, и с водочкой: принять иногда «витаминов це»... Даже земная медицина признала: человек есть то, что он ест. Не пьющему, не курящему, не «увлекающемуся» лучше не трогать писать жизнь: у постно живущего и описание ублюдочно-постное выйдет.

Вот и приходится выкручиваться: то одним второстепенным талантом на жизнь зарабатываю, то вторым, то третьим, то ещёнибудь-каким... Люди от этого уже запутались - кем они считают меня!?

Сейчас, кажется, в общественном мнении числюсь мастером «по дереву», по мебели. Изделия из дерева: всё, что можно придумать, все, что на свете есть. (Доработался до того, что создал мастерскую, приобрёл здание, станки, инструменты. Рабочих, правда, нет: хватило, слава богу, ума набрать, да вовремя разогнать. (Вот как следует окончание этой фразы переводить на английский: распинать, ногами-ногами,)) Терпеть не могу... Известные русские качества, без каких, почему-то, никакой наёмный работник в «глубинке» не обходится: несуетная лень, запойное пьянство, тихое воровство (всё - холопство); и ещё замечательное русское качество (человек с общерусской фамилией «Макаров» мне его обсказал), формулируемое в народе так: пусть моя корова сдохнет, лишь бы твоя не отелилась. «Да иди ты...» «Да так всегда. Наша, - грит, - поговорка, местная». Работать с таким коллективом, ничего не скажешь, «весело».) Потому один, с двумя-тремя помощниками.

...Но даже доработался до того, что многие начали обращаться не опускаясь до имени-отчества-фамилии: Мастер. И всё чаще.

Сё льстит древесному самолюбию и дальше гонит к деревянному совершенству. Но всё не то, и иногда нестерпимо хочется вскричать (женский вариант: запричитать): «Да что вы, ей богу! Слепые? Мастер, мастер... Мастер! Да только не тот, что лепит столы и подсвечники. Мастер, да - Мастер, да другой. Тот, что ищет свои Слова. Равные многим, и уже Сказанным. Чему, каким? Вот, например. «Счастье моё, ускакавшее, - здравствуй! Дай, обмою твои копыта...» Или: «...И никто не услышал, как на широкий лист лопуха теряя свою свинцовую тяжесть бухнулись две солёные слезы». Или ещё - «Во-вторых, потому что в нём разыгралась бешеная тоска по России. В-третьих, наконец...» И ещё - как эти, самые для меня аванажные! «...В белом

плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...» Вот - Творения Мастеров моей Колеи. Впору завидовать. Я завидую им. Но только в том и тому, что они занимались своим Делом.

«...В белом плаще с кровавым подбоем...» - теперь тоже ТАК спешу. Но я мастер следующий, а, значит, иной (хотя все мы пашем всё одно и одно поле), и мне можно только оглядываться, нам никогда не поравняться. «...Четырнадцатого числа светлого месяца нисана...»

...А у меня на дворе правил светлый июнь, был июньский вечер, всё обнимало тепло, листва бестрепетно покрывала руки лип, берёз; правда, досаждали комары - да, они были несноснее головной боли Понтия Пилата, но мы не шли в дом, мы не хотели пойти в дом: что там сейчас в четырёх стенах, неинтересно. Вечер был шикарен именно берёзами, липами, елями вокруг тебя. Мы покинули даже удобную веранду и на приволье жгли теперь небольшой костёр. Прервавшись выпивать и закусьвать, искупались и гоняли чай.

Я уже бросил Всё. Да, часто, очень часто я могу бросить всё и как бы быть обычным человеком, и, как другие на отдыхе, ничего не делать, потому что... потому что Включившись, я уже автомат. Это ещё одно, моё странное наградное свойство. Я - Сахар, вбирающий любое амбре, Вода, принимающая все формы, Губка, впитывающая те жидкости, в которые по очереди опускают и где сжимают и разжимают её. Мне нет необходимости что-либо вообще специально делать, как-то вообще, как приходится на любой работе, напрягаться - расслабленно ем, пью, треплюсь, болтаю, болтаюсь, гляжу, слушаю, толстею, худею, пьянею, трезвею... - равно. В мой странный, в мой Дарованный аппарат - компьютерный? голографический? - всё нужное пишется само собой, автоматически. Только следуй Судьбе! Только живи, только внемли. И выемли. Я Червь, улущающий Гумус, и для этого пропускающий через себя «землю», а ещё - разбирающий письма Почтальон.

...После, если требуется, если надо что-то использовать, и для этого достать, записать, мне должно не забыть поставить себе задачу, напряжённо думать о ней день, и вечером, чётко математически и электрически напряжённо, сформулировать конкретно, определив цель. Задать нужные вопросы и спокойно, помолвившись, лечь спать. Утром - либо через утро, два утра - будет готов ответ. Беру Черпак и Разливаю Сваренное по Тарелкам - вся Работа. Дальше, только обыденный Технический (писательский) труд.

...Я подкладывал дров в костёр, приносил и подкладывал: вот работал. Знал, мне не написать этих людей. Аринку - пожалуйста, её - да, это человек Свой. А они - Чужие. (Они всепроникающи, они, как «Чужие», и если их не боюсь я, то это ещё...) Видел: всё равно это не моё. Решал: Отключаться? Я думал: всё равно мне их не пи-

сать, материал рельефен, объёмен - нет слов, хорош. Но не мой, мне не справиться, чего суегиться. Сюда бы Веллера с его тонко-скальпельной язвительностью. Или Зощенко. А, может, «дядю Гиляя». Михал Афанастич? Нн-ет, он бы тоже не взялся: бы-тописать для него простовато.

Но почему - «бытописать»? Что-то не так. Чего-то не понимаю.

Я сообщил, что отлучусь по нужде и ушёл. Вот когда - в одиночестве - меня осенило! Мне пришло в голову, - и всё - мгновенно, - что Миром правит Хаос; Мир - Хаос, и каждый из Нас рисует человеческий мир и Мир вообще по заложенным в него индивидуальным гранкам. Это здорово. Как Трафарет, накладываемый на буквенную белиберду: стройная имеющая смысл индивидуальность. Но есть простое общее, то, до чего мы сообща смогли дотянуться, есть самые простые схемы выделения Понятного человеку Мира из Всеобщего Хаоса: наша математика. Моя любимая МА* математика. А в ней - аксиомы и правила. И вот: для человека земного всегда прекрасна симметрия.

Я понял: ось симметрии для первого тома книги у меня уже была, правая часть - недавно намечена, значит, не доставало левой? Что за ерунда, как я раньше не догадался. От открытия я обалдел и протрезвел совершенно (даже обидно: что, идти «догонять*»??) Но решение уже висело, мне стало понятно: не-от-вя-заться. Что ж, вперёд!

С некоторым опозданием я бросился Набирать. Воля тут не моя, вполне отдаю себе отчёт, срисую коряво, лишь в меру отпущенного в Этой области таланта. Так не судите строго. До настоящих встреч: встреч на Моей Территории, пока!

...«Заговор созрел и упал, как камень». Ах, Филипп Филиппович, и я в который раз вслед за Вами. «Любая баба...» - говорили Вы. О, нет...

О, да, нормальные люди уже давно «падают» только «на деньги», а мы - всё на «шариковых»; которые «поняли суть» и «настроились».

Они для неё - класс! Помните, их привезла одна пациентка. Теперь расскажу о них, уже уверен, они: класс. И, знаете, я не кокетка.

2.

Мы сидели вокруг костра на широких приземистых кряжах, служивших сиденьями - я, слева от меня Люба, справа Валера, напротив, через костёр, через жадно живущее пламя, Арина. Горел костёр, горели дрова, горели глаза, горели на небе звёзды.

Валера уже в десятый раз, наверное, потянулся с хрустом, смаком, удовольствием, - всё с одной фразой: - Н-ну, з-здорово! П-просто з-здорово!... - (Он заикался.)

- Н-ну давай ещё по одной, а? (Валера... Не знаю: надо ли описывать его? Худошав, не благороден, лет ему... сорок. Гражданской супружнице его: двадцать шесть. Они равны в жизненном возрасте: эта налитая соком молодая «рукавица» всё уже испытала.) - ...К-как х-хорошо, н-не н-надо сегодня т-т-трахаться с м-машиной. - И каждый раз после этой виниловой фразы смотрел на меня: что, здесь можно вот так говорить? здесь так говорят? И мне приходилось, преодолевая в себе кислое, изображать разгул: делал широкий жест рукой, да, ё-моё, - мол, какой базар!... После третьей же... можно. Но всё-таки Валера, стесняясь Арину, которая (бывают люди, не занимающие высоких должностей, при этом имеющие в обществе признание, авторитет, большой вес) - которая поёживалась, матерщинился или вульгарно выражался осторожно.

Люба была живой. (Арина чаще всего обращалась к ней: Любана.) После Валериных слов о машине (с которой не надо сегодня заниматься жестокой любовью), Люба изображала из себя недовольную жену, ворчала (через меня, так как в его стору, оттого я оказывался под обстрелом.): - Да так и скажи: ты её больше любишь, чем меня. - Начинался короткий семейный вздор. Валера горячился.

- Л-л-люб! Ну ты чо! О-о-о-на ж-же н-н-нас к-кормит! А н-ну о-о-тмотай д-двести к-к-кэмэ, а! Ч-ч-т-то с-с т-то-о-бой б-будет!?

- Это я отмотай!!!... Я!!!...

От таких слов Любаню аж приподняло. Обнажив ровные крепкие мелкие белые зубы, она (мне так казалось: я весьма впечатлителен, и, по мнению некоторых, всё воспринимаю гипертрофированно - всё) казалось, сейчас почикает на мелкие кусочки (зубастая) всё, что мешает ей порвать на крупные супруга Валеру. Но следом образно я представлял, как Любана в своих донельзя обтягивающих её джинсиках, с вечно стреляющими глазками, выражением сосредоточенности на смазливом личике - с тюками поклажи отматывает эти Валерины «двести кэмэ», и меня чуть в истерику не бросало от дикого восторга. Я влюблялся: по очереди - то в Валеру, то в Любаню!

-...П-п-пятнадцать л-лет м-машине...

- ...Купи новую.

Классически! Как отрезала.

-...В-вот п-подожди, в-встанем где п-посередь леса, з-запр-рыгаешь н-на х... тогда. Х-хорошо - л-лето! А-а зи-им-мой?

- Так, я не поняла: ку-у-да я запрыгаю?! Ай?...

Сальный бабий взгляд метеоритом полетел в... в Валеру. Тот досадливо отмахнулся.

Я начал злиться - не хватало мне здесь деревенских посиделок. Тут Валера заглядывал на меня, вопрошая поддержки, ища мужской солидарности против ба-

бьего непонимания, бабского неповиновенья. В смысле машины я его всегда бы го-
рячо поддержал.

Люба начала кипятиться. (Но то явно была игра, и Арина тут же стремительно
мограла мне: ты слушай, слушай):

- Да ты вообще!... Вернулись, пожрал, намылился. Куда!? Один ответ: в гараж. И
всё в гараж, да в гараж. А я что, должна бегать смотреть: на бабе ты или под маши-
ной! А я? А Ленка? Нет, ему надо под машину. И ушёл. И еб...ся с ней до самой ночи.
А жену приласкать?

- А я, что - н-не прилас-с-киваю, что ли? -

Они пересекались взглядами. Летели искры, - от костра вспыхивало, - отчего-
то всех ужаливало, - они начинали щуриться друг на друга, устанавливалась стис-
нутозубая п-п-половая многозначительность. Побыв в ней, умирились. Я кошун-
ствовал, интерполирую. (И ошибался! Забыв: это не моё Поле.) Один раз я даже
заметил Валере вполголоса: - Валера, ближайшие кусты близко... Да и гостевая
комната свободна... - Ответила Любани (вот ушки!...): - Да ну его на х...-

Как одинокая берёза отчётливо видится в поле со всех сторон, - как Эйфелева
башня в Париже выпячивается в небо, - так это, последнее: настолько ясно, явствен-
но нарисовалось на тишине вечера, на полотне нашего разговора, - среди лип, возду-
ха, нас, звёзд, небес, берёз... Что мы все вчетвером (вот истинное человеческое, всех
каст и классов) дружно заржали.

После разговоров «за жизнь» речь пошла только о работе. (Из чего мы так же
дружно сделали вывод: слава богу, мы все здесь русские, так как только наш чело-
век может на отдыхе за вином говорить о работе.) Началось всё с Любани - её за-
купок, её торговли - о «шмотках», ценах, покупателях, «прибылях», продолжилось
Ариной. Валера глухо закашлялся, Арина тут же участливо спросила, что с ним.
Здоров? Валера оказался здоров. А вот ей за неделю пришлось отправить с приёма
на отделение троих с диагнозом «пневмония».

- ...Удивляюсь я - лето! И идут, и идут с воспалением лёгких, и идут. -

Я тут же вспомнил (как из памяти вылетает?) подобный случай: лет десять назад
одного моего знакомого, начальника отдела дальневосточной ставки, с рабочего ме-
ста (ого! - тьфу ты, совсем огражданился), со службы, из-за служебного стола врач
отправил на «Скорой» в госпиталь. Тоже летом.

- ...Двусторонняя пневмония...

Арина покачала головой : - Это может быть очень серьёзно. -

- В б-баню надо х-ходить, - изрёк Валера.

Насчёт бани все согласились.

-...А б-баня у тебя не топлена? Я бы счас сх-ходил, - помечтал Валера. - Да и п-п-
поговорит-ть...

(Что за многозначительность?)

- А что, давайте? - завелась Любаня. - Мне бы, дак, как раз. У меня поясница, схватило дня два тому. Пропарить бы, да массаж. Массаж нельзя? Заодно посоветоваться, надо...

Я изумился: это она мне. Кивнул на Арину: - Так вот же сидит врач.

- Да не, я о другом, тут нужен не врач.

Я понял...

- По-о-о... Поговорить.

...А массаж - она тут говорила, у тебя руки хорошие. Всё снимает, все проблемы. -

Я посмотрел на Арину. Та сидела, прикусив в досаде на себя губу. Зачем болтала?!... Надо выкручиваться.

- Люб, у меня, ведь, не массаж, другое. Физически, у меня, как растирание. И мне надо, во-первых, очень хорошо знать человека, чтобы реально ему помочь - мне надо чувствовать его. А я тебя в первый раз вижу. Так что, не знаю...

(Знаю я все её Энергии, во Мне с полсотни таких «Любань», не меньше. Зачем ещё одна - Пустое.)

- О, господи, сложности-то какие, - попросту вздохнула Любаня. - Ну баню-то можно? -

Я поднялся. - Сидите, - сказал я. - Баня сегодня топлена уже. Так что, сейчас схожу, затоплю, через час - полтора пар будет. -

Когда вернулся, у костра говорили о торговле, поездках - выездах на торговлю: о Любы с Валерой работе. Арина спросила меня: - Ты не написал?

- Э-э-э... - что?

- То, что просила. -

Я снова ушёл: ходил в дом за рукописью. Она просила меня написать себя. Ей было интересно, её занимало, как я себя вижу.

Принёс уже отпечатанные три листа, и остановился: где сесть? кому читать? И вообще: читать? Не понимал. Весь мой опыт строго предупреждал: никто не из Своих слушать не будет. Первое. Второе: только перенервничаешь. Из Своих здесь была одна Арина.

Компания постановила: читать. Сел к костру, сел рядом с Ариной, сразу подозревая: читать придётся лишь для неё. Начал.

Читая, с головой ухожу в написанную действительность: живу в ней, переживаю чувства, настроения, обстоятельства. Я «ухожу», меня не остаётся. Однако, обширная временная полоса учительства в родословной наградила специфическими способностями - например, одна из них называется: «видеть класс». И если только не участвую в поэтическом чтении, где весь ты - одна звенящая струна, одно горящее в сопле ракеты чувство, вижу «весь класс»; кто чем занят: кто «ко-

вырвет в носу», кто «смотрит в окно», кто вместе со мной «рассматривает реше-ние теоремы» (моя специальность в школе была бы: физика - математика), - а кто, опустив руку с карманным зеркальцем под стул, рассматривает, что под юбочкой у девочки, сидящей за следующей партой. При этом могу «поворачиваться спиной», на время «выходить по просьбе завуча в коридор», «вызывать к доске», «заполнять журнал»... Но ещё: вспоминать и переживать вчерашнюю встречу, подбирать риф-му новому стихотворению, напевать... Так - до десятка, используя разные уровни мышления. Всё равно: «весь класс», как мой собственный организм, в динамике фиксируется в моём мозгу.

... Действительно, отметил: после первых двух абзацев Валера, полулежащий на локте, сделался сонным, Любана начала как-то по-иному ходить вокруг широкого края, служившего нам здесь столом - прибирать, сортировать, - тарелки, закуски, стопки, стаканы...

- Ну и развлечения у вас... - хмыкнула она осуждающе-соболезнующе (я незаметно толкнул Арину: слышала интонацию? Так - врач-венеролог). - Сходили бы лучше, повалялись. Ай стесняетесь? А и чего нас стесняться? Все свои!... Ведь скоко не виделись.-

- Т-точно... Аг-г-га... - подтвердил сквозь сон её благоверный.

Я покраснел. Кажется, до ушей. Арина тоже.

(...Бл-л-л-и-ин-н, я час заикаюсь начну: кАк они Своё слышат!)

Вместо этого строго:

- Люба! Может всё-таки мы дочитаем? Ты - разрешишь?

(Ну да - шиш. Вынудила, ведь, простолЮдина, сорваться.)

- Читай - читай, - покровительственно махнула рукой Любана. - Послушаю, пока прибираюсь. Не вытошнит. О бане не забудь.

- ЛЮБА! - внушительно сказал я. - Позволь мне самому! Ага?... А в бане, в печи - сейчас горят головёшки в пол полена, так что м-минут д-десять у меня есть. Ферштейн?

Вот это Любу по-настоящему заинтересовало. (Кстати, и Арину.)

- Откуда ты знаешь?

На меня уставились её изумлённый и - её недоверчивый воронёный, как писто-летная сталь, глаз: врёшь ты всё, только мы, вороны, всё знаем.

- Я не знаю, я чувствую. - Требовалось пояснить. - Хорошо. Постараюсь. Только это очень длинно и очень нудно, чувства «знают» быстрее.

...Я знаю свои печи, знаю эту печку, и знаю, как она топится, и знаю, какие по-ленья сейчас горят, какой толщины, какие - осина, берёза, ольха, знаю, какая пого-да - то есть, какая тяга в печи, топлена или не топлена печь вчера, первая закладка дров сейчас горит или вторая, и тому подобное, и так далее, мне не высказать сло-

вами всего. По всему по этому я её чувствую. И поднимаюсь помешать или подкинуть тогда, когда надо.

- И никогда не упускаешь??

- Никогда.

Арина поинтересовалась:

- А сколько одновременно?

- Не знаю, как-то было пять.

- А за день?

- В морозы бывало - двенадцать.

- Чего это? - спросила Любана.

- Печей.

...Причём, девять здесь, в мастерских, три за полтора километра отсюда, в домах.

Арина задумалась.

Люба стряхнула с себя оцепенение, заинтриговалась: - Ой, пойду, посмотрю.

Я рассмеялся. - Люб.

- Ай?

- Ты мне положительно нравишься.

- Ну так!... - стрельнула мне на кусты глазками сорока-ворона. Даже мотнула башкой.

- Читай, - попросила Арина, - раз десять минут. Пусть Люба идёт, а Валера поспит.

- Н-ничего - н-ничего... - отозвался Валера и ещё слаще устроился на подвёрнутой руке. Люба ушла.

Всё, что сбивало, отвлекало, делало меня стеснительным, внезапно ушло, улеглось, вдруг создалась иная обстановка - идеальная атмосфера: Арина, сидящая подле меня, простор и воздушность, огонь в окружении лип; даже Люба внесла лепту - Люба появилась, показала нам большой палец, поднятый вверх, махнула рукой в направлении бани и с сигаретой исчезла. Я сказал: - Давай сначала. - На «Эрике», кстати печатал, люблю эту машинку. Моя первая писательская оргтехника, тысяча девятьсот восемьдесят третий год. - И приготовился заново читать.

- Слушай, Арина.

Арина смотрела в костёр, чувствовалась замороженной.

3.

Как описать себя: кто я?

Арина, ты увлеклась: остановись - я не писатель.

Я уже не писатель; когда-то стремился к Этому - стремился, пока не постиг. И

стало скучно, и потребовалось: новых вершин. Не писатель, и уже им не буду. Мне Этого очень Мало.

Как описать себя, кто я? Мастер. Здесь - всё; мне странно к этому что-либо прибавлять.

Язык туманного Альбиона раскрывает бутон Моего слова не так сухо, напряжённо и схематично, как нашего языка толковые словари; так, там я - должный, при этом: хозяин, учитель, магистр, большой художник. Прибавив к этому соцветию - руководитель отдельного производства, высококвалифицированный работник - из современного всё ещё советского ледящего русского, начинаешь с улыбкой себя признавать. Но то что-то общее, - но в этом много лишь общего.

Но раз она просила, - как еси туманно, неиндивидуально, просила писать не только свой портрет, а свой портрет на гранях всеобщего, - если хочется ощутить что-то осязаемое, материальное, конечно, могу - и это даже самому интересно - поискать способ рисовки типического и индивидуального портрета, как встарь. Можно попробовать также рисунки - фас, профиль, фигуру по пояс, в полный рост, формы её в движении.

...Поразительно - мне стало самому уже интересно! Загорелся! Что ж, не трогая его конкретных дел, попробую разогреть, расковать, поработать на обозрение, поработаю на распев со слитком-словом.

Мастер...

При ковке металл поёт.

М-ас-тер-р...

И вот первое: пусть смысл его, всем известный, будет глазами, которыми этот человек смотрит на мир. Мастер - это Глаза. Через них взгляд на мир; и обратное отражение чрез них во мне; вот в центре чистого белого листа, на котором мы собрались рисовать, самое первое, самое главное.

Далее, вокруг, как и положено - влево-право, вниз-верх - простой славянской словесной вязью строим лицо. Курносый архангельский нос с характерной вологодской горбинкой, обычно чуть впалые щёки, - бритые, - меж тем, как окраины их, повышаясь к великоватым (о, предмет вечных насмешек сверстников в детстве) ушам, пушатся рыжей бородкой - светлой, короткостриженной. При каштановый волосах головы она, одежда низа лица, именно жёлтая, рыжая - откуда она, из какой тьмы веков? Теперь неизвестно, загадка, не понять, когда русичи ходят гурьбой по всему роду, как говорится, до седьмого колена. А вот ниже... Может, суровые норвежские шкиперы занесли мне её, приплывая по северным морям за пенькой в родовой моих женских линий Архангельск, а может, пригнали с юга крикливые волжские татары, набегая на Вологду. Но есть и ещё дарданеллы. По моей личной версии, которой в родне никто не разделяет, фамилия наша, моя, есть обрывок более длинной: горской. Какой-то неуступчивый маленький князь был вырван из своих сопок - вершин, гор,

кишлаков - и сослан; куда, если не в Сибирь? В «вологду». Ещё никто не смог мне объяснить, почему моего пра-пра-пра- звали Аркадий, почему прадеда, с его носом и взглядом, коль кинуть на плечи бурку, да дать коня, никем, кроме джигита не назовёшь! Почему тётку мою, внучку его брата, грузины всегда признают за свою. И почему я, пока годы не остудили, любил «махать шашкой», был бесстрашен и горяч, как огонь, обожал, и обожаю не водку - виноградное вино, жить не могу без острых приправ, без черемши к мясу - откуда всё?

Но вернусь. Бородка, сглаживая скулы, окаймляет всё лицо. Прикрывает чувственность - губы. Обредя всё, вкупе с щеками вытягивает лицо, намекает на его продолговатость, а в соединении с густой, толстого шёлка шевелюрой, в которую так приятно запустить пальцы, - часто излишне пышной на зависть другому полу, - вдруг явит его вытянутым, в серьёзности, печали схожим с теми иконописными лицами, что в мягкой суровости, скорбно напоминающей нам об ответственности за жизнь, взирают со стен церквей.

Отступив от меня далее, можно увидеть фигуру человека среднего роста, худощавого, - средней худобы, - когда без рубашки, видно, что жилистого, без выступающей рельефной мускулатуры. Также, без малейших намёков на жирок, обрюзглость и живогик при почти пятидесяти годах. Вот человек.

Сравнение с обликом служителей Бога и церкви, - и прикованными к крестам, - было бы подходящим физически и аллегорически уместным, ибо человеке сей имеет крест на теле и сам несёт (свой) крест, но да он таков, что никогда не обручится с священнической одеждой, так как при всей своей богоустроенности, богоустремлённости, богобоязненности (вот не боюсь перегрузить Слово Этим словом), обожает всю жизнь, данную Богом человеку на Земле, це-ли-ком. Не превознося и не обрубая никакие её отдельные части.

В его движениях - и характере - Вы увидите фигуру подвижную, гибкую. Характер от тяжёлого до невесомо-лёгкого, нрав - от холодности до азарта. Вы также обнаружите натуру деятельную, трудолюбивую, склонную бежать; при усталости мечтающую о нескончаемом отдыхе - на диванчике, вытянув ноги, в халате, с сигареткой, перед телевизором, с чашечкой кофе, ах... Но склонную скорее в удовольствие посозерцать свою обломовскую лень, как над ребёночком пососююкать над нею, чем с удовольствием обниматься и целоваться (с ней). Нет, тут обниматься и... любят с иным.

С внутренней сущностью этого человека всего прямее стыкуется слово «кураж»; конечно, если вчистую убрать из него злые тона.

Его походка обычно упруго-свободна, обычно он куда-то спешит, редко не торопится. Его осанку, как и умения повиноваться и повелевать, когда-то десять лет равняли в армии.

В движении совместном с попутчиком хоть чем-то себе подобным он не будет загонять; либо наоборот прицепляться и обременять, виснуть; и если только не исполняет своих дел, легко подберёт ногу, подстроит шаг; так как всё-таки, характер его - воздух.

Он прозрачен, он лёгок в общении; с ним - дышать. Он как вода для питья. И также как вода, принимает и обтекает любые предметы и формы. При этом, также как воду, совершенно неумно, бесполезно пытаться его сжимать или давить.

Сила горного ветра чувствуется в его лёгких прикосновениях. Любовь к жизни сквозит в этом человеческом здании изо всех щелей.

Любовь - вообще что-то стержневое. Созидательность - главное. Полное неприятие зла во всех того испещрённо-изменчивых формах: третья основная черта. Далее, конструктивность, обязательность, чистота. И её много.

Его мир, во-первых: мир. Напрасно искушать его на отдачливое коварство. При своём неважном зрении подобные вещи - земное пижонство - он чувствует энергетически, издали.

...Впрочем, без очков, если автоинспектор не заглянет в права, обходится и за рулём на дороге.

Так вот, - Дорога (тут надо читать: жизнь). Что для него жизнь. Жизнь, это всегда пути-дороги. Что нам требуется в долгом, трудном пути?

И друг, и подруга... И крепкий утренний чай, - а желательно, разный, разнообразный, то робкий, то смелый, потому что утреннее настроение разное; то желается резкой бьющей терпкости чёрной заварки красного крупнолистового «Ахмада», то достаточно лёгкого жёлтого, - сегодня с привкусом мяты, завтра - жасмина, через два дня, может быть, прибавится яблоневый цвет или захочется заглушить «листья Индии» родным черёмуховым листом; после, завтрак и - чем бог послал, обед; и просторный, крепкий стенами дом (а не только: ночлег) - дом с уютными уголками, тёплой постелью, баней и после- и - от: от, после пыли, жары, мороза; а будут приятные встречи - застолье! непременно застолье, а где застолье, там стол, - круглый, овальный, большой, - за которым всё льётся рекой - и гостеприимство, и хлебосольство, - и речи, и тосты, - вино, истории, байки, - где речи и слова изысканны, как царские блюда и к месту мгновением крепки, как красный кайенский перец; как жгучий красный, либо яблоковидный жёлтый, что манит отведать, вкусить - отливающим солнцеподобным боком, да вмиг впивается в губы, бросая в жар, как жар стыда, но как обойтись без него!? но как без крепкого словца обойтись, да оно же не пища в речах - приправа, закуска, никто не станет питаться одними закусками - нет-нет, терпкий вкус грузинского красного, равно, как и глоток водки, заедаются и расцветиваются чуть посолёной нежной красной рыбой, кому - ветчиной; и стол богат свежим хлебом - вот еда! - вот, - а жёлтый осенний цвет и рябиновый, к горькому, привкус домашнего ягодного вина, допол-

няется какой-нибудь шоколадной изюминой. Но - полно, неразумно увлекаться в еде и питье: пище, блюдам сердца, души - вот чему пусть не будет свержений!

Как при описании лица физического мы не забыли о чувственном - губы, так и лицо душевное этого подтянутого человека имеет канал своего выраженья, отождествленья, свою материализованную суть. (Тише. Здесь форте лишь украшение: здесь всюду пиано!) То музыка. О, музыка! - исчезни она, что остаётся!? Бог мой... Где же в ней бог: бедная беззвучная нервная плоть. Ни губ, ни рук, ни жестов у ней - всё чувствует, но чем о себе сказать может? Но музыка: вот этой именно души выраженье. Гитара у ней для компании и визави, баян - для рвений и выплёскивания - равно: удали и тоски русской, скрипка для пронзаний, мандолина для романсов, пианино на каждый день, и для вечера при свечах, и пения на два голоса вдвоём. Да-да, мир воспринимается и выражается им именно так: душой, через слово, чрез музыку. В них мир звучит своей сутью.

Мир - творение. Во всём через труд: гармония, музыка. Сердце - любовь. Им дни и часы.

Им Дни и Часы, материальному - остаток: Минуты. И их часто жаль, но да и они Здесь жизнь. И он, человек, не забывает о них никогда, ни на минуту. Да-да, ибо в мире земном кесарю - кесарево; и те самые попеу человек упорно зарабатывает, считает, не тратит так просто.

Они зарабатываются самым трудным способом: руками. Их приходится уважать, нет различия: один рубль в руках или их десять тысяч.

Пожалуй, хватит о себе от третьего лица, пора на «ты». На «ты» и о своём деле.

Пожалуй, я поступил тут изысканно просто: надо служить своему делу, надо делать его, а каков в нём мой талант, сколько сил вкладываю в него, как его оценивают люди, такова будет и денежная отдача. Решившись однажды, махнул рукой на борьбу за дензнаки и преспокойно поступаю, как думаю. Главное, найти свой главный талант.

Как в густом тумане скрыты очертания предметов, - и изогнутый зимой куст можно принять за коня, - так и человек при рождении не знает: кто он, в чём, каков его талант. Я брался за всё, что приходило по судьбе в руки. Выкристаллизовалось: талант мой во всём, что живое. Во всём, что от живой природы, энергетической природы и что подвержено душе, сердцу, рукам. Хлеб, вино, дерево, музыка, печи, земля.....слово. Через двадцать лет борьбы с собой за себя выбрались Первые: дерево, слово. Что впереди? Невозможно сказать: мне ближе литература, люди считают, нельзя бросать дерево.

Из дерева могу создать всё. Всё: от солонки до дома. В последние годы суживаю и суживаю поле: хочется закрепить найденное - приёмы, формы, оставить после себя именно своё.

Из тканей словесных сейчас... Скажем так: могу пока некоторое, не всё; полёт, искусство, начатое в юности, продолжаются. (Пока «горизонтальный полёт».)

Интрига - ведь правда? - что «ноги» оказалось две; две ноги для ходьбы, для полёта два крыла.

Смутно ощущаю (даже меньше того: предощущаю), - и (опять отступлюсь: даже содрогаюсь от собственной наглости и нахальства) - боюсь, кажется, где-то внутри, на уровне, недоступном собственному сознанию, я (кто?) поставил себе задачу: от мастера - в МАСТЕР.

Кто ОН? Как себя описать.

4.

...Хорошо, - после окончания негромко произнесла Арина. - Хорошо.

...Как-то неожиданно! Я думала, будет совсем по-другому.

...Неожиданно.

...Дай, пожалуйста, перечитать. Я быстро. -

И попросила: - Напиши меня, - попросила, уже углубляясь в чтение.

Я потёр лоб: тоже неожиданно.

- Ну что тебе сказать...

...А и не говори ничего. Просто напиши, ладно? -

Я скосил глаза: она с вниманием читала.

...И меня! - вскинулась Любана.

О, боже, откуда взялась.

- Н-ну тогда и м-меня... - прибавил Валера.

У меня полезли на лоб глаза. Арина всё слышала, подумал я, мы сейчас расхохочемся, ведь, право... Но она только подняла глаза, пожала плечами, сказала мимикой - мол, что ж, конечно, конечно, надо. Я зачесал затылок: да... Даже не знаю, как теперь себя и вести.

- ...Ладно... А детей ваших? А собак? Тоже писать? -

Люба кажется решила не отвечать. Валера выкинул простачковое: - Н-ну!... -Мол, как уж хочешь, тебе видней. Арина подняла на меня глаза, укоризненно поджала губы: ну зачем ты так, ну хватит... Пустилась в чтение, вдруг улыбнулась и снова подняла глаза: подняла взгляд на меня. Какое-то безотчётное её движение - плечиком, кистью тонкой руки сказала мне: вспоминает. Действительно: в самое ухо мне прозвучало негромкое:

-«...Кто высок, тому не надо различать - что в людях: ложь.

На земле ему отрада

Уж и та, что вот, живёшь».* Вчера прочла, понравилось. -

Я закрыл глаза (мурашки по коже). Поклонился: спасибо, Арина.

Перешёл на своё место - напротив неё, через костёр - закурил. Этот маленький

* - из стихотворения Ф.Сологуба

инцидент - смешной, он не в счёт. Закурил от того, что у меня всегда обостряются нервы, их чувствительность, когда прочитаю вслух, особенно написанное своё.

Нервы освежаются, счищается усталость, налёт. Как медная вещь, они начинают сверкать, переливаться, в них всё отражается. Они готовы к работе, к труду, они - мой рабочий инструмент. Сейчас есть пластмассовые карандаши с тонюсеньким грифелем: исписываешь его, нажатием кнопочки можешь тут же удлинить. Это не то, оттачивание карандаша чертёжником на мелкой шлифовальной, наждачной бумаге - вот что такое чтение мной ими же написанного для моих нервов.

- ...Что тебя интересует, как мастера.

Я не понял. Оглянулся - никого.

- Это ты? Спросила. Арина!

- Да, это я. Так что? Мастер, что интересует тебя? Какова твоя Тема? Тема твоего Мастерства. Ответ не задумываясь.

Как важна была мне эта женщина, принимающая меня.

Она спросила о том, что я должен был обязательно в этот момент своей жизни понять! И о чём нисколько не думал.

Я подчинился не размышляя.

- Даже не задумаясь: жизнь. Жизнь, всё, что является жизнью, и всё, что движет жизнью. Но! Только то, что выше «нуля». Я наследую Грина.

- Угу...

Я смотрел на Арину, совершенно ушедшую в мои листы, в себя, - мгновенно вспоминал, как перелистывал, всё, что было связано с ней, что было до этого между нами.

5.

Кипел, переливался - год двухтысячный. Всё складывалось так - не так, так - не так... Как? Как в закипевшем молоке с манной крупой - которые надо непрерывно помешивать, чтобы получить съедобную кашу; иначе выйдет комом. А ещё меня не покидало ощущение, что временами выбираясь на твёрдое, большую часть я пеленюсь в мартовском отпотевшем снегу, проваливающимся даже под птицей.

Как раз в марте-апреле я корчился в финансовых муках: издатель запросил ещё тысячу. После ещё одну.

После второй мои нервы сдали, после третьей окаменели; и таким образом восстановились (можно жить). Нужно жить! Вот-вот грянет необычайное - моя первая книга! Самая первая моя книга! Ради неё - на всё.

...«Знаете, - с солидностью выговор, мои имя-отчество, - э - э - э... для выхода книги требуется ещё тысяча». Я рассмеялся...

Собственно, это был плач. Заказы по дереву в преддверии лета истощились, как изнемогший от жары ручей; в отсутствие денег запасы лука, картошки, консервов и макарон - и отсутствие семьи - начали играть свою положительную роль. Вбежав на финишную прямую, я пробивней танка - от последней полученной подножки уже не споткнулся, а сделал кульбит. Насобирал под слово у родственников и друзей, встал на ноги, рванулся к финишу. «Принцесса Анна» вышла.

Ослепительные семидневные каникулы в собственном рио-де-жанейро, когда я сидя, стоя, лёжа - только что не на голове - упивался рисунками, текстом, смыслом, шрифтом, воспоминанием переживаний при работе - и скоро предстоящим читательским успехом, и каждый день взбирался к вершине успеха всё выше и выше, были спущены с лестницы холодным поцелуем тумака: сосредоточившись, - и запыхавшись, - на преодолении последней прямой, я как-то не догадался, что за финишем бывают ямы. Вот странность: беговую дорожку далее соревнований никто не благоустраивает - к моему (вначале просто удивлению) книгу никто не стал читать. Её попросту не поняли, и для автора это самый большой удар. Деньги, занятые под книгу, надо отдавать. Чёрт с ним, не впервой выживать, но если нет ничего, то хотя бы было последнее. Но нет, опять один и - чем жить, если не любить. И вообще: зачем жить.

Я глухо затворился в мастерской, скоксовался, угрюмо вынужденно вкалывал - производил на свет тот ширпотреб, который меня ещё больше гнетёт и совершенно не интересует, но который приносит деньги; отпустил бородищу и гневился на мир. Май, конец - июль, середина.

Прикатил племянник; следом «подвода» (то ли «опель», то ли «шкода») с его женой - ах, мы на грани развода... ах, какая здесь прекрасная погода... А я здесь при чём? Ну ты же... Всё можешь. Р-р-р-р...

Каждого по одиночке напоил, обласкал, накричал, нагрузил. Недельку сновали - в доме врио хозяйки, врио подмастерье в мастерской. Под конец устроили общую отвальную, уехали обнявшись. Оставили тысячу - вспомошествовали («У нас их много...»). Много ли надо мастеру: востребованность и деньги на жизнь. Они меня... Оттаял.

Двадцать девятого июля день рождения у одного из моих «Львов»: традиционные посиделки с видом на Сухону в городе Соколе на балконе. Татьяна Орлова и Александр Хазов - наша областная певческая пара, серебряное звучание Сашиной гитары

и молдавский шорох красного вина в голове. Мне кажется, «Львы» зажигают меня. Мне кажется, с этого - этих дней конца июля, когда я случайно был совершенно необходим этим моим людям, - я снова начал «подниматься».

В сентябре из меня снова «полезло», много писал, октябрь - вообще пик, словно осень наркотический всплеск, буйство дарований. Дорога была по-прежнему одинока, да снова светла и легка.

6.

И к тому энергическому дню первой декады декабря славный ажур вовсю развевал стяг моей жизни.

Один из замов нашего мэра вытащил меня с «чадами», заставил примчаться на районный Праздник труда: «Надо, надо, - пусть все видят, что у нас есть, какие достижения, что мы и в этой области несомненно многого достигли». (Меня всегда восхищало умение настоящего чиновника использовать чужие достижения, как заслуги служебные свои. Я его люблю.) Поехал.

В Доме культуры с раннего утра суета. В фойе второго этажа мне отвели прекрасный угол, помогли расставить изделия. Рядом разместились ребята с дегустацией вин комбината «Акора Крикова». Они в восторге от моих изделий, вин и хлебных блюд, я - от их вин. Царственно жить, когда в наличии напитки и закуски, ласковое жмуренье, будто жужжание твоих придворных, подходящей публики. Полное наслаждение жизнью.

Какой-то паренёк из артистов, увлечённый деревом, взялся мне помогать и после двухчасовых разъяснений и демонстраций я оставил свой угловой пост, отправился по другим выставкам. Ага, хлебокомбинат - ну-ка рукодельную булочку. Оу - потянет, моим хлебцам до этих ещё тянуться. А вот «Заготпромторг». Славные, славные колбаски - у вас много? Я потом подойду, взять с собой. А это ДОК - что тут у вас? Х-хы... Вам, ребята, до моих изделий ещё...два марафона бежать. (Почему бы и мне не погордиться.) Остановился у картин Николая Кудряшова. Природа, природа, природа. Без чёрных квадратов и дали-загогулин, с омутами, церквушками, речками - прелесть. Осень, весна, лето; деревья, луга, ручьи. Надо будет заказать Коле картину в дом. Задержался - мы редко видимся, нашёлся стул - присел.

Закончилась ещё часть праздника. Из распахнувшихся дверей зала потёк густой поток мимо нас. Я дёрнулся было «к себе» - поздно, отрезали, не пробьюсь. Махнул рукой - а-а... справится «артист».

-...А вот и наш известный художник (имя, фамилия). А с ним наш известный писатель Доктор ХАС. Здравствуйте. -

До чего же моим знакомым нравится при редких встречах выговорить это жутко вкусное экзотическое: Доктор ХАС. Наверное, это звучит для них, как: а сегодня на десерт у нас ананас, и немалый, а у вас? А после, у нас, торт с кофе и мороженое: класс!

Та-ак, кто тут ревет мне в ухо?

- О-о! Слава! Привет!

Мы с Николаем оба с ним знакомы.

-...А это моя жена.

С ней - нет. Под левую руку его держала женщина. Длинные (очевидно) волосы, уложенные короной - причёска, очки, брючный костюм. Пропорции во всём. Сама элегантность.

- Арина.

Вячеслав ещё раз, теперь как бы официально, всех нас друг другу представил.

- Очень приятно, - раздельно и как-то чересчур строго, в тоже время, расплывчато, уделяя одинаково внимания нам с Николаем, его берёзкам и в целом картинам, словам мужа, его руке, опустившейся от её руки для того, чтобы достать носовой платок, проходящей мимо, и задевшей их с мужем плечами, паре, первым аккордам музыки из громкоговорителей, покрикиваниям «А вот пирожки! Горячие! Чай-кофе у нас! Подходите, кто зрячие!» - Очень приятно, - произнесла жена.

«Спит, что ли?» В её руках глянцево-бумажка и я потянулся разглядывать. «Грамота. Лучш...»

- Слава, - решил пошутить, - что, - кивок в зал, - у нас теперь грамоты за... «Лучшая жена района» дают? - Арина отвлеклась от общения со всем миром, мы вчетвером все посмеялись.

- Раньше, в старину, «жена» по-русски звучало, как: женщина, - негромко уронил Коля.

- Да, жена у меня - лучшая! - не услышав, что он сказал, Вячеслав не без гордости приобнял жену.

- ...Вы, - её пальчик вдруг обозначил мою сторону, - Доктор ХАС?

Я догадался, до этого она сводила всё вместе - мой вид, одежду, пацанские манеры, балаганные реплики в сторону знакомых, пронизательный взгляд - и соображала. Пришлось вздохнуть. Я привёз свою армаду в грузовике, и не мог, конечно, быть одетым для бала, и с иголки - в российской машине для водителя всегда найдутся масляные пятна; не терплю тюремный язык, но вот тут: точно «западло». Кроме того, я вообще забыл, что такое костюм и галстук; поэтому: полурабочая одежда, к ней львиная нестриженность, к ним, остаток летней скуксенности, завершение портрета - вызывающая на соревнования лопата, борода.

- О, да... Я Вас понимаю... - Постаравшись приятно, но именно ослабиться, как это и подобает по виду мужику, придав утомлённую аристократическую баритональность голосу (машинальная вставка: проверка на чуткость и распознавание), ответил я. - Уж так вот, вышло. Некоторый, знаете, период... Да так-то, я всегда такой. -

Какой? Она покачала головой, оценивая меня с ног до головы теперь ещё раз.

«Самостоятельна. Изумрудна». А что я - на левой кисти горит свежая ссадина, кожа пальцев левой руки черна (отмоется только за неделю: сажа, печь ремонтировал), чернота под ногтями (в дороге заглох двигатель, искал поломку, нашёл: фильтр грубой очистки топлива забило - догадайся, почему бензин не идёт), очередной палец на левой руке забинтован, как связан. И я покачал головой.

Это потом, через год мой новый искренний друг российская и вологодская поэтесса, наш мэтр из уходящей плеяды «Фёдор Абрамов - Александр Яшин - Виктор Астафьев - Даниил Гранин...» Ольга Фокина в восторге будет кричать сыну (я демонстрировал ей новые рисунки для второго издания книги): «Саша! Саша! Иди, посмотри, какие руки у писателя!» А сейчас, а до того их увидела точно так только Арина. Ещё не поняв этого, я начал:

- Ну-у, борода, это, наверное что-то марксовое, признак принадлежности к когорте выдающихся мыслителей современности... А, может, и что-то вечное... - Я намерен был философски язвить, как - вдруг! неожиданно! сразу - заметил: да она же мне симпатизирует. И, машинально начав переключаться на неё, «поплыл» в её сторону.

- ...Я читала Вашу книгу. Я прочитала её за одну ночь.

Она произнесла это, и мы остались вдвоём, только вдвоём, никого больше, мы вдвоём; хотя - она, держащаяся под руку мужа, я, стоящий возле стула, Колиных картин, самого Коли. Мы...

Мы.

...Картины, столы, люди, Коля, Слава - всё растеклось впереди, позади, сбоку, вокруг нас; мы выпали в тот объём, то засекреченное, зашифрованное, со своим языком, культурой, прошлым, настоящим и будущим пространство, которое называлось: Арина и я, я - Арина.

...Это потом - потом, через год после, наша любимая Ольга Санна отчётливо произнесёт мне: «Я читала Вашу книгу. Вы знаете, я прочитала её за одну ночь. Это теперь для меня такая редкость...»* - от чего я буду сражён, развеян, и вновь соткан из елея и воздушных шаров (такая оценка из уст большого человека и большого писателя - о! драгоценность). О, первой это произнесла, первой меня так расцеловала: Арина.

...Я увидел, она смотрит прямо мне в глаза, и её, - а её глаза, только что расплывчатого, сумбурного внимания всему, отрешённые, застеклённые, как веранда, либо балкон первого этажа, дымчатой оправы стеклом очков, - глаза теперь: ясны, мягки, требовательны, восхищённы.

- ...Я потом ещё раз, через несколько дней - читала. Уже так: открывала на любом месте, вспоминала понравившееся, и читала. Или, вспоминала слово, фразу, вспоминала, к чему они, находила и чла. -

* «Ольга Санна» - имеется ввиду Ольга Фокина, поэтесса поколения В.Астафьев, Ф.Абрамов, Н.Рубцов и др.

(Бог мой, (бог «Принцессы Анны», Ты помнишь меня?) бог мой, - только я в этом фойе мог также сказать.)

-...Невероятно. Я понимаю, что этого не было, но иногда мне навязчиво... Как наваждение, казалось, что Вы нас («Это она про женщин») подслушивали. И вообще, - ничего подобного никогда в жизни не читала. -

(Никаких восклицаний: точка. Смешно, что те же - абсолютно те же самые слова уже десятки раз дарили мне в точности иной смысл: ерунда какая, в жизни подобного не читали. А тут...)

Я потерялся; я растерялся! Вероятно, - вероятнее всего, я стоял перед ней - ладной, стройной, модно, даже с шиком одетой - мешковатый, в старых джинсах, переминающийся, от растерянности и удовольствия - глуповатый, бородатый, мычащий, - одним словом, растяпа смешной. А она говорила. Нет: говорила она. (И мои нервы.)

Наконец, кроме мелких флажков, направляющих лису разговора, я догадался махнуть большим, вторым или третьим по значимости для меня: - Где? Арина, - а где Вы взяли мою книгу? Кто-то дал. Кто порекомендовал? - Даже подсказывая ей ответ, таким образом я надеялся вычислить, приплюсовать (корыстный, корыстный...) ещё одну читательскую единичку к тому десятку моих добрых читателей, которых уже стоила одна она. Её ответ раздробил меня и зашвырнул вверх; в такой верх, что планируя оттуда в полёте, можно было присоединять руку к ноге, голову к попе, - вдоволь наэкспериментировавшись, успеть вернуться, встать на ноги на землю в собранном, как следует, виде. - ...В библиотеке... - В библиотеке??! - В библиотеке, - пожав плечиками (которые я уже любил) мне, блаженно улыбающемуся зелёно семафорящим милосердным небесам, отвечала она. («Нихт шиссен!») - я и без этого искреннего недоумения пожатием её плеч уже убит. Размазало, расплющило, сразило наповал.) -...Я искала что-то новенькое, я искала что-либо почитать. Спросила местных авторов. («О, негодное, вот дрянное словечко! А может - правильное?») Мне предложили, это было ужасно. Как если бы студент второго курса сел на место врача в поликлинике. Ну, и уровень: не тот уровень. Тут ещё отыскивали книжицу. («Бог мой, ты заметил? Снова моё».) Принесли, и с какой-то хитрой, я бы сказала, улыбкой. (Тут я глубоко, отдувно вздохнул.) Я бы сказала, даже - сардонической. («Бог мой, - что она различает».) Я открыла наугад, вначале, помню, ничего не поняла. (Я нахмурился, она помахала свободной рукой, помогая себе, поясняя.) Не могла совместить реальность и книгу. Наши так не пишут. Это во-первых. Но автор, судя по фотографии («Это рисунок!» - вставил я.) - ах, рисунок! О-о-о!... Но, как фото! Но автор - наш, в смысле: нашего времени. Во-вторых, она («Книга, поясняя») будто упала откуда - выпала из другого мира. И у меня всё двоилось в глазах. Но потом, - она только один раз ещё пожала плечиком, - всё!... Всё встало на свои места мне. -

Она мечтательно откинулась (я «обнял» её стан, «прислонил» голову к своему плечу). - «...Тихо, прозрачно вскрикнет тонкий хрусталь, - кремний, расплавленный в огне...» - Мы увлечённо заговорили о книге. Это длилось с минуту. Далее, я умолк, как затихает огонь, не в силах справиться со свалившейся в него огромной топливной массой. Далее говорила одна она только.

- ...Книга не читается умом, она не для этого. Умом её не понять - нет! Не воспринять, не понять, и не оценить. Она читается чувствами - чувствами!... Она действует на ощущения, воспринимается сердцем.

Она странная, эта книга. Я попросила прочитать её одну свою подругу, литератора, а потом другую - математика. И потом мы сидели, как две подруги в «Принцессе Анне», на кухне, только втроём, и говорили не о мужчинах, потому что все замужние, а о книге. У меня было и своё уже мнение, но мне очень понравилось, что говорили мои девчонки, поэтому теперь моё мнение перемешалось с их.

В книге практически нет сюжета. И практически не происходит действия. Нет завязки, центральной части, развязки... Эта странная книга полна литературных нарушений. Но они в ней уместны. Хм-м, а?... Нет сюжета, нет интриги, и, одновременно - читаешь, и оторваться нельзя. И всё подогнано, как... Как монолит, в котором блоки - камни, эти главки, подогнаны с мастерством древних.

А ещё есть два предисловия и послесловие, и они тоже: как главы книги, как звенья единой цепи. Книга напоминает ещё вот что: часовой механизм, где все колёсики продуманы, и все сцеплены друг с другом, и все вращают друг друга - исполнены с филигранной точностью, где от одного толчка всё самостоятельно движется. Да движется только при полном сборе: ни одного колёсика невозможно изъять. Наша профессорша, так мы в шутку зовём Надю, но она не профессор - доцент кафедры, и ведёт, кроме основного курса, небольшой предмет: старославянский язык, муж у неё скоро будет доктором, - «наша профессорша» хотела выбрать что-нибудь для демонстрации, и не могла. При всём желании ничего отдельно не взять: монолит.

А вот другое, второе. При первом же чтении, даже при беглом просмотре возникает вопрос: кто автор! Вопрос возникает именно такой: со знаком восклицания: КТО - автор! Владеющий пером музыкант? Прозаик? Поэт? Однако, кажется, он математик. Но нет - он философ: серьёзный философ, решивший - как бы это назвать? - поиграть, перевести на художественный язык свою науку.

А когда читаешь книгу, начинает думаться - он пришёл в литературу из медицины - такие вот «Записки юного врача», только не юного, и не хирурга, он: психолог, психоаналитик, психотерапевт.

А ещё вопрос «кто автор» возникает потому, что явно он не от мира сего. Но не в плохом смысле - не от мира сего, а оттого что не обитает в реалиях мира сего, НАШЕГО мира. Наши писатели - ТАК не пишут. И наши люди не думают ТАК.

...Но он точно из медицины: пришёл прямо из операционной, с хирургии. Шучу. Почему? Так писать, так поступать нельзя: нельзя живого человека, как это делается в книге, резать, разделять на составляющие, - на кусочки, на вены, на жилы, на молекулы, потом на атомы... Да ещё без наркоза. Говорю, без наркоза, потому что автор не то что не стремится обезболить впечатление хотя бы с помощью языковых средств, так нет, с их помощью болевые ощущения он усиливает! Усиливает, и разглядывает их под увеличительным стеклом. И даёт посмотреть всем. ЭТО БОЛЬНО.

...Хотя, думается потом, после настоящего чтения, ВСЕ как раз ничего не разглядят. Эту книгу... Смысловый язык книги таков, что первый слой, язык аллегорий - княжна, барон, маркизы, княжич... - этот первый слой прозрачен для всех. Ну - наверное для всех. А вот второй слой - второй, как пришлось убедиться, удаётся вскрыть - да что там вскрыть: хотя бы просто обнаружить, что он существует! - не всем, далеко не всем: он на виду, и его нет. Эта многослойность, как защита от постороннего. -

Сколько раз в своей жизни я жалел: по-настоящему художественная литература интересна лишь её создателям, да профессиональным критикам. Не ручаюсь даже за преподавателей литературы, как не поручусь за добровольное служение вере всеми священниками. Кружок вокруг тебя пустеет, компания, особенно мужская, начинает скучать и растаивать, либо начинает переставлять состав на другие рельсы, буд-то моя колея невозможна, всякий раз, когда заводишь разговор всерьёз о литературе. Все перестают слышать. И вот наступил тот единственный раз, когда я слушал и без ума радовался тому, что наш разговор ни-ко-му не интересен. Кругом находились люди, и мы с этой женщиной были вдвоём одни. Как в пустыне. И она, как по писаному (что почти всегда значит: прочувствовано, пережито, затрагивает до глубины души, продумано множество раз) - говорила.

- ...Язык. Во-первых, по форме. Это и не стихи, и не проза, хотя, конечно, относить произведение нужно к прозе. По форме это свободный, имеющий свои собственные законы, свои правила изложения - подумать только: свои! Уму непостижимо! - сказ. И речь - русского сказителя. Современного сказителя.

По тону своему язык совершенно странен: иногда хочется назвать его вспыльчивый. Бывает щемящий, рассудительный, бывает - повествующий, зло-саркастичный, восхваляющий, а ещё: почти поющий... Мы решили подшутить над автором, который назвал себя «доктор», и применили к нему самому термин медицины: язык книги имеет персистирующий вкус. Это лучше, точнее определяет его, чем «переменный».

Выбор героя... -

Однажды у Монтеня я наткнулся на вскользь брошенные слова (о, нет, позабыл, возможно то было целое рассуждение) о том, что... Что заставило меня вымолвить

(из словарного запаса Элочки-людоедки): опупеть! В переводе на обиходный русский это звучит и значит: вот это да... Монтень, после нелёгкого философского размышления рассказывал о том, как женщины, его читательницы, заинтересованно обсуждают между собой, а потом с ним, и подолгу, самые трудные, самые философски запутанные главы его изложения, и вообще любые в его книге (считающейся теперь у нас, через пятьсот лет, почти научной философской) места. Ведут с ним учёные беседы, будто не являются обычными француженками (но конечно, общество званых ужинов и обедов Мишеля де Монтеня состояло исключительно из дворян), и их обыденная жизнь была заполнена интересами «света». Прошло полтысячи лет...

- ... Так вот, выбор героя, то есть, героини, так и кажется, был автору кем-то (чем-то?) задан. У него даже вырывается произвольное - но то очень интересный возглас, он интригует - произвольное сожаление: «Эх, жаль не тот предмет, негде развернуться». Гм-м, гм-м, нетрудно представить, какой монумент возвёл бы автор, имеющий в своём распоряжении, у себя - в себе! - ТАКИЕ СРЕДСТВА исполнения, настоящему герою, действительному, подлинному. Но «предмет не тот» и автор не воспекает, а лишь анализирует части целого. То раскладывает перед нами, то собирает, то раскладывает, то собирает - пишет, как сам назвал, литературный анамнез, историю болезни.

Может показаться: а стоило тратить столько сил на столь никчёмный предмет, как женщина, которая не может найти себе мужа? Не может найти себе мужа, потому что не может найти всех нужных ей качеств, достоинств в одном мужчине. Это ли герой нашего времени? И вот что вспоминается: разве самый блистательный роман нашего самого блистательного писателя и поэта раскрывает историю, описывает поступки, показывает внутренний мир полезного обществу человека? Полезного, приятного человека? Нет. Не-ет! Главный герой «Евгения Онегина» у большинства из нас - ну, не знаю, пусть - у меня - не вызывает симпатий. Тогда почему мы читаем? Не герой симпатичен, само произведение, о! В котором, кроме всего прочего, описывается кое-что характерное человеческое.

Вот и в «Принцессе Анне» за неудобной, не прекрасной героиней видится другое: масса типичного женского, множество, россыпь описаний типичного женского. От машинального желанья отличаться от других, от машинального желанья «применить иногда под настроение» в зрелом женском возрасте, на «зрелое, налитое тело» «свои девичьи наряды», от прозаического варения варенья и трезвого рассчитывания, как лучше - ягоды собрать или купить, до глубинного, спрятанного, заложенного в тип существа «женщина» стремления обязательно свить своё гнездо, не размещиваться на случайные дружбы-связи.

Каким нюхом, как автор отыскал... -

Я (бесцеремонно брякнушь в гамак перед читателем) - балдел, как на лито у мэ-

тра. Она говорит мне обо мне, совершенно точно отличая стоящего перед ней человека от книжного автора, и совершенно точно обозначая его нарицательным существительным. Думаю в английском, она бы даже перемежала - a writer - the writer - рассказывая определённом о неопределённом.

- ...Каким нюхом он понял главное?!... - Арина с улыбкой, - интимной улыбкой, предназначенной конкретному мне, с туманной поволокой в глазах покачала головой, - Главное: верность настоящей женщины себе, «себе самой и природа своя». Для автора - мужчины это невероятно. - Её улыбка, оставшаяся теперь только в уголках глаз, сопровождала её слова. - Этого не может быть. -

- Факт, - согласился я.

- ...И ведь эта верность женщины себе пролегает у него в книге, как в реальной жизни: через убивающие её, через искривляющие её путь действительность, обстоятельства.

...Ну а уж описание разночтения мужчиной и женщиной соединяющего их секса и описание посиделок двух подружек на кухне - просто писк! Высший пилотаж. Тут высота обобщения, типизации просто математичны и просто невероятны. Вот и приходит на ум, что автор в обоих случаях был третьим. -

Даже не усмехнулась. Право, учёный.

- ...Конечно, это не так. Это он знает, он это видит, чувствует, - вычленяет, интерполирует, - как сказала мне Тамара, - экстраполирует. Налицо: знание жизни писателя и методология математика - книга от этого выигрывает.

Ещё есть странности. Или новшества - кто как захочет назвать. О применении их в литературном произведении вообще можно спорить, а в этом произведении они - тут бесспорно: хорошо сделаны, точно вогнаны в контекст. Это - переплетение текста, прозы, музыки, - сплетение, попытка сплетения в одно: прозы, стихов, музыки., рисунка, - параллелизм двух текстов, некая мульти...текстовость, - использование расположения слов, как визуализация их, превращение написания слов в рисунок. Ещё - введение обозначение шёпота, свободное изменение жанра внутри одного произведения, и другие.

Собственно, можно много говорить о книге, тогда как книга предназначена для одного: её читать. Просто, просто читать. Ради удовольствия, времяпрепровождения, развития... Читать.

И вот тут-то, - её глаза странно загорелись, - вот тут-то, когда просто читаешь, не думаешь, никому не звонишь, ни с кем не делишься, не отвлекаешься на умозаключения... Происходят вещи у-ди-ви-тель-ные. -

Она приложила правую руку ладонью к лицу. Так делают в домашней обстановке, при своих, это маленький театр: жест одной или двух рук, закрывающий ладонями всё лицо - нос, щёки, губы. Остаются глаза. Потом ладони отнимаются, - и губы

движутся, и произносятся звуки, но - глаза говорят, глазами говорят! Я понял, всё было прелюдия, сейчас выйдет внутренняя Арина. «Сейчас увижу, какая ты настоящая».

- ...Стиль изложения - ох, слов не хватает! Текст катится, как музыка, как волна. Работает звукоряд! Звучит пауза! -

Я нахмурился, что-то услышав, и не веря, и подозревая. Она легко кивнула мне. Бо-же... Она перешла на мою Волну. Я срочно перерасставил её слова.

- Стиль изложения: ох, слов не хватает!

Текст катится, как музыка, как волна.

Работает звукоряд!

Звучит пауза!

И оттого

вместе со сдвигом строки

это воспринимается, как что-то вроде моря.

Или нет - более! Более - многомерно, многогранно

Но нет, нет, не могу,

не получается ухватить всего: не хватает многомерности зрения,

что-то ускользает, остаётся на другой раз.

Ещё раз пробую.

...Большая волна, по ней рябь.

А ещё со дна глубинная струя поднимается -

одна, вторая, третья...

А ещё течение. А ещё,

А ещё ветры. ещё,

И ладья с парусом. ещё...

Степень воздействия такова, что и не думаешь, а голос,

как до того рука при письме, сам подражает.

Рука пишет слова по тем же законам, что в этой книге.

...В другой раз посмотрел в страницу книги,

а оно там всё уже ИНАЧЕ.

Там текст сам по себе музыка.

Даже независимо от музыки, как таковой.

...И ни одного лишнего слова!

И все слова - к месту!

И каждое - на своём гармоническом месте. О!...

...И каждая запятая, каждая пауза.

И слышно, о чём он молчит.

Слышно, о чём молчит он. -

Она помолчала.

- ...Жаль, музыкальные знаки, ноты мне не по силам, наверняка, для музыканта,

музыка усиливает эффект, Воспринимаю её чисто визуально, по ощущению.

Для восприятия книги чувства свои включаю всеми сторонами
ПО ОЧЕРЕДИ.

Хотя интуитивно догадываюсь: автор умеет это делать
РАЗОМ.

Догадавшись, пробую и я.

Пробую - не могу, сложно. Пробую - не могу, пробую -
КАРАУЛ!... -

я -не -мо -гу.

Тогда пробую ум, пробую этот орешек умом.

ТО ЖЕ.

Сразу ВСЁ ни то, ни другое во мне не берёт, берётся кусочками
только!

Кто он, автор? КТО? -

Оборвав речь, как законченный полёт, но не договорив, она замолчала. А у меня было ужасное предчувствие: всё, наше время истекло. «Договори, договори, закончи!» - досадой искажая лицо, молил её.

- ...Вот книга. И что? Всего-то ведь книга.

И гладит, и укачивает, и тут же колет, ранит пребольно. Господи, что же это такое, что? За что! Сердце моё, что за напасть такая?! Ведь чужая же жизнь, чужая вовсе! Почему же больно так, почему!

Нигде, никогда, ничего подобного, раньше не читала. Автору - спасибо за книгу. Художнице - за рисунки отдельное, особое: за женские образы, за рисование женского. За ЛИНИЮ. -

Замолчала. Вокруг нас возник космос. Во вселенской тишине немо всё: и я как космос молчал.

...Меня легонько толкнули в бок. Николая. - Что вы тут о художниках? Что это вы такое тут цитировали?

- Коля, - тихонечко ответил я, чтобы не сбить, распростёртую в её и моём космосе Арину, сам будучи с Ариной, - у тебя же есть моя книжка. -

Но нас стало трое.

- Есть, есть. -

- ...В библиотеке, Коля-а... Ты можешь себе представить - в биб-ли-о-те-ке.

- Аринушка! -

Ой, - ворвался ещё голос. Ах, это Слава. И нас стало четверо.

-... У нас же дома книга... - (мой имя-отчество в родительном падеже) - есть!

- Как!? Что значит: есть?! -

Ну - всё, и она вернулась. А жаль - как жаль!... Возник фон: кругом нас движущаяся, люди.

- Да дома!... - удивляясь, недоумляясь, сказал голос Вячеслава. - Я же тебе, кажется, говорил: вот, ставлю такую-то книгу. - (имя-отчество в падеже именительном!)

- ... мне её... -

Вячеслав споткнулся, замялся, желая обойти, смягчить мою бестактность. (Я вынужден был продавать весь тираж сам. Всем - кто может «выручить» деньгами, даже не понимая, какую глупость, бестактность совершаю: знакомым, приятелям, друзьям.

- ...Ну, ему пришлось. Из него, знаешь, вытянули деньги. Он издавал за свой счёт и его подставили.

- У нас это любят, - ввернул Николай.

- Зато теперь у нас, Аринушка, - склонение головы, поправил прядку волос - её, кивок, благожелание, улыбка - мне, - зато теперь у нас, я надеюсь, будущий раритет. С автографом автора. -

Как дилижанс, пришёл диссонанс: мы трое затарахтели, Арина не поддалась, осталась неподвижной. Наконец сдвинулась.

- ...Дома!? С автографом?! - с закипающей, иглоукальвающей язвительностью выдавила Арина. (Мне увиделось: комбат вышел на плац.)

С сожалением понял: лад разрушается. Но никто не заметил бульканья грузного кипятка. («Ого! Вот ты ещё какая!») Она смотрела то на меня, то мимо моего плеча - в какой-то свой горизонт, и не собиралась сдвигаться. Опустила лицо, потому что некрасиво закусил губу.

- ...Пойдём, пойдём... Арин, пойдём, мы уже надоели людям. -

Я не хотел быть соучастником этой сцены, хотелось, чтобы кто-нибудь окликнул меня, увёл - как там мой угол, мои изделия и мой артист? Досадно, не люблю разладов в семье и семейных сцен. «Остынь, остынь, остынь... Ф-фу-ф...» - я стал «дуть» на Арину. «Иди, иди же, иди...» Она же постукивала пальчиком по руке мужа, не собираясь сдвигаться. Проявила внезапное внимание к холстяным лугам и холмам.

(Часа через три-четыре, в дороге, легкомысленно держа руль, барабанил по нему - восторг! - я отчётливо внял отчётливому голосу своего ... («бога»): в этой семье есть, - да, и, кажется, большие, серьёзные... а жаль, оба хорошие ребята, оба... Проблемы. Жаль.)

Тянуние Вячеслава стало видимым, определяемым посторонним глазом, и неудобным - должностью. Жена почувствовала. - ...Да, да. Идти. - Она улыбнулась мне (по-прежнему): - Надеюсь на продолжение. Спасибо Вам. -

Нет, не в гости звала. Я церемонно поклонился. Вячеслав пожал мне руку.

Фойе кишело празднично одетыми, улыбающимися, смеющимися, сталкивающимися в тесноте людьми. Выжидая прогал в толпе, мы с Вячеславом - под общий тон, настрой, дурачась - ещё раз, и ещё раз сжали ладони друг другу. Улыбались, кивали. Мне нравился этот человек, в тридцать шесть главврач. Мне глубоко импонировали его жёсткость, административная хватка, которые я успел ухватить в корпусах ЦРБ, и - мягкая интеллигентская тактичность в обхождении с каждым отдельно взятым человеком. От избытка чувств - ну как же! Ему-то руку я пожал! - я шагнул вперёд, брякнул его Арине, своей Арине: - Подставляйте щеку! - Арина успела развернуться лишь чуть и я поцеловал эту сердечную свою сегодняшнюю прелесть в край щеки - уголок губ. - От всей души!...-

Они удалились парой, - вдвоём, под руку, - ушли смеясь, чего-то друг другу рассказывая; и по разному оглядываясь назад.

«...Арина, ты помнишь, когда я впервые тебя поцеловал? - буду спрашивать. Когда? После, - об этом после. - ...Арина, ты помнишь?» А ты будешь называть совсем другие место и день. Ну как так можно... А я помню, помню всё.

Поразительно, от той первой нашей встречи во мне остались каждое её, каждое моё, косвенные, двух наших соседей - каждое слово, жест, мах, выражение лиц, переход тонов и смена голосовых октав, - сам общий её поток, строение её нервов, сердца, голоса и - ни-че-го от лица и фигуры. Я вздрогнул наутро, выходя во двор, открывая дверь дома, когда по грузовику, стоящему к крыльцу капотом, вспомнил, с чем вчера довелось возвращаться, вздрогнул оттого, что могу не узнать её, встретив без опознавательного знака - без мужа; могу не узнать её уже утром этого дня. Вероятно, есть люди, запоминать, выпитывать которых я могу только частями. Она оказалась обширна, глубока: зная это сразу, вероятно, я и не пытался объять, запомнить всё. Фигура и лицо оказались на последнем месте, пока не нужные.

Помнится другое. Ехал и повторял (так же, как она теперь - восклицательное без восклицаний): «Спасибо, Арина». - И обязательно дважды: - Спасибо, Арина, спасибо, Арина». Как два взмаха весла, - от себя, с поворотом в уключине. «Спасибо, Арина». Она пробарабанила по моему сердцу пальчиками своего чувственного восторга, - да так, что я неожиданно взнёсся выше знаемых раньше, помощью одной своей силы, облаков. Она помогла мне идти своим путём, держаться его - дальше; что единственное, в тот момент - а у меня уже накапливалась, вырисовывалась, определялась вторая книга - и было нужно.

Несколько восхищений, пусть брошенных походя, проходя, несколько искренне-сердечных высказываний, - благожелание в улыбке, глазах: ты - молодец - что ещё, в сущности, для жизни, человеку творящему, и свято верящему, что он - творец, нужно?

Может быть, «Арина».

Уже притормаживая, уже ввиду дома, своих деревьев и ворот, с какой-то небывалой давненько холодноватостью, умственной, циничной, без... сердечной, я отметил: «Хорошо, что этот праздник... Труда... Не случился в июне. Когда мне было плохо». И потом, отщёлкнув «массу» и похлопав по «морде» грузовик - я всегда так делаю, благодаря его, «Спасибо опять, «старик» - ощерившись, как старый волк, ответил себе на невысказанное: «Летом... Я бы отбил её у мужа». Мгновенно пролистав план (тех действий) и пояснительную записку, сделал расстановку сил, событий, и не найдя у планировавшего промахов - ну, может быть, мелкие, поправимые на ходу, - сказал ещё: «И точка».

...Ан нет! - ещё раз хлопнул по капоту грузовика - «Слышишь, дружище! («Бриг»: «Бриг» его зовут) Никогда! Слышишь? Никогда не приближайся к несчастным. (Людам, только людям.) И не впускай их в себя.

...Особенно, - к несчастным писателям и поэтам».

Но - что я пропагандирую, кошмар, кошмар; и так полно одиночества.

Но, ладно, и за это открытие: «Спасибо, Арина».

...Больше мы с ней такой не виделись никогда. Такой она и осталась на память моему страстному воображению: изумительно красивая женщина, умная, чувственная, элегантная молодая, - одинокая женщина, которая именно из-за того, что и как я делаю в слове, всерьёз интересуется мной. И я, такой, как есть: сумбурный, не понимаемый, полупоэт - полурабочий, эстет в садах, предприниматель, не - умеющий, ни - желающий делать деньги; ни, даже, выхватить у другого женщину, в которой нужда. Кому - ягода-малина?

Трудно уловимое крупное обстоятельство, выраженное всего одним незаметным титулом «такой», требует пояснений.

Писательская хитрость (впрочем, безобидная): провести читателя. Удивить - вдруг пропажей главной героини, а удивив, вернуть дорогую пропажу на сотворяемый горизонт: как без неё, весь роман построен на этой паре. Автор и Арина. Арина и Автор, Автор и Арина - и вот он пишет в самом начале: больше с ней не виделся ни-ког-да.

Но, да, действительно: такими, какими они в первый раз предстали друг другу, они далее не встречались. Она - развелась с мужем (Автор угадал, благополучие пары было напускное, чисто внешнее, держалось на волоске). Она не имела детей и стала искать себя, то есть, свою судьбу, свою жизнь. Он, дальше, как и положено мужчине (тем более, такому, у которого впереди Ступень: Мастер), без посторонней помощи выбрался из провала, обрёл внутренние - свободу, покой, мир. После этого они встретились.

Они настолько были необходимы друг другу, что сошлись в крепко связанную пару без страсти любви - до любви, даже без волнующей сердца влюблённости, даже не обсуждая условий.

Она нашла в нём вневременное понимание жизни. Может быть (за женщину трудно сказать), это было тогда для неё: главное. Она чего-то искала и не находила ни в ком; а муж был поглощён совершенно земной работой, нисколько не понимая, что совершается в жене. И вот нашёлся другой.

Она нашла в нём чуткость отзывчивых чувств и такую их (чувств), её (жизни) глубину, что его существо её полностью, без остатка захватило! Она бросилась в него в том смысле, как бросаются плавать, с жадностью погружаться, пить из реки, истомлённые долгим безводным переходом.

Она нашла столь захватывающим, удивительным познавать его, что увлеклась. Будучи действительно Женщиной («Лучшая...») было шуткой и относилась к профессии: терапевт) - она бросилась устраивать его творчество.

...Она не приходила к нему от мужа. Она не жила с ним. Ей нравилась её работа, они жили в разных местах. Она не покупала жёлтых цветов, чтобы быть узнаваемой, и не бросилась бы из окна. Никогда не полетела бы на метле, не имела ничего против критиков.

Она постигала его, как жизнь. Он и был для неё: её жизнь. Которая - бесконечность. А ей необходима была: бесконечность.

Она устраивала его творческую судьбу: создавала обстановку, атмосферу, вытаскивала, как вытаскивают увальня-домоседа, в компании, к нему привозила людей.

Не готовила, никогда не стирала, не мыла полов, не гладила белья.

Не успела стать любимой женщиной, не успела полюбить сама. Никогда не была женой в яви, хотя точно что была женой. У них был год, один год, точно кто-то... Не будем об этом.

Так возник второй тип «женщины писателя»: «Арина».

Он нашёл в ней женщину, принимающую его безусловно. То было самое большое счастье для него.

И она, словно большой ребёнок, задавала вопросы, на которые он всё время должен был искать ответ. А те ответы, что знал, преподнести вкусно, подобно хорошему блюду. Несомненно, она была Меньше его; но её аппетит, её принятие были столь велики, что вынуждали его расти ежедневно.

Её профессия... Теперь трудно сказать, возможно (но тут сумма) - возможно из-за неё он приобрёл целительские способности рук. Которые первой ощутила она; которые первыми ощутил он через неё.

Отлично помню ту незабываемую ненаписанную сцену. На даче у её друзей, - куда она вытащила его ради него же: в новую среду - в компанию, в бане, - обширной бане богатого человека, после парилки, куда заходили по очереди: мужчины, женщины, - в тёплом предбаннике, завернувшись, кто в простыни, кто в полотенца, едва дыша, все отлёживались потом. Потом поднимались пить чай.

Арина (чуть дышит) лежит, улыбаясь блаженно. Он подсел к ней. Она была в открытом купальнике. Тело распарено, красно.

- У меня опять невралгия, - вздохнула она. - Даже парилка не помогла. Колет и колет. Насквозь через спину. И в груди. Едва дышу.

...Погладь меня: поможет. Только расстегни «верх», что б не мешал.

Он, отрешаясь, - мешает говор, бубнение, гудение слов, как гудит немолчно рой, - отрешаясь, он кладёт ей на спину ладони. Неосознанно - своё же, родное - начинает гладить: гладить, просто любя водить. Проходит пять, десять, пятнадцать минут.

- Странный массаж, - беззаботно произносит Арина. - Погладь ещё: иллюзия, конечно, но всё проходит. А уж неделю жгло. Тебе знакома межрёберная невралгия?

...Вот, проходит. Гладь...

...

- Как моя фигура?

...Ну, скажи. Я сейчас добрая.

- Вдруг завтра будешь злой.

- Когда это я была злой.

- Верно: никогда.

- Ну скажи...

- Но ведь заденет.

- Нет. Глядя на формы твоих изделий, понимаешь: о-о, эти руки знают женскую фигуру...

Давай, на ушко.

...Куда пошли твои руки?

- Показывают.

Толстые колени.

- ...Слышал мой вздох?

- Слышал.

- Согласна.

- Талия для этих бёдер широка.

- Но я умею одеваться.

...Что - ступни?

- Велики. Для этого роста и этого тела.

- То есть... Ничего идеального.

- Давай вернёмся к спине. Как спина? Лучше?
- Да. Кстати. Как спина?
- Я не о том.
- А я об этом. Признавайся... Лечащий мужчина.
- ...Тебе нельзя полнеть. Будет некрасиво.
- Вот и убери всё!
- ...Слу-у-ушай... Ведь убрал!... Всё прошло!
- Но они ничего не поняли, ни-че-го.

Это потом - потом, когда повторение второе и третье дало тот же эффект, - когда ради эксперимента Ариной (на свой страх и риск: она - лечащий врач...) был проведён действительный эксперимент на её пациентке, следом - на пациенте - тогда только они ошеломлённо уставятся (вот подходящее слово) друг на друга: медик и инженер! Два не признающих ничего не реального профессионала ошеломлённо поднимутся, поедут в ближайший магазин за вином, чтобы, чокнувшись, сделать вывод: да ведь... Целитель.

- ...Как ты это делаешь, признайся!
- Если б я знал. Просто делаю и всё.
- Но какими силами, как?
- Никак. Просто я... - тут он задумается. - Кажется, я просто люблю в этот момент. Да, может быть, я всего лишь передаю любовь. Нет - Лю-бовь.
- Тогда - за любовь!
- За любовь, Арина.

Всё это потом, всё потом, в первый раз она лишь просила ещё и ещё: погладь, погладь; и все подтрунивали, вольно смеялись (ведь на виду у всех); а он отвечал на вопросы «что ты с ней всё делаешь?» - люблю, занимаюсь любовью; а она подтверждала его шутку кивком головы, она мурлыкала, как довольная кошечка.

То поглаживание (ещё не был придуман термин) затянулось на час. После этого часа и двух повторных сеансов у неё весь год не было невралгии.

Но целительские (хотя к себе она применяла другой термин: любовные) способности рук её мужчины были лишь дополнением его умения (тут не подбирался термин) помогать по судьбе: он овладевал ЗАКОНАМИ, оттого разбирался, Видел, мог помогать.

Он первым заметил: их жизненные пуги вот-вот разойдутся. Они расходятся, ещё шаг и...

Он не решился идти против (ЗАКОНОВ): держать её. Сам открыл ей глаза. Она кричала, она искренне сердилась: «Я не хочу! Я никуда от тебя не уйду - не хочу уходить!»

...Однажды приехала со странной полуулыбкой: улыбкой слабоумного, что бесконтрольно гуляет по губам, - с недоумением, почти испугом, - словами - тут же вырезавшимися на устах: «Знаешь, встретила своего бывшего мужа».

Произошёл диалог.

- И?

- Мы целый час гуляли.

- И?

- И поняла... Ты не будешь сердиться?

Он вздохнул:

- Уже нет... Нет.

- ...А я тебя...

- Нет, не убьёшь.

- Странно. Действительно знаю, что этим тебя не убью.

... Поняла: люблю его.

Почему всё так изменилось?!..

- Потому что мы так и не *настроились*.

Он улыбнулся грустно.

- Мы и не сможем.

- Как там Любаня с Валерой?

- Иномарку купили.

...Но почему всё так изменилось?

Он улыбнулся прегрустно:

- Благодаря мне.

- Да, благодаря тебе.

... И он изменился.

- Да.

-... И он настойчиво....

И настойчиво зовёт.

- Жаль.

- Чего? Что!...

- Что вы не будете мне друзьями.

Я бы вам - смог.

Она печально улыбнулась:

- ...У него новое назначение. Он зовёт, и если мы... Вернее, я...

- Да ты уже.

А наши с тобой отношения всё равно исчерпались.

...Спасибо.

- За что.

Ах, да...

Она махнула рукой, пресекая: я поняла. Но он проговорил:

- За то, что ты была.

...Езжай, конечно.

- Ты так думаешь? А ты не ошибаешься? -

Но она не имела ввиду их, она, зная его нарастающие способности, спрашивала про свою судьбу.

- Тебе надо ехать, я Знаю.

- Да?

А ты?

Ты не сойдёшь с ума?

Он легко ответил:

-Уже нет.

Он показал ей, как плакал.

- ...Уже и вернулся в ум, и снова сошёл, и снова вернулся. Хватит.

- А я?

Своей непосредственностью она рассмешила его.

- Я тебя люблю... Ой...

- Ну хватит, ну перестань, не смейся, обижусь.

- ...Ты не сойдёшь.

Нет, не сойдёшь: не «Маргарита».

Ты всегда прочно стоишь на земле.

- Это да.

- Сразу заметил. Этим ты мне очень нравилась.

- Конечно, - согласилась она, - должен кто-то в паре быть земным.

- Конечно. Уже не обязательно. Но пока было - да.

- Я уже не понимаю.

Она уехала, они разошлись. Через два года она послала ему фотокарточку: с малышом на руках счастливая семейная пара. Древнерусский областной, на реке Волге, город. Вот так тогда всё закончилось.

И только два слова звучали вне времени, - и дважды, как попеременно взмахивают два весла: «Спасибо, Арина, спасибо, Арина».

И сейчас, взглядываясь в ту, давно прошедшую и огромную даль, сейчас погружаясь в воспоминания об этой бывшей, идеальной женщине, с которой могло бы... Ничего не говорю кроме: спасибо, 'Арина. Ты не осталась со мной как вечное. Помянув, приблизившись, Поведя, пойдя вместе, исчезла. Идеальная женщина писателя. Того Автора. Оставшись без пары, он был вынужден... А можно и так: ты Повела, затем ты исчезла, оттого был вынужден идти, Идти, не снижать Шаг - идти, искать... Вы неправильно подумали. Вначале - себя. За Этим - свою постоянную «половину» Небесную и земную. Без 'Арины я никогда бы не нашёл себе Дело на всю жизнь и не пришёл к 'Насте.

...А уменьшающаяся - уж крошечная на удалении - женщина, издали всё светила в сгустившейся тьме: в спину уже, под руки. И я беспрестанно первые годы оглядывался на неё. Так ночью крошечной на неизвестной воде становишься в створ маяков.

Иногда думается о странностях жизни: приходит один человек лишь затем, чтобы направить тебя к другому, берёшь одну вещь только для того, чтобы затем случилась другая, читаешь книгу о вещах тебе не известных, не нужных - далёких - назавтра осознаёшь что-то жгучее своё, производишь перемены в собственной судьбе.

ФИНТ

рассказ

Вот уже много лет прошло с тех пор и сменился не один начальник, уже и сам Владимир Иванович - и становился там начальником и, поднимаясь всё выше, менял должность и место работы, но только каждый раз, когда в тёплые сумерки ему случается проходить мимо *тех* ярко освещённых окон, из распахнутых в летнее время года рам которых льётся в тишину пустынной улицы мерный гул утомлённо шумящих машин, странные ассоциации веков нынешнего, двадцатого, и девятнадцатого, минувшего, возникая непременно, охватывают его. Тогда приступы, потом взрывы, затем рыдания смеха начинают сотрясать всё владимириованычево тело, руки его взмахивают, ноги непроизвольно ускоряют шаг. А добежав до подъезда своего, по счастью находящегося поблизости, дома, он уже весь раскачивается от с трудом сдерживаемого гомерического хохота. В лифте от нетерпения постукивает рукой, притопывает ногой, ворвавшись в квартиру пугает жену и, одновременно, веселит, приводит в восторг внуков. С откровенно сумасшедшим видом швырнув туфли и скакнув через кота напрямик летит к книжным полкам. Выцепляет из очереди книг томик Чехова, затем, хлопнув дверь и завалившись в своём кабинете на старинный кожаный диван, долго, длиннущими руладами смеётся, листая туда-сюда испещрённые буквами и авторской мыслью странички. Покрикивает: «Вот это учебник!... Вот это да!» Наблюдает в книге будто что-то ну очень уморительное, потому что в восторге цитирует вслух целые абзацы и фразы, приговаривая при этом, повторяя на разные лады : «Ну дела! Ну дела-а-а... А-ха-ха-ха-ха!... Ну!... А-ха-ха-хи-хи-ха-ха... Ну, Антон Палыч! Ну, а-ха-ха-ха-ха, врач-окулист! Ой, уморил, ой, - ну съюмори-и-ил... А Фёдор-то Сергеич - а-ха-ха-ха-хи-хи... Пересолин- Перемесов- Перехлопов- Иззалесов...» И долго ещё разносятся по всей квартире эти «а-ха-ха» да «ха-ха-хи».

Однако перевозбуждение в конце-концов проходит и заливы смехо-хохота сменяет философская, - нет, даже берите выше: философическая! - полуулыбка-усмешка. Мысли Владимира Ивановича тогда устремляются в высь и даль, он в задумчивости прикуривает сигарету и, отказываясь от вождедеемого до прогулки ужина, с нескрываемым наслаждением начинает читать только листаемый ранее том. Нередко он искренне-восхищённо, как ребёнок делающий первые значительные откры-

тия, смеётся - и тогда приговаривает, почёсывая одной рукой солидненький свой животик, а другой теребя обносившийся свой затылок и не чувствуя за собой плагиат: «Ай да, Чехов, ай да сукин сын! Вот ведь и здесь в самую точку!... А уж с Пересолиным-то, ну уж совсем, совсем... Ну вылитый наш, незабвенный наш Фёдор Сергеич! Ну, копия: Фёдор Сергеич!... А Фёдор Сергеич-то как тогда всех уморил, ну просто уморил! Ах, Фёдор Сергеич, начальничек ты наш - воспитанничек наш, ведь какой отколел, какой выкинул финт».

Оставим теперь Владимира Ивановича, который в нынешнем своём виде в нашей истории более не участвует; пусть теперь его воспитывают - его подчинённые (чего он, следуя стезёй всех больших и малых начальников, конечно же, не замечает). Займёмся, покамест, историей завершившейся, выглянем в окно, выходящее во двор, оставив в покое перспективную улицу. Что там за финт, что же такое вышло?

А вышел финт так.

Из опубликованного впервые в 1884 году:

«В одну скверную осеннюю ночь Андрей Степанович Пересолин ехал из театра. Ехал он и размышлял о той пользе, какую приносили бы театры, если бы в них давались пьесы нравственного содержания. Проезжая мимо правления, он бросил думать о пользе и стал глядеть на окна дома, в котором он, выражаясь языком поэтов и шкиперов, управлял рулём. Два окна, выходявшие из дежурной комнаты, были ярко освещены.

«Неужели они до сих пор с отчётом возьмётся? - подумал Пересолин.
Пойду подгоню их...»

Фёдор Сергеевич Иззалесов, начальник одного немаленького вычислительного центра, крупнотелый, возраста «за сорок», обычно строгого вида, и такого же характера, вышколенно-дисциплинированный партийный мужчина, возвращался с одного громкого торжественного мероприятия. Мероприятие устраивали различные самодельные организации центра - партком, профком и комком - по случаю очередного великого советского праздника.

Собственная машина Фёдора Сергеевича, как назло, забарахлила, служебной, а тем

паче персональной, по занимаемой должности не полагалось (чему он чрезвычайно огорчился), поэтому в ожидании такси Фёдор Сергеевич приподнял: после окончания обязательных торжественной и концертной частей битый час протомясь за общими куценогими столовскими столиками в так называемой, входящей в моду и протокол теперь, неформальной обстановке. Теперь позёывая, поёживаясь, поглядывая сквозь лобовое стекло автомашины на стынувшие в верхотуре улиц и домов красные ноябрьские в ноябрьском колючем ветру транспаранты, Иззалесов зевал о том, что раньше было лучше. Проезжая под перекинутыми через улицы материями он мысленно уплывал в прожитые годы. Припомнил свои свершения, пробегался по прямо-

му, как взлётная полоса, без околиц трудовому пути от слесаря, затем тут же секретаря комитета комсомола совхоза до профорга; потом он - парторг крупного молочно-племенного колхоза; партшкола, инструкторство в райкоме партии. Теперь вот вычислительный центр. Почему - его! - угораздило? Умеют же другие занять прилично-солидные места. Вот если бы его - «...направили бы возглавить конезавод или пригородный совхоз, то - дело. Ну, на худой конец - асфальто-бетонный завод или райком профсоюзом. Но - вычислительный центр!?!... Эх убороздило...» Нет, и это, он понимал, дело необходимое и всячески ответственное, и, конечно, нужное; по поручению партии всякое дело - нужное и каждое нужно возглавить; и если выбор в райкоме пал на него... «Гм-м, то что-ж. Как-никак». Что ж, как-никак у него солидный опыт, стаж руководящей работы; да и со сложной автотракторной и машинодойной техникой имел дело в недавнем рукоприкладном хозяйственном прошлом.

«И всё-таки раньше было лучше! - окончательное задумавшись, решил Иззалесов. - Строже было, чинней».

Путь его к дому пролегал мимо здания возглавляемого им вычислительного центра - недавно капитально-отремонтированного, постройки девятнадцатого века особняка. Фёдор Сергеевич с удовольствием вспомнил месяцы напряжённой, под его Иззалесова руководством, работы. Сроки, штурмы, авралы, комиссии, премии, благодарности.

Ему даже нравилось с утра до вечера пропадать на этой кишашей людьми и машинами стройке; на которой всё было так необычно, так непривычно; которая совсем не напоминала ни колхозные фермы, ни совхозные мастерские, где без поллитры к серьёзному делу механизаторов и не подводи! (Где - животноводству - ударный фронт, а ты - политрук, начальник «смерша», «тыловик», «завгар», и, одновременно, агент дивизионной контрразведки.) Здесь же, на особняке, Фёдор Сергеевич напоминал сам себе дирижёра слаженного могучего оркестра: по его, Иззалесова, движению пальцев, ладони, руки всё запускалось и замирало, появлялось, исчезало, укладывалось.

Мановенный оркестр расстроился, когда ремонт здания был окончен, когда подвезли, распаковали, установили и сдали госкомиссии вычислительную технику. И в здании появились «эти»: дипломированные «умники». У которых на двоих приходилось по три диплома и которых Иззалесов презрительно именовал «ребятки». Ребятки никогда не артачились, никогда с ним не спорили, не матерились, не собачились, не приходили небритые с жутким запахом и цветом лица на работу, всегда вежливо и до конца выслушивали все его руководящие указания, И, тем не менее - тем не менее, ему всегда казалось, всё норовили повернуть по-своему. Они работали подчиняясь неизвестным Иззалесову внутренним законам, которые, что всего больше его раздражало, как руководителя, совершенно никоим образом невозможно было запретить! Он пробовал насаждать свои, что-то менять, сразу сыпались всевозможные напасти, всё, за исключением службы снабжения и уборщиц, переставало нормально работать. По этим невозможным законам «ребятки» весь рабочий день могли откровенно бездельничать, как-то: слоняться с отсутствующим видом по центру, глотать в каждой комнате кофе или чай, курить на всех лестничных площадках, даже на подвесной, позади особняка, пожарной, делать возмутительные заявления, что надо часа на три отлучиться на одну квартиру, где сидит одна умная голова... То есть явно и открыто валять дурака ваньку. Потом - вдруг, без уговоров, давления на совесть, патриотизм, долг, без воздействия сверхурочной оплатой и отгулами, и дополнительными, к отпуску, днями - остаться работать на всю ночь. А завтра - и на завтра, в вечер - встретить пришедшего к концу рабочего дня после поездки-командировки руководителя сообщением: всё, всё готово. (Устранена очередная неполадка в «машине» (в ЭВМ), отлажена необходимая программа и так далее.) «...Надо будет поставить, однако-таки как-то их на место, - решил Иззалесов, глядя в знакомые окна. - А то, как-то что да всё чего-нибудь где!»

Ему показалось донельзя странным, что машинный зал освещён тускло, безжизненно, не рабоче-ярко, а окна комнаты программистов светятся весело, вызывая ярко. В действительности, всё должно было быть наоборот, ведь ночная смена комплектовалась инженерами-электронщиками для устранения неисправности ЭВМ. Смене был придан только один программист Сычёв на случай возможной загрузки операционной системы,

если машину удастся исправить. Этот сыч, как представлялось начальнику центра, непременно уляжется дрыхнуть - а как же иначе? Ведь ни установленной работы, ни надзора нет! И должен сейчас сопеть в обе дырки возле дисплеев, либо за процессором. Как это у «ребятков» принято: на составленных в шеренгу стульях.

Фёдор Сергеевич ещё раз оглянулся на окна: нет, действительно на центре что-то было не так. «Ну ладно, - прихлопнув кого-то невидимого своей крупной сермяжной ладонью решил Иззалесов. - Я счас вам устрою ... ети... балаган! Ра-бот-нич-ки, твою мать... Опять валяют дурака! А утром встретят - противной своей болтовнёй. Про интерфейс! Который всё время сбо-ит. И с чего бы это он всё время сбоят, а? Товарищи-господа умники. Ах, якобы не так проложен... Это что - из-за меня он не так проложен!? - вскипел он внезапным праведно-начальственным гневом. - Я штоль его ложил?... Я вам счас проложу... Извилины на место. Извилины в башках у вас не так проложены».

В моменты «их противной пространной болтовни» Иззалесову всегда казалось, что подчинённые специально над ним издеваются, произнося непонятные слова, придумывая нелепые фразы, и используя «забугорные», а то и вовсе потусторонние, термины. «Машина зависла...» Услышав этакое впервые, он чуть не подавился - «Что!? Что-о!!!?... Где! Что - рухнули переводы в подвал?» Но скоро Фёдор Сергеевич тоже наострился и теперь был не так прост: «Фейс? Ну-ну, будет вам сейчас и интэр, будет вам сейчас и фейс. Щас я устрою вам!... Фейсом об тэйбол».

Он остановил такси, помедлил, прикидывая: что лучше - плюнуть или пойти. Длинно, бычачьи, вздохнул, настраиваясь на ломовую работу, расплатился с таксистом. И, уже не мешкая, зашагал по направлению знакомых светящихся окон. Створки рам зарешёченных окон первого этажа были распахнуты, Иззалесов направил стопы туда. Полупрозрачные шторы лишь вуалировали обстановку, из уличной темноты освещённые внутренности комнаты предстали перед ним, как на ладони.

Из опубликованного в году 1884-м:

«Дверь была слегка отворена и Пересолин, взглянув в неё, увидел нечто необычайное. За столом, заваленном большими счётными листами, при свете двух ламп, сидели четыре чиновника и играли в карты. Сосредоточенные, неподвижные, с лицами, окрашенными в зелёный свет от абажуров, они напоминали сказочных гномов или, чего боже избави, фальшивых монетчиков...

Ещё более таинственности придавала им их игра. ...То было нечто неслыханное, странное и таинственное...»

...В комнате, над дисплеем, установленным в её центре, замерли, наклонившись, четыре человеческие фигуры. Ещё одна угадывалась непосредственно перед ним: в кресле. Фигуры обменивались отрывистыми загадочными репликами:

- Квадрант один-три?

- Нет.

- Нет-нет!

- Лети! Лети
дальше!

- А энергии?

- Энергии
хватит. А вот вре-
мени...

- Да, время -
это вещь.

- Конечно!

Лишь время - цен-
ность, не зря Лю-
бищев всю жизнь
учитывал...

- Скорей
уйди!...

- Вот он! Лупи его! Фазером!!!

- Поздно.

- А-ах! Да уходи ты! Ты можешь скорее!??

...Подержи арбуз! Знаю. Поздно.

- Давай на базу.

- Меняй Энтэпрайз.

- Бери второго уровня.

- Господи боже - советчиков, как в анекдоте - что нельзя поиметь женщину на улицах Еревана.

- О, чёрт - смотри: клингон исчез.

- Смотри! Вот ещё! Ух ты! Это же суперадмирал!

- Нам крышка.

- А если торпедами хотя бы?

- Смотри, уходит в соседний квадрант!

- Ага - привет васе, сообщение: в соседнем квадранте вспышка сверхновой.

- Ура-а!...

- Ур-ра-а!...
- Ура-а-а-а!...
- Ура-ура-ура!...

Во время наступившей паузы фигуры распрямились.

- ...Поздравляем! Теперь Вы - Адмирал.
- ...Кхе-кхе... Вот так вот! Далее обращаться только на «вы» и с приставкой сэ. Или, можно ещё: Ваше превосходительство.

...Игемон-смотритель дикого тарабарского бедлама Иззалесов во все глаза тарашился на происходящее в вотчине. Зрачки глаз - «О, ё моё! « - ...ширились. Внезапно шумнул в голове принятый «в неформальной обстановке» бокал вина. Происходящее всё более изумляло Фёдора Сергеевича. Ёкнуло сердце, вспотели ладони. Замерев каменно в начале обозревания дичи, теперь Фёдор Сергеевич перевёл дух. «Ё-моё...»

Но оказалось, это ещё не всё. Нервы Иззалесова натянулись до предела, когда из угла комнаты - в субботу! в ночь! в предпраздничный вечер! когда все нормальные люди!... (даже продолжать не надо: пьют и гуляют) - скрытая до того угловым дисплеем, явились голова, (затем прозвучал голос) - голова и голос его, Иззалесова, заместителя: Бухтина. Кстати, отсутствовавшего на торжественном мероприятии по неизвестным причинам. «Присоединяюсь к поздравлению!» Выкрикнув всего два слова, обычно многословный зам снова провалился - будто исчез! - за дисплей. А титульным органам чувств и соединённому с ними спинно-мозговому жерлу начальника уже готовилось следующее насилие - испытание. Одна из склонённых фигур, которую он правильно идентифицировал с инженером по магнитным дискам Модестовым, отделившись от общей массы, преклонилась в другом месте. Послышался перезвон, доложивший опытному уху за окном о стаканах и другой стеклянной посуде в сумке, либо портфеле. Несколько десятков отчётливых бульк-бульк только подтвердили догадку. Действие развивалось, переходя по наклонной из плоскости вычислительной фантастики в бытовую.

- ...- Вот Ваш бокал! Сэр адмирал.
- Благ-д-рю Вас, сэ-э-эр...
- Адмиралу: ура, ура, ура!
- И сигару.
- Да, ребята, - пора уже по сигарете.

Фигуры дружно звякнули, хором крякнули, чиркнули по коробку, расселись по стульям. Продолжилась странная беседа:

- ...А хорош был удар...
- Ну, не взорвись сверхновая, адмиральских погон мне б не видать.

- Э-э-э... - самокритично, сэр.

- Да, это, конечно, самокритично, но всё-таки уровень есть уровень: сама «старушка» тебя одобрила!

- Да, кстати, - а ведь всё нормально, а, ребята! Ни одного зависания! Так? Как это вы так сумели?! Я параллельно ещё две задачи запустил и дампы диска с низким приоритетом. И всё нормально. В игре же, я подозреваю, какая-то некорректность в программе есть, которая подвешивает машину. Либо в машине была. А сейчас - нет, всё нормально. Так что, делаем вывод, ваша работа, на славу удалась. Вам - браво!

...Послушайте, а сколько на адмирала нападает клингонов?

- Сколько?!? Столько, что нормальному уму с ума можно сойти...

...Дым, потянувшийся в раскрытое окно, достиг ноздрей Ф.С. Иззалесова и вернул заколышенную, поплывшую, как джин, готовящийся к кувшину, душу начальника в её земную оболочку. Этот вонючий беломорканальский дым (сам Ф.С. курил теперь только «Родопи») напомнил ему, что там - ТАМ! Почти в машинном зале! В святая святых! Несколько помятых вздохмаченных хануриков распивают и курят. Рас-пи-ва-ют! Ку-у-рят!... Иззалесов отёр образовавшуюся под шляпой влагу. Терпение его, наконец, переполнилось, как симметричный орган тела после пивзала, и - ЛОПНУЛО! «Треск» был ужасен. В зверином инстинкте потянувшись рукой за оконную решётку, он зацепил колыхавшиеся шторы, хватнул их потной пятернёй и - рванул на себя...

Из опубликованного в году 1884-м:

«И не желая долее оставаться в недоумении, Пересолин открыл дверь и вошёл в дежурную.

Если бы перед чиновниками явился сам чёрт с рогами и с хвостом, то он не удивил бы и не испугал так, как испугал и удивил их начальник.

Явись перед ними

умерший в прошлом году экзекутор, они не побледнели бы так, как побледнели, узнав Пересолина.

У Недоехова от перепугу даже кровь из носа пошла»

Остатки табачного дыма истаивали под потолком. Криминального запаха, равно как и стаканов, и закуски, и пепельниц не... ощущалось. Имела место тёплая мирная рабочая атмосфера. Как ни в чём не бывало, три фигуры снова склонились над дисплеем в центре. Четвёртая, вытянув нос и плотно сжав губы, деликатно дышала носом в затылок резко затормозившему начальнику. Ещё одна - пятая, лицом к книжному шкафу, спиной к дверям - перебирала тома-руководства. При этом постанывала. Видимый из дверей Бухтин с деловым видом сидел, уткнувшись в экран.

Фёдор Сергеевич в раздумье двинулся вдоль дисплеев. Выстроенная им схема разноса решительно пала. Он подошёл к центральному дисплею. На экране было явно иное. Однако, Фёдор Сергеевич уже знал толк и в программистских дрючках, потому, не дожидаясь ничьих разъяснений, протянул руку и, поджав губы, ткнул пальцем в единственно известную ему функциональную клавишу. Картинка на экране сменилась. Он взгляделся, понял, что попал, куда надо, понял - не то, тогда ткнул ещё раз. Почувствовал, не то снова. Тогда стал тыкать до тех пор, пока не понял: вот *ОНО!* Очередной виртуальный экран («Вот сволочи! - одобрительно произнёс его внутренний голос. - Пятнадцать виртуальных экранов заделали! Можем же, когда захотим!») объявлял своим сообщением о начале игры «Звёздный поход». «Ага! - торжествующе польхнуло в груди Иззалесова. - Ребятки играют! В «Звёздные войны»! Вот оно что!... Ах, вот вы как: машинное время, мильёнрублёвую ЭВМ - в личных целях!?!...»

- Что это. - Нарочито медленно, бесчувственно-зловещим тоном, делая ударение на слове «это» и сурово прицеливаясь, прищуривая глаза, спросил он. И тут же, давая понять, что *ЭТО* ему ясно как божий день и без объяснений, сам же в зловещей задумчивости подвёл черту - итог: - Играется. Так-так...

Никто ничего не ответил. Тогда, как опытный следователь, не давая психологическому противнику опомниться, Фёдор Сергеевич нанёс следующий - и надо признать, иезуитский - удар: -А что попиваете? - Этот вопрос уже не был риторическим.

Как, впрочем, и ответ:

- А воду. Жарко, знаете, в машинном зале. Некуда было налить, в бутылку, вот, - бутылка из-под водки завалилась в портфеле, так в неё воды и налили.

Фёдор Сергеевич даже сморгнул, даже раскрыл рот - «Даже учли про запах: не сполос-ну-ли, - как человек, услышавший правдоподобную химеру, удивился он. Но тут же опомнился после нокдауна:

- Проверить?

- Па-а-жалуйста!...

Портфель стоял на прежнем месте. «Не успели скрыть? Или и не собирались. Ну и нервы у ребятшек! Не слабее, чем у трактористов», - внезапно одобрительно подумал про себя Фёдор Сергеевич. И сам не полез в портфель. По окружающим же было понятно: подавать не побегут. Да и спиртным ни от кого не несло, пахло

какой-то пряностью, или свежестью. Да и не качало никого, лица всех были ясны, по-рабочему сосредоточены.

-Ты, Владимир Иванович, - не оборачиваясь, обратился он к заму в слабой надежде хоть как-то, хоть кого-то ущутить, - что здесь подделываешь? Что, компанию решил поддержать?

-А так, знаете, Фёдор Сергеевич, - зашевелился ничем не обнаруживающий себя доселе Бухтин. - Проверить, знаете, зашёл, посмотреть зашёл, как идут дела, зашёл, неисправность-то необычная, думаю, всякое может быть, вот и зашёл. Да один вопрос, да другой, да третий, как-то зацепилось одно за другое, за третье, потом, вижу, всё идёт на лад, вот-вот машину исправят, уж и решил дождаться. Учусь вот, сижу, кое-чему. Интересно, всё-таки, пригодится. На вечер всё равно опоздал, так уж неудобно было с опозданием появляться... Решил поучиться, знаете, кое-чему у ребят. Фёдор Сергеевич, ей богу - присоединяйтесь, не пожалеете!

«Вижу я, чему ты учишься, - съязвил про себя Иззалесов. - И соврать, не соврал, и правды не сказал. Тоже себе, гусь лапчатый: хитёр, как собака». Фёдор Сергеевич повёл взглядом по комнате: стены, обитые древесной белой плитой в дырочку, пол из стальных плит, оклеенных линолеумом, лампы, льющие сверху белый свет, - всё здесь, устроенное при нём, выведенное из ободранных до кирпича стен, обрушенных перекрытий и печальных, мрачных проёмов дверей и окон, ещё напоминало ему о времени его кипучей деятельности, горячей, будто комсомольской, стройке, днях его непререкаемого авторитета. Иззалесову Фёдору Сергеевичу было хорошо здесь. Ему расхотелось начальствовать и сердиться. Странные фразы странной игры не выходили из головы, хуже того: интриговали. Начальственно-ласково, грубовато-фамильярно Иззалесов вытолкнул из кресла, от центрального дисплея, Колесова и, разместившись поудобнее в нём сам, изрёк:

-Ну? Кто тут сумеет объяснить. Чтоб попонятнее и не так заумно, как обычно. Показывайте. Всё равно уж залетели...

Из опубликованного в году 1884-м:

«-Какая чепуха!... Как же это вы играете?

- Это не мы, ваше-ство, выдумали... Сохрани бог... Это мы только пример взяли...

- Объясни-ка, Звиздулин! Как вы играли? Я всё видел и слышал.

Звиздулин долго стеснялся и трусил. Наконец, когда Пересолин стал сердиться, фыркать и краснеть от нетерпения, он послушался».

...Сычѳв у шкафа с книгами в ответ на вопрошающий взгляд Рулѳва пожал плечами и демонстративно углубился в очередной том-справочник. Модестов повѳл носом и кивнул Рулѳву на Колесова. Рулѳв приглашающе кивнул Колесову, затем, озабоченно, на выход - Модестову, и вдвоѳм они направились к дверям. Колесов, вздохнул, шагнул, перегнулся через плечо Иззалесова.

Фѳдор Сергеевич заморгал: - Эт-то куда эт-то они!?

Подчинѳнный участливо вздохнул:

- Стойку смотреть, Фѳдор Сергеевич. Мы сейчас с Вами будем машину «дѳргать», а они понаблюдают. За пультом, на стойке.

Иззалесов внимательным взглядом упѳрся в подчинѳнного. Колесов, опять тяжело, вздохнул, мол, вот заботушки мне прибавили. Иззалесов продолжил давить. Подчинѳнный закатил кверху глаза, начал думать.

- Ну? - рявкнул Иззалесов.

- ...Ну, это... Мы будем делать обращения к ЭВМ, а они будут...

- Ну?!

- ...Ну, это... Стоять у инженерного пульта устройства управления накопителями на магнитных дисках в зале эн эм дѳ и осуществлять контроль за...

- Контролировать ситуацию.

- Й-ес! - обрадованно выпалил Колесов.

- Да так бы и сказал!- сосредотачивая внимание на экране дисплея деловито подвѳл черту Иззалесов.

Сычѳв зачарованным истуканом развернулся на непривычный звук, на лице нарисовывалась идиотская, дурашливая улыбка. Бухтин исподтишка показал Сычѳву кулак, затем также, стараясь оставаться невидимым для Иззалесова, постучал себя кулаком по лбу, что предназначалось уже для Колесова. Колесов снова перегнулся через плечо Иззалесова и бодро начал объяснять.

- ...Фѳдор Сергеевич, правил в игре немного, игра, - уверяю Вас! - очень, очень интересная. И полезная. Здесь главное: набить руку, поработать часы.

- Ну-ну, не умничай, - интеллигентно (мягким движением руки) остановил его Иззалесов. - И в топоре главное набить руку. Ты давай мне главное: в чѳм тут суть! А то - как да что, а всѳ чего никак.

- Суть в том, - зачастил ободрѳнный Колесов, - что Вы есть командир боевого космического корабля «Энтѳрпрайз». Вы защищаете Цивилизацию. На вашу Цивилизацию напали космические кровожадные чудовища - клингоны. Это негуманоиды. Вы должны на своѳм корабле обойти вашу Вселенную, - простите: Галактику - и за определѳнный промежуток времени уничтожить всех клингонов. Иначе, они уничтожат Цивилизацию.

- Хм-м - не хотелось бы, - прищуриваясь с разборками теперь уже на экран и

ещё более сосредотачиваясь, собирая себя, готовя всего себя к восприятию иномира, процедил Иззалесов.

- Вот и мы за это! - немедленно согласился Колесов.

- Та-ак?...

- У Вас есть корабль. С помощью команд - на клавиатуре набираются команды - Вы перемещаете корабль. У корабля есть локаторы. Локатор дальнего действия показывает состояние всей Галактики. Галактика разбита на квадранты. Локатор ближнего действия показывает, что делается в квадранте. То есть, вокруг Вас.

- Так - так.

- У Вас есть оружие: ракеты - фотонные ракеты, по-другому - торпеды и фазер.

- Ракеты - понятно. Что за фазер?

- Фазер?... Что-то типа лазера, гиперболоида. Он мощнее торпед. И цель он сам выбирает, не надо прицеливаться, не ошибётесь. Но он забирает энергию. У корабля.

- Забирает... Гм-м... Кончится энергия, что? Корабль остановится?

- Нет-нет! Погибнет!... Всем системам корабля, знаете, нужна энергия. Ну, там - системе жизнеобеспечения, например, команды, системе защиты,... Да, вот - система защиты, кстати. Она, как защитное поле, она спасает от нападений обычных клингонов. От суперклингонов может не спасти. Да, ещё: из-под защиты нельзя бить фазером.

- Так. Стоп. Значит, есть просто клингоны, есть суперклингоны.

- Да, и они могут сами передвигаться, реагировать на ваше движение. Нападать!

- Угу.

- А ещё есть суперсуперклингон. По-разному его называют: суперадмирал-клингон, адмирал-клингон...

- То есть - главный?

- Ну-у... Как сказать... Просто сверхсильный. От него надо или очень быстро убежать или очень быстро нападать на него.

- Так, ясно. Что ещё?

Ну давай - давай: не тяни kota за хвост: запрягай, чего ваньку валять - поехали.

Не снимая пальто и шляпы, больше похожий на агента, чем на начальника, Иззалесов сидел в кресле, вперив взгляд в экран. «Название какое-то нехорошее, - подумалось ему. - *Оттуда*... Надо проверить, нет ли чего идейно-вредного. Если нет, потом, пожалуй, уйду. Машина исправна, так бог с ними, пусть ночью поразвлекаются, в праздник можно, ночь своя. Отгулов не дам, пусть, раз сумели быстро починить».

- В игре несколько уровней сложности, - продолжал Колесов. - Новичок, стажёр, мастер, профессионал, адмирал.

- В чём разница?

- Разница в количестве клингонов, супергклингонов, отпущенном времени - в общем, в сложности игры. Давайте сыграем, новичком. Потом, сразу, адмиралом. Так будет понятнее.

Колесов ответил на вопрос ЭВМ буквой «Н», затем нажал ещё раз клавишу «ввод» и перед ними раскрылась карта звёздного неба.

- Обычно, против новичка - два-три простых клингона. Надо только найти их и уничтожить.

На экране среди звёздочек обнаружилась буква «Б».

-...Да, ещё: у Вас есть базы. На базе можно пополнить запас энергии корабля, запас ракет, отремонтировать корабль, даже заменить его. Правда, на менее мощный.

- Колесов поиграл клавишами. - Вот вся Галактика. Квадранты и сектора для удобства обозначаются цифрами, тогда у них есть координаты. Два-один, три-пять и так далее. Вот, смотрим, в три-один горит сверхновая, звезда. Там ничего - и никого уж точно! - нет. Заходить нельзя: сгоришь. - После очередного нажатия картинка сменилась. - Смотрим теперь наш квадрант локатором ближнего действия. Вот наш корабль. А вот - клингон. Вот есть база. Пускайте в клингона ракету.

Иззалесов по подсказкам Колесова набрал с помощью клавиатуры команду пуска ракеты, нажал клавишу «ввод». Зигзаг крестиков, обозначающих траекторию полёта ракеты, прошёл по экрану и впился в клингона. Клингон исчез. Иззалесов изумился. Они отыскали ещё двух клингонов, уничтожили. ЭВМ поздравила их с победой и запросила новый уровень игры.

Иззалесову подумалось, что игра простовата.

- Играем адмиралом, - объявил Колесов.

Его ученик на всякий случай сконцентрировал внимание.

Локатор дальнего действия показал им: Энтэрпрайз находится в квадранте базы. Колесов обрадованно забормотал: - Ну, повезло Вам, ну повезло... - Картинка, выданная локатором ближнего действия, заставила Иззалесова непроизвольно вздрогнуть. Сектора квадранта заполнили до десятка клингонов, среди них было два - супер. И хотя ЭВМ не давала рисунка, а обозначала всё лишь буквами, условно, скопище буковок «К», клингонов, представилось Иззалесову стайей гадких плотоядных хищников. (Здесь надо сказать, что Фёдор Сергеевич был не лишён воображения.) Непроизвольно, от внезапного омерзения он выругался: - Ух, сколько вас тут, бл...й!... - И вдруг (наверное, впервые в жизни) как тинэйджер спросил: - Это ничего, что я выражаюсь так? - Поднявшийся мгновенно суфлёр - замначальник снова успел показать кулак Сычёву и экзотический вопрос начальника не вызвал ни одного крика «ура».

В это время один из суперклингонов ударил по кораблю. «Система жизнеобеспечения выведена из строя!» - высветилось на экране. - Уходите на базу! - заволновался Колесов. Иззалесов передвинул корабль. База взяла корабль под защиту. - Бейте простых клингонов с базы, - предложил Колесов. Иззалесов, подобно охотнику, удобно устроившемуся на лабазе, не торопясь, расстрелял нескольких клингонов. Индикация показала, что система жизнеобеспечения восстановлена.

- Пошли? - оглянулся Иззалесов на наставника. Тот напряжённо кивнул.

Иззалесов не рассчитал: корабль перелетел через квадрант, таранил собой какого-то клингона, потерял систему защиты и способность двигаться. Ближайший суперклингон ударил по кораблю. Энтэрпрайз исчез. «Цивилизация уничтожена» - известила машина. Иззалесов слегка расстроился. - Ещё раз - адмиралом, - приказал он Колесову. Тот послушно набрал команду, нажал «ввод».

На Энтэрпрайз сразу напали. Иззалесов перевёл его в соседний квадрант. Там было потише. Иззалесов включил защиту, начал расстреливать клингонов, благо, суперов среди них не было. Самостоятельно уничтожив с десяток клингонов в одном, затем в другом квадрантах, получив энергию, ракеты и необходимый ремонт на ближайшей базе, Фёдор Сергеевич ощутил лёгкое чувство симпатии к своему кораблю. Хозяйственно оценил его обшивку, полы, переходы, системы, ракеты, локаторы, хозяйским взглядом пробежал по запасам. «Волгу» хочу, надоели «Жигули», уж как тесны, - подумал он. - Вот же корабль: какой просторный». Сочувствующий каждому удачному удару, спутником маячащий рядом Колесов, также показался более симпатичным. А когда Фёдору Сергеевичу удалось с ходу попасть во внезапно появившегося суперклингона и уничтожить его, чувства охотничьего азарта и ответственности за судьбу игровой цивилизации заполнили его сердце и ум. Самостоятельно, аккуратно и уверенно он повёл дальше, в глубину Галактики, полюбившийся ему, свой, родной Энтэрпрайз.

Но - удача мимолётна. В следующем же квадранте корабль Иззалесова был атакован, разбит, лишился защиты, двигателей, оружия. И неподвижный, безответный был в упор - нагло - расстрелян клингонами. Карта звёздного неба погасла. Звёздное человечество исчезло.

Тоскливые, разрывающие душу чувства - вины, утраты, неисполненного долга - охватили Фёдора Сергеевича. Ему стало нестерпимо горько. И где-то даже стыдно. Засвербило, заныло внутри. Он уже не помнил, что это всего лишь игра, взгляд его отрешённо блуждал в поисках чего-либо спасительного.

За клавиатурой, забытый впопыхах, лежал на гранёном боку стеклянный стаканчик. Взгляд скользнул по нему. Привычка подсказала, как быть, Фёдор Сергеевич машинально извлёк стаканчик. Ещё раз глянув на ироническую оценку своих действий на экране, он отвёл руку и осипло спросил: - Есть чего-нибудь?... Это, - попить. Этой вашей: «воды»... Да покрепче.

Колесов оторопел только на мгновение, потому что во второе Бухтин кивнул ему. Колесов кинулся к портфелю, зазвякало. Иззалесов перевёл взгляд: подчинённый, торопясь, «наливал». Если бы сейчас Фёдор Сергеевич заметил в Колесове хоть признак угодливости, то, пожалуй бы, опамятовался. И отвёл подаваемый стакан, и ушёл. Или накричал бы на всех, дал нагоняя, устроил взбучку, разогнал бы всех и ушёл. Заставил бы выключить ЭВМ, разойтись по домам, писать объяснительные и ушёл. Но! Во взгляде, действиях своего подчинённого он уловил столько мученического сочувствия, столько желанья разделить участь, столько понимания горечи проигрыша и утрат, что - выпрямился, снял с головы и положил на стол шляпу, принял стаканчик и, вздохнув (а, может, выдохнув), осушил его.

Без удивления отметил знакомый вкус «воды»: «Вроде бы «Пшеничная». Оглянулся, вспомнил про дым, который в окно, который... Достал сигарету. Сказал кому-то: - Машина, говоришь, исправна?

Он разминал сигарету и смотрел куда-то вдаль. Он уже не видел, как за его спиной Бухтин усиленно жестикулировал Колесову: чиркай, чиркай ты, пока он не опомнится, давай прикурить ему скорее!

- ...Так исправна, говоришь, машина?

В дверях появились Модестов и Рулёв. Иззалесов взглянул на них вопросительно. Та же рука протянула ему зажжённую спичку, пододвинула, словно показала, пепельницу: коробочкой согнутую перфокарту.

- ...Э-э-э... Фёдор Сергеевич, там тоже всё в порядке, - доложил Рулёв.

- Да?

Иззалесов снял плащ и (с дымящейся сигаретой (!) сел в кресло. Присутствующие были удовлетворены. (О, наивные, разве они могли знать: начальник просто решил взглянуть на проблему, так сказать, изнутри. И ещё, - заодно, согласно послед-

ним лозунгам и постановлениям партии, - побыть немного «ближе к людям».) А подчинённые начальника «втягивали», имея цель приручить делу. Начальник увлётся, может, поймёт что-нибудь? (С зам начальника это удалось, и удалось без труда.)

А начальник центра действительно увлёкся. В течение следующего часа Ф.С.Иззалесов упрямо осваивал клавиатуру, постигая заодно азы борьбы с космическими пришельцами в качестве капитана-новичка. ЭВМ много раз сама переводила его в Стажёры, но он отказывался до тех пор, пока не почувствовал: он знает и умеет доступное Новичку всё. Тогда сам начал играть Стажёром.

Ему показалось, освоился, но снова пришлось невероятно трудно. Возросло напряжение игры, появились суперклингоны, которые, в отличие от обычных клингонов, сами атаковали корабль. От нерасчётливого движения мгновенно выходили из строя системы корабля, кончалась энергия, кончались ракеты, приходилось отступать на базы, где, кусая губы, стоять на ремонте, стоять и ждать, видя, что исходит, что истекает твоё время... Погибать... Начинать всё с начала.

Кстати, читатель! Вы не выдвигали, как в 80-х годах прошлого, вот лишь прошедшего 20-го века, когда в России только-только началось повсеместное практическое применение вычислительных машин - тогда их ещё называли: ЭВМ - начальники и руководители, независимо и неважно какого ранга, и сами по себе, и по наущению господ программистов, которым они своими административно-бюрократическими и посконно-советскими привычками и подходом, в работе страшно мешали, втягивались в орбиту около-профессионального движения вокруг ЭВМ? Как вальняжные и солидные, недоступные, всегда официальные, для всех ниже рангом сурово-строгие, лысые и седые, с брюшком и без, посидевшие на административном поприще и съевшие на нём не одну собаку, пастыри целых заведений, их частей и отцы семейств... - за два-три вечера превращались в старых подростков, проводящих все свои свободные часы за укромными дисплеями в машинных залах. Как они забывали о наступлении обеда и окончании рабочего дня, приходили - совершенно случайно, конечно, либо по неотложным делам, якобы - на работу в выходные. Зачем, почему, спрашивается? Да чтобы поиграть. Например, в «Звёздный поход», самую распространённую тогда, после «Крестиков-ноликов», компьютерную игру. Тогда, когда внедрение компьютеров в российскую повседневную жизнь только начиналось.

- ...Сергей Фёдорович! Вам жена звонит.

- Что? Чего?

Поднимет отчуждённый, отсутствующий взгляд из-за экрана. -...А? Чего? Жена? Какая жена? Чья жена?... - Махнёт рукой в отчаянии: а, жена! Так бы и сказали. Но как не вовремя!... - Скажи что-нибудь. Скажи ей: серьёзная неисправность, я должен руководить работами на ЭВМ лично! На ужин тоже пусть не ждут. - И уж даже вранью через подчинённого не стесняется, после двух-трёх вечеронок не стесняется - потому, здесь всё равно всё на виду, здесь другие критерии, здесь все фанаты, здесь все свои. Ну а иной поднимется, попросит подчинённого сказать жене, чтобы перезвонила в кабинет, пойдёт в свой кабинет. Но что он ей там растолкует? Всем ясно, что только более важным голосом то же самое. Та супруга, естественно, повозмущается внезапно возникшему постоянному мужеотсутствию, да успокоится, конечно, успокоится - муж её ведь не где-нибудь, на работе, у него очень ответственная, хоть и очень непонятная работа: руководить работами на э-вз-эм.

...А руками водящий администратор часами без перерыва шастает по заэкранной вселенной. Это - как семечки, как рулетка, как преферанс.

И не смейтесь! Здесь было настолько серьёзно, что бывали даже и драмы!... Здесь - Шекспир! Здесь тень Гамлета.

Впрочем, вот окно, смотрите в него сами.

Иззалесов уже не знал, сколько прошло часов (а, быть может, и дней): выпав из времени и пространства, он спасал, спасал и спасал игровую Цивилизацию. Он прекрасно знал: это просто игра. Но - термины! Но - масштабы!

Перед глазами - всего лишь экран; но ведь - галактики, но - цивилизации! вселенные!!! Само дело - и ответственность за него - были огромны. Ответственность была настолько огромна, что ничего подобного ранее он не испытывал.

Боковое зрение Фёдора Сергеевича фиксировало и доносило ему всё, происходящее вокруг в комнате. Вот поднялся и топчет туда-сюда в полной прострации озабоченнейший Бухтин, жестикулируя, как мим, как дурачок, сам себе. Вот пронёсся с шлейфом листингов Сычёв, и входящий в комнату Модестов едва сумел увернуться, отскочить с его дороги. Захлопала крышка вскипевшего чайника, кто-то кому-то крикнул и Рулёв прошёл мимо, сзади, за спиной Иззалесова, бормоча: «Опять мне заваривать чай...» Проплыл запах колбасы, к нему примешался аромат сдобного хлеба. Фёдор Сергеевич, как опытный руководитель, видел и чувствовал вокруг себя всё. Сейчас он был - Капитан, на своём Корабле Капитан с удовольствием ощущал атмосферу единой Команды.

...Он даже уловил едва слышимый шелесто-шорох распрямляемо-пересчитываемых дензнаков. И, мгновенно оценив обстановку, и определив, что седьмое ноября уже наступило (что оправдывает в данный конкретный момент без его санкции празднично-организуемое всё), принял единственно правильное партийно-командное решение: всё возглавить. Достал кошелёк, отсчитал точно определённую им на его взгляд его долю, протянул кому-то деньги свои. Сказал: - На ... э-э-э - «воду» - Пробурчал: - Лучше, если там есть, «Столичную». И пачку сигарет. Если там есть.

От него приняли, ему согласно кивнули. Потом ему подали и, - под краткий тост-здравицу, - он выпил. Ему предложили, он закусил. Его лаконично спросили, он согласился, - ему подали чай. Он отхлебнул и спросил, где взять сахар. Ему показали рукой, он поднялся. Он спросил ложечку, ему дали, он подошёл, положил себе сахарный песок, размешал чай.

Он воспринимал происходящее, как узаконенное, как обыденное. Он видел, никто не подстраивается по его присутствие (разве что освободили, выделили ему дисплей), но все заняты, как он начал подозревать, видимо, тем же, что и без него планировали делать. (Естественно, приди он и «топай ногами», всё здесь было бы сейчас по-другому.) Он сделал осторожный вывод: в этой команде его дело - величественно - и крепко, и в сторону Дела! - держать руль. Всё остальное команда знает и исполнит сама. Они - профессионалы, с ними и он будет, вне зависимости от его уровня образования, специальной подготовки: профессионал. Он научился делать пепельницу из перфокарты, узнал, где стоят кофе и чай, стал курить, потягивать чай,

играть на ЭВМ, наблюдать за спящими людьми и размышлять над всем, над этим.

...Наконец, ЭВМ сама перевела его в Профессионалы. Иззалесов внутренне подтянулся, собрался, ещё и ещё осторожнее повёл свой корабль. Это был настоящий боевой звездолёт! После облёта двух квадрантов, боёв в них, пришлось ретироваться на базу. На экране засветилось сообщение о нападении клингонов на другую базу цивилизации.

...К утру сигаретный дым уже не успевало выдувать, он сгустился и застыл пеленой, полосой на уровне глаз. Усталость, бессонная ночь, перегрузкой давили на плечи. В голове туманилось. Мысль была воспалена. Фёдор Сергеевич в очередной раз набрал команду опроса состояния систем корабля. Пока ЭВМ обрабатывала запрос он, смежив веки, откинулся на спинку кресла.

«Нападение клингонов. Суперклингон атакует» - вспыхнуло на экране. Фёдор Сергеевич с безнадежностью простонал и безжизненно уронил голову на грудь.

-Вы кто сейчас? - спросил голос сверху, откуда-то.

-Профессионал, - погружаясь в темноту, успел ответить Иззалесов.

-...Удачи Вам! - донеслось вслед.

... ..

... ..

...

.

...Межгалактический «Энтерпрайз» капитан-мастера Фёдора Иззалесова после изнурительного боя с клингонами в квадранте, соседнем с Базой, был буквально втянут Базой под свою защиту. Израненный звездолёт тут же поместили в доки и тысячи ремонтников, словно кропотливые муравьи, тотчас облепили корабль. Изнемождённая, обессиленная, минуты назад отсчитывающая последние глотки кислорода, команда, последние часы боя непрерывно поддерживающая, взбадривающая себя запрещёнными в обычное время алкоголесодержащими стимуляторами, - ничто другое людям уже не помогало, - приходила в себя в отсеках и на палубах. Капитан, не в силах выйти из управляющей рубки, глотал дымно-мутный, но с каждой минутой свежающий воздух, в своём кресле.

О, дом! О, родной дом - где ты?! Как ещё далеко до тебя.

Находиться под опекой Базы, вдыхать лёгкими пьянящий кислород, упиваться мирным рокотом мирных машин где-то под ногами, где-то внизу, было бы для капитана величайшим блаженством, если б...

Если бы Фёдор и сквозь забытьё не помнил, не знал: это - последняя База Цивилизации, это - её последний «Энтэрпрайз», он - её последний капитан-Мастер.

Война шла давно. Цепи клингонов сжимались. Все, брошенные на борьбу звездолёты высшего класса, класса «Энтэрпрайз», погибли: были раскорёжены, сожжены. Растерзаны в космической ночи, развеяны в космическую пыль ударами армад жаждущего вселенского господства негуманоидного тотального противника.

Только что из периферийного квадранта Вселенной, от Колонии «10-1», когда-то привольно раскинувшейся на маленькой голубой планетке, - которая была так похожа на родной очаг Цивилизации, что её и назвали подобно: «Земля-2», - пришёл сигнал бедствия. Космический SOS - эта надежда на спасение ещё живых! - ради жизни пронёсшийся быстрее молнии миллиарды мегакилометров, был полон отчаяния. Незримым ужасом он витал над людьми, спешно латающими последний мощный боевой корабль. Земля-2 взывала о помощи! Земля-2 кричала о помощи, кричала в бесконечность! Кричала - куда?...

В сигнале землян было: три - три!!! - суперадмирала клингонов при-

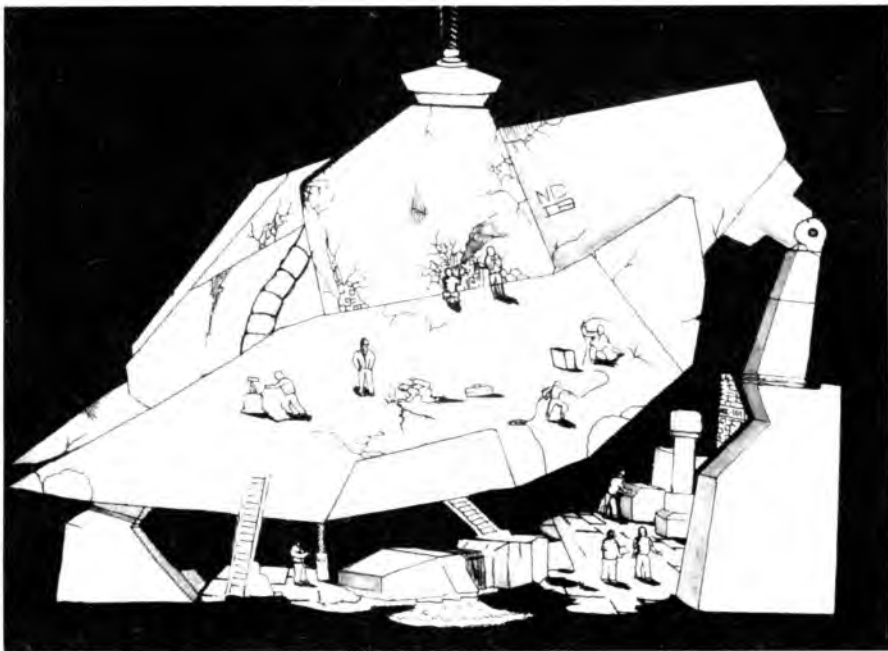
ближаются для атаки планеты, а десятки клингонов давно осадили её. В сигнале землян было: все запасы энергии, вплоть до энергии древних законсервированных атомных станций, на исходе, защитное поле недопустимо истончается, прогибается...

..Земля кричала от безнадёжности. Кричала в ни-ку-да.

Потому, что там всё понимали. Они понимали... Как понимали и здесь. Умом все понимали, что «Земля-2» погибнет, что и сама последняя База вскоре тоже будет обречена - ...три суперадмирала клингонов в ряд. Где же вы - Оби Ван Кэноби и Энэкен Скайвокер! Три... Суперадмирала клингонов!!! Несколько их ударов и планета пуста. И через два-три часа после этого они могут быть здесь. Сейчас База надёжно защищена, значит, начнётся осада. И это не беда, потому что технически противники примерно равны, потому что даже во время осады База могла строить звездолёты высшего класса: «Энтэрайз». Но, но... У Цивилизации уже не было Адмиралов. Капитан-Адмиралов. Которых не построишь ни за год, ни за два. И это было смертельнее всего. Войти в схватку с суперадмиралами клингонов достанет мужества любому из пилотов Цивилизации, выйти же из неё... Цивилизации не нужны были камикадзе. Базе Цивилизации требовался высшего класса профессионал. То есть - Адмирал.

База сообщила на звездолёт, что Высший Совет присвоил Фёдору Иззалесову звание Профессионала; дополнительно извещая, что некоторые члены Совета считают его достойным адмиральского звания. Звание было заслуженным, Фёдор давно ждал его. Но сейчас, теперь он принял бы его, как аванс. Как дань признательности, уважения, преклонения, к готовящемуся рискнуть. Как мемориальную табличку, надгробный памятник последнему, сдающему практический экзамен на Адмирала.

Ремонтники спешили. Фёдор включил на опрос систему индикации готовности всех систем корабля и замер перед экраном. Всё-таки он решил попробовать. «Я могу всё отстоять». Сурово гипнотизируя себя, экран перед собой, весь целиком свой корабль, он тщательно собирал, скапливал, упорядочивал в ответственных отделах своего мозга весь свой личный опыт, опыт своих Учителей, опыт всей Цивилизации по борьбе с клингонами. Капитану нестерпимо жаждалось родиться раньше - раньше бы на десять лет, на пять, хотя бы на три, ну хотя бы на полгода! Так ему недоставало до Адмирала часов опыта, часов знаний. «Кроме знаний, главное в нашем деле: набить руку», - воскресила вдруг память наставление самого первого Учителя.

...Иззалесов почувствовал, сзади него кто-то прошёл, прошёл нетвёрдой, качающейся походкой. «Слюняй, размазня! Наклюкался... Нельзя так распускаться», - проскользнула мысль.

...«Нет, нет, это не из команды, команда моя к алкогольным стимуляторам крепка». Интуиция подбросила Фёдору версию о списанном когда-то за откровенное пьянство Адмирале. «Верно решил, всё равно где погибать и пробрался на корабль.»

Системы известили о готовности, Фёдор отдал команду.

-Ребятки! Выходим!

Внизу, под кораблём начали расходиться. Фёдор нажал кнопку отсчёта минутной готовности. Стартовая площадка опустела. Застучал электронный метроном. Метроном стучал напряжённой жилкой в мозг, метроном отсчитывал последние секунды спокойной жизни. «Или жизни вообще...»

Порты Базы раскрылись. Всего на мгновение - в конце последней секунды! - по команде капитан-Профессионала было снято защитное поле Базы, и в самую середину этого мгновения пущенным из пращи камнем «Энтэрпрайз» сорвался с площадки и исчез в подпространстве. Клингоны упустили его.

Радость удачи искрой сверкнула в зрачках капитана. Сам он не шелохнулся: тело превратилось в спящий гранит ещё на Базе, работал только мозг, с которого снимала приказы бортовая ЭВМ.

Бросок! Бросок без разведки сквозь два квадранта равнялся древней безумной игре землян-русских в «русскую рулетку» - в любом неразведанном квадранте могла зарождаться сверхновая или ждать корабль подрывные автоматы - устройства противника: космическое минное поле. Однако, выбора у капитана не было: «Пан или пропал» - так, вроде бы решались эти странные русские. Вообще весь полёт, - Фёдор понимал - есть игра в жизнь со смертью, игра пятьдесят на пятьдесят. «Пан!» - звездолёт вынырнул в Поле в чистом от всего опасного квадранте. Мгновением позже на границе квадранта появился суперклингон. Одной интуицией, на пределе своих возможностей и возможности скорострельно мыслить - мозга, Фёдор определил направление следующего движения клингона и послал его ко всем чертям залпом из трёх фотонных ракет. Супер развалился от второй. Всегда прижимистый Фёдор пожалел о лишней третьей.

«Путь свободен! К Земле, вперёд!» Фёдор решил на новый бросок, иначе не успеть - бросок через три квадранта. «К Земле, скорее! Скорее, кораблик, милый, скорей! Спаси их! Спаси их! И мы спасём нас».

... «Что это! Сообщение? Сразу два? С Колонии и с Базы? Вот раз... - Два суперадмирала клингонов двинулись вам на перехват - Это первое. Ясно. И в сторону. - Два суперадмирала клингонов уничтожены в квадранте 7-2 вспышкой сверхновой звезды - Это второе. И больше ни сло-

ва?» Больше люди не добавили ни слова. Ни слова! И этим тоже многое сказали, сказали: всё в твоих руках, капитан.

«Как просто. Сообщение, равное цене жизни и ни слова лирики. Правильно, петь песни будем потом. - Фёдор стиснул зубы. - Да, есть бог на свете... Так, так, так, - вскачь, чапаевской атакующей конницей (Фёдор обожал этот архаический фильм) понеслась мысль. - Что МЫ теперь имеем. Обычные клингоны - это мелюзга, не в счёт, вывоплю, как мышью и распылю потом. Суперов разобью, я, думаю, разобью. Осталось одно препятствие: клингон-суперадмирал. И мы с ним теперь встретимся один на один, а не три против одного. Да, теперь это точно пятьдесят на пятьдесят! Это надежда». Фёдор положил обе руки на клавиатуру.

«...Боже! Если ты где-то есть. Я всего лишь слабый человек - помоги мне! Помоги ещё раз! Помоги всем нам!»

Мысленно перекрестившись, чего не делал пред тем никогда, Фёдор завёл корабль в квадрант 10-1. «Ну надо же!» Простая случайность развела его с суперадмиралом-клингоном по разным сторонам планеты. В голове капитана запестрело. «Так. Причалить к их базе. Встать под её защиту. Обстреливать фотонными, заставить его лавировать. Выждать момент, накопить энергии, выскочить с базы, ударить фазером. Стандартный вариант. Так. Какая альтернатива. Встать по другую сторону от него, за их базу. Отвлечь - ударить с большим разбросом всеми фотонными. Причалить к базе, снять её защиту, объединить энергии, ударить фазером. Стандартный вариант. Нет.» Фёдор быстро проиграл в уме все возможные варианты - нет, нет и нет. Ни один не давал даже пятидесяти процентов успеха. А рисковать было нельзя, рисковать было слишком рискованно, даже бессмысленно: суперадмирал-клингон не из тех противников, что упускают шанс. Нужен был, сейчас нужен был только стопроцентный вариант. И Фёдор нашёл его! «...Да, всего один: это таран. Да, таран. Сам погибай, а Цивилизацию выручай!» Он, Фёдор Иззалесов, навсегда впишет в Кодекс строителей коммунизма Цивилизации новую пилотическую заповедь.

...Внезапно Фёдор оцудтил за спиной чьё-то присутствие. Не поднимая распухших от усталости, от бессонницы век, не оборачиваясь, не спрашивая, он понял: команда. Он точно знал, все до одного они здесь, плечом к плечу. И старший помощник всё также толст и лыс, начальник смены сух, подтянут, сдержан, инженер ЭВМ насмешлив и вызывающе хрустит костями пальцев... Они стоят, они ждут. Они ждут

верного для всех решения своего капитана. А у Фёдора наверняка имелся только один выход. И этот выход, ТАКОЕ решение должна была принять теперь ВСЯ, непременно вся команда. Точнее, решения было два, второе - аннигиляция корабля, которая вызовет в квадранте вспышку сверхновой, которая сожжёт в квадранте всё и вся. Первое решение давало девяносто девять шансов из ста Земле-2 и Цивилизации. И ни одного - кораблю. Второе - сто шансов из ста Цивилизации и ни одного Земле-2 и кораблю. И экипажу корабля, конечно...

Фёдор принял решение. - Команда? - Он ждал их ответ.

-Капитан! - услышал он голос начальника смены. - Есть и ещё решение: надо позвать Адмирала. Это против всех правил, но... Сейчас нет правил, какие правила, когда всё погибнет...

...Он, правда, не совсем трезв, он нетрезв, конечно. Но он - Адмирал! И он должен найти выход. А осуществите его Вы.

- У нас есть Адмирал!? Что за чушь, Александро!?! - Фёдор возмутился. - Ты хочешь сказать: этот? Адмирал - это этот опустившийся пьяница? Жаль, что звание «адмирал» пожизненное, Адмирал - это прежде всего моральный облик! А он... Пользуясь нашими законами притащился на борт... Спит где-нибудь...»

Фёдор Сергеевич Иззалесов усилием воли открыл глаза, сжал пальцами подлокотники вращающегося кресла, развернулся. Блеснула сияющая лысиной макушка головы. «Бухтин? Что со мной? Где я?!» К нему обращался начальник дежурной смены Рулёв.

...Фёдор Сергеевич, ещё раз прошу: давайте позовём Сычёва. Он, правда... Ну, вроде как задремал. Но ситуация у Вас безнадежная: этот суперадмирал разобьёт сейчас и базу, и корабль. У Вас истекает время - Вам не хватит времени заставить его подставиться. А жалко, хорошая игра, ей-богу, хорошая игра, давно все не видели такого исхода! Я даже остановил процессор, все стоят. Давайте, если Вы не против, позовём Сычёва: адмирал, он и в Африке... Он и всякий - Адмирал.

Фёдор Сергеевич, развернувшись обратно, оценил ситуацию, тяжело вздохнул и грузно поднявшись, занял место в общем строю. Привели упирающегося и конфузющегося Сычёва. Поднятого, но не проснувшегося «адмирала» силком усадили в кресло, повернули лицом к экрану. Секунд двадцать он тупо смотрел вперёд, пытаюсь сосредоточиться. Затем, обхватив ладонями не по-адмиральски юное лицо, пробормотал: -Этто чё вы тут делаете-то... - Ответом было дружеское похлопывание по плечу: -Давай-давай, действуй! Не шутики шутить подняли. - Сычёв вздохнул: -Какие

уж тут шутки - тут плохи дела, мужики. - Все находящиеся сейчас на вычислительном центре «мужики», стараясь не пропустить ничего, что будет происходить сейчас на экране, облепили кресло Сычёва. Облепили так плотно, что руки Сычёва оказались зажаты, и он мог только командовать. Команды набирали слева - Рулёв, справа Модестов.

-...Ну! Пробуем... Коля, «стукни по голове», ну, это - запусти процессор: я готов.

...Парни: к бою!

...Так, быстро выходите из квадранта!

...Что - зачем? Я просил рассуждать?!

...Не туда!!! Бля... - по прямой!... Ну - кор-ровы...

...Ладно, проехали... Сейчас он, подскочит к базе - я их, гадов, знаю.

...Так, обождём. Он скорее всего - туда, где мы только что стояли, а потом, где из квадранта вышли.

...Та-ак, снимай защиту.

... Что - чью?! Свою! Можно потише? Вы можете все замолчать!

...Входишь в квадрант и сразу фазером. И по максимуму! И - сразу на базу.

...Что ты набираешь!!!... Фёдор Сергеич! Исправьте у него скорей! Хоть каплю надо оставить своему кораблю энергии?

Теперь руки Иззалесова и Рулёва исполняли на клавиатуре партитуру - мысли «адмирала».

-...Оп! Вот так...- Сычёв, наконец, сумел освободить свои руки. - Дайте мне.

...Вот так! А ну - шар-рах ему фазером!

...Вот так... Теперь он будет стоять, как миленький!

...Шесть! Торпед ему в брюхо... Без разброса! Не промахнусь!

...Есть контакт! Ну! Ну! Ну!!!...

Все замерли. Все склонившиеся к дисплею фигуры как вмерли. Суперадмирал-клингон на экране безостановочно дёргался в перекрестье зигзагов - ракет. Да нет! Он дёргался в перекрестье убийственных взглядов!!!

-...Всё - «привет васе». Теперь - всё, - спрогнозировал его судьбу Сычёв - Адмирал.

Под ликующие возгласы толпы ракеты сделали своё дело: клингон был уничтожен, с локаторов исчез. Чувство немомого восторга побратало присутствующих. Сычёв высвободился из-под навалившихся тел и под шумок нетвёрдой походкой двинулся прочь. Ему крикнули: - Сыч, ты куда!? - Он не обернулся: - Куда... Дайте поспать! Устал, не думается. В машинный зал, за процессор, на стулья. Поднимите кто-нибудь через час.

- Ну, ни хрена!... - возмутился Колесов.

- Да пусть его идёт, он же устал, - попросил Иззалесов.

Булькнула бутылка, звякнули стаканы. Похрустел на зубах хлеб, тренькнули ложечки - чай. Заструился изо ртов дым, потекла обычная охотничья беседа.

Докурив... Фёдор Сергеевич сбросил пиджак... Засучил рукава... И ... продолжил игру. Все разошлись по своим местам, занялись делами.

Из опубликованного в году 1884-м:

«Сторож Назар, пришедший в семь часов утра мести дежурную комнату, был поражён. Картина, которую увидел он, войдя со щёткой, была так поразительна, что он помнит её теперь даже тогда, когда, напившись пьян, лежит в беспмятстве. Пересолин, бледный, сонный и непричёсанный, стоял перед Недоеховым, держа его за пуговицу, говорил.....»

...Пришедший утром на вычислительный центр узнать итоги работы смены главный инженер на пороге комнаты программистов от невозможности осознать и переварить увиденное подавился приветствием, заметно икнул и, попятившись назад, вскрикнул, напугавшись толкнувшей его двери; чем разбудил мирно сопевшего в углу за дисплеем Владимира Ивановича, кой и по сей день рыдает и хохочет, как только всё вспомнит. Картина, представшая дисциплинированному педантичному, как немцу, труды действительно была трудно осознаваема и едва ли переварима.

Табачный дым рвано плавал по комнате, вызывая у свежего неподготовленного человека смертельное раздражение, и чих, и кашель. Свёрнутые из перфокарт пепельницы и кулёчки для стряхивания пепла перемежались на длинном составном столе со шкурками от колбасы, крошками хлеба, обёртками пачек печенья. Кучки чайной заварки соседствовали россыпям сахарного песка. В дальнем углу перед экраном дисплея сам себе сонно кивал головой заместитель начальника центра. На расставленных полукругом стульях утомлённо зевала ночная смена. Посередине комнаты спиной к входной двери...

(После этой истории с «Владимир Ивановичем на диване» некоторые точно подумают - Автор всерьёз уверен: человечность развивается книгами.)

повесть

Не повторяется

Такое

Никогда

Солнечным сентябрьским днём двое мужчин лет сорока, два друга, - двое привычных один другому людей сидели на берегу реки.

Была пора вечернего клёва, и две пары удочек - короткие, ловить у берега, ставить на глубину, длинные, в три-четыре колена: взять рыбу с далекой воды, с середины - лежали на рогатинках, толстыми концами ткнувшись в береговую твердь, тонкими склоняясь к воде; и ей же кланяясь, как подмытые рекой осины. Клевало редко. Брал окунь; хватал сразу, - ловко, намертво, взаглот - и не подсекай! - никакой не сорвался, не плюхнулся обратно, выдернутый из воды, ни разу не огорчил рыбака.

Один из друзей, плотный, каштанововолосый, с коротко стриженными усами и такой же бородкой, а волосами длинными, забранными в хвостик, как у священнослужителя или заграничного киноактёра, примостился у самого среза воды, на подбережье, где соломенная осенняя трава касалась волос, а водяные лопухи манили шагнуть на них, просились под ноги. Он, то следил за поплавками, ловя при этом боковым, всем другим зрением, чувствами эфиры, токи природы, то вперивался в красное, жёлтое на противоположном берегу, и тогда закуривал, веял по ветру синеватый дым, выпускал восторженные вздохи - тихие, эфемерные, хрупкие, - такие, про которые говорят: почудилось, - сердечно звучащие, шуршащие, как шаги листвой, мирно растаивающие в окружавшей среде так же, как дым. Завидя поклёвку на дальних удочках, он восклицал - негромко! не нарушить ничего! ничего не спугнуть! - зазывал голосом, рукой, призывно обращался к другу: «Серёжа!» Или: «Серёж! Серёг! Да лови же! Да иди! У тебя же клюёт!!... Беги давай!»

Другой, зеленоглазый, с густыми волосами цвета выдержанного в снопах и не убранного до снега, до замёрзшей осени льна, - спутанными сейчас, причёсываемыми пальцами, приглаживаемыми ладонью и оттого перевитыми, как сенная копна, но даже при этом чувствовались в них аккуратность, ухоженность, регулярная стрижка, - сухощавый, подтянутый, с лицом русским, чуть непропорциональным, вытянутым, как у иконописных лиц, - сидел выше: метрах в пяти и двух, по высоте, от воды, у костра, разложенного на пяточке ровной площадки обросшего кустами крутояра, скрытого теперь лесом древнебережного косогора, читал. На зов он немедленно откликался, энергично, пружинисто срывался с места, отрываясь от книги, в которую вот уже больше часа то рассеянно, то напряжённо, то согласно кивая, то по больному улыбаясь, глядел; будто вспоминая, мечтал. Он отрывался ещё и от кружки с чаем, что поставленный питься, всё забывался и потому остывал, и потому непрерывно подогревался на углях костра, - и от самого костра, что истощённо дымил, вовремя не получая пищи от забывчивой руки. Он поднимался, делал вниз несколько шагов, брался за уду.

Вылавливая рыбину, друзья восторженно ухали, вместе радовались, показывали друг другу оттопыренный большой палец правой руки, вместе постояв, расходились.

«Всю рыбу проспишь!» - укорял и гневался словами, при этом смеясь глазами, первый, тот из друзей, что проводил время близ удочек, у самой воды на берегу, когда второй возвращался к костру, устраивался поудобнее на подушке из еловых лап, приваливался к стволу тут стоящей берёзы, трогал рукой кружку с чаем, вновь брался за книгу. «Не просплю» - возражал второй. Река, удочки, поплавки, друг, другой берег были пред ним как на ладони. Сзади и вокруг - лес, если растянуться на ветках - солнце, повернуться боком - уголёчки костра. Чувствовалось, ему комфортно, умиротворённо, благостно от всего этого, это внезапный его дом, в котором сегодня уютно и тепло как никогда.

Завидев, что друг его засмотрелся не в поплавки, куда-то вверх - в реку, в плывущие листья, в другой берег, он окликал негромко: «Вади-им!» И совершенно банально, как принято, что входит в ритуал рыбалки, обычаи истинных рыбаков, мгновенно насупясь, шутил: «Ты там «родимую» не упусти! Что тогда вся рыба... Упустишь - спортишь всю рыбалку!... Она хоть на месте? Следишь? Бди».

Тот, что находился при удочках и которого звали Вадим, непременно приседал тогда, нагибался, тянулся к воде, в ней шарил рукой, нашарив, что-то ощупывал под водой, поднимался. Бутылка «Столичной», привязанная под общий их смех на две, каждого особо, верёвки и одну, обще, проволоку, с утра холодилась в речной воде. Проверив её, удостоверившись, первый поднимался так же и на шаг вверх и под кустом, в траве, не менее тщательно осматривал кукан-прут с наловленной рыбой. Второй обязательно за всеми этими действиями следил. Спрашивал: «Сколько уже?» Имелось ввиду, рыб, имелось ввиду: поймано, сидит на кукане. «Девять и четыре». (Четыре сорожки, девять окуней.) «Хм-м, что такое!... - возмущался второй. - Ни одного ерша!...» «...Да! Чёрт их дери, - откликнулся в тон ему первый. - Куда-то сегодня запропастились... Но ничего, будет, будет сегодня у нас уха! - заключал он, убирая обратно в куст ветвь с гроздьёй рыбы. - Да уж, знаешь, и без уха!...» И он оглядывался, озираал всё: словно пытался вобрать глазами! Всё, всё-всё! Всё, что кругом него: выше, ниже, даль, близ, на этом, на том - и ещё на каком-то, видимом только ему одному! - берегу, поворачивался ещё и ещё раз, поднимал глаза, подставлял их, лицо, солнцу, замирал на нём взглядом мгновенно, и! - слепо, немо счастливый - искал, искал глазами: кому счастье, счастливое состояние своё передать.

Оглядывался на друга, взгляды друзей встречались. Встретившись, и смутившись - и устыдившись излишнего, непривычного, откровенности до душевного обнажения - разбегались; но проходил миг, и они снова неумолимо магнитно притягивались, поднимаясь друг к другу. И, снова встретившись, мирно схватывались, рождая в душе немый благовест от наслаждения чувствованием себя, своей души,

как частички, как участника хорового голоса органно-поющей, бушующей беззвучно гармонии в живущей природе.

— — —

Друзья ехали рыбачить. Но!... Лишь только пришли, лишь присели - отключились от тревожных мирских забот, вдохнули здешний воздух, зажгли костёр, огляделись в храме, умылись, смотрясь в воды...

Золотопустынность, осень, шуршащая тихость, лесная миропоющая река, одиночество на пару уединению вдвоём... - бог мой!... Мужские будничные грёзы - прозаические мечты о речке, рыбной ловле, безмятежном сидении с удочками, простом разговоре под водочку и уху - эти мечты, час за часом теснимые нарастающим, ни с чем не сравнимым блаженством созерцания мира, растворением себя в этом мире, внимания главному: своему внутреннему и вместе с тем окружающему всеобщему миру - ведь МИРУ! - в один прекрасный момент встрепенулись, крикнули стайкой поднятых кем-то, чем-то с насиженного места утей, покружились на месте, крутнулись в воздухе, взмыли вверх, ринулись вдаль, хлопая крыльями, испарились за речным поворотом - нет, настойчивые, воротились, снова кружили, снова крутились - но уж нет и нет! уже вернуться, сесть вовсе негде! незачем! - с сожалением улетели. Исчезли, не задержались, улетели, лишь поманили. И - всё: сменилось всё, исчезла рыбалка. Остались - осень, яркий конец сентября, река, берега реки, ниже-выше изгиб и перекаты на поворотах, лес, костёр, друг близ тебя на солнечном берегу.

— — —

Стояла осень, был самый конец сентября.

Высоко, над лентой неширокой лесной реки светило чуть греющее у земли солнце; высоко стояло над нацеленным в него, в недостижимую высь, крутого правого берега тёмно-зелёным вековым лесом, краснело, желтело, дрябло в листе левобережных ольх и кустов, зябло в опадающих, сваливающихся листьях, затухало в траве и - светило! стояло над всем! - сверху по лесу катясь на закат к горизонту.

По бледной синеве высокого, недоступно-высокого снизу, из прогала реки, неба, плыли, текли, стремились, как птицы теперь, как птицы на юг, скупенные облака. Медленная река, с постоянством отдыхая в омутах, переливала себя, перебирала струи на перекатах. Тоже стремилась на юг: плыла туда, текла, наклонённая южно, влекла, собирала водички сбегających к ней каменистыми ложами родничков, легко гасила их младенческий бег, пробовала воду, принимала, хозяйкой закатывала, смешивала, настаивала в омота; божественно разделяла здешнюю землю на две половины.

- ...Эх!...

Эх, Серёжка!... А Серёжка? Да оставь же ты книгу! Ей богу... Да лучше посмотри. Смотри, что творится вокруг, что кругом! Смотришь, смотришь - насмотреться не можешь. Вдруг говорю себе: бушует осень. А? Так? -

Тот из друзей, что был постоянно у нижнего берега, при воде, казалось, решил: хотел и осмелился распахнуться.

(О, если б каждому - друг и с ним: до конца!)

Тогда другой от книги - и мгновенно! - откинулся назад, привалился к стволу. С минуту заворожённо глядел, затем стряхнулся, словно очнулся, бросил веток в забытый, опавший пеплом костёр, сдвинул с колен забытую книгу - она лежала уже не перелистываемая минут двадцать.

- Я не читаю, Вадим. Я тоже смотрю. Я вижу. Вижу! Знаю! -

И это «вижу» второе прозвучало, как: «я согласен с тобой».

- Иди сюда!

- Нет, поднимайся ко мне! -

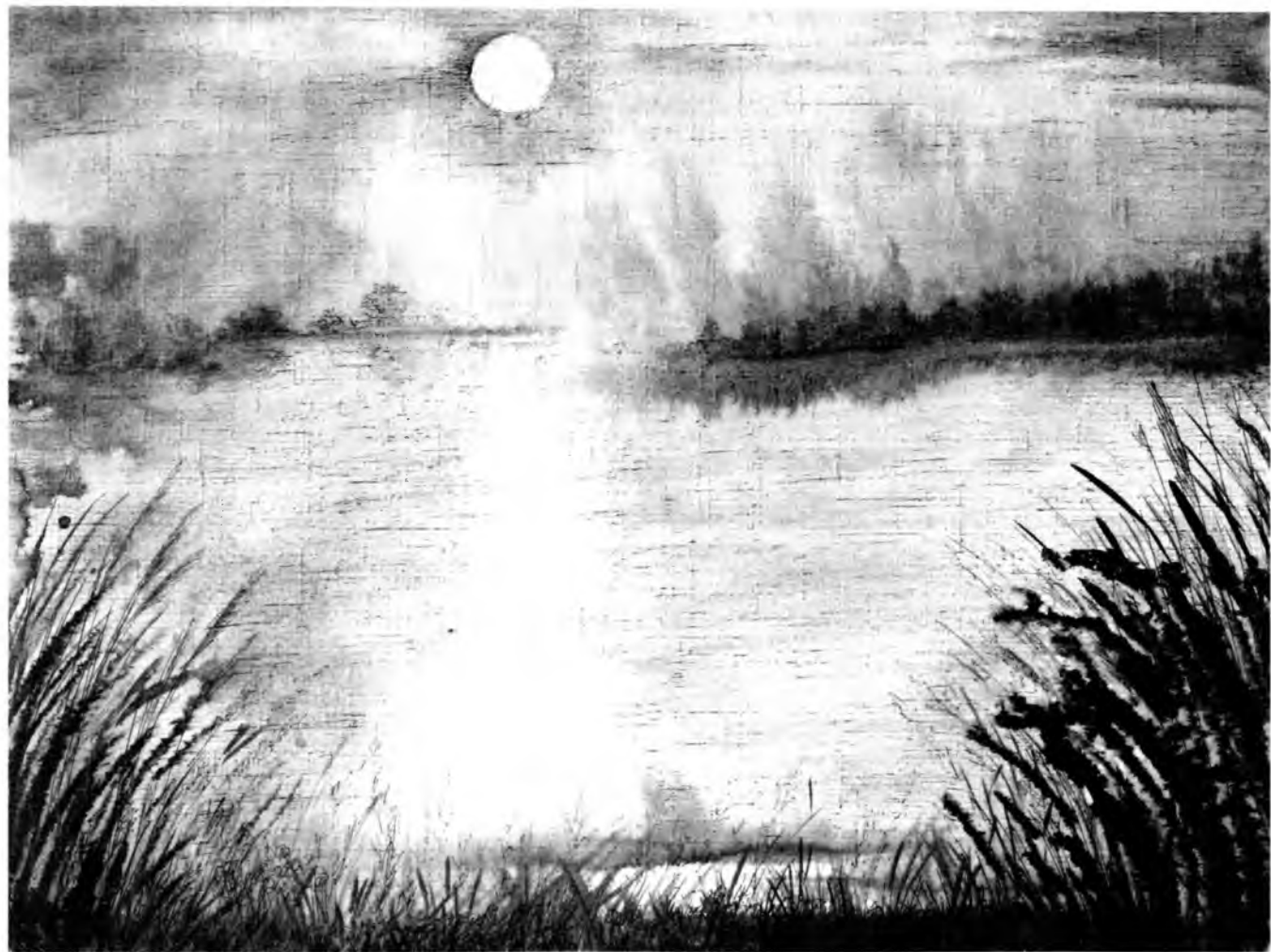
А прозвучало, как «поднимайся сюда», мол, отсюда виднее!

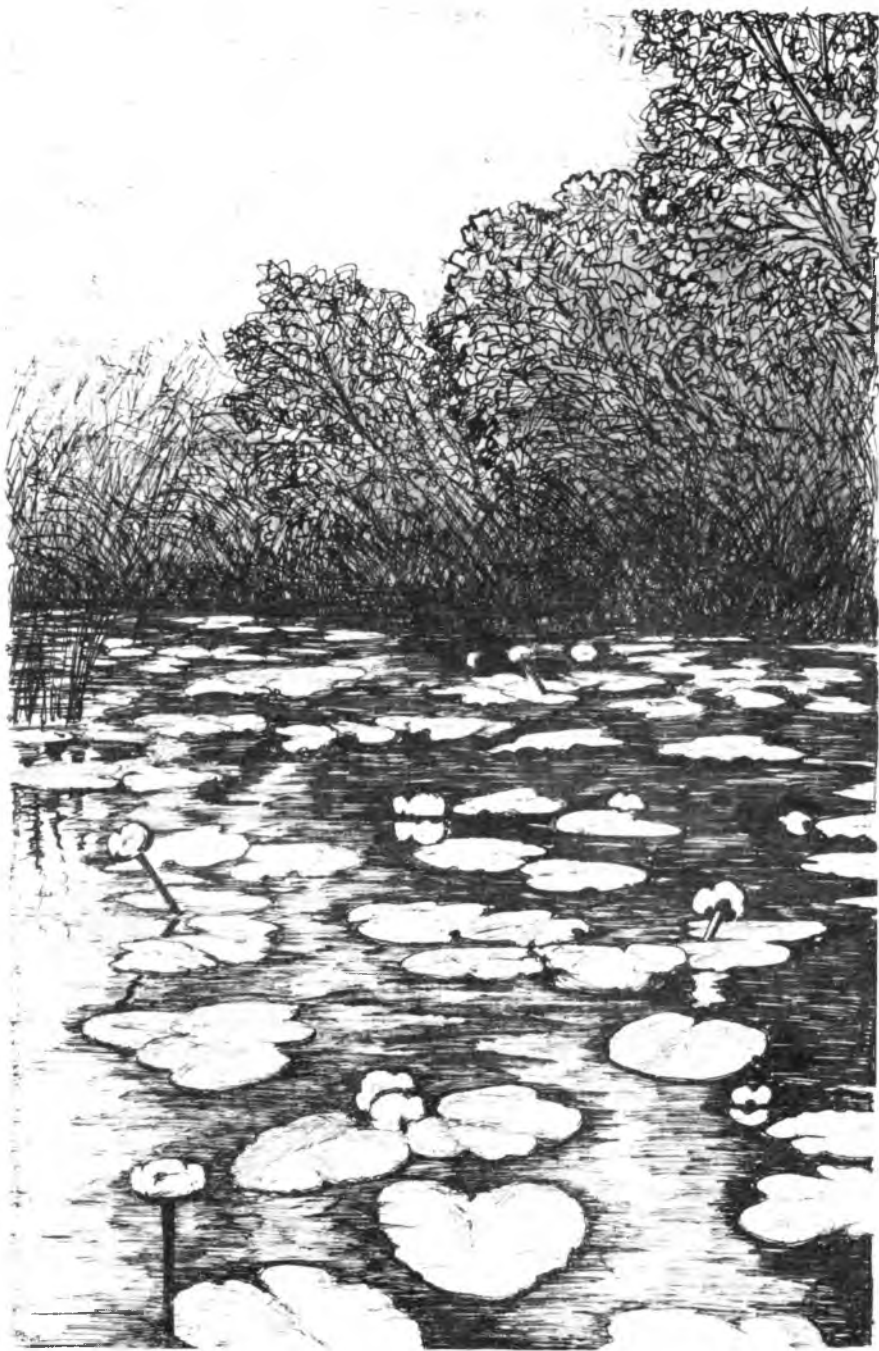
Но первый замотал головой - нет, нет! - махнул рукой: иди, иди же сюда скорее! Второй поднялся, закрыл глаза, глубоко вдохнул. Аромат хвои, аромат костра, солнечно-хладный воздух... Спустился к воде.

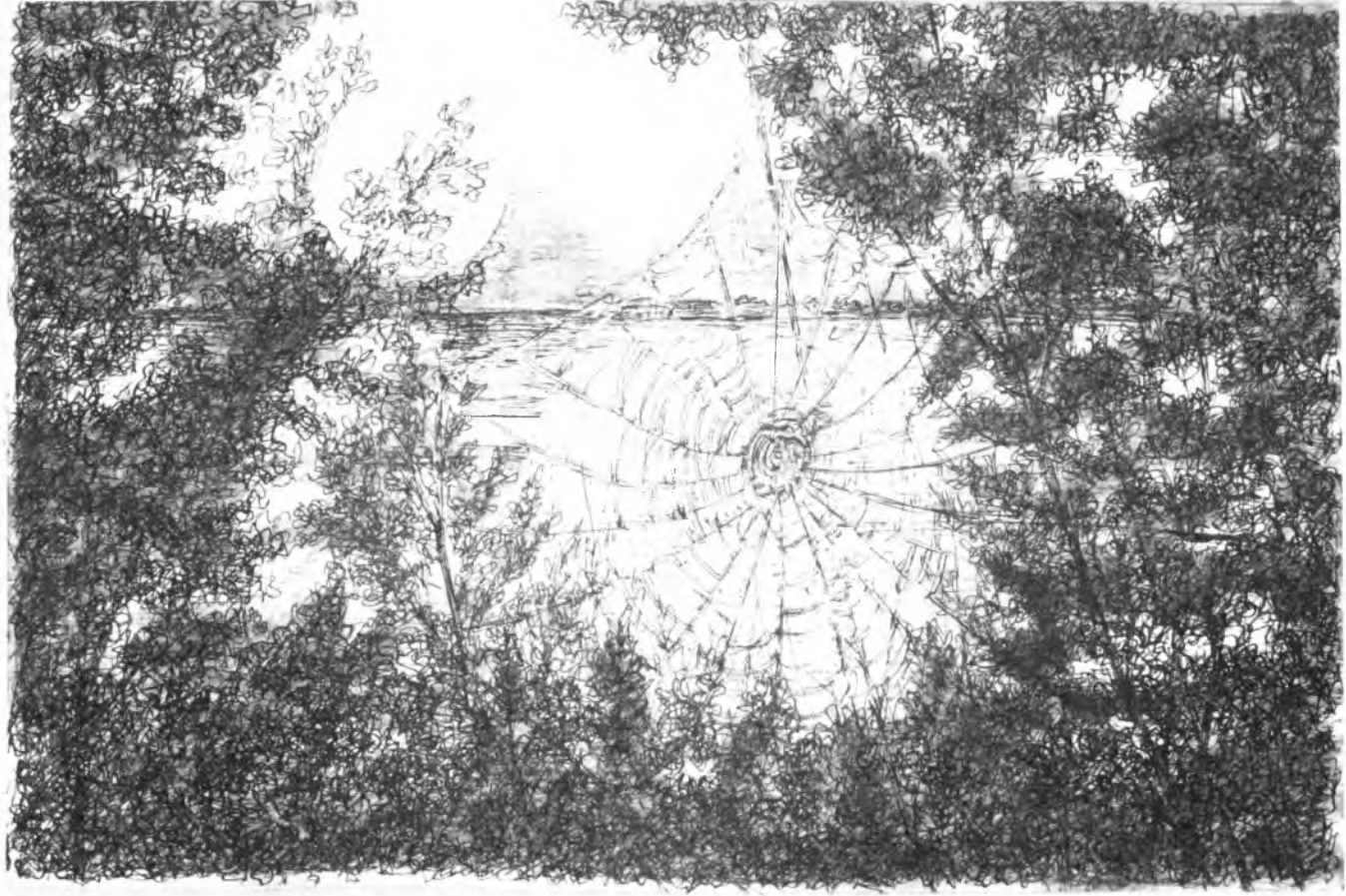
Они встали, плечом почти касаясь плеча, - они случайно так встали, что создавался меж ними ток, и кожа, одежды легко пронзались объединённым сердечным электричеством. «Смотри» - негромко, притушая звонкие согласные слов, нот голоса, показал Вадим. «Там, - он указал рукой, и они обернулись назад, - там ты, как выше. И уже будто хозяин какой. А здесь... Здесь лучше видно, как ты мал. Здесь я на равных с кустом, с каждой травинкой». «Точно» - шепотом ответил Сергей.

И дальше стояли, молчали, ища единства, стесняясь, не глядели на друга, откровенно радовались, открыто печалились, - сожалел о краткости жизни, сожалели о краткости лета, - впитывали звуки, краски, формы, объёмы, величину.

Нет ничего величественней единения душ в безмолвном царствовании природы.

Было тихо, была тишина; стояла тишина, солнышком размываясь, солнечно разливалась, отхлёбывалась, черпалась в горсти...

-...Бушует осень, - глядя в другой берег, промолвил Вадим.

- Бушует...- внемля ему, вторил Серёжа

- Ты видишь?

- Да...

-...Тихо. Не звучно. Не суетясь.

...У меня сердце сегодня выросло в размерах. Гудит, как колокол, размахивает собой в груди.

...Знаешь, это её молчаливое, это её беззвучное бушевание разгоняет колокол в набат. И вот: сердце расходится, разгоняется до какой-то страсти! Новой, неожиданной! И - страсти. Я поймал себя на том, что смотрю кругом на всё, как на одно целое, и, как наверное, антиквар на безумно дорогую и безумно редкую вещь! Которую отдадут без всяких хитростей, без условий - тому, кто сможет оценить её по настоящему. Кто оценит, как можно дороже!

- Да...

- И я не слепой! Я не могу упустить. Чувства!... Взлёт.

...Просто приглядываешься, просто смотришь - и один вид края полей: красное, жёлтое, зелёное, багрово-зелёное, жёлто-красное - доводит до помрачения, упоения. А ещё можно по отдельности, по кусочкам разглядывать всё!

Мы шли сюда - эти липы! Эти берёзы жёлтые!... В створе, как одна в одной! Клён одинокий, яблони в заброшенном саду, черёмухи в краю леса. Невероятные в этом году, зелёные с багровым, рябины. Прудик. Высох до дна и всё дно выстлано. Как ложе. Бельё постельное - листья!... Трава... А там, в деревне, под окнами - вдруг стрелки гладиолусов. Они пронзили меня...

И солнце. А солнце! Ах, какое солнце!... Как оно всходило!... Когда взошло, приподнялось над лесом, мне захотелось взглянуть на него. Боялся, но посмотрел. Ох!... Глаза пропали - вот как солнце встаёт. Пропали, не обожглись, пропали - исчезли в теле. Солнце, оно не летнее: нет зноя! Не парит, не жарит, не убивает. Не тяжело - нет тяжести. Оно лёгкое! Оно солнышко! Двигает, ведёт себя по небосводу. Просвечивает меня насквозь!

А небо?... Хладное, холодно-холодноватое, холодноватое синее. Холодная синева и жёлтая яркость. Как они!...

...Как мы с тобой: тоже - и нужны, и требуются, и не мешают друг другу. Да?

- Да...

-...А в доме, у хозяев, где ночевали, там уголок кухни, тот, что перед глазами, ког-

да войдёшь. Он с утра только и освещён. В нём полно дерева, он полон светлого дерева вещей. Хозяин примостил там какие-то полочки, скамеечки, рамки, шкафчик... Всё из ели или, кажется, из осины. Лаком покрыты, желтеют от электрической лампы, когда вечер. А на стене - белые обои с зелёными листочками: красиво. Вечером, когда пришли, я сразу увидел всё это. Я увидел, как это красиво. Но и всё. А вот утром!... Утром!... Когда солнце поднялось и стало лить, светить, как лить в окно, все деревянные вещи начали светиться. Сзади них - белое, немного зелёного, они - жёлтые. Наверное, так всегда: солнце падает, они начинают светиться.

Я слова не мог выговорить: чудо! Радость, счастье, чудо!... Восторг.

Сергей в ответ зачарованно улыбался. С минуту Вадим молчал. Потом:

- ...Что такое творит с душой осень?! Отчего, как только проходит лето, как только поймёшь, что прошло лето, в сердце загорается огонёк: огонёк ожидания. Ожидания вершины осени - октября. Когда последний аккорд, когда завтра - всё! Когда завтра всё опустеет и послезавтра - зима.

...Что особенного в виде то одетых в жёлтое, то голых деревьев, отлетающих птиц, сухой травы и сухих листьев?! Что за ликование?! Отчего восторг?!

Откуда?! Что за биения в сердце?! Что за биение чувств?!?

- Так осень...

- Однажды... Да что я вру, какое «однажды» - сегодня!... Ах. Сегодня однажды я понял: весна - начало дороги, рождение. Как рождение всего. Лето - пути. Осень, осенний октябрь - последнее, последний шаг! Свершение, венец. И взгляд назад - на ВСЁ. И оттого восторг! Оттого восторженность. Потому что - ВСЕМ. Всем, как нынешним, как одной текущей минутой. Что было, что пройдено, что получилось, завершено... И ещё. Смутное, как из середины Земли. И глубокое. Зёрнышко, ещё только падающее семя. Летом зрелее, и созревшее, и падающее теперь в не рождающую пока, ещё, теперь землю. Семечко, ещё только семя, даже не предчувствие - ощущение предчувствия будущего! Рождения. Будущих дорог, будущих дел, будущего пути - всей жизни неизведанной! Вот.

Вот и бушует во мне, осень.

...Я завидую, - помолчав, сообщил другу Вадим.

- Что ж? Кому?! - удивился Серёжа.

Друг Вадим рассмеялся, как удачной своей хитрости смеётся мальчишка.

- Себе!...

- Ух ты!

- Ура-а-а!... - хором прокричали они.

-...О! Слышишь? Лес встрепенулся.

- Слышу. Всех перепугали.

- Ну, - со смешком мгновенно отозвался Вадим. - То ли ещё будет. Идём к костру.

- Действительно, - задумчиво ответил Сергей, - То ли ещё будет к концу этой нашей рыбалки. Идём к костру...

- - -

Сидели у костра, пили чай, молчали.

Курили, негромко переговаривались ни о чём.

Поднялись, пошли сидеть у удочек, следить за поплавками, быть ближе к реке.

Солнце светило уж в спины.

...Солнце насадило сзади на заострившийся в вечернем свете лес, заходило, меркло, удалялось... При этом рисующий его свет чётче разделил краски, подчеркнул всё осеннее в природе... Царица сходила с трона, всё ложилось пред ней, опадало, склонялось, - коленями на землю, лицами ниц...

От этого:

-...Вадим!

- Да?

- Смотри!...

Взмах руки, взгляд вперёд, вдаль, поворот кругом, восклицанье, в восклицании - восхищенье!...

Вадим отозвался добродушным смешком, - тёплым, сердечным, - кивком головы, торжеством, спрятанным в уголках губ, в прищуре глаз: а-а-а! мол, понял! а что я тебе говорил. Хотел прибавить что-то и уже раскрывал рот, да... Махнул тоже рукой, - и тут же вспрянул ею вверх, что-то восхваляя торжественно! «...И так ясно всё, без слов ясно, чего говорить».

Но говорить, оказалось, есть о чём.

- Слушай, я... Я не знал тебя таким.

- Каким?

Сергей снова показал круг них рукой: каким? Восторженным всем этим, чувствующим, - таким чувствительным, что ощущающим всё. Вадим не смутился, Вадим, отворачиваясь, радостно улыбался. Потупился, поулыбался в землю, в лес, в стороны, повернулся лицом к другу, изобразил - а вот так вот!... - лицом. Развёл в стороны руки, изобразил: недоумеваю; видишь, сам не понимаю как это, отчего. Движением подбородка показал на реку или на ту сторону реки: мол, разве это я?! Это всё она, река-осень - всё изрекла она: осень. Что с ней поделаешь!

А словами:

-...А ты, кстати, сам распалил, сам расчувствовал меня.

- Я?!

- Конечно! Кто читал в автобусе всю дорогу, а потом пересказывал, пока шли до деревни просёлком, рощами, тропой, даже когда перебирались через ручей по лаве, рассказ «Генрих» и завидовал герою - не ты?

Не ответили.

- А кто читал нам потом вслух «В Париже»? Когда мы с тобой ушли ночевать в пристройку, и пришёл хозяин и сказал: «Ребята, можно мне-то с вами посидеть? Давно с молодыми-то такими не гутарил. Тут всё старухи да старики окрест-то меня, какие у нас антересы, каки разговоры...» И мы с тобой переглянулись тогда, и достали тогда водку, стали пить её с уникальным каким-то деревенским домашним хлебом - не поймёшь: не то хлеб, не то пирог, раз каравай - пьянеешь от одного запаха, от вкуса! И картошки варёной холодной дед принёс, и огурчиков солёных, ещё прошлогодних, сказал, что, мол, они лучше нынешних, что бережёт. И ещё экзотику нам устроил: то ли закусываешь, то ли запиваешь? - принёс куриные яйца, разбил их в чашки. «Пейте! - сказал. - Мировая закуска. Не бойтесь - от своих то курёшек. Нету тут никаких монелёзов.» Посыпали солью, пили. Сразу заварили чай. Да не наш, как выразился дед, «дорогой», а «евонный», «какой старуха моя в магазине набирает»: дешёвый, «Принцессу Канди». Дед бухнул заварки от души, уж не пожалел! Чай вышел!!!... То ли оттого, что много заварки, то ли от того, что на колодезной воде. То ли - что водка перед чаем всегда у меня восприятие чая улучшает, вкус к нему обостряет. Я наслаждался... Мы с тобой сидели, молчали, нам и без разговоров было хорошо. А дед под наше молчание начал дымить свой обалденный самосад и тоже молчать. Ты бы видел, какая прелестная картина у нас была. А дед ведь хотел - за тем и пришёл - нас послушать! Сам сказал: хотел посидеть с вами да послушать, о чём такие вот говорят. А нам не хотелось говорить, и мы решили пошутить, отшутиться: вместо того - о чём говорят, хотели отбрыкнуться - чем, посредством чего говорят. Подали деду «трубку», мол, вот чем: подали мобильный телефон. На, дед, говори с кем хочешь, звони хоть куда. Но деда это не заинтересовало... Пока ты телефон из вещмешка доставал, ты и книжку выложил. Старик: а это что? А это вот что, это рассказы, ты говоришь, хотите, читаю? И начал читать. И читал нам: «В Париже». Старик курит, слушает, я дремлю. Открою щёлкой глаза, понаслаждаюсь картиной, снова закрою. Не смотрю, только слушаю, дремлю. Дремлю, как дремлет собака: всё слышу. Слушаю тебя, междометья деда, слушаю всё, думаю о себе, о Вере... Думаю о нас с тобой... О нашем походе на речку, думаю о своём... Тишина такая!... Между твоими словами, за твоими словами, за твоим голосом - всё тишина, стеной тишина... Мышь в ней заскреблась, мешала. Как дед её назвал? Кажется, «подобойная»? Ничего, мол, с ними, лешими, подобойными, не сделать: не выскребешь, живут и живут... А ты сам был похож на того генерала русского в эмиграции, в Париже - как я себе его представлял. Скорбный такой, как весь бунинский рассказ.

Ты был, будто скорбный, лицо вытянулось, голос, как метроном: отчитывает слова. Ты видел? Старик ушёл от нас, глаза набухли. Не ушёл, убежал! Засобирился сразу после рассказа, засуетился, забоялся, что потечёт слеза и мы подумаем: старческое. И зря. Плакали б вместе. И я. Я... Если б не водка выпитая, от водки я каменею, если б не Вера теперь у меня, я бы плакал. Но с Верой у меня теперь настроение другое: светлое! Не печалится! Не заплачется. Откуда она взялась?! Сам не понимаю. Знаю, конечно, но - не-по-ни-маю. Взаясь, возникла и всё. И кажется мне, и видится мне теперь про себя: всё пройдено, всё впереди. Вот так.

Сергей шевельнулся, и Вадим, опасаясь, что он прервёт его, мгновенно протянул руку, взял друга за плечо:

- Серёж, подожди: мне будет не сказать потом. Да и постесняюсь уж, не скажу.

...Ты знаешь, я вдруг начал ощущать себя щенком. Да-да! - воскликнул он, пытаюсь что-то найти, подобрать слова, найти какой-то отклик в своей душе, и увидеть его на лице друга. - Всего лишь щенком.

...Щенок - это детёныш собаки?

...Щенок, говорю я, это существо, которое недавно родилось. Это только что вставшее на ноги и открывшее глаза чистое создание. Живое, чистое, любопытное - новый божественный кусочек! Представь себе его. Представил?

...Вот он появился на свет, встал на лапы, вот начинает ходить... Смотрит на мир, всему с любопытством, с наивностью внимает... Вот начинает уверенно стоять, владеть своим телом... Он всё обнюхивает, всё осматривает, всё пробует на зуб - ему всё в диковинку! Что он делает? Что делает он!

...Он с НУЛЯ познаёт мир.

Он ещё никто: ни добрый, ни злой, ни сильный, ни слабый, ни умный, ни глупый... Он ещё только щенок, он детёныш... Зародыш большого.

Щенок! Человечек - дитя! Ему ещё всем предстоит стать.

...Сколько раз я наблюдал их, этих пухлых, смешных, бегущих за матерью поскуливающих малышей. Никогда не думал, что вдруг найду такое - ласковое и нежданное! - определение и себе.

Я - щенок. В этом мире я всего лишь щенок. Я понял прекрасное одно: я дорос до возможности по-человечески настоящему постигать этот мир.

Я давно встал на ноги, в своей жизни - вообще жизни - казалось, добился всего. И вдруг увидел, как я мал. Вот - шёл-шёл, шёл, добивался, стремился... Казалось, добился многого. Казалось, всего! Казалось, далеко ушёл от первого порога.

И узнаю: всего лишь стою на пороге. Стою в новом краю, открываю в него дверь. Открываю первую настоящую дверь! Заглядываю, вижу неведомое.

...А ты? - сжал он плечо друга. - Ты... Ты печальный какой-то. Что?

- Устал я...

- Как?... Мне кажется, ты раздёрванный. То ли ждёшь чего-то, то ли решаешься на что-то, может, ищешь. Эй... - тихонечко позвал он. - Серё-ож! Чего-о-всё-и-и-щешь-то?...

-...Вот оттого и устал...

Ответив так, и улыбнувшись горько, тот застыл: собой поглощённый, другом заговорённый, заворожённый, ушедший теперь в себя.

- Серёжка!...

Сергей кивнул согласно, кивнул: слышу, мол, слышу. Рассеянный и туманный, вдруг начал поднимать руку, поднял кверху ладонь. Сделал жест: обожди! не говори! не мешай!...

-...Сейчас я, сейчас... Дай, дай минуту.

Вадим посмотрел на него внимательно, отнял, опустил свою руку от его плеча, стал ждать. Стал смотреть на поплавки, на реку, в другой берег, вздрогнул от внезапного, беспричинного, совсем не рыбацкого - удочки-то лежали - «Есть! Поймал».

Светило погасло. Смешалась листва, лес стал однообразным, как серые панели.

Вадим вздохнул:

- Всё. Ушла на покой наша радость, ушло наше солнышко.

Они завертели головами.

- Да-а...

- Да-а...

- Дай-ка кукан! Что там?

- Нам хватит.

- Бросаем, идём к костру.

- Конечно! Пора. Пора варить уху, пора - уху...

- Варить уху, варить уху...

Вместе взобрались на лужайку, на пригорок к костру. Сидели у огонька, чистили картошку, рыбу, лук, снова заварили чай. Вадим отодвинул в сторону забытую, всё раскрытую книгу.

-...Что сейчас?

- «Галю Ганскую». Не помнишь? Читал?

- Нет, не читал.

Сергей призадумался.

- Тогда жаль. Жаль... Я хотел рассказать тебе. Два раза сегодня за день созревало что-то. В первый раз просто не захотелось - интимное, понимаешь, и барьер: не переступается. Хочу рассказать - и отвращение, и не хочу одновременно. Второй раз долго была тишина, долго смотрел на тот берег, что-то срывалось уже... Да ты обогнал, перебил... Своей «Осенью». И подтолкнул. Ты прав: осень бушует. Я завидую

тебе: ты точно вписался в неё. Знаешь, я расскажу тебе: зачем, почему притащил тебя сюда. Можно ведь было поехать и в другое место, но вот...- не договорив, не добрав слов, он замялся.

Вадим деликатно покашлял. Покашляв, предложил:

- Может, по рюмочке? По одной, по пятьдесят грамм. Для аппетита. Без закуски. С чаем. А? Остальное - под уху.

Сергей беззвучно рассмеялся: мол, ну ты хитрюга... Ведь, ты всё понял. Наливай, хитрюга, не возражу.

Оба поднялись одновременно; Вадим сидел от берега дальше, Сергей задержал его жестом: я схожу. Спустился к воде. Повинуясь рыбацкому инстинкту, немного постоял, приглядываясь, отыскивая на тёмной воде поплавки. Вернулся с холодной бутылкой. Снял с неё верёвки, пустил «змея», на глаз в кружки налил:

- Ну!...

- За нас.

От крепкого холодного глотка вздрогнули оба, один - зажмурился, другой помахал ладонью перед ртом. Налили в те же кружки чай, хлебнули его, раскраснелись, лица занялись костром.

...Ничего нет. Лишь дым костра, его потрескивань, его огонёк; картошка, рыба, вещмешки; совсем пропала река. Освещённый костром полукруг обступил лес. Огонь, лес, человек напротив; человек, который напротив, на самом деле рядом, с тобой, вы лицом к лицу, вам тесно, вы вместе, близ; потому что на самом деле напротив, вокруг - лес. И тьма.

Огонь костра. Сергей недолго смотрел в огонь. Потянулся, взял книгу, протянул её другу, сел к нему, рядом, сел в ряд:

- Знаешь, читал, дошёл вот до этих строк - веточкой он отчеркнул строки, - и как отрезало! Всё! Больше читать не надо. Не надо читать, нахлынуло своё! Дальше не читается?! Потому что ни к чему! Будто где-то витал, а тут опустился на землю...

- Нашёл ответ?

- Нет! Нет-нет!... - он протестующе замотал головой. - Я не ишу в книгах ответов. Кто-то, что-то может помочь тебе, но все ответы - в себе самом, всё - ты сам.

...Знаешь, почему я редко сейчас читаю, не читаю ничего? Не надо, нет нужды. О чём пишут писатели?! Я не понимаю. Наверное, я ограниченный человек. И мне нужны мудрые проводники: поводыри. Зрячие! А не сами слепые. Когда возникает потребность читать, читаю классиков. Представь?! Я читаю одних классиков!...

Редко - не наших, чаще - российских, русских. Они чуткие, они видят человеческое: характерное человеческое, постоянное. Они пишут о нём, показывают мне его, я могу у них брать! Я добираю у них, когда недостаёт своего.

Читаешь, видишь своё. А вот это всё, - он показал вкруг рукой, - как стекло. Увеличительное, фильтрующее... Или - нет, лучше: очищающее, чистительное. Очищающее взгляд. Видеть помогает.

...И вот сижу я с тобой на реке, внимаю всему, что вокруг, смотрю «в Бунина», сижу в осени, слышу вдруг ТВОЮ осень... Снова читаю. Читаю - не читаю: смотрю. Дохожу до строк: «Вероятно у каждого из нас найдётся какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех. Так вот Галя...» Ну и далее. - Он поднялся в волнении, резко шагнул в сторону невидимой реки!

- Эй! - вскрикнул встревоженный Вадим. - Осторожно!... - Устыдившись своей откровенной тревоги за друга, прибавил: - Рыбу не раздави...

Сергей повернулся. Обернулся, не смеялся; обернулся - сердился, смущался, - смеялся голосом, печалился лицом, всё смешалось, жило в нём одновременно.

- Вадька! - крикнул он с деланным возмущением, намерено нарушая интимную тишину, интимную тесноту. - Ну не жидься ты, жадина! Дай другу закурить! Ну дай сигарету. Дай покурить, ёлки-палки! Давай, давай, расщедривайся, угощай своим «Парламентом». А то - за-а-чем тебе такие сигареты, только добро переводить, ты, мол, только на реке-е ку-уришь... А чего тебе, жалко, что ли!?...

Вадим спрятал улыбку, согнал её в подбородок проведя ладонью по лицу, потёр затылок, провёл ладонью по щеке, шее, потёр грудь у сердца, улыбка сошла в сердце, на лице играл лишь костёрный огонь. Подал пачку сигарет:

- На, не стони: на.

Сергей присел на корточки, приблизился к костру. Веточкой выкатывал угольки, став на колени, тыкался в угольки сигаретой - глотал лесной дым, лесной огонь.

...Не смотри, - не поднимая головы, попросил он. - Дай минуту. Сейчас. Справлюсь с... И...

Затягивался, торопясь курил, начал не рассказывать - пояснять:

- Эти строки - как ключ. Первый. Осень - второй. Второй, и одновременно третий, потому что, как вызов на откровенность, доверие.

...И место - место!!!... Оно напротив. Вадька, ты ничего не знаешь, ты же не знаешь ни-че-го... Место - ещё один ключ.

...Имя Галя - ещё. Смотри! Смотри! - возмутился, когда разложил он. - Сколько... Меня и без того уже всё волновало!...

А тут - дочитал до этих строк и щёлк: отключился. Щёлк - и своё потекло. И, - он показал, что цитирует, показал на книгу, - «теперь это дело столь давнее, что я могу рассказать тебе его с полной откровенностью». -

Он начал рассказывать.

- - -

- ...Знаешь, наверное, в жизни каждого мужчины есть женщина, - или девушка, если это случилось в юности, - путь с которой он не прошёл до конца. До конца? До венца?...

Воспоминания о ней легки, чисты, ничто не омрачило, не успело омрачить их. И вот как-нибудь с годами... Особенно в моменты неустроенности души, вспомнишь о ней. Вспомнил, забыл. Через год, через годы - снова вспомнил. И если раз вспомнил, вспоминается уже постоянно.

...А ещё однажды, зацепит что-то, начинаешь вспоминать все мелочи, всё-всё, вплоть до её слов, губ, фигуры, одежды. Незаметно для себя переходишь на другое, думаешь: а что, если бы вы не расстались, что бы было тогда? Что бы тогда было? Начинаешь примеряться - а ты уже опытен! - начинаешь накладывать её, этот образ, на семейную жизнь, - создаёшь в уме вашу с ней семейную жизнь... Ищешь недостатки - их нет: она - воспоминания, она неуязвима! Ты можешь думать: зря вы не вместе. Имеешь полное право думать: это была ОНА.

...Жизнь идёт, всё забываешь. Вспомнится от толчка, так, мельком, вспомнится снова. Но теперь тот дальний образ становится дорогим. Самым дорогим! Самым лучшим твоим любовным воспоминанием. Так вот Галя и есть моё самое дорогое любовное воспоминание. А теперь ещё и, как кажется, грех. И не даёт покоя мне этот грех.

...Я встретил её недавно. Вот же, в эту осень. Да что я тоже!... Вот на днях встретил её. Мы... И... -

Он странно усмехнулся, резко кинул сигарету в огонь. Вадим, молчаливо перебиравший страницы, заметно вздрогнул, дойдя до последней. Сергей, заметив, бросил ему:

- Ты рехнулся?! Что ты - она жива, в полном здравии.

- Так при чём здесь «Ганская»?!...

- Поймёшь, когда дослушаешь до конца. Тут важно настроение. Настроение рассказа Бунина - фон. Без него весь мой не то. Не зная, не чувствуя фона, ты не поймёшь меня! Давай, а, Вадька, прочти, а? Пойду пока, сниму удочки. Не бойся, не сваюсь. И рассказывать теперь уж не... Не отстану. Будешь терпеть.

- Только без соплей...

- Ну уж!... Как получится. Ладно, читай, я - к удочкам.

- - -

- ...Ты помнишь Галю - Галю!... Мы бывали с ней в компаниях иногда: вспомни первый - второй курсы института. Не вспоминается?

- Да почему... Пожалуй. Девчонка такая светловолосая, длинноволосая. Роста твоего, подвижная...

- ...Разная.
- ...Острая на язык: отбрила меня как-то.
- ...Я бы не сказал, просто с достоинством.
- Может быть.

- Мы сдружились с ней ещё в школе. Вместе в институт поступали. Только она на другой факультет. Я поступил как-то легко, она - чуть не провалилась. Но нет, вытянула. Всё из-за меня, наверное. Надо готовиться, сидеть над учебниками, тут я: ташу её куда-нибудь, назначаю свиданья... Эх, было время.

...После зачисления - после, после... Показалось, влюбились друг в друга!

Однажды сорвались, уехали, от всех сбежали, исчезли - всё нам мешало, все нам мешали. Всё мешало нам, нам не нужен был никто. Никто, кроме нас самих. Собрались тайно, как будто каждый куда-то порознь, вместе уехали. Вот туда! - Сергей махнул рукой в темноту. - Там, на том берегу...

...Тогда там была поляна! И коса песчаная шла от берега в воду, уводила в реку. Песок мелкий, чистый! Вода чи-и-истая! Как зайдёшь, сразу почти по колено, идёшь, идёшь, идёшь - дно понижается постепенно, всё ниже, ниже, потом идёшь по грудь... Думаешь зайти по плечи и плыть, и - раз!!!... Под ногами обрывается! Вдруг обрыв. А-а-а!... Жуткая глубина. Там было вымыто течением. В самом дне как обрыв: ты идёшь и - «солдатином» с кручи. Пошла душа в рай!... Страшно. Сладко. Лепота.

...Мы на пару ходили с Галинкой исследовать этот обрыв под ногами, эту неожиданную глубину.

Жара стояла-а!... Хоть и был август. Вода прогрелась за лето!... Здорово! Хорошо та-а-ак!... Ни комаров, ни слепней! Вода, песок, тишина, чистота, одиночество...

Мы раз по пять за купание: возьмёмся за руки, идём. Туда... Хохочем, веселимся вначале, вначале почти бежим! Потом - а уже знаешь примерно, где обрыв, где жуть - идём медленней, не бежим: осторожничаем. Вот так: вначале бежим, потом идём, потом вообще в полшага. Душа заранее обмирает, глазами ищем поддержки друг у друга, переглядываемся каждые полсекунды. Как будто: «Ты не боишься?» - «А ты?» Перед концом её ладошка уж прямо впивается мне в ладонь. А если держится за плечо, стиснет, как вопьётся. На краю - сладкий ужас в глазах! У обоих одно. Ещё движение... Тел... И - провалимся! Оба.

...И вот через эту хватающуюся за меня, впивающуюся в меня девичью ладошку, через эти вздрагивающие девичьи глаза - вдруг! машинально! в последний миг всё доверяющие мне! - врываются в моё отчаянное сердце непонятная трезвость и необъяснимая, свалившаяся, как сверху, ответственность. Моя девушка: вот моя трезвость и моя ответственность. Всё за неё - на мне. А она и не чувствует, и не знает! Мы шагаем, мы прыгаем, и вместе, и не вместе. Будто, так кажется мне, она теперь под моим заслоном, за моей спиной.

...Довольные, помнится, без сил, выбираемся, - тихие, выплываем, идём по воде, выходим из воды. Галя впереди, к сухому песку бредёт, к косе. Волосы распускает на ходу: распускает, встряхивает, распускает на спину, на плечи. Я иду сзади, смотрю на неё, ловлю себя на ощущении: смотрю на неё, как на что-то своё, словно роднее мне стала. Ещё полдня назад у меня сладко замерло бы сердце, когда вот так: взгляд на ней, на почти обнажённой... Когда взглядом касался её бёдер, спрятанной под купальником груди, талии, которую мог обнять, шеи, которую ещё не позволяли целовать мне...

Ещё час назад я бы тайно, безотчётно вождеденно, вождедеющими глазами испарял бы с неё всю одежду, оголял бы её всю, позволял одеться и снова бы раздевал. Представлял, как впадинка под подбородком на основании шеи опускается на грудь, и выпуклости эти... Наверное, незагорелые, белокожие, с коричневыми, наверное - да нет, точно, не наверное - бугорками, сосками... А от живота вниз - от живота вниз, где у меня волос полоска, у неё их нет. Но ещё ниже, как и у меня, есть... И ведь светлые, наверное, завитками идут волосы... И распушаются.

Так бы было. Ведь так до того и было... Но теперь вот иду сзади, и смотрю, и люблюсь, и как прежде руки-глаза: то опущу на неё, то отведу, но плотоядности прежней во мне - ну нет!... Ну что за ерунда. Даже обидно.

Смотрю на Галю так, будто это уже моя, моя женщина. Вот идёт, вот вижу её перед собой, думаю о ней. Думаю? Нет, всё не так, не думаю, конечно, потому что, конечно, это было что-то такое на уровне волн - нормальных желаний жизни - на уровне подсознательного.

...Думаю, какой она будет через год, два... Какой, когда вдруг у неё начнёт ползеть живот - от меня, конечно!... Начнёт выдаваться вперёд, округляться... Что за бёдра у неё - не на предмет их к своим прижать - нет совершенное!... Что за грудь, будет ли у неё молоко, много ли его будет... В общем что-то такое. Что за бред рос во мне тогда?!...

Она обернулась - я тут же замигал, будто сорина попала в глаз, и отвёл взгляд. Отвернулся машинально, как спасительно. Как будто она могла понять мой взгляд, могла раскусить меня. Мне стало стыдно, что я думаю так, что я вообще думаю об этом. Наверное, я должен был думать о том, как овладеть ею, а не об этом: как что-то вместе делать. Но я думал вообще о своей, себе девушке - женщине.

...Когда мы ходили к обрыву... Я теперь уверен: через женщину мужчина делается мужчиной. Согласись, Вадим?

- ...И она ничего не заметила?

- Она? О, ты знаешь, тут тоже не менее интересно! И непросто. В нашу встречу теперь, когда мы говорили обо всём, она призналась: за исключением отца, который мужчина главный, первый, основной, который мужчина родной, человек свой - она,

тогда, через меня, именно тогда, когда мы из сумасшествия ходили глубину шупать, начала чувствовать, какому мужчине можно доверять себя. И как.

- И насколько.

- Да, именно.

...Потом!... Потом - всё как всегда на реке. Когда тепло, когда - лето, солнце... Когда двое влюблённых... Одни... Ночь у костра... Ловили рыбу, пили чай, варили уху под ночь - всё похоже, всё почти, как сейчас.

...Ловим. Сидит тоже с удочкой. Рядом, почти что возле меня. На земле, на берегу. А август всё-таки. Я смотрю-смотрю искоса, потом, как дед мой когда-то мне, выдам: не сиди ты так! Застудишься ещё: земля-то - холодная.

Она приподнимет бровки - а брови бесцветные, ресницы тоже, не покрашены, тушь водой смыло, махнёт ресницами. Руку прижмёт к земле, пробует. И не отвечает.

Я снова скажу - прикажу. Она сморщится и - фи - сделает мне носиком. Губки подожмёт демонстративно, это означает: не одобряет. Ну, тогда я шагну к ней, за плечи приподниму, свою куртку под неё брошу. Не противится. Сидит-сидит, а скучно, рыба нечасто клюёт. И вот моя Галя начинает меня донимать: «Серёж, а Серёж. А чего ты обо мне так заботишься? Ну, застужу, ну и что, тебе-то что!? Не своё ведь, не жалко». Я посмотрю этак скоса, желваками поиграю. «А может, моё!» - выдам отчаянно. У неё изумление до гнева: «Что-о-о!!!?!...» Я: «Ничего». Она: «Это когда это стало твоё?!» Играет. Но и на место ставит. И проверяет. И ещё чего-то, чего не пойму. «...Ишь чего захотел - моё... Ты ро...» - и вот тут она язычок прикусила. Едва успела, даже губы сжала, потому что брякнулось бы тут у неё из колкости, из простой колкости что-нибудь банальное просто так, не про меня. Скажем: ты ростом не вышел. Ну и я бы сразу обиделся, и наша идиллия была бы разрушена. А ей не хотелось.

Всё-таки я наусупился. Она тоже. Но я на неё, а она на себя и на меня.

Но я что: сажу, рыбачу, делом занят, а ей что делать? Сидит, сердится, отходит. Смягчилась, оставила свою удочку, встаёт ко мне: извиняться. А я стою, как стоял, ни шага навстречу. Тогда она подошла, стала сзади, обхватила меня руками, голову на плечо мне положила, сама прижалась к моей спине. И всё, и молчит. Молча стоит, лишь тесней прижимаемся.

Я!... Замер, не дышу. Эти выпуклости её всего через две наши рубашки!... Груды её словно в лопатках моих... У меня сердце!... Где-то на другой стороне реки. А может, там, где солнце сейчас: след на горизонте едва виднеется.

Бросили мы рыбачить, стали целоваться.

...Потом вечер. Я - добытчик, я рыбы принёс, я таскал дрова. Галя - хозяйка, хлопчет, орудует возле костра.

Потом вместе хлебали уху из одного котелка. Согласись: сближает.

Снова купались, грелись у костра, чай пили. Всё вдвоём, всё вместе, всё вместе вдвоём.

...И вот ночь. У нас палатка была с собой, забрались, лежим. Рядом лежим. То молчим, то переговариваемся. Наобнимались ещё у костра, теперь просто лежим. Палатка маленькая, лежим близко, лежим голова к голове.

Не знаю, что чувствовала Галя, а надо мной, оттого что она рядом, со мной здесь и мы одни, как витает что-то. Я полулёг-полусел около неё, глажу волосы. Глажу!... Вот провожу ладонями по лицу, по губам... Она не отвечает, не уклоняется, чувствую: мрёт. Не дышит, глаза закрыты. Приподнялся, полулежу на локте, начал целовать. И это уже други-и-е поцелуи... Губы её то отвечают, то не поддаются. Начинаю гореть, дрожать изнутри! Распахивается, раскрывается во мне что-то, стремится к ней, летит, устремляется в неё!... Жаждет. И одновременно - ждёт, насторожённо ждёт ответа.

Я счастлив до!!!... До слёз. И дрожь уже физическую в себе чувствую: уже физически чувствую, что дрожу. И в Гале чувствую дрожь, дрожь немую. Чувствую: хочу Галю. Ну, вот всё - хочу! Исступленье. Всё мутится, всё кружится в голове, рушатся все барьеры... Всё - уже ничего не надо мне вместе - я хочу... Уронил себя на бок, привлёк Галю к себе, она прижалась. Прижалась и боится, напряжена. Начали целоваться. Целоваться? Нет: в исступлении переступить барьер. Губам уже больно, с какой силой, а поцелуи ничего не дают. Сердце!... Просто заходится в безумии.

...Это сейчас бы... Всё само собой, и всё просто. А тут... Первое у обоих. Нет прищипки, нет простоты. У нас с Галей ничего не было ещё, только целовались. И есть преграда, какой-то частокол. Не даётся барьер: не могу отместить все условности, никак не могу переступить. А я ещё мальчик был такой - деликатный, как она мне теперь выразилась - всё обидеть нечаянно её боялся, поцеловать едва решился, когда впервые целовал.

...Лес, палатка, никого кругом, мы одни, и никто, и ничто не указ. Я, она. Вот и было: я и она, есть я, я сам, и есть она, сама. Хочу её, не могу приступить, взять, что-то не позволяет. Не разрешает мне что-то. Прислушался к себе - ой. Ничего себе: не разрешает «я сам», моё же «я» и не даёт. Почему? Что?! Не знаю что. Может, то, что она не отвечает мне тем же, не чувствует того, что я, как я. Целует и всё. Целую - целует, обнимаю - обнимает. Но - напряглась вся. Я подумал - отторгает, подумал: значит, не любит. А мне почему-то надо было, чтобы всё, что происходило у меня с моей девушкой, было только по любви. А что такое любовь? А как это так: по любви? Знал я? Когда купались, когда у костра, решил, показалось: любит. Теперь решил, показалось: не любит. Вот это «не любит» и не давало мне, как кажется, до конца припасть к ней, позволить всё. Но - пустое, считай, это мои домыслы, мои рассуждения. Нам было хорошо, всё-таки оба стремились друг к другу. Да, конечно!...

...И вот моя рука уже под её курточкой, под рубашкой на груди. Но - на футболке. Полежала так, освоилась с близким новым... Подержал ладонь так, скользнул вниз, под футболку. Откуда хитроумность взялась?! Ведь - причаю постепенно... Галя заизгибалась, но нет, не оттолкнула, не отталкивает. Лежала она теперь головой на моём плече. Изогнулась, крепче прижимает спиной другую мою руку, другую руку сковывает. Я думаю, сердце моё слышала она, как своё. А сердце моё стучало отчаянно! Стучало, стучалось к ней...

Я думаю сейчас, ответь она мне тем же, теми же чувствами, что я, моё желание освободилось бы: осмелела и подилась моя чистая, искренняя, рождающаяся любовь, в которой не было вовсе похоти.

Что произошло бы тогда? Как додуматься?

...Свободной рукой я гладил Галю по спине. Купальника на ней не было, он сушился, я видел: на ветке висит. Лифчик Галя не надела, и вся спина её была моей. Гладил спину, но само собой скоро под моей ладонью оказалась грудь!.. Вот как будто голая спина - это не голое тело, а вот грудь!... Возвышенное, и плотное, и горячее! И упругое, и мягкое. Грудь... Округлая, горячая.. От неё горячими волнами меня окутывает!..

Гали поупрямилась, поупрямилась - под поцелуями, под ласками грудь... Отдала. И уж я, поняв это, уж я ласкал, наслаждался! Поглаживал, тискал, пробовал на ощупь, гладил, сжимал... Пока Галя не вскрикнула.

...Довёл себя - и Галю! - до того помраченья, которое разрешает всё: всё дальше..

Рука моя скользнула вниз - что теперь грудь. Сразу - вот помню! - мелькнуло: хорошо, что Галя надела на ночь спортивный костюм разве приятно было бы пихать ладонь в тесные джинсы... Брючки, резиночка, материя, - моя рука, её рука, - короткая хватка... И вот трусики, и ладонь моя на них. Тонкие, прозрачные, наверное, если в них искупаться и выйти из воды, - наверное, они на цвет белые, ведь они от нижнего белья. Я вожу по ним рукой, даже не глажу: вожу. Даю, как бы, нам обоим привыкнуть. Хочется, а не рвусь, не нахальничаю. Как будто и жду ещё чего-то: не сигнала, не разрешения, не запрещения жду - желанной ответной реакции. Вожу, потом - глажу. Вот уж Галя вытянулась!... Лежит - струной струна. Кажется, миг, кажется, одно моё движение не так - сорвётся. Не запоёт струна, не заиграет, не застонет, не возмутится - сорвётся! И всё, будет конец всему: объятиям, сумасшествию, моей руке на её груди, нашей глупой, жаркой, больной, да идиллии.

Я раздвоился, когда понял это. Одной своей сущностью я продолжал добиваться Гали: продолжал ласкать, терзать, добиваться её. Ещё минута - и я бы, наверное, поглупел, я бы начал шептать ей на ушко разные сладкие слова - что там шепчут в такие минуты? Какая она красивая, единственная, как я люблю её и мечтаю любить её всю жизнь... Вот бы уж смутил. Ведь она мне уже доверяла, значит, поверила бы и

всем моим словам. И смутил бы, и подчинил своим желаниям, и подчинил бы себе. И отдалась. Но другая моя сущность от того, как заиграла струна под моей рукой, тоже, как Галя, не меньше её напряглась. И отрезвела, и в стороночку отошла. И смотрит. Воспалённо, так, затравленно... Как большая собака, выпрыгнувшая из общей драки. И задумчиво: где я? всё это зачем? Смотрит, и посторонне, и моментально всё «считает»: прошлые отношения, нас сейчас, наше будущее - и чувствует себя кисло. Представляет мне себя неким петухом, который по склонности и обязанностям природы гонится за курицей - ведь больше-то в моём желании уже ничего теперь, без Галиного ответного желания, нет. Один взбудораженный «петух»... Вот-вот уже догонит!... Нас обоих с ней... Достанет, вспрыгнет, начнёт мять. И - была курица, стала клуша. А мне надо сделать из Гали клушу? Сейчас я хочу её и добыю её. И потом у нас уже каждый раз всё просто будет. И для меня это хорошо! Желанно! Желасемо, но...

Но Галя сейчас меня отторгает, значит, что-то не так. Значит, не любит: первое, что пришло мне. Не любит... А после... этого... уж точно не полюбит. Хотя будет моей и, наверное, судя по ней, будет верна, и даже сама за мной ходить будет! Но... Не будет у нас с ней той идиллии, той гармонии, в которых мы сейчас: поехали сюда - всё обоюдно, страстно, всё с полуслова, с одного взгляда, - живём здесь, счастливо целуемся, ходим вместе к ужасному обрыву в реке, обрыву под ногами, пьём чай, едим из одного котелка... Мир наш рождал здесь нашу любовь.

А я понял, что всего этого через минуту не будет.

...И ещё вдруг понял - пробило! Понял, потому что: жутко желал её понять! понял: она отдала мне уже всё, что сейчас готова была отдать. И уже разрывается, ей плохо! Она, как и я сейчас: сейчас в любовном жару. Но почти в истерике. И если я теперь остановлюсь, прекращу, она, пожалуй, другое позволит уж всё. Захочу - смогу раздеть её до трусиков - вот тут же!... Засветить фонарик, смотреть на неё, целовать... Всю-всю, до одного предела.

...Интересно, как бы у нас это получилось? В обморок бы оба упали.

- Ой, Серёжка, - передёрнувшись, бросил Вадим, - прости, перебил, но по себе скажу: точно.

-...И рука моя замерла на том месте, где под трусиками пружинило. Где с другой стороны их материю поднимали, как стебельки, так мне казалось, пружинки упругих и светлых, наверное, волосков. Их колосья ещё не созрели... Извини, Вадька, банальность... А может, были не про меня... Я прошептал... Я прошептал что-то, прошептал униженно: ведь я отступал? Прошептал «Галинка» и что-то ещё, первые слова за всё время в палатке, за всю ночь. «Галинка» и - не помню - что-то ещё, что-то пустое, простое, успокоительное. Даже представить сейчас не могу: что такое мог придумать, прошептать?! Она вмиг обмякла: успокоилась. Даже прижалась как буд-

то тесней. Или мне показалось? Наверное. Показалось - так уже лежали или на самом деле сейчас она за шею меня обняла? Совсем я... Наверное уже и так лежали обнявшись.

Лежим, даже обрадовались! Причём, оба. Жар спал, болезненность прошла. Борьба ушла, снова ласка, доверие. Мир, тепло...

А рука-то моя всё там!... А мне уже там и... Прошло, не нужно! И поэтому неуклюже теперь, неудобно теперь, стыдно стало. И убрать боюсь: кажется, пошевелю рукой, а милая моя, ненаглядная моя, родная поймёт не так, решит, что успокаивал специально, что обманывал, обманул, и тогда всё пропало.

Лежу, стыдом горю. Как быть?! Тут слышу шёпот: «...ерёжа, милый, руку...» Как я обрадовался! Разрешают руку убрать. И ведь не говорит: убери руку - обидеть что ли боится? Просто - руку и всё, мол, сам всё поймёт.

Вытянул из брючек руку, стыжусь уже порыва своего. Полежали, обнял Галю за плечи, целуемся. Но вот как чего-то нам не хватает. И я машинально, теперь уже точно без задней мысли, машинально опустил ладонь Гале на курточку, где возвышалась грудь. Опустил и сам напрягся - она не напряжётся? Нет, целуемся. Целуемся, вдруг чувствую, кто-то руку мою за запястье взял и тянет. Волочёт ниже. Мягко, да с настойчивостью. И только когда на голую полоску Галиного живота эти две руки попали, я - чуть не рассмеялся! - понял, чья это рука и куда она мою руку несёт. Догадался, что туда, на грудь. Завела под футболку, положила, прижала. Ну, тогда уж обе мои руки там по очереди побывали! В конце-концов футболка на Гале задралась по самые плечи.

...Спросишь, что со мной было? Как я выдержал такую полублизость? Это же ад! Кошмар, какая физическая боль. Дело такое давнее, и нам по столько лет, что открыться не стыдно.

...Я так любил, может, вообще, может, только в тот момент, тогда, девушку свою, так стремился к ней, - до конца, страстно, для себя откровенно, - что там, в палатке, от одного её полусонного дыхания на своём плече, тёплого, родного, роднящего, сближающего, - то в щеку мне, то громко в ухо, УЖЕ чуть не истекал. Она заснула, я, конечно, не мог спать: во мне пожар стоял! Какой сон!!!... Такие пожары чем кончатся? В один прекрасный момент Галя шевельнулась во сне, очнулась на миг, чмокнула меня - попала в шею - влажными, почти сырыми губами, да, засыпая сразу и поворачиваясь, мягкостью своих бёдер ко мне прижалась, вжалась в место меж моих ног. Во мне пыхнуло легко и всё: всё, что меня так будоражило, брало за горло, в голове и в паху стояло, наружу бесконтрольно рванулось, брызнуло, протекло. По мне, под меня потекло... Я упал головой в схватившем виски беспамятстве, лицом вниз в одежды, сложенные подушкой: в глазах тёмно-жаркие круги. Перевернулся, чтобы дышать, проморгался, тарашась в брезентовый потолок... Смутился, устыдился,

смутился ровно дышащей Галинки, стал руки свои высвобождать, разнимать объятья. Она очнулась: «Ты куда?!» Я: «Сейчас я...» Она: «А... Только недолго». Я: «Ладно». Не помня себя от стыда непонятного, от какого-то страха, от стыда перед собой - «Дурак, дурак! Что ты за парень!...» - я рванул куда-то: в чашу, подальше от палатки, в лес. Сорвал на бегу с ветки свои сушащиеся плавки. И сладко мне было от нового ощущения, и обидно. Обидно мне было за себя: «Слюнтяй! - не умолкал я в себе ни на секунду. - Слюнтяй, а не мужчина! Что ты лежишь с ней и слушаешь её! Надоуть её!» Так орал я себе и гадил себе в душу... Но знаешь, до сих пор это ко мне не пристало, до сих пор... А уже и тогда я знал: кричу только оттого, что излил не туда. Шучу, Вадим.

Знал, что если - «нет», значит, нельзя. И пусть мне плохо, но я прав - знал откуда-то. Всегда знаю, хотя никто не учил: что можно, а чего нельзя. Откуда?! Не знаю.

...Вернулся, переодевшись. Ещё ходил обмыться. Вода теплей была, чем воздух. Окунулся по-быстрому. Если б не Галино «только недолго», я стал бы плавать, я бы долго купался. Помню, постоял ещё, раздумывая.

Вернулся смутный, даже безвольный. Ты не поверишь, я был вознаграждён! За что? Да ни за что. Я уверен, она даже не догадывалась о том, что со мной произошло. Не догадывалась ни о чём, не обдумывала, что делает.

...Вот глупыш! Ведь она не задумалась, она не знала - не знала, наверное! - мужской физиологии. Ведь если бы я не... Если бы сам собой не сбросился мой жар, я бы уже так, как она предложила себя, не выдержал!... Набросился бы. Силой взял... Ну я не знаю... Открытая, доверчивая девочка.

Вернулся в палатку, застал её спящей, но, показалось, она только притворяется спящей - наступал рассвет, тьма разгонялась, кое-что уже было видно. А я был чуток: нервы обострены! Мне показалось, подрагивают готовые расплыться в улыбке её губы, показалось, она усердно смеживает глаза.

У нас было одеяло. Когда ложились, мы о нём не вспомнили. Вернулся - Галя лежит под одеялом. Странно, озябла? Сел рядом, опустошённый, смутный, готовый к цинизму, готовый накопить желаний и уж - взять. Сижу, капризно дыша. Вдруг - мерещится что ли? - у одеяла приподнимается уголок. И пальцы видны: рука держит его, приглашает. Меня приглашает, значит.

Нет, всё-таки я сумел остаться собой: забрался под одеяло осторожно, как бы признавая, что Галя спит, что не заметил руки, а если и заметил, то посчитал, что спит, и всего на мгновение проснулась. Лёг на спину, придвинулся к Гале деликатно. Ладони мои были холодны, я не посмел обнять её, отогрел их вначале. А обнять мне хотелось, прижать спокойно, любя обнять, ведь, в сущности, если до конца разбираться, я был благодарен ей, и если я и хотел большего, то вряд ли был готов к этому сам. Да-а, вспоминая ту сцену, всегда обязательно подумую: слава богу, ничего не

было, потому что вряд ли готов был к этому сам. Я получил от Гали то, что она могла мне дать, и то, к чему был готов сам.

...Согрел под подмышками ладони, снова, как во всю ночь, захотел чувствовать Галию на своём плече. Вот когда сильнее всего чувствуешь женскую тебе покорность и вместе - преданность, вверенность, свою над ней, женщиной, власть и свою ответственность за неё. Мне хотелось чувствовать Галину голову на своём плече, слышать дыхание её, хотелось, чтобы она своей рукой опять обхватила мою грудь, а я своей притягивал бы её за плечи.

Просунул свою руку под её шею, переложил голову к себе на плечо. Другой - скользнул привычно положить на грудь. Но ни-че-го из прежней одежды не было ни на плече, ни на груди! Меня окатило волной. Меня бросило в жар - Галя без одежды?!... Я мгновенно рукой вниз: убедиться! Узнать! Почувствовать всё! Завладеть всем! Как? Оказывается, всё можно!?

Моя рука по её телу - вниз. Тут же с другой стороны другая рука: мою руку - цап! Куда?! Ты куда это, милый.

...Ты знаешь, она просто признала... ну... фактическое всё. Она сняла с себя рубашку и футболку. А по поясу брючек опоясалась бечевой. Узелок, завязанный бантиком, прошупывался сверху. Я раздумывал над этой завязкой, искал, которого не было, двойного смысла, но... Пусть я буду груб сейчас - никаких потуг переступить отведённое мне, силиться, пыхтеть, искать себе счастья между её ног у меня не возникло.

...Только годы спустя - в сравнении с другими... - я смог оценить всю доброту, всю простоту, наивность и вместе с тем - масштабность её поступка. Но, боже мой, как она не знала мужчин...

...Я сел, скинул с себя рубашку: я - тоже! В полном одурении лёг, она тут же придвинулась ко мне, стала гладить, как успокаивать, - но именно успокаивать, вот что я ещё пережил: ощущение «жена - мать» - успокаивающе гладит по плечу, по щеке. Не сговариваясь, мы повернулись друг к другу лицом, обнялись. Ах, картинка...

Я слышал девичье дыхание мне в шею, дыханье, потом даже сопенье. Галя дремала или спала. Такие салюты взлетали в моей душе!... Конечно, я не спал. Она же, я думаю, спала: просто отключилась - так устала от «нервов».

Она не играла со мной. Всё, что касалось меня, нас, было неподдельным. Но как она играла... Вспоминая об этом через много лет, я восхищался. Я представлял себе, что это теперь за женщина и восхищался ею! Что это теперь за женщина! Ах!...

Уже тогда она была: Женщина. Она не романтичка: даже кидаясь со мной в реку, она рассчитывала свои силы и мои к своим силам. Так и тут: она как бы показывала свою силу: отдавала мне то своё, что может, проводила черту и играла со мной в черту. И я! Я готов был от такой своей девушки, любимой - и терпеть себя, и сгорать, и

истечь, брызнуться снова, и бежать со стыдом ещё раз, лишь бы - дышать ею, чувствовать её, лишь бы она доверяла мне, доверяла себя снова и снова. Вот - правда.

...Я, помню, сел тогда. Она сразу - вот, вот видишь, я говорил тебе, она не спала! - она сразу мне: «Что?! Что-то не так?» И села тоже рядом. Одеяло с нас, с неё спало, стали видны её плечи, руки мелькнули, профиль, грудички. «Ложись, - говорит мне, - давай спать». «Гаяля, - говорю я, - можно я здесь покурю?» Она: «А...» - и легла. Вздохнула, как вздыхают, когда выражают: не хотелось бы, да уж что делать, раз надо. И: «Кури. Серёжа». «Что?» Вздохнула с сожалением: «Кури. Только я буду спать». И - в одеяло, и в клубок возле меня, возле моих коленей.

Я закурил. Три спички сломал. Может, четыре. Курил, как скрывал нервный плач. «Сволочь ты! Гадёныш! Прохвост! - клял себя. - Ублюдок! Недомерок!...» - орал себе. Кажется, что-то текло по щекам - не трогал, не знаю. Прикурил от первой вторую. Думаешь, я курил? Даже не чувствовал. Дым пускал! Делал вид: курю. Играл в «я курю». Я курю, не приставайте ко мне, не трогайте меня, вот так!

Отдышался, очистился, лёг. Как лечь? Что предпринять? Обнял Галю - мы, как провалились, уснули.

...Очнулись - день, солнце; от костра один пепел; мы продрогшие оба. Глянули в палатке друг на друга, смутились. Робко, как таинственно, расцеловались. Как в спасение - и как в новую высоту! - бросились в реку.

Я и одеться Гале не дал. Из палатки вытянул за руку, побежали к реке, на песке брюки сбросили: я в плавающих, она в одних трусиках, выше - ничего. Наплавались, набрызгались. Кажется, согрелись. И ещё. Что-то сверкнуло между нами, как только, когда только проснулись, а после купания отрезвели.

Побежали к костру, костра нет. Бросаем ветки, прыгаем у него, ждём огня. В воде тепло было, а на воздухе нет - сразу озябли, задрожали на воздухе. Вот и прыгаем: ждём не дождёмся огня.

...Вот дураки! Представь: начали играть в семью.

Ждём, пока займётся костёр, дрожим, сидим перед ним на корточках вдвоём рядом, дуем под ветки на золу. То я начну Галю растирать, - ладонями, всю, - то она меня. Когда выпрямимся, прижму к себе - к себе ведь, к себе! Тру ладонями. Знаю для себя: не просто растираю, любовь свою переносу. Вот это было ощущение! Знаешь, умопомрачительным было состояние моё: настолько мне понравилось любовь отдавать!

...Прижму к себе, грудь в грудь, ладонями своими грею Галю: плечи, спина, гибкая талия, дальше ладони поднимаю, дальше пропускаю, опущу уже ниже бёдер. Опущусь перед ней на корточки, веду по коленям, всё растираю, дохожу до ступней, поднимаюсь обратно... Неловким движением смахнул трусики, даже не вскрикнула, только получил по лбу щелчок.

...А они точно оказались - белые, и после воды совсем прозрачные. И будь она тёмненькой, под ними после купания бы...

Костёр запылал, мы согрелись. Стали переодеваться. И отвернулись друг от друга. Но не разошлись. Увиделись - встретились вновь - одетыми. И снова смутились.

И потёк день. Купались, загорали, рыбу уж не ловили - к чему? - вечером уезжать. И - играли, играли в семью. Что это значит? Да бог его знает - трудно рассказать. У меня и в настоящей-то семье такого не было, не ощущалось.

Что-то мелькало между нами неуловимое, нарождающееся, что-то неосязаемое. Как душевное, перерастающее в физическое. Наверное, так мельчайшие корешки у растений вытягиваются из корня и вплетаются в землю. Бывает, взбираешься на крутой берег, ухватишься за какой-нибудь прут, подтянешься. Потом ради интереса выдернешь его из земли: на чём такая мелочь тебя держала?! Боже - сколько от основного корня волосков! Тонкие, тонюсенькие, едва заметные, - думаю, и ещё есть: невидимые, те, которые уж не обнаружит глаз. Они держали. Они держат, а не толстый корень! Вот и у нас с Галей начались какие-то токи: похожие на то токи. Больше доверие, неестественный взгляд, родственная ненапряжённость... То я о ней позабочусь по лишнему, то обо мне она. На обратном пути реку переходили - там вброд было - так, когда сюда шли, я Гале навязывал перенести её, а когда шли обратно - представь, что потрясло меня больше всего, представь - я через день уже не мог вспомнить, как я её переносил: на плечах или на руках? Просто шли, я, как шёл, так и иду, только Галя вдруг сходит с моих рук на том берегу, и мы просто идём с ней дальше. Перенёс, как свою. Перенёс, опустил. Ещё за день стали бы целоваться, раз оказались близко, теперь нет.

Я думаю, если бы вдруг нам пришлось с ней прожить месяц вдвоём, - тогда, там, на реке, - мы бы переплелись, вошли друг в друга, стали друг для друга, как корни и земля, и только резкий рывок - нет: только беспощадный удар меча! - смог бы раз-единить нас.

...Идём, переглядываемся иногда. Или вдруг посмотрит на меня глазами своими - ух, утром глаза у неё... Как раскрылись, как округлились - не могу объяснить. Прозрительные, туманные... «Чего?»- спрошу. «Ничего». Вдруг вырвалось у меня, вдруг сорвалось с моего языка: «Ты любишь меня?» Ещё бы за день она мгновенно парировала: «Это допрос?» Или увильнула. Или, как нахальству, взмутилась. Теперь нет, глядит строго, даже хмуро, и молчит. Потом: «Не знаю...» И отвернула лицо. И медленней пошла.

Ещё бы за день такому ответу я обиделся, причём, страшно! Так бы и стал столбом! Брели б дальше порознь. Теперь нет, чуть не обрадовался теперь: это её «не знаю», как признание. Как признание меня своим выбором, своим единственным. Как желание: хочу любить, кажется, люблю, полюблю.

Идёт медленно, ждёт меня - я, знаешь, оторопел, замер после слов её этих, пошёл в полшага.

Нагнал, вместе идём. Руку протянул, руку не подаёт; будто подать руку и идти за руку что-то уже решает - что-то существенное, значимое: ответственное означает. Потом неуверенно как-то подала. Идём за руку, на взгорках и спусках помогаем друг другу. Идём, в воздухе витает: «Ты любишь меня?» Идём серьёзные, даже суровые, идём, переглядываемся.

...«Ты любишь меня? Ты любишь меня?» - лейтмотив, лейтвопрос... Лейтответ.

— — —

Котелок булькал, выплескивал в огонь уху, костёрок роптал, временами шипел и гас. Вадим держался за перекладину, поднимал котелок, спасая уху.

-...рёжа!

- Да?

- Так уха...

- А-а-...

- Берись: снимаем.

Они подняли за концы перекладину, осторожно опустили на землю котелок. Разлили водку по кружкам, пристально посмотрели друг на друга, выпили, - понимающе улыбнулись друг другу.

(Вот! Вот каждому друг! И с ним - до конца.)

Обжигаясь, дую на ложки, хлебали уху.

-...Совсем темно.

- Да-а.

- Домой?

- Э!...

— — —

Дорога на ощупь, и молча медлительно шли. Боялись ступить не туда, слов не хотелось: не хотелось изменять настроение.

Уже светились впереди огоньки, уже чувствовалась деревня, - по окнам угадывали, где кухни, где комнаты, гадали в каком доме что поделывают сейчас, - уже спорее запередвигались ноги, почувствовав близость ночлега, отдыха; ноги почувствовали ровно укатанную дорогу, когда Вадим стал:

- Ну, Серж!

- Что?

- ...!

- ...?

- Да как что? Сейчас придём!...

- И что?... А - что было дальше?

-...Так ведь - хозяйва, ужин, общие разговоры. Кто даст нам поговорить!

- Да-да... Я встретил Галю недавно. Ехал по делам, при красном светофоре, на перекрёстке, пока стоял, загляделся на женщину. Вдруг - боже ж! - на кого я смотрю!... Дошло! Доехало!... Это же она!!!!...

И она посмотрела на меня. Не знаю, может быть, в ответ на взгляд? Заулыбалась, рукой замахала, обрадовалась!

Проскочил перекрёсток, руль вправо, бросил машину на обочине. Кажется, там знак запрещающий стоял, да, - стоял, кажется, - а-а-а!... Всё равно: наплевать.

Минут двадцать мы с Галей: слово за слово, слово за слово - как два тополя на Плющихе. Потом - ну не расстанётся! - друг другу: куда? «К тебе?» «К тебе?» «Жена?» «Можно бы. Но не хочу знакомить. К тому же у нас, знаешь... Проблемы у нас. Может, к тебе?..» «Муж, и, скорее всего, сегодня выпивши. Не хочу». Вспомнили кафебар неподалёку, завалились туда. Ки-но.

Забились в самый дальний уголок, в полутьму: темнота - друг молодёжи. Часа четыре сидели. А может три? Или больше? Не знаю. Сидим и сидим, и не наговоримся никак. Всё перебрали. От обычного: кто, где, с кем, какая работа, сколько детей, какие дети, количество комнат в квартире, марки телевизоров друг у друга... До доверительных, доверяемых только близкому человеку, другу подробностей. И даже до упрекания друг друга в том, что с тобой мне, кажется теперь мне, жилось бы лучше: душевно лучше, теплее.

...Знаешь, бывают такие минуты между мужчиной и женщиной, - когда они бывшие любовники, а теперь - и давно - только друзья, когда телесная близость ушла, душевная близость осталась, - когда, если серьёзно нужно, можно поговорить обо всём, ничего не стесняясь, не тая. Никто не устеснится, не утаит ничего - зачем? Всё самое интимное уже было. Вот тогда можно даже спросить совета, как вести себя, например, с другой женщиной, и получить необиженный помощь - ответ. Но - в сторону.

- ...И что у неё?

- У Гали? Всё «нормально»... - Сергей вздохнул, при вздохе, видимо, поморщился или криво усмехнулся. Было темно, не увидать. - Так же, как всё «нормально» у меня. Сидели, излагали друг другу: а вот так вышло в жизни у меня, а вот так вышло в жизни у меня.

...Мы ведь не смогли вспомнить: конкретно - что нас тогда, в юности, развело?!

...А вот многие наши дни и тот день, что здесь, оказалось, каждый помнит. Толь-

ко помнит, я удивился, каждый по-своему. И помнит по-своему, и выделяет своё. Мы согласились в одном: мы шли друг к другу. Мы шли, только это было не вовремя, не в те годы. И не хватало в возрасте лет. И несколько курсов института ещё было впереди. И желания, и потребности были не те.

...Когда начали в подробностях день вспоминать, как до ночи в палатке дошли, Галя мялась-мялась, глаза опустит, глаза поднимет... Я: «Галя, что?» Она: «Серёжа, прости, но мы уже взрослые люди, скажи: как ты тогда... Такое выдержал. Неужели же не... Хотелось?» Я: «Э-э-э... м-м-м... Бы... ба...»- стал слова подбирать. Она смущение своё переварила, голову набок склонила, прищурилась, ждёт. Ты прав, на слово она так и осталась острая. Не дождалась, как ляпнет: «Ты часом не «голубой»?» Тогда и я ей... «Ляпнул». Как было. Как тебе: всё рассказал.

...Ой, как женщине нравится слушать такое...

...Как её завели эти - те - такие переживания!... Глаз не отрывала, даже нервничала. Головой качала да слёзы утирала - от сочувствия, от смеха, смеха. Естественно, я ей не так, как тебе, я же ей с юмором. Где с юмором, где с юморком, где серьёзно, - где от себя, где от третьего лица рассказывал. Призналась: «Я потом - потом, когда замуж вышла и иногда нас вспоминала, так и подумала. Бедный... Вот баба-дура... А как я уж тебя хотела-а... Да что-то не позволило».

Вот после сих признаний спокойное откровение «по-любому» у нас и потекло. Это кошмар: как, о чём мы говорили! Снова, как ненормальные: «голая грудь в голую грудь». Нам - нам, оказывается, было нужно: жизнь у каждого, как речка на перекате - забила своё русло мусором, сама себя остановила, запрудилась. И нужно было встретить кого-то - кого-то, кому всего себя доверяешь...

- ... И вы... Не были вместе? Перебил, извини.

- Представь, Вадим! Мы же ненормальные.

Другие бы уже через полчаса... Тем более вина было выпито столько. Друг другу бы подмигнули. А мы? Хм-м. Зря, да? Надо было ловить момент? Но опять у нас - не знаю, как у Гали, а у меня так опять - сыграло что-то дальше. Я убеждён: мы бы с нею друг в друге не разочаровались. Только... Видишь ли... Я не хочу иметь её в виде любовницы, видеть в роли любовницы, я не хочу делать её меньше. И ниже. В памяти моей - вообще для меня - она в другом виде: цельная, как цельно женское всё. И я не хочу это целое дробить, кусочками отрывать - не по мне: иметь кусочки.

...Официант, мальчишка молодой, ходит, косится на нас, на парочку, мы: «Молодой человек! Ещё бы бутылочку». Интересно, что он о нас себе представлял?!

...Да, был момент, когда я посмотрел на Галю... э-э-э... пристальней, чем было нужно. Она - как ждала! - вмиг отозвалась. Бровь вздёрнула, бровью спрашивает: идём? И глаза прищурила. А куда? И глаза спрашивают: ты хочешь меня? Я - уголками губ: что за вопрос?! Я - кивком головы: ага. Она - носиком, бровью: вот нахал, как

можно так сразу! Я - пальцем - круг по часам, поднял обе ладони в знак удивления, возмущения: ничего себе сразу, через час. Она пальчики сложила: фиг! Потом - пальчиками же: на, поймай! Я: воздух в горсть - хап, языком - цок, мол, уже словил. Она - выражением лица, горестно, со вздохом, с кивком головы, признавая как очевидное: да... Тогда я - уже не всерьёз, уже просто играю: маню пальцем, мол, давай-ка, птица, лети сюда. Она - пальчиками - демонстрирует, что поднимает за воротник блузки себя и передаёт мне через стол по воздуху: да на... На!... И веди, если хочешь, куда хочешь. Я и остыл. И она ещё - вслух, словами остуды прибавила: «Серёж, остынь... Ты не меня, ты вернуть и повторить всё хочешь. И оттуда, с того дня, всё снова начать. Мне обидно даже: ты не меня, не сегодняшнюю, такую, какая я теперь, какая я есть, ты ту свою... А где я та? А может, я не та. Не повторяется такое. Это невозможно. Плакать хочется от этого... Никогда». А в глазах у неё стоит: а уж как я хотела бы всё вновь, всё с того дня начать... А словами: «Ты такой сейчас!... Ты не представляешь себя... С женской точки зрения... Мужчин не хватает, где они?!... А ты - ты просто загляденье. Если что... Я не отстану потом от тебя, уже сил не хватит оторваться. Так что, милый... Выбирай». Я: «Если так... Действительно так?... Я разведусь. У меня, Галя, признаться, уже нет семьи... Видимость». Она: «Ты знаешь...» Тут была така-а-ая длинная пауза... Потом: «...Я тебе верю. Но я боюсь за себя. И ещё - за детей. И ещё - у меня муж слабый. Хороший человек и всё. Выпить любит. Он сопьётся. Мы... Мы угробим его. Славно?» Я разозлился, я сверкнул глазами, наверное, в них чётко прочитывалось: какое мне дело до разных мужей!... Но я уже опустил голову: да, действительно, так - плохо. Она: «И я - нет. - Помолчала. - Но если тебе... Если ты...» И - затуманенным взором: можешь считать, что я сейчас была твоей любовницей. А словами: «Будет нужно... Звони. Только не домой, на работу». «Дура!» - в сердцах бросил я. «Ну и что» - попросту согласилась она.

...Мы о многом ещё говорили, мы даже открыли все невозможные карты и совместно строили планы, - мы, как два инженера, совместно нарисовали и обсудили проект одного здания, какого, извини, не скажу, но это был перевал.

На прощание тихо, как парой воркуют голуби - то друг другу на ушко, то, как воздушный непрерывный поцелуй из уст в уста, - на прощание спели: «В школьное окно... Смотрят облака... Бесконечным кажется... У-рок. Слышно, как скрипит. Пёрышко легка. И ложатся строчки. На - лис- ток...» Только куплеты. «Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда» - мы промалчивали припев...

...Расходились, как в кино: соблюдали предосторожности. Как любовники. Да по сути ими и были.

Счёт выпал первым выходить мне. Мы улыбались, прощались. И шутили, что ещё лет на двадцать. Нет, не выдержали, поднялись вместе: хотя бы до вестибюля вдвоём пройти.

Она знала, что я не буду оглядываться, вспомнила. Пошутила об этом ещё: «Все знают: он «не оглядывается». Но я оглянулся. Её взгляд... Я пытаюсь забыть его! Изгнать, забыться, обмануть себя, успокоить! Надо забыть его: он берedit, всё время ранит душу. Даже с расстояния в несколько шагов и через толстое витринное стекло я понял, какую любовь она носит в себе! Не отданную, неосуществлённую. Некому было за всю жизнь отдать. Не-ко-му. А за жизнь она много любви в себе накопила, хотела любить.

Одни люди рождаются, чтобы жить, другие - чтобы любить. Любить! Вот что с Галей у нас общее главное. Она родилась уже с любовью да ещё за жизнь накопила любви. И как быть теперь? Вот что было в её взгляде: всплеск, луч любви!

...А вторым, вторым же, во взгляде в спину мне было: горечь. Огорчение, обида. Если бы я не знал Галю, я бы сказал: это были негодование и ненависть. Но я знал её, знал! Знал - потому что знал другого точно такого же человека: себя. В её взгляде было то, что мне, уходившему, удалявшемуся от неё, шагавшему по асфальту, как проваливающемуся в асфальт, сводило судорогой нервы и губы: горечь, досада. У нас был ШАНС, мы проскочили его. ДРУГОГО ШАНСА, мы же поняли, ясно поняли с Галей это, когда говорили в кафе - у нас, нас, конкретных людей - не будет. У кого-то другого он будет, у меня - нет, у Гали - нет. И вот мы стоим, и вот мы уходим, и наше негодование, ненависть к себе кипят, излетают в пространство. Ну что мы за существа! Разве можно было так! Ну, хоть кто-нибудь бы ТОГДА - остановил, научил, подсказал!... А теперь вот досада и горечь. В пространство. Просто. Ни на кого. Даже не очень-то и на себя.

Но теперь уже, после встречи, оба чувства как бы и друг на друга: у меня - невозможная любовь и горькая досада на Галю, у неё - то же - ко мне. Любовь томлящаяся, ненавязчивая, негодование горькое, «белое», не злое.

Я обернулся и всё понял сразу. И вспыхнул. То же она. Она сразу всё поняла! Махнула рукой, показывает: это я на себя, не на тебя, не думай! Я показываю, и я на себя, а она машет - нет-нет - стучит себя в грудь, показывает упорно на себя, мол, я негодую только на себя!

...Но я уже почувствовал себя убийцей. Кто отвечает за всё? Я.

...Вернулся бы. Вернулся бы и выругал её, и обнял, и не отпустил её, если б... Если бы не наше трезвое понимание, что мы упустили свой шанс, если бы не весь наш с ней разговор в кафе и построенное, и разрушенное в мыслях здание.

И её ответ на мои слова - слова, с которых я рассказывать тебе начал: наверное, в жизни каждого, особенно несчастливого в любви или семейной жизни мужчины есть женщина, - девушка, если встреча была в юности, - путь с которой он не прошёл до конца; и вот с годами, в душе, терзаемой самой собой, - терзаемой своею любовью без ответной любви, без отдавания любви, - любовного жара, тепла, - томимую

самою собой от накопившейся любви - такой, которую отдать никому случайному нельзя! - рождается, поднимается из самых глубин, - забытых глубин, - освещается свечечкой и ею же трепещет на жизненном ветру: поёт и взывает тот единственный, не омрачённый никем и ничем огонёк - образ. Вначале вызывает панику и изумление: как - была?! Затем только грусть и улыбку: кажется, да, была...

Он не мешает, не вредит никому никогда, просто живёт. Живёт, становясь с годами всё выше, недоступнее и всё крепче, становится с годами самым дорогим любовным воспоминанием. Не часто, но ты обращаешься к нему. И уже нет различия - в печали ли, в радости. Не забыть, не вычеркнуть. Да и к чему?! И не повторить.

И ошибка, и грех, и не грех, случайность, ведь да?

- - -

Они уже прошли и затворили за собой, заперли на ночь калитку, постучались в дом, переминались нетерпеливо у двери, лаяла и гремела цепью собака, изнутри хозяева засветили свет в сенях, хлопнула там дверь, и недоверчивый старческий голос, скорей, возгласил, чем спросил: «Хто тамо? - И ответил себе и им преждевременно: - Небось, вы? Путаники... Иду-иду... Рыбы, небось, пуд словили?» - когда Вадим потянул за рукав стоявшего впереди него, возле запертых дверей, друга:

- Вернёмся, не исчезай. Ладно?

- А что? Да ведь позвонишь, найдёшь. А что так?

- Да так...

И Вадим подмигнул, - рассмеялся дурашливо, как схитривший мальчишка, и тут же сотворил серьёзное умное лицо, - отчего было не понять, не решить: говорит он всерьёз или шутит, шутит... А он - он: всё одновременно!

...- Кажется, я познакомлю тебя.

- С кем?!

- С Генрих...

В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ

или

«Соперники»

повесть, нарисованная в письмах

I.

Володька, здравствуй!

Пишу тебе из белозерской деревни. Жена настояла, чтобы в этом отпуске всей семьёй поехать к её родственникам. «В деревню, к тётке, в глушь, в саратов...» Детей захотелось вывезти на лето на природу, подальше от города, городской грязи и городской пыли. Это, конечно, надо.

...Ну и нашла такой уголок у своей тётки. Лесной воздух, коровье, козье молоко, речка... В общем, им здесь всё нравится, кроме чёрно-белого телевизора. Нам со Светланой тоже. Загораем, купаемся. Начало июня, дел особых нет, помогать, кажется, не в чем. Ну да Светина тётка и не даёт нам ничего делать, считает, что надо москвичам поднять здоровье. Закармливает нас своими пирогами, творогом домашним, сливками, маслом, заливает молоком. Дядька всё время пытается меня «по-настоящему угостить», то есть - упоить, то есть напоить так, как здесь полагается дорогого гостя: то есть, до ус..чки. Ну, по-другому - до положения риз. А ещё лучше, до поросычьего визга. Я вначале сильно упирался, а теперь... Сил нет. Вернее, силы как раз на это появились. Так что, всё возможно, как-нибудь мы с ним в хлеву очнёмся под утро.

В общем, зря времени не теряем, наслаждаемся деревенской жизнью. Домой, ведь, как вернёшься, как окунёшься опять в «город», в работу, так только недели замелькают. А тут ходим не спеша. Несколько дней было холодно, так я даже в дядькиных валенках по дому бродил - красота: ногам мягко, тепло.

Неделя с небольшим прошла, а кажется, будто месяц живём. Жизнь здесь будто удлиняется. Осталась нам ещё неделя, потом оставим детей в деревне, у тётки, сами съездим в Петрозаводск, к предкам. Надо.

Я, как всегда, здоров. Светлана здесь пободрее стала. А Юлька с Димкой - вооб-

ще хорошо. Света всё жалеет, что никакие заготовки в июне нельзя сделать, подделали бы здесь, пока отдыхаем, да увезли домой. Тётка уверяет, что сделает сама, только приезжайте, заберите осенью. И малины, говорит, наварю, и брусники. И клюквы наношу, берите. Картошки - пожалуйста, сколько угодно можно брать. Дядька говорит, что бычка будет колоть, мяса отделит и нам, забирайте, мол. У нас только слюнки текут. Но как я поеду, это же такая даль, как это всё везти? Машины у меня нет, а если кого-то нанимать, или даже если кого-нибудь из приятелей просить, то на один бензин столько денег уйдёт, что рентабельнее и проще купить всё в магазине, у себя под боком. Так что... Вот мы и ходим, вздыхаем и мечтаем. Была бы своя машина, я, конечно бы, не утерпел, скатался за домашней выделки продуктами, одни сливки здесь чего стоят. Но мои заработки, Светланкина зарплата не позволяют нам, практически, ничего лишнего. Какая нам машина - мы кроме еды, одежды, расходов на что-нибудь из мебели раз в год, ничего существенного из покупок себе позволить не можем. Сейчас, вот, мечтаем о компьютере для ребят. Это же хорошо, если они с детства привыкнут к компьютеру, будут с ним «на ты». Вроде бы и пальто Светланке надо новое, да и у меня зимняя шапка куда не годится. И вот, сидим мы иногда с женой, рассчитываем, уже намереваемся отложить денег на какую-нибудь вещь ей или мне, а кончается всё тем, что купим что-нибудь детям. Может это и неправильно, но мы как-то переориентировались, как бы себя поставили на второе место, а их на первое. Поэтому новая Димкина курточка мне, например, «заменяет» две новых для меня. Телевизор - это в семье для всех, поэтому телевизор и «видик» в этом году мы обновили. (Видеомагнитофон был ещё советского производства - помнишь «Электронику ВМ-12»? А телевизор «Рубин» ламповый? Всё это у меня пахало исправно, но всё-таки нам хотелось более удобных, современных вещей, и мы разорились на хорошие телевизор и видеомагнитофон.) Это приобретение совсем недавнее, так что ты о нём ещё не знаешь. Шик, просто обалденное удовольствие: вылезть в субботу вечером из ванны и посидеть всей семьёй у телевизора. Кассет пока своих нет, берём в прокате или у знакомых. Ну а ещё наше достижение - отдельный школьный уголок Димычу. Это уже не покупка, не разорение, потому что стоит подобная вещь очень много (для нас имею ввиду) - это моё и достижение, и изобретение. Делал сам. Считаю, что год шаркал: пилой, рубанком, напильниками, дрелью и так далее. Димку возле себя каждый раз держал в обязательном порядке. Хоть их в школе и будут потом на трудах учить, но если дома никто своими руками ничего не делает, я считаю и дети, когда вырастут, в своём доме ничего сами, своими руками делать не будут. Так что мы с Димкой вдвоём или, вернее - я, при его мешанин и порчении моих заготовок, делали.

Не знаю, интересно ли тебе то, что пишу, ты у нас человек творческий, тебе

мои заботы могут показаться мещанскими, обывательскими. Ну что делать, мне нравится так жить. Я помню, сколько мы с тобой спорили, всё равно меня не переубедишь: семья у человека должна быть на первом плане.

Очень хотелось побывать у тебя, но сам видишь: не получается. Хочется посмотреть на тебя ТАМ, посмотреть, как ты там вообще устроился. Мне до сих пор непонятно, хотя столько раз уже мы говорили об этом: как ты решился удалиться от благ, так сказать, цивилизации? Мы вот здесь отдыхаем, можно сказать, и телом, и душой, но постоянно жить здесь - извини... Тётка с дядькой, как встают в пять-шесть утра, так весь день на ногах: корова, овцы, поросёнок, куры, огород, печка, дрова... Это же деревня! Сам образ жизни, место обязывают. А дядька, хоть и любитель заложить за воротник во всякое время, вкалывает, дай бог. Тут и после работы и до работы такая же работа, если не больше. Ни душа, ни ванны, ни отопления. Очень трудно тут жить.

Ехали мы сюда долго и поразмышлялось мне чего-то, пока сидел в поездах и автобусах. И кое-что стало понятно. Ответ: так или нет. Я вот прикидывал в сравнении с тобой: почему я держусь своей работы, квартиры, семьи. Не то, чтобы цепляюсь, скажем, за работу или квартиру, но держусь за них - сам понимаешь. Я живу этим, это главное: семья, потом квартира, потом работа. Надо детей поднимать, надо быть улучшать. Я не могу себе позволить заниматься чем-то посторонним, не зарабатывать или мало зарабатывать. Увлечения, конечно, есть, как у всех, но они только в свободное время. Дачный участок, вот, взяли, огород разрабатываем. Даже фундамент будущего дачного домика заложил. Видно, так от родителей мне передалось. У моих предков по сорок лет трудового стажа и по одной записи в трудовой книжке! Передалось и мне: в жизни должна быть одна работа, одно постоянное место жительства. Ну и - это уж совсем естественное - чтобы одна жена (а не на каждый разный период жизни разная, это камень в твой огород). Чтобы дети всё время были рядом. Бывает что-то и хочется изменить в жизни (ну, бывает, у всех, наверное, бывает иногда, моментами какими-нибудь), но взвесишь, оценишь всё нажитое, и сразу страшно становится всё потерять. Да и последствий дальних опасаясь, которых никогда нельзя до конца предвидеть, особенно при поворотах судьбы. Так что - «нет». Я даже не наступаю на горло собственной песне, как бы сказал ты, я просто ценю то, что уже есть, что нажито.

А у тебя всё, тем более всё бытовое (или, может, я не прав?), как попутчики. Всё и все у тебя до тех пор, пока пути совпадают. Ты не держись ни за что. Вернее, ты держись. Но лишь за одно, как я понял: за свой путь. Идёшь с кем-то, с чем-то, потом вдруг, или не вдруг, я теперь уже не понимаю: «вот, новый поворот, и мотор ревёт, что он нам несёт, омут или брод, пропасть или взлёт?» - да? «...И не разберёшь, пока не повернёшь! За поворот...» - так? Эх, вот уж не завидую тебе

иногда! Бывало, вижу, как ты круто заворачиваешь руль, ну, думаю, - поначалу, по первым случаям думал, - всё, опять Володьке не повезло: авария. Потом стал чувствовать: что-то не так, не совсем так. А теперь думаю, что совсем всё не так: по тебе не сказать, что ты на обочине. Как будто даже всё наоборот. Свообразные у тебя достижения. И рост. Наши друзья - приятели какие уже карьеры сделали, каких вершин достигли! Ну, свою карьеру я тебе только что назвал. А твоя карьера, так действительно, от слова «карьер». (Из серии: аллюр, галоп, карьер) «Золото Маккены» - твоя карьера. (Я не иронизирую, я даже в чём-то горжусь тобой. А обо мне - обо мне действительно нечего говорить, мои достижения все налицо, ты их видишь, когда приезжаешь: растут дети мои.)

...Причём, всё у тебя начинается происходит как раз тогда, когда жизнь налажена, когда всё спокойно: живи и пожинай плоды прежних трудов.

Ну как это так: не нравится тебе легко и спокойно жить, что ли? Как-будто ты решил себе поставить за принцип: не поживать на лаврах. (Так спи теперь на соломе. Шучу.) Ты даже как-будто боишься этого: тебе страшно поживать на лаврах.

А ещё ты, по-моему, водитель, который решил проехать по всем дорогам.

И вот, поэтому, начало новой, следующей, очередной дороги проезжаешь, ухабы, завали, зигзаги, виражи крутые миновал, вышел на ровный участок, впереди только чистый асфальт, и всё заранее известно по карте - известен теперь весь твой маршрут на этом пути. Тогда на первом же подходящем перекрёстке: тормоза до отказа, - вой, скрип, скрежет от этого, - руль в нужную сторону тоже до отказа (нервы, наверное, тоже). Встречные - поперечные - в стороны, попутчики, если какие и удержатся, то только самые-самые верные. А ты (как бы ты образно выразился, дай подумать, с чем бы сравнить, ну, например) - а носорого-слоно-гиппопотам поворачивает туда, прёт туда, куда захотел повернуть. Тот, кто встанет на пути, будет либо перешибнут, либо снесён, либо отлетит в сторону от движения, как пылинка.

И вот ты на новой дороге. Новые ухабы, повороты, перевалы, рытвины - новизна ощущений. Ну что, горки миновал, пошла ровная дорога. И всё впереди известно по карте. Чуть-чуть по ней ещё тогда проедешь. И снова выглядываешь что-то. Что? Ну чего тебе опять не хватает?!...

И опять баранку судьбы вправо-влево, и всё по-новой опять. Вот кошмар... Ты не думаешь, что когда-нибудь не удержишь руль? Хотя у водителей и растёт мастерство с количеством пройденных поворотов.

А близкие? Близкие могут не выдержать, могут вообще, совсем не понять, испариться. (Мне-то что, я далеко, и могу, так сказать, наблюдать издали за «водородными взрывами», из укрытия, в безопасности. Могу я, товарищ, причислить себя к Вашим близким?)

В общем, раздумывал - раздумывал я, сидя и глядя в окно, над всем этим да и проанализировал как-то, для себя незаметно, всё это. Всё, что происходило у тебя на моих глазах и потом. Сам понимаешь, профессиональный бзик. Бывает и свои-то действия, поступки машинально анализируешь на эффективность, целесообразность, конструктивность и так далее. Вот мы, например, когда со Светланой выбирали, где взять дачный участок, она говорит одно, а я ей - полную раскладку: стоимость проезда, качество земли, количество земли, наличие реки, наличие автобусного маршрута, возможность подвести электричество и так далее. В итоге выбрали для дачи не самый ближний участок. Но он практичнее всех других и для души, и для тела.

...Я прошёлся по кругу твоих занятий (увлечений) за те годы, которые мы знаем друг друга. (Ведь мы с тобой уже дай бог сколько вместе? Два года в школе в старших классах, вместе поступали в институт, да пять лет проучились вместе, да при этом три года прожили в одной квартире. А что было у тебя раньше, я, наверное, могу экстраполировать.) Получилось у меня так: при мне ты как раз единожды прошёлся по некоторому кругу занятий. Это заняло лет семь. Потом ты расширил его, вышел, так сказать, за свой обыденный круг, дополнил его новым. И вернулся на круги своя. Ты вернулся к кругу прежних своих увлечений - занятий, включив новые, в свой обыденный круг. И в дополнение: вернулся уже на другой высоте (глубине?). И пошёл снова по кругу. И далее. У меня получилась расширяющаяся спираль. Она начинается из точки (эта точка - это точка рождения) и идёт вверх направлением раскручивания своих расширяющихся колец. Мне стало завидно: так жить!!! Вот бы так жить. Но - ну тебя на фиг... В общем, к аллаху, конечно же.

Теоретически, при рисовании фигура красивая. (Вернись, попробую развернуть её на компьютере.)

По-моему, ты пробуешь себя в каком-то деле (профессии, области занятий, области знаний), пока не постигнешь их на ту высоту (глубину?), которая... Тут я долго не мог уяснить, не мог определить даже саму постановку вопроса: что? чему? Долго напрягал ум, думал, не понимал, вдруг осенило (вертикаль-то поднимает возрастная составляющая!): которая соответствует возрасту.

Попробую объяснить. Получается, ты имел какие-то задатки, таланты: способности. И ты с детства «пошёл» по ним, как по увлечениям. Пошёл, конечно же, машинально. Затем - то же получилось в юности. Со стороны покажется: ты увлекался. Я говорю теперь: ты использовал, применял, заставлял работать свои задатки, свои таланты. Развивал их.

Так, стоп, ещё раз. Ты от рождения, от бога, так сказать, получил какие-то способности. Вначале, в детстве, ты не понимал этого. Просто занимался тем, что тебе было интересно, что привлекало - «цупал». Затем тоже самое (когда

смог сам обеспечивать себя, берём пример - фотография) стал изучать, пробовать, пробовать себя практически, в деле сознательно. Затем - и это был третий виток, третий круг - ты пробовал уже не себя, не таланты, а их силы - свои **силы** в своих увлечениях. (И это было при мне. Пример: та же фотография). Ты всё так же увлекался, но наращивал уже не количество занятий, а, ограничившись кругом тех, к которым способен, шёл в их глубину.

А вот потом... Потом ты «пошёл», повинуюсь уже не влечению и интересу, а какому-то необъяснимому инстинкту. И это чувствовалось. Это ощущалось по твоим письмам. Особенно по письмам. Ты пошёл, повинуюсь инстинкту, заложенному в самих дарованиях. Хотя, я думаю, почти уверен, ты сам не знал зачем. (Но всё время, всю жизнь ты подчинял материальную сторону своей жизни - духовной. Движению, вектору духовной стороны. И это о чём-то серьёзном говорит. Прости, не хочу путаться, не знаю, к чему эта мысль, поэтому эту мысль обрываю.) И вот, двигаясь на инстинкте, по инстинкту - и всё время по «кругу занятий» - ты вычленил, выбрал свои главные таланты, ты установил, к чему тебя влечёт больше, к чему твоих способностей больше. Затем **ОПРЕДЕЛИЛ ДВА** главных. Затем **ОДИН** главный. (Хотя - это всего лишь ты так решил, никто не знает, какая способность у него большая.)

И тогда уже всё другое (со стороны - резко, но, признаюсь, мне теперь кажется, очень плавно) свернул и весь отдался главному. (Главному таланту.) (Ты был инженером по профессии, а стал: художник.) И всю свою жизнь дальше - место жительства, местность, жилище, работу (сферу зарабатывания денег на жизнь) подчинил главному: использованию, применению своего наибольшего таланта.

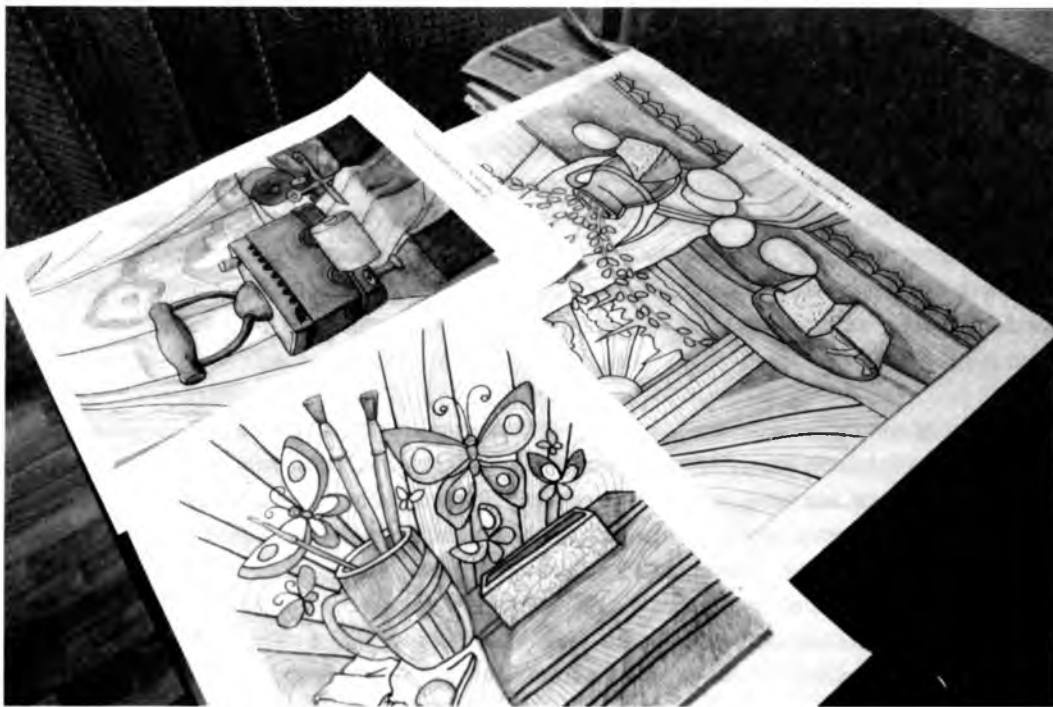
При этом другие свои увлечения - занятия ты не бросаешь, а занимаешься ими как бы время от времени. То есть движение и по кругу тоже продолжается. В следующий этап жизни - виток спирали - ты берёшь всё нажитое нематериальное духовное и душевное в предыдущих витках - периодах. Берёшь и двигаешься дальше, выше. Круто. («Это круче, чем гонки на карах...») - как бы сказал мой Димка.)

Интересная вырисовалась мне **концепция жизни: использование своих способностей, талантов, как способ жизни.** Это первый и основной принцип. Творчество, как смысл жизни - твой второй. Третий: постижение жизни, как смысл её. И четвёртый (ну ты наглец... ты нахал...) - **само творение своей жизни на основе данных тебе от бога способностей, как смысл её.**

У меня после этого анализа, да ещё от вольготной неограниченной жизни здесь, в чистой природе, на свежем воздухе, что-то сдвинулось в голове. Не могу не признать тебя Большим человеком. А может, просто дальновидным?

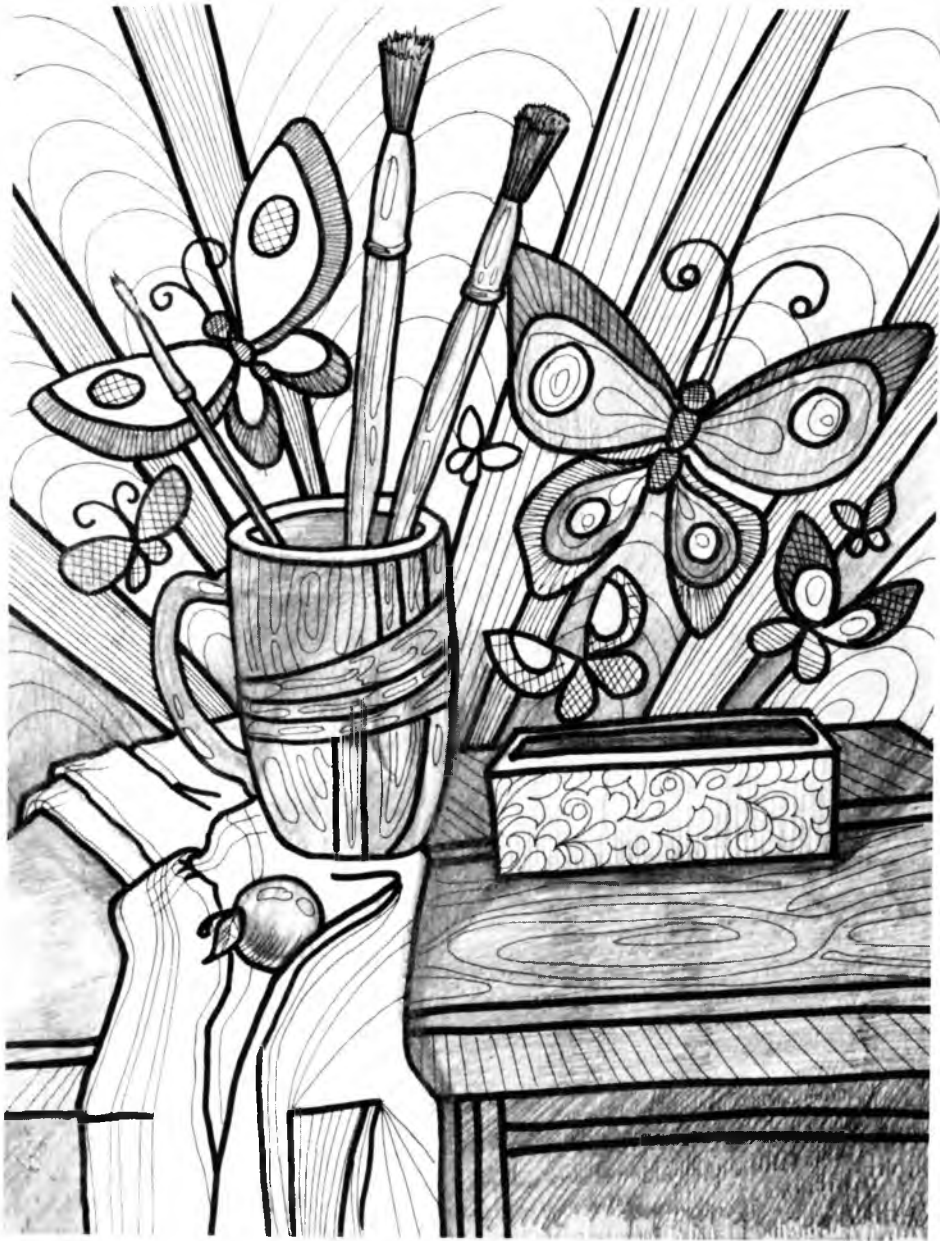
...При этом, у тебя такие требования к себе!!!... Что невольно туго приходится и близким окружающим: им невозможно «отдохнуть, остановиться». (Я теперь понимаю, почему вы с Люсей расстались. Извини... Хотя и тебя теперь понимаю. Мы, вот, со Светланой друг другу «по скорости» соответствуем, - и вообще соответствуем, - так у нас и мыслей расстаться, чтобы не мешать друг другу, никаких никогда не приходит.)

(Ты знаешь, я всё-таки думаю, плохо, что ты один. Давай, ищи всё-таки «пару». Вчера я слушал кассету Никольского. (Константина Никольского - помнишь, его песни были когда-то нашими культовыми) У Светланы есть знакомая художница - график, я попрошу её «нарисовать песню» Никольского «Мой друг художник и поэт...» И пошлю тебе. Обязательно. Мне тоже захотелось по-твоему жизнь творить. А вот рисунки её сына, ему сейчас лет пятнадцать, отпечатанные на принтере, кладу в письмо. Не знаю, чем они так меня привлекли - снял на фотоаппарат, когда мы были последний раз у них. Поразило то, что пареньку лет совсем мало, а рисует мастерски. Рисунки на конкурс: «Русь северная». По-моему, он здорово изобразил и жизнь, и «деревню».)

Графика. «КИСТИ» Ланской А.

«БАБОЧКИ»

«ПАСХА»

«БАБУШКИН УГОЛОК»

...Так вот. И все, кто не соответствуют уровню твоего... (тут тоже термин ещё не установленный) Остаются за бортом твоего... (Назову это: круга жизни.)

С людьми ты поступаешь своеобразно. Встречая нового человека, ты как «копир»: перенимаешь у него всё самое свежее, сильное. Всё конструктивное человеческое, чего ещё не имеешь сам. Или - что интересует тебя. Ты «берёшь» у него нужное, интересующее тебя качество и «вставляешь» в себя. (Как, какими силами ты это делаешь?!... Ты даже у меня «взял». И я теперь знаю: что. Ты «обогатился» от меня!... При этом ещё больше отдал мне. Странно всё: берёшь, при этом больше отдавая. Ладно, разберёмся.) Далее, ты «идёшь» с ним, с этим новым человеком, до тех пор, пока он этим свежим для тебя (и сильным) обладает. Пережив, с удовольствием «идёшь» с ним, пока он развивается, как личность. Как только он утратил свежее для тебя, или как только он остановился в развитии, ты покидаешь его. Как? Ты просто идёшь дальше. «Прошагиваешь» его и идёшь дальше. А так как вся жизнь твоя подчинена твоей внутренней жизни, духовной жизни, то постепенно у вас, у тебя с твоим бывшим близким человеком и жизненные пути становятся разными, перестают пересекаться. Отсюда, ты не встречаешь больше его, не встречаешься с ним. И забрасываешь его.

Боюсь, что и я тебе не смогу всю жизнь быть интересен. Твой темп трудно держать, он просто невыносим. Непрерывное (для чего-то) улучшение, изменение себя, как ЕЩЁ ОДИН из смыслов жизни? Это трудно, это слишком напряжённо, это тяжело. И без того забот выше головы, надо и «отдыхать». Ты, конечно, ответишь: «душа обязана трудиться». Но что поделать, если время такое недружелюбное. Да и материальная сторона жизни - немаловажное, так? Да и тут уже не душа, тут уже у тебя другое: я бы назвал это дух - дух, по-твоему, постоянно обязан трудиться, творить. (Всё, хватит.)

...Кстати, почему бы тебе не заняться бизнесом? Ты утверждаешь, что творчество, созидание - единственный смысл жизни. Пусть так. Бизнес - это ведь тоже творчество?

Ты вспомни, как ещё «за сто лет» до перестройки, году - дай бог памяти - в 1979-м, мы с тобой зарабатывали, подвизаясь на ниве фотографии. Как мы зарабатывали способы производства, приёмы заинтересовывания клиентов, способы поиска клиентов. Услугами, расширением ассортимента услуг... Рассчитывали цены, конкурировали с другими частниками и с государственными ателье, снижая свои цены, улучшая качество своих фотографий. Помнится, наши цены в итоге оказались раза в полтора ниже государственных, а зарабатывали мы с тобой на двоих в среднем... Постой, сейчас пересчитаю на доллары, так как там рубли были другие. А считай, шестьсот долларов на двоих в месяц. (Восемьсот, помню, однажды было, когда без прорыва потрудились). Какие мы были деятели,

а? Это так бы мне сейчас зарабатывать! Может, начнём опять? Надоела постоянная бедность.

Мы ведь тогда даже сняли квартиру на двоих вместо общаги - шикарно жили!... Я тогда, помню, сумел первый раз в жизни без помощи предков прилично одеться, а ты - а что ты?... Не могу вспомнить. Ах, да: ты приобрёл другую аппаратуру, более дорогую и, естественно, более лучшую, с большими возможностями. «Никон» «широкий», «Экзакту», навильонную камеру 24 на 30. Ох, вещи!... Глаза у нас тогда горели, это так.

А что было дальше. Да-да-да... Это Россия... Дальше появилось много «доброжелателей». Россия... Тебя вызвало факультетское начальство и задало вопрос в духе штурмбанфюрера Мюллера: «На кого Вы работаете?» И с кем Вы работаете. Я был удивлён, что тебя вызвали одного, наверное, я меньше занимался съёмками и клиентурой, а больше сидел в лаборатории. То есть, был не на виду. Когда тебя вызвали, я решил, что неприятности будут крупные, тем более, мы оба были кандидатами в члены КПСС. А в обвинении было: гребёшь деньгу лопатой, подпольный «частник», снимаешь «хату». Кроме всего, водишь «девочек», с которыми круто веселитесь. Обликус морале... Чёрт возьми, как мы с тобой тогда на всё обозлились! Ведь вместо того, чтобы действительно по ночам веселиться, корпишь за фотоувеличителем ночь, пальцы всегда жёлтые от химикатов, постоянный недосып, потому что работа обычно с вечера до утра, а с утра - занятия, а днём надо учиться. А какая-то сволочь из зависти, из-за неспособности своей на тебя капает и клепаёт, чтобы завалить. Но вроде бы даже партийное руководство всякой-то ерунде не поверило, кроме - деньгу лопатой. Да и куда бы оно без тебя - всё освещение культурно-массовой работы, спортивных соревнований, все фотогазеты: всё на вас с Люси было.

...Тогда ты повёл - а вот так вам! а запросто! - начальство на нашу «хату». И правильно: чего голословить, смотрите сами «малину»... (У тебя всегда была какая-то дальновидно-непредсказуемая, совершенно альтруистически-шкурная реакция. Иногда ты мне напоминал д'Артаньяна в «Виконт де Бражелон». Помнится, ты любил - и хорошо выходило, кстати - в «мизера» в префрансе играть: никто никогда не в состоянии был предсказать твой сброс и твой ход. До сих пор восхищаюсь, при случае рассказываю за картами это, уже как легенду: мой друг умел выигрывать в «мизер» при трёх «дырах». Мне и верят, и не верят.)

...Итак, ты повёл на квартиру. Начальство долго недоверчиво смотрело на застанный врасплох полный порядок в квартире, отсутствие всяких примет разворота - нет, стоп: кроме огромной фотографии Высоцкого и «Битлз» на стене! Осматривало фотоаппаратуру, выспрашивало, сколько это стоит, ка-

чало головами. Восхищалось фотографиями ночной столицы, портретами, пейзажами, фотомонтажами. Умилилось деревенским видам, слёзно вспомнило своё босоное сопливое детство. (Как сказал, а!) На прощание всего лишь отечески пожурило за корыстное использование своего дарования. И рекомендовало оставить незаконную предпринимательскую деятельность (так страшно тогда это называлось), не втягивать в неё товарища (то есть, меня). И «не дразнить гусей» нескромными заработками... Пока дело не дошло до ОБХСС. История на том и закончилась, всё замяли, спустили на тормозах, спасибо партии родной.

Так вот, немало ведь мы с тобой изобрели тогда, добываясь высоких заработков. И насколько я помню, в основе всякого приращения денег была во-первых хорошая идея, творческая идея. То есть, я хочу сказать, бизнес - это тоже творчество. Может быть ты решил, что этот путь уже пройден? Попробовал и достаточно? Больше ничего интересного нет? Не знаю - не знаю... Как говорится, дело не в деньгах, а в их количестве. Когда в карманах пусто, и на душе кошки скребут. А у тебя, как я понимаю, в карманах совсем не густо. Ну да ладно, дело твоё, тебя ведь не свернёшь.

Но ты посмотри, как я расписался! Всегда с удовольствием читал твои письма, самому всё некогда писать. Для меня всегда было проще взяться за телефон, чем за авторучку. Да и жизнь не так богата событиями, которые интересны за пределами семьи. Но твои письменные миниатюры о жизни, твои зарисовки давно искушают меня. И вот, наконец, подвигли ответить тем же. Да и обстановка располагает, и времени в избытке. Попробую и я себя в эпистолярном жанре. Завтра и напишу (есть одна история), сегодня, боюсь, не дадут. Дядька с работы придёт, наверняка потребует у тётки праздничный ужин (плавно переходящий в ночное «чай», читай: винопитие). В совхозе у них какой-то праздник: то ли день какого-то святого, блин, то ли январскую зарплату выдали. А может, всё вместе. Так что, грядёт большой сабантуй, ёшкин кот. И в меня уже пол стакана влили. (А ты думаешь, чего бы это я так расписался и разоткровенничался, ё!...) Ладно, оставлю пока писание, гребём сейчас всей семьёй на речку, пока дядька не вернулся. А без нас тётка его один на один оглоушит едрёной феней, утихомирит и спать завалит без гудежа. Всё, Светка уже кричит: чево вошкаешься! (Ну - трындец: во мы в деревне словечкам каким научились!... Прямо, как «немцы».)

...Так, Володя, привет, всё нормально: обошлось вчера. В общем, жму руку, привет тебе от всей нашей семьи, рассказываю: слушай. Мой рассказ называется:

«Тру (трай)». Что по-английски значит: пробовать, стараться, пытаться»

Английский язык мне в жизни пришлось изучать трижды: в школе, в институте и на курсах. Вот с этими курсами и связан случай, о котором хочу рассказать

Естественно, сколько бы я ни изучал англиш, всё, что у меня потом от него осталось, это хау ду ю ду, да ещё хэппи бёздэй то ю... Ну - ещё умение кое-как переводить со словарём. (Как и у большинства совспециалистов с дипломом.)

По работе приходилось иногда переводить технические тексты. Мало-помалу даже наловчился и руку набил в своей области. Терминов у нас специальных много, составил словарик в тетрадке за четырнадцать копеек, карманный словарь на три тысячи слов постоянно в столе держал. Потом ещё один: на пятьдесят тысяч слов приобрёл. Хватало. Потом даже какое-то удовлетворение стал получать от переводов - работы с текстами. Коллеги стали обращаться, как к главному спецу.

Как-то наше начальство надумало поднять наш интеллектуальный уровень. И организовало Курсы повышения квалификации. И всё это прямо в стенах родного НИИ, так что и ходить никуда не надо. Был в том числе и курс английского. Дело происходило летом, пригласили вести английский какую-то знакомую какого-то знакомого - школьную учительницу. Народ наш кое-как собрался на первое занятие, все тоскуют - придёт тётя в очках, зануда какая-нибудь. А пришла такая женщина интересная! Что все наши ходить на английский стали: и лысые, и толстые, и женатые, и холостые. И даже женщинам нашим она понравилась. (Что труднее всего, сам понимаешь...) Не скажешь, красивая - миловидная, привлекательная. Повела она себя со всеми запросто, как своя. Но что интересно, всегда за той чертой, что отделяет от разных там мыслей... Мы её от начала до конца исключительно: Евгения Владимировна.

Вот это специалист! Почему у меня такой учительницы в школе не было!! Она нам такой темп задавала, что два часа - на одном дыхании, еле за ней успеваешь. Но всегда с удовольствием занимаешься, всё в голове остаётся. Я в конце-концов стал анализировать: почему у неё так получается? Пришёл к выводу, что она и сознательно, и бессознательно включает в работу наши чувства. Сознательно - как хороший специалист, бессознательно - как интересный человек и интересная женщина.

В общем, всё было отлично. После второго занятия уже все перестали конфузиться при отработывании произношения. А попробуй-ка всерьёз сорока да пятидесятилетних мужиков заставить перед дамами вымучивать английское «т» или там «з»... Образуйте, плиз, щелочку между передним краем языка и верхними зубами... И мы все образовываем. Умора, детсад. Но все старались, и все ходили.

Так вот... А, кстати, о чувствах: давно заметил - когда чувства работают, память действует гораздо эффективнее. Безразличная учёба в будущем ноль.

Ходил на занятия и я. Хотя голова моя была занята полностью. Своими проблемами. (Какими - потом объясню.)

...А сколько мы узнали о Грэйт Бритэн! Можно было подумать, что наша учительница оттуда не вылезает. Оказывается, она побывала там, ещё учась в институте. (Надо думать, как отличная, как способная студентка. Почему нас с тобой в Ай Би Эм не посылали?) Потом она почему-то жила две или три недели у одной миллионерши, в её доме. Какие там обычаи шикарные!... Если пёс хозяев встал лапами на плечи гостю (и испортил новый смокинг), гостю это (должно быть) только в радость. Если Вы согнали со стула, чтобы сесть самому, хозяйскую кошку, будьте уверены: Вас в этот дом больше не пригласят. Но если ты, едучи в автобусе - троллейбусе, захотел уступить место женщине, тебя просто не поймут: за это место уплачено тобой! Ну что это такое... А миллионерша, у которой наша учительница жила, ела - пила очень скромно. (Не по-нашенски живёт: скряга.) Пьяных на улицах вообще нет. Но на приёме, организованном нашими по какому-то культуробменческому поводу англичане так навалились на нашу водку и закуски, так наклюкались, что... В общем, на дурняк укус везде сладок. (А я и не подумал бы никогда на англичан. С виду такие всегда церемонно-культурные. (?)) Но что её особенно потрясло на приёме - фуршете: наши английские друзья водку тянули через соломинку. (Нас это тоже потрясло, у нас так даже алконавты не делают.)

В Америке бывала со своими школьниками. Привезла оттуда яркие шорты (там летом все ходят в шортах в небольших городках) и привезла ещё твёрдое убеждение в том, что наша система школьного образования или лучше, или гораздо лучше. Те, кто хочет учиться, у нас от школы получают значительно больше.

В общем, я бы долго ещё рассказывал, да дело не в этом.

Мысли у меня тогда были совсем о другом: голова была занята проблемой рождения наследника. Жена на последнем месяце, волнуясь за неё - сам знаешь, она у меня такая миниатюрная (до перестройки в детских отделах магазинов одежду себе покупала), что роды это проблема. Положили её заранее. Я хожу, гадаю, угадываю: кто у нас будет? В нашем роду наследники появляются трудно, я вот четвёртый после трёх моих сестёр - представь, то же случится у нас с женой? Во-первых, как мы станем жить в однокомнатной «хрущобе» вшестером? Во-вторых, на что мы станем жить, на какие шиши? Однако, в первом ребёнке мы с женой не раскаялись, как квартиру после общаги получили, так сразу на второго пошли. Наши знакомые и приятели нам все уши прожужжали, что мы сумасшедшие. Мол, посмотрите, что в стране делается, дай бог самим себя прокормить!... А нам, честно говоря, надоело ждать, пока в нашей стране жить по-настоящему можно будет, у нас в стране всегда что-нибудь: не понос, так золотуха (причём, в каждом веке). В общем, мы решили жить сейчас. Плевать - какое нам дело до того, кто и как в нашем Кремле подвизается, у них свои игры, у нас своя жизнь. Наша со Светланой жизнь - это, во-первых, семья, вот мы и решили ЖИТЬ. (А уж будет не на что, так и в строители уйду, ещё не за-

был ни как мастерок держать, ни как раствор класть. Да мало ли что я вообще могу.)

Ну вот (короче), жена в больнице, я хожу, переживаю. Уже смирился с тем, что девчонка родится. Даже прикидывать начал, где, какие ещё полставки взять, чтобы Светлана могла дома сидеть, когда на третьего пойдём. К предкам, думаю, съезжу, скажу: батя, желаешь иметь внука, давай помогай, иди к свату, помогайте материально, нечего сидеть, да покуривать, вон вы какие ещё крепкие лбы, будете сиднями сидеть, до смерти в девках останетесь. Вот какое у меня было настроение. На работе всё практически забросил, всё встало, не движется. Меня, правда, особо и не напрягали, знали, что отработаю. Да, вот, у англичан, кстати, обычай хороший: рабочий день закончился, по домам разъехались - всё: ша! Никто по служебным делам не позвонит. У нас же!... Начальник отдела, как куда соберётся, особенно по личным делам, - например, за запчастями к своему «Жигулёнку», - так мне: бряк-бряк... Следлай, мол, то-то и то-то. Или замзав так же позвонит. То в восемь вечера, то в десять.

Вот однажды звонок. Шесть утра. Я - ну!... Достали... Трубку не беру. (Я и не подумал, что это из роддома, у нас оттуда наоборот не позвонят.) Минут через двадцать опять трезвон. Поднимаю трубку, слышу голос начальника отдела. И - не глядя: «Здравствуйте, Николай Иванович, да, Николай Иванович, я составлю график работ на сегодня, Николай Иванович, только назначьте ответственного за проведение работ». Николай Иванович мне: «Ты что - озверел? Какой график - аппаратура на профилактике. Ты почему дома не ночуешь... Но - ладно, это дело личное. У тебя сын родился. Меня подняли ни свет, ни заря, до тебя дозвониться не могут! В общем так, выходи на работу, а там посмотрим. Надо будет в роддом - уйдёшь».

Как меня понесло с самого утра!!!... Сын! Сы-ын!!! Сын!!!!... Ленку, дочь, чуть не напугал: пляшу и сам с собой разговариваю. Естественно, хлопнул рюмочку: да здравствует продолжатель нашего рода! (И отец его.) И полетел в институт.

Наши женщины и без повода в восемь тридцать уже первый чай ставят. А в этот день сразу в восемь, как пришли, поставили. Наш сектор скучковался, я сделал заявление: хочу широко отметить столь знаменательное событие. Возражений не поступило. Ну так, тут же сделали и почин (не привлекая пока внимания).

Потом я слетал в роддом, потом в магазин, потом пошёл по всем кабинетам и лабораториям: товарищи! Такое дело! Не откажите! В семнадцать шестнадцать (то есть, строго после окончания рабочего дня) прошу зайти к нам, в сектор, отметить рождение. Товарищи не отказывали.

Сам - парю, сам в полном блаженстве. Какие мне уже картины рисуются!... Как мы с сыном возводим дом (пусть дачный, но ведь - дом!). Как я учу его тесать, строгать. Как копаем гряды, как разбираем компьютер... Едем с сыном на рыбалку, учу сына подтягиваться и вертеться на турнике... В общем... Ну да не всем это интересно.

В обед мы ещё посидели, тесной компанией. Чего-то выпили, не помню чего, сколько, не помню сколько. Кажется, много. Но я был в таком состоянии, что лишь настроение поднимается, а нигде нисколько ни в одном глазу.

Обеденное застолье плавно перешло в послеобеденное, чтобы потом плавно перейти в послерабочее - без перерыва. Народ из других лабораторий начал подтягиваться. Всё прекрасно и я «герой дня без галстука»! Вдруг в три часа появляется наша англичанка. Все как завопили от восторга!... (Мне даже неудобно сделалось - экая мы уже были пьянь...) Завопили! Потащили за стол! Наливают, угощают! Пытаются целовать, комплименты на рязанском английском только вьёт, отпускают! Она молодец: сразу оценила обстановку. Очень красиво, церемонно, как это умеют делать англичане, от всей души, как это принято у русских, меня поздравила, даже в щёчку поцеловала. И говорит всем: «Вам надо поберечь силы для вечера, давайте заниматься». Народ заморщился. Она: «Есть у вас актовый зал? Пианино? Всё, тема сегодняшнего занятия: английские песни. Поём русские и английские песни». Ну, от такого занятия никто не отказался: продолжили застолье под официальной «крышей».

Евгения Владимировна нам аккомпанировала, мы пели. Потихоньку толпой: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Громко, она: «Естэдэй...» Потихоньку мы: «Что стоишь, качаясь...» Громко, она: «Гёл». Потом чего-то ещё. Потом она заставила нас разучивать шотландскую народную песню «Май бони». (И это теперь у нас в отделе что-то вроде «национального» отдельского застольного гимна. Как «крупно» посидим, так под занавес обязательно после «Шумел камыш...» (который является признаком перепития) затягиваем «Май бони». «...Май бони из оувэ зэ оушн, май бони из оувэ зэ сии-и-и...») И слова ведь, чёрт побери, с первого же занятия... Из головы не вылетели! И поём, - и споём, и снова затянем. И плачем (перепились, ясно...): бою жалко.)

Ну вот, в семнадцать пятнадцать занятие закончили - напелись. С семнадцати шестнадцати до восемнадцати - напились. На столе скромно рисовалась одна бутылка сухого вина. (Двадцать одна тусовалась под столом) Один стакан, несколько конфеток. (Подносы с закуской за ширмой.) Желающие поздравить заходили, поднимали стакан, произносили тост. Сменялись.

Руководство тоже зашло. Приняло «по капле», поздравило «от лица». Наш пьяный народ начал неестественно громким шёпотом в сторону и вверх, в потолок, говорить: неплохо бы так-то человеку квартиру дать!... Жилплощадку ему расширить. Можно бы. Как хорошему специалисту... Можно бы и вне очереди... Как ценному кадру и в перспективе многодетному отцу. Руководство по-тихому смылось. Желающие посидеть «ещё» остались тесной компанией.

...До дома я добрался «на автопилоте». Помню, движения у меня были такие плавные, медленные, как взмахи крыльев у большой белой птицы... Как у лебедя. (Нет, не

у генерала Лебеда...) А в метро еха-а-ал!... Песня. Костюм, галстук - и пьяная улыбка до ушей. Дипломат в одной руке - и авоська с початой бутылкой и кульком конфет в другой. Народ на меня только косился. Но народу в вагоне я сразу и запросто, без всяких аглицких церемоний, объявил на весь вагон: у меня сын родился, дочкин брат и... И вообще все люди - братья. Так спасибо людям: меня бережно, можно сказать, любовно на эскалатор завели, эскалатором подняли и мимо милиционера провели, Я ему тоже объяснял что-то, пытался ему налить и угостить конфетами. Хорошо, что он сделал вид, что заметил какое-то нарушение и срочно убежал. Ой...

Ввалился в квартиру, дочь рисует, уроки сделаны. Я её угостил конфетами в честь рождения братика. Помню, мы с ней ещё чай пили и о жизни говорили: философствовали. Потом она говорит: давай ужинать, а я уже ничего не могу, чувствую, отключаюсь. Строго наказываю: в квартиру никого не впускать, никого не выпускать (меня особенно). Пойду, говорю, доча, я, прилягу: что-то у меня всё болит. Да, доча, я заболел. Но немножко. К утру пройдёт. Пойду, прилягу я. До утра надо выздороветь. Потому что поедем к маме. А её нельзя такой «болезнью» расстраивать. Алёна спрашивает: «Ой, что с тобой, папочка?» Я... (Вот уж недолго думал, мозги-то на взводе и набекрень!... Как в голову-то приходит умное такое!) Я, говорю,пил сегодня яд! Есть такой обычай во взрослой жизни, традиция. Во взрослой жизни он, понимаешь? Понимаешь! Всем во взрос... жись... прих...ся пить эт-т яд... Мужчинам больше достается: они есть сильный пол. Так вот, когда рождается сын, отец должен выпить как можно больше этого яда. Зачем? Чтобы сыну меньше осталось. И вот, чтобы твоему братику осталось меньше, - а потому, жилось лучше, - я сегодня изо всех сил отпивал его долю. Алёна: «Бедный мой папочка... Спасибо тебе от братика, я ему потом всё расскажу». Я содрогнулся, потом прослезился, потом уснул.

Что мне снилось, что со мной было - чего только не было. Помню только последний сон, вот какой.

Приезжает в наш институт делегация из Англии. С комиссией из Академии наук. Внезапно приезжает. И как раз по теме нашего отдела. Переводчика почему-то нет. А руководству нашему нельзя в грязь лицом ударить, оно заметалось. Вдруг вызывают меня. Прихожу к директору. «Ты, говорят, лучше всех в отделе английский знаешь - вперед. Выжми из себя всё, как на экзамене. А чтобы тебе легче было...» Я и слова сказать не успел, подхватили меня под руки, потащили куда-то. Я вначале пошёл, потом стал упираться: что, мол, за спринт, куда вы меня гоните? Отвечают: к психологу - он что-то рассказывал про стимулы человеческого сознания, вот пусть он тебя и простимулирует. Я вообще обалдел: то ли меня в психушку тащат, то ли эти с переполоху тронулись.

Приволокли меня, слава богу, к институтскому психологу - к Потапычу, в его лабораторию. Я поуспокоился, в лицо мы с ним знакомы, здороваемся, хороший чело-

век. Они ему: «Давай, что ты там рассказывал на семинаре. Аврал. Горим. Штурм. Поехали». Он: «Каждый из нас хоть раз в жизни изучал английский. Так вот, некоторые учёные утверждают, что в ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА ВСЁ виденное, слышанное и чувствованное ОСТАЁТСЯ. В этом смысле человек подобен записывающему устройству: записывает в свою память всё, что попадает в органы чувств. Но, но... Не ко всему запомненному всегда есть доступ. Доступа нет в обычных условиях. Сами знания, например, есть, а доступа к ним нет. Задача состоит в том, чтобы, попросту говоря, научиться выталкивать знание из глубин. То есть, необходимы стимулы. Существует с десяток основных стимулов человеческого сознания, выбирайте. На первом месте у человека стоят сексуальное желание, страсть. На втором любовь». И мне подмигивает. Руководство прямо оторопело - ошизело, запараноило... В те времена секса у нас в стране ещё не было, он только-только зарождался, и наши старые олухи даже растерялись от такой, Потапыча, научной наглости. Наконец, зам директора по науке выдавил: «Эт-та чта ему сначала бабу, пардон меня дери, надо, а потом только - англичан?» Потапыч спокойно отвечает: «Вы меня не поняли: я перечисляю стимулы человеческого сознания, а уж ваше дело, какие кому выбирать. Далее идут: желание славы, успеха, власти, денег. Потом - музыка, поэзия, литература. Затем дружба, интеллектуальный союз. Далее - общность страданий - испытаний, самовнушение, страх, алкоголь, наркотики».

Всё - немая сцена. Потом слышу шипение: «...Ну и стимулы у Вас, товарищ психолог государственного научного советского учреждения... Вас послушать, так сознанию: то бабу, то денег, то вина... Вперемежку с общностью страданий от всего этого. Неужели же для советского человека, неужели для сознательного социалистического члена общества ничего более подходящего нет!?» Потапыч снова мне подмигивает - ну оч-чень многозначительно...- и отвечает: «Почему же, есть и для советского человека кое-что. Вы же меня прервали, не дали изложить, я перечислял вначале общее: общечеловеческое. Есть и для советского, так называемые социальные стимулы: повышение в должности, награждение орденом, медалью, грамотой, вручение премии, получение новой квартиры, наконец, загранкомандировка. Ну, загранкомандировка для нашего стимулируемого сейчас неактуальна, а вот расширение жилплощади, как я заключаю по выражению его лица, форме надбровных дуг и форме пальцев, размеру и цвету ботинок - очень и очень, весьма и весьма стимул веский и своевременный». И снова подмигивает мне. Ну, я его понял! «Потапыч!... - изо всех сил головой в знак согласия киваю, - ты молодец!» Мысль у меня заработала, как процессор, как бетономешалка: надо для семьи выжать из ситуации всё, что можно! Надо выбить квартиру!

Руководство засовещалось. Потапыч отводит меня за перегородку и говорит вполголоса: «Слушай, я их озадачил, пока скребут затылки, хочу тебя поздравить».

«С чем?» - спрашиваю. «Как с чем? Ну, ты даёшь! Уже весь институт знает! Вылетело из головы с этими, - кивает на перегородку, - что ли? У тебя же сын родился! Народная молва донесла, что до этого три девки было, а теперь вот парень. Ну ты молодец! Герой! Я тебя поздравляю! Жаль, не знаком с твоей женой, познакомь мою с ней, прошу. Что у тебя за женщина, вот это настоящая! Вос-хи-щён вами!!!!...» И наливает нам с ним по чашке коньяку. Выпиваем.

«...А насчёт делегации - не бери в голову: стимулов у тебя сегодня будет, хоть отбавляй. Единственное что подскажу - какая у тебя память лучше работает?» «Зрительная» - отвечаю. «Ну вот, - говорит он, - будешь разговаривать с иностранцами, если чего не знаешь, не торопись. Представляй сразу же открытый словарь, листай его и бери себе нужное слово». Я: «Угу-м.»

Тут руководство зовёт: «Вы где там?» Потапыч: «Всё, всё... Я тут как вы просили: простимулировал его маленько - практически. Э-э-э... - инъекцию сделал». Из-за перегородки с опаской, настороженно: «А это не того... Не опасно?» Потапыч: «Не-е-ет!... ЭТО - не опасно. Хотя, как знать, кому как, на каждого по-разному действует». Вытерли мы губы тыльной стороной ладони, выходим. Нам объявляют: «Руководство института входит в моё трудное жилищное положение и выделяет моей семье, как единственной в институте многодетной, трёхкомнатную квартиру в достраиваемом доме. Конечно, при условии моей успешной работы с сегодняшней делегацией. Вот ордер». И подают мне какую-то бумажку. «Расписывайтесь». (А я - забыл здесь сказать - на самом деле в этот день расписывался в документах на квартиру, но ещё не в ордере. А сейчас мы живём в трёхкомнатной, ты знаешь.)

...Что я потом делал, где был!... Не знаю. Онли римэмбэ, что стоим мы с делегацией из Грийт Бритэйн и комиссией ин ауэ лэборатори. Обход и отчёты, и выводы, как видно, уже сделаны. Всё о»кэй. Олл райт ин Раша - директорат сияет. Я в сторонке болтаю с какой-то лэйди фром Ландон. И она так похожа на нашу тииче Евгению Владимировну, что я диву даюсь. И треплемся мы с ней, и треплемся, и слова из меня сыплются горохом. Она спиик ми, что родом вообще-то из Шотландии, из какого-то (вот не запомнил название) смолл таун. Тогда я вспоминаю и мы с ней поём на два голоса сонг «Май бони». По-английски, конечно. Все в восторге, все хлопают. Я извиняюсь за своё произношение и говорю, тоже, разумеется, по-английски: «Мой английский, конечно, плох. Он беден. Но я...» Тут хлопки усиливаются. Я договариваю фразу, произношу последнее слово, оно звучит так: ...»трай». Хлопки становятся ещё громче, я морщусь и... И просыпаюсь. При этом в сознании будто что-то хлопывается. (Вот это ощущение хорошо запомнилось.)

...По комнате ходит дочь в ночной рубашке, напеваёт и хлопает в ладоши. Замечает, что я проснулся, бросается ко мне: «Папочка, папочка, ты выздоровел? Мы поедem к маме и братику?» Я сел в кровати, в глазах заходили такие круги!... В затылке

так стукнуло!... ТАК голова у меня ещё никогда не болела! С кровати встал, чуть не упал. «Ну, Потапыч, бурчу!... А говорил: не опасно. Да разве можно коньяк с сухим вином мешать...» Еле до ванной дополз, как голова раскалывалась.

Но было что-то сильнее бодуна, что не давало покоя. Я покачался под душем, отсиделся в ванной. Поставил чай, напился чаю... А последнюю-то фразу из сна, надо сказать, как-то зацепил. Как зацепил, так и держу, и потерять боюсь, твержу её про себя. Почему-то первая её часть звучит у меня по-русски, а последнее слово - по-английски. «Мой английский ещё плох, он беден, но я ... трай.» Что я трай? Зачем я трай? Что такое за трай? Кого я - трай?!... Или может я кого-то спьяну ударил?! Кошмар начался. Что я такое спьяну ляпнул, может, неприличное что-то?! Я листал словарь до тех пор, пока не оступел. Слова не было. Походил по кухне, осторожно выяснил у дочки, как я себя вечером вёл - нет, вполне, всё в рамках допустимого, приличного.

Вышел на балкон, закурил. Тут же бросил - какая гадость!... (Знаешь, ведь, как это с перепою бывает.) «Во, - говорю себе, - наклюкался, даже курить не можешь. Значит, нажрался здорово на радостях». Снова чай пил, с лимоном. Снова в ванной под душем стоял. Фразу держу и твержу. Ни-че-го. Наконец, что-то такое проклюнулось в мозгу: хватаю словарь, смотрю на обложку. Словарь называется «Русско-английский». «Ну, - говорю себе, - ты и кретин». Бегу в комнату, хватаю англо-русский, который и нужно было сразу посмотреть! Веришь ли, руки дрожали, когда листал страницы и подходил к нужной! Когда взгляд подводил к тому месту, где должно было быть ЭТО слово, уже дрожал... Медленно-медленно перевернул последний раз страницу, медленно скольжу взглядом вниз - вот оно. Оно есть! «Трай - пробовать, стараться, пытаться». У меня на секунду даже «крыша» поехала, разум помутился.

Теперь последняя фраза звучала так: «Мой английский, конечно, ещё плох. Он беден. Но я стараюсь (пытаюсь, пробую)...» Да, теперь я всё вспомнил: именно так я и хотел там сказать. Перелистал теперь русско-английский словарь, отыскал в нём слова «пытаться, пробовать» - результат тот же.

Всё, финиш. Сажу на кухне на табурете в полной прострации: не знаю - кто я, где я, что я... Понимаешь, как только я нашёл в словаре *то* слово, я понял: не мог я его сказать, не мог. Почему? Да не знал я его, понимаешь! Не знал и точка! Точно. Уверен: не знал. А если не знал, значит, не мог сказать. Но ведь сказал? Какой-то замкнутый круг. Не знал, но последняя картина сна ясно показывала обратное.

Голова вообще стала раскалываться. Выпил кофе с коньяком. Сердце вздрогнуло и в затылке погорячело, но, в общем стало получше. Накормил дочь, пошли на трамвай. До самого роддома думал, как я мог произнести слово, которого не знал.

Потом стало не до того.

...Позже я перелистал все свои английские записи, все переводы, все рукописные словари - нет, не пользовался этим словом. Как, видимо, и многими другими из моего разговора во сне, которые просто не запомнил, которые промелькнули во время разговора, которые не успел выхватить из сна.

Вспоминая сейчас эту историю, нахожу объяснение всему происшедшему в том, что листая десятки, сотни, тысячи раз справочники и словари, взглядом скользил и по тому, что не было нужно, но что, однако, в поисках нужного видел, то есть как бы читал. Значит, взглядом записывал в память всё, что видели глаза, вот оно всё и всплыло, а как ещё иначе?

(P.S. Я запрещаю своим детям смотреть фильмы ужасов, триллеры, фильмы с мистикой, дьявольщиной, маньяками, потоками крови, кровавые боевики, похабную эротику, порнографию, слушать и смотреть по телевизору новости, которые состоят у нас почему-то из одних преступлений и происшествий. Я думаю и нам тоже стоит поберечься: наши умы не свалка грязи и мусора.)

(P.P.S. ...Письмо отправляю уж из Москвы. Да... Опять дом - работа и захлестнули дела. Вместе с письмом и рисунок. Чудо! Не правда ли.)

II.

Валерка, здравствуй!

Валенок ты деревенский, привет! Привет, привет. Не хочешь, гришь, жить в дяревне? Ни ванны тябе, ни душа, ни отопленья? Одна робота да чёрно-белый тилявизор? Ну-ну... Действительно, от такой действительности с ума можно сойти. Но кто, спрашивается, тебя принуждает жить так? Живи по-другому - устрой себе ванну! Устрой душ, устрой себе работу! Это же элементарно, мой ватсон. Ну не живи ты в избе, если не хочешь избы! Устрой себе Дом. Потрудись, поломай мозги и устрой свою жизнь так, как желаешь, а не только отрицай то, что не устраивает и не нравится! А то прямо как в «Бременских музыкантах»: «Не же-ла-ем жить по-дру-го-му, не же-ла-ем жить - эх!- по-дру-го-му!» И так далее, но не более чем это далее.

Валерка - пьяница ты белозерский на час... - я бесконечно рад твоему письму! Ведь два с половиной месяца молчал! Ну что это такое... Разве можно так. А уж рассказу твоему - рад от души, тем более, ты выбрал (для меня) для него на редкость удачное время. Он - да и всё письмо - подняли мне настроение, а то совсем я было... Раскис. Болею. Представь! Я - и за-бо-лел. Это что-то странное. (К тому же болеть я «терпеть ненавижу».) С тех самых пор, как перешёл на бег босиком (вместо бега в кроссовках - и по жизни, мой друг, и по жизни тоже) - босиком по земле, по воде, по камешкам на тропинках, по хвое, по росе, по стерне - у меня всё разложилось по полочкам. С тех самых пор я стряхнул с себя ворох простудных болезней. Каждое их посещение, во-первых - явление, во-вторых - горестное событие. Не умею болеть. И не желаю. Каждая болезнь у меня непременно что-то означает, обычно, какую-то чрезвычайную ситуацию. Предпоследняя простуда, например - сильная нервная передряга. Последняя ангина - отлакировал за один присест метров шестьдесят квадратных... Паркетным лаком паркетного пола. Сразу и свалился с отёком. Но теперь не то. Стрессы, неконструктивные нервные вспышки обхожу, по паркету не хожу... Купаюсь - точнее, застаю себя купаться! - в любую погоду, до льда. Радуюсь холоду, стараюсь жить, как всё живое в природе. И одеваюсь чуть легче, чем принято по погоде: хочу, чтобы организм работал. А если вдруг становится холодно, просто ускоряю шаг. Некогда специально закаливаться, чем увлекались мы раньше: заставить организм работать, реагировать, самому защищаться - вот Задача.

Ты спросишь, отчего тогда я всё-таки заболел? Отчего, не догадаешься ни в жизнь, потому что это так интимно, что на это нельзя и подумывать. И смешно: ты бы слышал, как я время от времени сейчас покатываюсь над собой! Смешно дураку, смеюсь: получил подарок... Представь себе: любимая женщина наградила... Бывает же такое! (Бывает, конечно, и хуже... Тьфу, тьфу, тьфу...)

И вот теперь отмучиваю положенное для болезни время: лежу, сижу. (Прошли времена, когда дела были превыше всего и болезни переносились на ногах - ну к чёрту.) Ляжу-у на пя-а-чи. Пью с мёдом чай. И таблетки. Через день, то прокаливаюсь в русской печи, то парюсь в бане. Если бы не болезнь, была бы не жизнь - лепота.

«Твои» рисунки!... Вот это подарок! Спасибо. (Уж признаюсь: НИКАК не ожидал!) Класс!... На последнем: это я (так ты мыслил?) и моя «мечта». И графика прекрасная - просто прелесть! Давно я уже столь тонкой - более того: поразительной! - работы не встречал. Вот это рука! (Поцелуй от меня эту руку.) Передай моё восхищение и преклонение и ещё... (Сам решишь, можешь не передавать.) Твоей художнице лет двадцать пять - тридцать. Это раз. В «Константине Никольском» она понимает так же, как я... - в гаубицах, в породах верблюдов. Ну да, всё внешнее из песни есть. Прости - нет духа её, её сути: красивая картинка... Не расстраивайся, я уже «нарисовал» тебе «ответ». Сам я пишу «маслом», поэтому попросил свою «пару» (спасибо тебе сердечное за тревогу и за заботу, но я уже не один), она любит графику и неплохо рисует - «мы» нарисовали вместе. Это называется: «ЖЕНСКОЕ». Мы попытались дать в одном образе всё женское. Взгляни на свою жену свежим взглядом - есть ли всё это в ней?

Ты знаешь, нас поразили рисунки того мальчишки, которые ты сфотографировал и прислал. Мы оба были изумлены: вот это рука!!! У этой «руки» прекрасное будущее. Этот человек может прожить потрясающую жизнь: жизнь в полной свободе! Его рисунки, картины, если они будут, будут востребованы всегда.

Передай это ему, и его матери. Человека ждёт прекрасная, полная свободы жизнь. Именно это приходит на ум, когда внимательно рассматриваешь его работы.

Но. Вернее, не так: нет «но». Есть задача: учиться жизни. Ему нужно изучать жизнь. (!) Ходить, смотреть, пробовать разные профессии, работать с разными людьми - изучать жизнь. И её рисовать. Сейчас в его работах нет того, что мы называем: правда жизни. Его взгляд поверхно-

стен, да конечно - ещё ж ребёнок. Только в работе «Бабушкин уголок» находим то, что (повторюсь) есть правда жизни.

Передай, передай - ему нужно: изучать жизнь.

И с такого уровня талантом он будет свободен!

Что касается деревни... Вы ведь были не в деревне. Я посмотрел по карте: это центральная усадьба совхоза.

Посмеиваюсь, когда слышу по телевизору рассуждения, вздыхания, планы насчёт нашей «деревни». «Возродим деревню!», «надо выделить деньги на поддержку!...» и так далее. Только смеюсь. И расстраиваюсь всегда, когда подобные глупости (представления) встречаю у близких мне людей. Только городской человек (приехавший на пару дней или недель и отождествляющий деревню со сливками, молоком, мясом, картошкой, речкой, баней, самогонкой, тракторами, механизаторами) может думать, что он был в деревне. Деревни - нет. Нечего ни поддерживать, ни возродить: она умерла. Остались центральные усадьбы колхозов - совхозов. Кругом них - пустота.

Смерть, опустошение, пус-то-та.

Наша знакомая, Тоня, застала своим детством самый край этого опустошения. Я, вот, тоже: переснял её рисунки - посмотри. Вкладываю несколько штук.

Вначале идёт мечта, ностальжи, потом реальность (былая реальность: даже её... сейчас... уже нет).

...Помнишь шекспировское:

*«For never was a story of more woe
Than this of Juliet and her Romeo».*

Кажется, буквально-поэтически это переводится так: «Печальнее не слышано на свете сказанья о Ромео и Джульете».

Для меня же привычнее другой перевод: «Нет повести печальнее на свете...» Слова его после драмы звучат точнее: безнадежнее и короче. Так вот, всё чудится мне, будто Шекспир это о деревне о нашей сказал.

«Нет повести печальнее на свете».

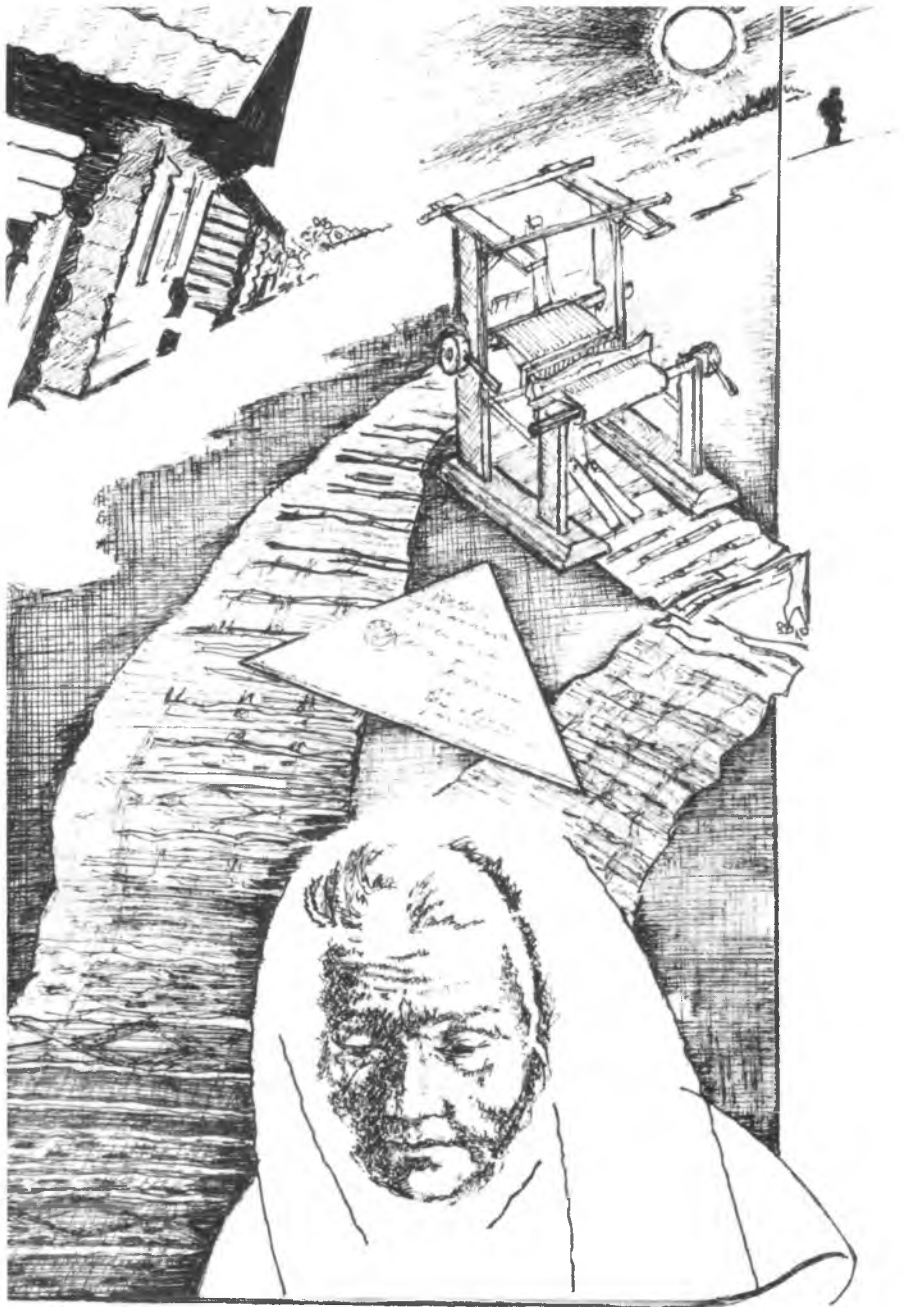

Всё понял, что сейчас деревня? Нет её, давно умерла.

Этот, последний, обелиск, ведь - не войны: памятник гражданской умершей. И плачут над ней по-настоящему только бабы, одни бабы, потому что чувствуют это они одни. Таково настоящее. Леса вырублены, высохли речки, зачахли поля, заросли луга, развалились дома.

Все люди находятся в городах. Да-а...

...Да-да, забылся, забуксовал. Что рисую? Сейчас ничего не рисую: нет энергии, у больного слабенькая энергетика, нет сил созидать. Читаю. Развлекаюсь О'Генри, наслаждаюсь Стендалем. И вот что ещё сделал: лет пять уже не знаю почему, снесало какое-то любопытство - перечитал «Овода». Может быть, хотелось узнать, как воспримется теперь, в этом возрасте? Может быть, хотелось сравнить, как будет восприниматься теперь, после того, что в нас, в стране произошло? Не знаю, копаться не стал, мучило любопытство и всё, я и поддался ему. Болезнь дала время читать, считай, помогла.

Что тебе сообщить... (Уж верно не станешь сам перечитывать.) Читалось с интересом, да-да. Кроме того, что я совершенно позабыл за годы многие места и поэтому читал книгу, как НОВУЮ книгу, и вспоминал её, я позабыл и свои впечатления, позабыл «того себя» и, читая, вспоминал «его», и сравнивал. Себя «того» и себя «сего». Последний раз читал книгу, кажется, в шестнадцать лет.

Ты знаешь, Овод более не пронял и не потряс меня. Как в детстве. Нет, не пронял, нет-нет, не потряс. Ни своей убеждёностью (недальновидно, не умно, он даже ещё не марксист), ни своей деятельностью (неэффективно, просто страшно неэффективно!), ни своими принципами (не жизненно).

Верно ты заметил: трудно быть системщиком (даже бывшим) - присутствует дурацкая привычка всё машинально проверять на взаимосвязанность, целесообразность... Послушай, может он просто слишком молод был? Жизни не понимал? Ведь посмотри, что у него за принципы - так вообще жить нельзя! Что за принципы, по которым сильную и чистую любовь необходимо не проявлять, а подавлять, скрывать? Во имя чего - дела? Значит, это твоё дело бардак, а не дело! Это для меня од-но-знач-но.

ЗАЧЕМ ЖИТЬ, ЕСЛИ НЕ ЛЮБИТЬ?...

...Зато на совершенно невозможную, новую, потрясшую меня вещь наткнулся я в «Оводе»! И всего-то одна-две, как говорится, строчки. Но какие! Но какие!!!... Как я за них благодарен писателю, книге, Оводу. Они заставили пережить меня новое ощущение. Вот ОНО: чувство взгляда в свою могилу.

В самом конце книги, если не поленишься посмотреть (взгляни, но толь-

ко, видишь ли, это надо бы прочитывать в контексте), Овод перед расстрелом проходит мимо открытой для него (именно для него!) только что могилы. Свежевырытая, свежая, на краях её выброшенная снизу, из глубины - земля. Он проходит мимо и заглядывает в неё. Так вот, в этот единственный миг я был заодно с ним. Я вдруг пошёл с ним и встал с ним на край своей могилы. Я заглянул туда и увидел её дно. Край, дно. Вот сейчас раздадутся выстрелы. И сразу после них в падении в эту яму прекратится моя жизнь. Всё... Дно, край.

Обречённо. Нет, не то. Тупо. Тоже не то. Со страхом. Нет. И нет, и да. Но не со страхом смерти - со страхом небытия смотрелось у меня вниз и вперёд. Я ещё смотрю вперёд, ещё вижу далеко, вижу горизонт. Но и край. И этот, под ногами, край земли есть буквальный край: это край моей жизни. И вовсе не солдаты с винтовками, не пули, не расстрел, не сама смерть - конец, край! О нет! Вот - вот эта свежевырытая яма мой конец. Конец вообще, конец всего на свете, мгновенный ад. Бр-р-р...

Вот это ВОСПИТАТЕЛЬ! Вот - ВОСПИТАНИЕ. Что скажешь - так?

...Какие такие неудачи, проблемы, терзания, страсти, стоимости, цены, деньги, налоги, дела... - и что там ещё!? После ВСЕГО. После ЭТОГО.

Наверное, возможность утром проснуться, открыть глаза, увидеть мир, заварить кофе или чай, - а вечером, устав от трудов, забот этого мира и своих хлопот в нём, лечь спать, - вдыхать воздух и чувствовать его кожей, промокать под дождём и изнывать от жары, солнца и искать снова и воду, и жар, - слышать - свист ли косы на лугу, дребезжанье ль трамвая, - главное: слышать, видеть, любить, творить, создавать, мыслить, переживать - вот оно, главное, и вот только что и надобно.

И никто у тебя никогда не сможет ничего отнять, потому что всё, что ты имеешь, находится у тебя внутри.

...А где это всё происходит - сегодня в городе, завтра в деревне, послезавтра снова в городе, да какая разница?! Да не всё ли равно, лишь бы жизнь была полна.

Когда мы будем стоять на краю, наверное, только эти ощущения взволнуют нас. Взволнуют тебя? Я попробовал, меня - да. Когда попробуешь, начинаешь чувствовать, что в мыслях теперь иное. Чувствуешь, что в мыслях нет места ничему другому - только жизни; и тебе, как творцу, в ней.

...Вспомнишь, что получил деньги и не успел потратить? Да вряд ли... Как говаривал Сухов: «Это вряд ли...» И не вспомнишь о том. Может быть, вспомнишь бокал, из которого пил чай последние несколько лет, и какую-нибудь неровность на боку его... Ты - скорее пожалеешь, что детям обе-

щал что-то купить и не купил. Меня - поразит летящий осенний лист, - жёлтый, невзрачный, который я ещё запечатлел, но не успею уже нарисовать. А ведь он, как я, как мы: он ещё летит, но уже не живёт.

Ты знаешь, по отношению человека к смерти я сужу сейчас о его отношении к жизни. И вообще о том, можно ли иметь с ним дело. Ежели человек понимает, что постоянный фон жизни - смерть, можно. Ежели не понимает, значит, ещё «молод», не развит, может подвести, извлекая выгоду за счёт другого, может обмануть. Он даже ещё не Щенок - он ещё не родился.

Чаще думай о НЕЙ, увидишь, как просто жить. И увидишь, как надо жить. И не будешь столько раз спрашивать: а почему ты поступаешь так, а не вот так, почему ты не желаешь жить легко, остановиться, успокоиться, почивать на достигнутом, как на лаврах... Дружище, это ль вопрос?! Да хотя бы потому, что тогда вся моя жизнь будет в прошлом. А я хочу жить постоянно, настояще, в сей день и в сей час. Ты же сам написал эти замечательные слова: мы решили жить сейчас! Но ты имел ввиду свою жизнь, свой подход к ней - семья, дети, это твоё любимое настоящее, а я - своё.

Водочку-то с дядькой пьёшь? Пьё-о-ошь. А почему пьёшь? А-а-а... - пьянит! Вот и я пью: жизнь. И каждый день - «новую бутылку». И каждый день хочу выпить до дна, потому что каждый меня пьянит. (А выпитое вчера сегодня лишь отдаёт хмелем.)

Что ты там ещё говорил о продуктах? Ах, да, ты писал о том, как здорово, как хорошо иметь свои продукты. (Оставим то, чего они стоят, как достаются.) Действительно, здорово, когда молоко, творог, сметана, сливки, масло, картошка, морковка, свёкла, лук, чеснок, огурцы, помидоры, перцы, укроп, петрушка, яблоки, сливы, вишни, смородина, рябина, черёмуха, мёд, мясо, хлеб, пироги, рыба, грибы, вино, табак... - домашние, свои. Я стал чувствовать: в них больше, чем просто еда! Кроме того что ты, имея это всё, становишься менее зависимым от внешнего мира, ты начинаешь чувствовать: ты можешь быть частью Всеобщего, природы. Начинаешь искать своё гармоническое место в ней! Словами этого не передать.

Трудно жить в деревне? Это точно. Очень трудно. Только трудность не том, что ты думаешь... Сложность в ином: здесь всё зависит от тебя. **ВСЁ. ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ.**

...В городе ведь что - нет воды, «Водоканал» виноват, надо звонить в «Водоканал». Нет тепла - в «Теплосеть», в котельную. Туалет забило - в ЖЭУ. И так во всём. Ты привыкаешь, что кто-то отвечает за что-то, за всё. А здесь нет! Нет воды? Значит, ТЫ НЕ ПРИНЁС. Холодно в доме? Ты

не позаботился, не сделал тепла. Крыша течёт - ты не отремонтировал крышу. Ах, забило туалет? А это ты не сделал черпак, не взял его и туалет не почистил. Надо признать (и признаться): привыкнуть к тому, что ты отвечаешь за всё, перелопатить в этом смысле себя - вот труднота! Зато потом - когда СТАЛ, когда СУМЕЛ... - лафа. Ведь городская жизнь - горожанину даже не заметить этого! - по сути дурдом. Человеком почувствовать себя сложно. «Крупные города созданы со специальным назначением, - пишет «мой» Сан Саныч Любичев, - показать, что вечность мучений вполне совместима со благодатью божьей. Мучения не противоречат благодати, если они выбираются добровольно, а москвичи, например, крепко держатся за свой ад».

Дети, быт, семья... Я не уверен, что быт надо постоянно улучшать. Я придерживаюсь следующего: надо устроить его один раз и больше не касаться. Раз в год, раз в три года можно что-то дополнять, заменять. Но всё время?!... Его просто не должно быть видно, он должен не-мешать. Дети и семья. Дети, семья - это главное в жизни для нормальных людей. Мои дети - это мои творения, мои вещи.

Дороги. Ты говоришь про дороги и водителя, который захотел проехать по всем. Да нет, я не собираюсь пробовать все, не все ведь для меня. Я просто смотрю в себя и угадываю те, что по моей натуре, по мне. Всё очень просто (just so...) надо только делать то, что по тебе, по натуре, по нутру.

Вообще, я думаю, люди должны жить по очень простым двум «правилам»: по своему таланту, данному каждому от рождения, от Бога, и по Законам - Заповедям, если угодно, данным нам всем, всему сообществу, от того же Бога Творца.

Не знаю, когда это до меня дошло, как будто я всегда это знал. (Да нет, конечно, лишь недавно дошло!) Ощущаю так: люди должны жить (научиться жить) во-первых, не по своим, придуманным ими самими законам, правилам, нормам. (И даже не по совести. И уж точно не по морали! Ну их к аллаху.) А вот как: «стоя на двух китах», следуя двум векторам двух основополагающих правил:

- следуя своим побуждениям, соблюдая законы своего таланта (1),
- следуя законам, прописанным им, подсказываемым им законами Творца (2).

Убеждён: стоя, идя на этих двух ногах человечество не пошатнётся, ничем не заболеет, не умрёт, сможет идти, развиваться бесконечно.

Ах, если бы мы, люди, жили каждый так! Рай. Мир. Картина. Я пробую. Стараюсь, пытаюсь. Вот это - Дорога! И Работа.

...Что ты говорил? Что в жизни должна быть одна работа? Одна квартира? Ну это, извини, глупость, наносное, чисто советское. Как жаль, что мы с тобой «совки» от рождения, как жаль. Много, невероятно много времени истрачено на всякую чисто советскую, чисто идеологическую чушь. То есть, впустую. Это было нежизненно, это галиматья. Меня утешает сейчас лишь то, что всё это я делал искренне.

Ну почему должно быть одно рабочее место, одна специальность, одна профессия? Как ты зарабатываешь деньги, которые - суть что?- только средства для жизни, для твоих планов, - которые всего лишь средства на жизнь, это одно. А чем ты живёшь, другое. Зарабатывай деньги, но не живи одними деньгами, и в жизни не станет скучно - используй себя, как человек.

Бизнес, это тоже творчество? Согласен. И если подойти по-настоящему - не упираться в одни только деньги, ещё какое! Но ведь бизнес - каждому свой? Меня устроит только тот, что по моим способностям и мне по душе. Вот как найдётся такой, непременно займусь, потому что это и деньги, и самовыражение, и самореализация.

Хотя ты прав: этот путь для меня возможен, но уже неинтересен: опробован во всех подробностях, потому и неинтересен. То, что мы с тобой делали, это и был он, в чистом виде. Только он тогда не так назывался и был в стране наказуем. Сейчас мне некогда, не до денег: навёрстываю упущенное в жизни за время жизни в советской жизни. Чистую недоступное ранее, осмысливаю, наблюдаю, тружусь: наблюдаю себя.

Ты знаешь, никто не понимает, не верит, все думают - темню. Все бросились в погоню за деньгами, главное в жизни - деньги. Все ищут их, добывают, вырывают, зарабатывают. Где-то, как-то... Думают, и я - где-то, как-к-то, втихомолоч-ч-ку... А прикрываюсь сельской жизнью и философией. Интересно наблюдать за людьми.

Деньги, конечно, нужны, это правильно. Да деньги всё равно, как вода: сколько бы их не приходило, все уходит, итог один. «Размеры состояния определяются не величиной доходов, а привычками и образом жизни» - цитирую тебе Монтеня. (А он вычитал в своё время у Цицерона. А мне до Цицерона не дойти. Да и бог с ним.)

Но ты прав, надо будет обратить внимание на свои доходы, меня их величина тоже начинает тревожить. Да и любимая женщина ведь сбежит (и правильно сделает) - я заметил такое их природное свойство: от мороза и безденежья они вымирают.

Дружище, наши отношения, твои наблюдения и склад ума позволили тебе...-э-э-э-... раскусить, назовём это так, меня. Ну да - раскусить, если применять положительно сё слово. Благодарю, разобрал... Распотрошил, как мышшь подопытную. (Ну я тебе отомщу, «дедунюшка, вот выпадут у тебя зубы, я тебе жевать-то не буду!» Помнишь, у Шолохова: «Нахалёнок».)

...Да, пожалуй. Я иду по жизни, как по кругу своих талантов, данных мне от рождения (хочешь, называй - от Бога) способностей. Их называют увлечениями, поэтому, будто я «увлекаюсь». Иду по кругу своих увлечений и своего в них творчества. А в последнее время в сферу творчества входит и сам путь, жизнь. Тебе это понравилось. А знаешь, как нравится мне!!!... Мне тоже!

Любую работу, самую тяжёлую, рутинную, грязную стараюсь превратить в творческую. Это не так-то просто и вначале происходило, видимо, машинально. (Я теперь думаю, что это тоже своего рода талант, такое умение. И мне он оказался дан.) Так вот, сначала - машинально, непроизвольно, теперь даже забавляюсь этим. Как-нибудь покажу, как я придумал месить глину для печного раствора. (Сам знаешь, когда печи кладут, обязательно раствор из смеси глины и песка требуется). Меня один старый дед, печник, попросил помочь (естественно, ведь мы клали печь в моём доме). Я согласился (а куда б я делся). О, боже!... Минут через двадцать я уже проклинал и себя, и это дедовское занятие. В двадцатом веке лопатой перемешивать глину до сметанообразного состояния - ну!... Чуть не плакал от досады, что три дня - три дня!!! - буду палкой глину мешать. И придумал... (От лени.) Через полдня у меня дед плакал от умиления: он такой глины в жизни не видал! Да он её на хлеб собирался намазывать! Поёт: «Нада жа!... Глинка-то! Какова глинка! Яко сметанка! Как по рупь семьдесят! Ну ты и хитрый! Ну ты и лентяй! А ну марш на печку - стенку будешь пока класть! Беру тебя в подсобники!» Приходится гордиться: ТАК - старый печник сказал!

Итак, тебе мой способ жизни явно понравился. Ты пишешь: завидую. Ты знаешь, я тоже завидую тебе, у тебя самая нормальная, самая естественная, самая-самая человеческая жизнь. Я её помню, у меня была когда-то она. Но я не выдержал. Слава богу, люди разделены на две части, иначе - либо застой, либо хаос. А так - люди творческие развивают человеческое, саму жизнь, а люди обычные, нормальные - и их большинство - держат жизнь. Так что я завидую тебе, я благодарен тебе: ты опора. На тебе держится жизнь! Держись. Спасибо тебе.

Ты знаешь, твоё замечание - «можешь прошагнуть человека» - попало мне не в бровь, а в глаз. (Знаю, что сказано «про-шагнуть». А всё равно слышится будто: «пере-шагнуть». Хотя, на самом деле ведь, нет, ведь ты сказал слово совершенно другое. Но нет, обидно, обидно даже стало, неужели я жестокий?) Прогревая свои бронхи в русской печи, я думал об этом. Что ж, прошагнуть, так прошагнуть, наверное, это так, если только в твоём новом термине для меня нет оттенка, качеств высокомерия.

...А вы не купались в детстве в прудах? Впрочем, что я такое говорю родившемуся на Онеге. А мы купались, в нашем городе не было реки. Ты знаешь, пруд, если он только что открыт, год - и год, и два - хорош. Как река - чистый, свежий. Потом что-то происходит, замутнение, заиливание какое-то, вода зацветает, тухнет. Не помогает даже весеннее обновление. Вода застаивается. И чем больше возраст пруда, тем вода его неприятней. Головастики, лягушки, ряска, тина, зелень вонючая, тягучесть какая-то. Даже коровы не пьют из старого пруда. Ну стоит вода в прудах, не движется, всё одна и та же: чего с неё взять?! Чего от неё хотеть? Ветер только один и смущает водяную прудяную поверхность; а сантиметром ниже уже полное безмолвие, глушь.

Я могу иногда посидеть на берегу такого пруда, но любоваться его водой, но купаться, но пить из него - ну-ну-ну... Не стану, не буду. Если ты собираешься стать «прудом», я, конечно, буду приходить по старой памяти, затем по старой привычке на твой «бережок». По старой привычке. Для ностальгии. Даже травку могу кругом окосить. Даже лягушек твоих из вежливости послушаю. Но любить тебя, но скучать по тебе, но письма писать... Извини. Не буду.

Да, не все люди мне интересны. Это не «криминал»? Да ведь и я тоже кому-то абсолютно безынтересен. Кого-то люблю, к кому-то безразличен. Благоговейно уважаю трудолюбивых (без различия - профессия, ум... Труд! Постоянный труд даёт жизненную умность, а она-то мне и интересна.) Ценю порядочных, лучше сказать так: обязательных, верных своим принципам и своему слову. (К идеально-порядочным отношусь с подозрением: не лежит ли где свинья.) Интересны же мне только сильные, увлечённые люди. Трудно подобрать какой-то один термин, однословное определение. Давай назову так: богатые, неиссякаемые люди. Люди - родники. Источники. Реки, озёра, моря! Не пруды. И если, например, человек часами рассказывает мне о своём коллекционировании значков - как достал такой-то знак, когда тот выпущен, в честь чего, сколько знаков выпущен-

но... И так далее, и прочее, прочее, прочее. Я - я прямо тащусь, балдею от таких людей, - готов сидеть и смотреть на них, и слушать их часами. Мне, например, даже невероятно симпатичен толстенный Ниро Вульф, хотя я не люблю жирных людей и толстых, - и О.Бендер с его четырьмястами способами обойти закон. А вот добропорядочная компания порядочных людей, собравшихся в праздник выпить, поесть-закусить и перемолоть последние сплетнеизвестия, окромя приступа сильной тоски и отчётливого ощущения убивания времени иных чувств не вызывает. Странно, что ты можешь прогнозировать себя так.

Да, давненько мы с тобой не виделись. И опять при встрече ты скажешь мне, что «я уже не тот, что был вчера...» Да... «Мне эту жизнь так просто не вернуть». Верно, всё верно, я уже не тот, каким был даже вчера. И ты это увидишь. Но опять не будешь знать, почему. Почему? Я убедился ещё кое в чём. И это кое-что, право, грустно, даже печально: в этой жизни нам чересчур много приходится страдать. Я бы даже сказал так: эта жизнь дана, чтобы мучаться.

А ещё - никогда не думал, что на себе постигну тяжкий смысл странных библейских слов: «Страшно впасть в руки бога живаго».

Жить, означает и страдать. Не могу решить: плохо то или хорошо. Это данность, это принадлежность жизни, вот и всё, вот и всего. Но вот что интересно! Вот что оказалось: РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ - они-то и ДЕЛАЮТ ЧЕЛОВЕКА! Не ум, не образование, не материальное богатство, не труд, не знания. Радость и страдание, страдание и радость. Можешь спорить (Если можешь.) А по-моему, так.

Пережитые маленькие - спят маленького, большие - сделают большого. Пережитые огромные выкуют огромного. И обязательно, чтобы они действовали в паре, чтобы воздействовали с двух сторон. Одно без другого...Выйдет, как косо поклеенные обои: вроде и комната и в то же время комната какая-то наперекосяк. Смотреть невозможно, лучше выйти, полная ерунда.

Одно только всё время счастье сделает не человека, а... - тютю! А одно лишь без меры страданье - либо зверя-циклопа, либо раба. И даже, повторяюсь в раздумье - пожалуй, наверное, скорее всего: вне зависимости от интеллекта, образования, всего умственного прочего.

Вот поэтому, кто мне сейчас действительно интересен, - даже жадно интересен! - кого с жадностью пишу, так это люди с судьбами - путями нелёгкими, ломаные, братые на излом. Братые, при этом не опустившиеся, не озлобившиеся, не сломавшиеся, а наоборот: муками своими себя уве-

личившие. От зла, через пережитые муки и недобро движущиеся к добру в себе, от пороков наших - к чистоте желаний своих. Вот таких люблю, вот здесь чувствую настоящее человеческое!

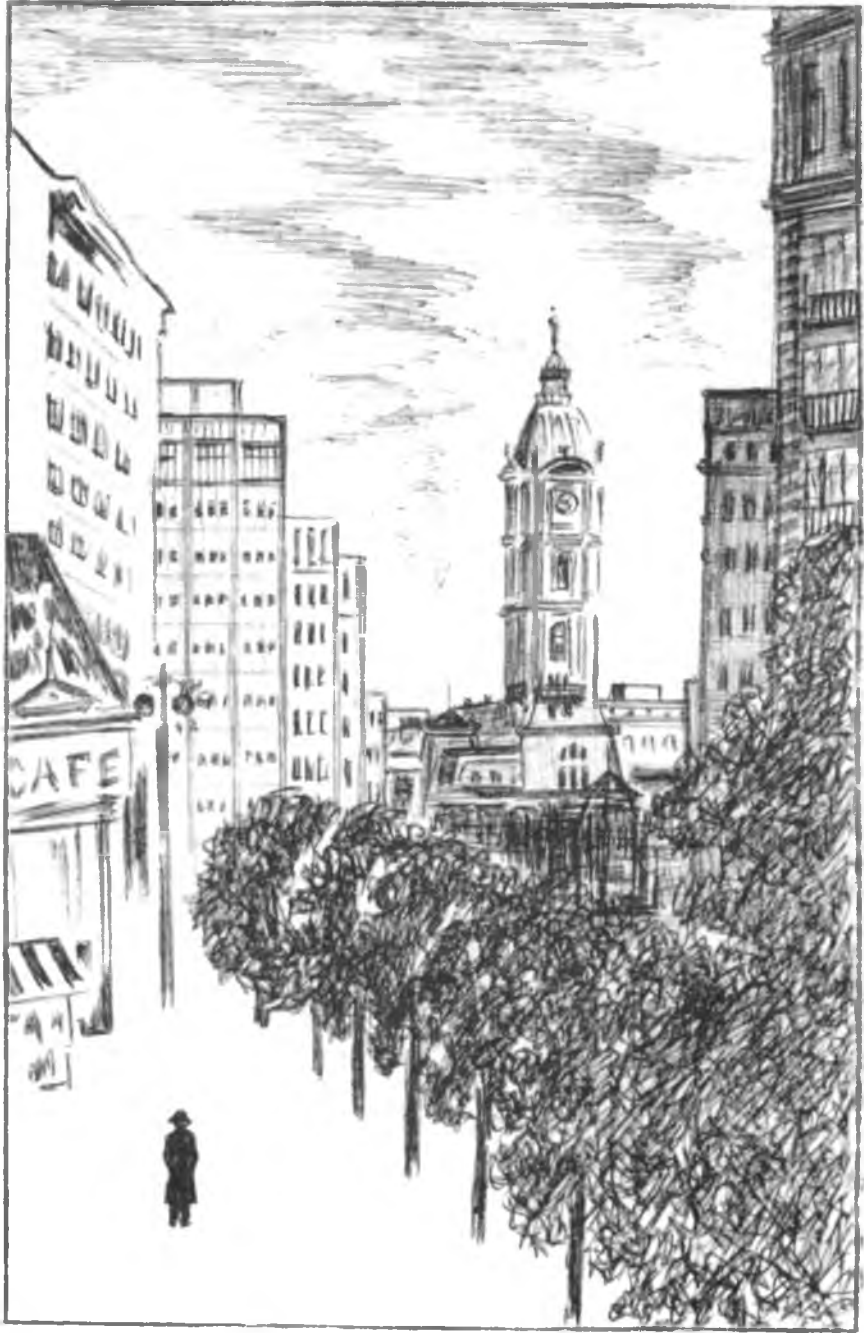
...А не в компьютерном бизнесе, куда меня ты зовёшь. Компьютеры, бизнес - это слишком просто, это пройденный этап (и не уговаривай).

...Слушай, а давай-ка в самом деле как-нибудь съедемся? Уж пора? Может, как-нибудь устраним бытовые препоны? Ну сколько можно говорить! Мне что ли к вам приехать? А у тебя найдётся пара бутылок «Цинандали»? Нет? Ну так, как добудешь, срочно телеграфируй, примчу.

Валерий батыкович, ей богу, ты доставил мне множество удовольствий своим письмом и рассказом. Ты - герой, это для тебя подвиг. (Я тебе за это орден дам! Сделаю из паспорта качества с водки «Довгань», он как раз круглый.) Спасибо за рассказ, готов и посоперничать с тобой, как мы соперничаем с тобой в жизни, и отплатить той же монетой: в эпистолярном жанре. Но вначале прими на память нарисованного себя in London.

Но, друг мой!... (Как писали в недалёкие стародавние времена.) История такова, что, право, не знаю, как и начать. Ведь так и подмывает брякнуть: «Валера! Ты чего всё врёшь?! Ведь так-то так, да не так всё было. Ты зачем всё пересочинил?! Да ещё как правдоподобно!... Ну ты даёшь. У тебя же вышло «на то же слово», как у меня. Да так похоже!!!... И непохоже одновременно. Как мне и быть теперь».

Как быть, отступить поздно. Так что, жму руку, привет семье и listen to me, my dear friend - слушай.

«Что по-английски значит: пытаться?»

Рассказ.

...Пробуждение было трудным, потому что горло изнутри саднило, как!... «Ох-й-ей...» - Игорь с опаской дотронулся до горла. Как и вчера, и позавчера оно продолжало болеть. Однако возникло ощущение того, что маленькие саднящие ранки внутри затянулись коростой, это означало: началось выздоровление. Игорь осторожно, чтобы не нарушить затянувшийся ранки слой, откашлялся. Голос был сип и глух.

В комнате стояла прохлада. Задёрнутые шторы мягко просвечивало зимнее солнце. Дети спали, жены не было. «Уже ушла?» На кухонном столе Игорь обнаружил записку: «Если пойдёте гулять, зайдите в детский сад, узнайте». Игорь постоял, соображая. Состояние памяти, ума из-за недельной болезни было размытым. «Чего узнайте? Хоть бы написала: чего узнать».

Новый день начинался напоминанием о старом. Накопившаяся от болезни усталость давала о себе знать: хотелось лечь, лежать и ни о чём не думать. И не делать ничего. Игорь потоптался перед раковиной в ванной. Вздохнул: «Взвешенное какое-то состояние... Отпуск кончается... Ангина эта...» Он поднял глаза. Увидел в зеркале заросшего щетиной недовольного человека. Зрелище было настолько неприятным, что он усилием воли решил стать обычным собой. «Так. Побриться! Щетину сбрить! Зубы почистить! Горло прополоскать! И хватить киснуть!» Он начал умываться, бриться, чистить зубы... Простые действия обычного ритма жизни утвердили его в своих силах, улучшили самочувствие, подняли настроение. Радующимся, вошёл в детскую, стащил одеяла со спящих дочерей. «Эй, маленький народец! Пора вставать!»

Старшая дочь, сейчас же свернулась клубком и издала звук крайнего неодобрения, что-то вроде «ы-у-у...» Младшая приподнялась и снова упала в кроватке. «Ну ладно...- нарочито недовольно пообещал отец. - Сейчас я вас разбужу! Сейчас я вам сон прогоню, забудете про сон! - Он подошёл к стойке с проигрывателем и пластинками. - Для вас играет... - Игорь вытянул из секции с пластинками первую попавшуюся - Вот вам, шалуны! Группа «Диалог»! Игла плавно опустилась на чёрный диск.

Музыка. Энергия. Вода, умывание. Свежесть воды, заряд бодрости. Чай. Рассеивается в голове ночной туман. Завтрак. Не нужно покидать дома - довольство. Все вместе убрали постели. Дочки уселись играть, Игорь присел на диване возле них. Пластинка закончилась. Младшая потянула его за рукав, поднялась, потянула к стойке с проигрывателем, пластинками. «Ма-па-па, ма-ма-ма». «Что - мама? Мама на работе, мама на работе». «Па-па-па... Му-ыу-ку тавь». «Музыку поставить... Пластинку?» «Та».

Игорь улыбаясь поднялся. «Да конечно поставлю. А что вам поставить?» Он раздумывал. «А поставлю я вам... «Бременских музыкантов». Он переменял на про-

игрывателе пластинки: поставил новую, прежнюю убрал в конверт. Зазвучала музыка. Он задержался у стойки, начал читать надписи на конверте пластинки. «Диалог». «Просто». Группа называется «Диалог», диск называется «Просто». На обратной стороне конверта он прочитал названия всех песен. Названия были написаны на двух языках: русском - колонкой слева, английском - правой колонкой. «Группа «Диалог». Dialog Group. Диск называется «Просто». То есть - «Just so». Просто! Just so. Интересно, по-английски so означает «так». Что тогда just? Джаст. Соу. Джаст соу...

Игорь не был ни профаном, ни знатоком английского. Он не смог бы на нём говорить, но мог что-то сказать. Он смог бы прочитать любой текст, но при этом не определил, о чём точно написано. Он интересовался языком. Интерес пробуждался у него периодами - в школе, в институте... Предыдущие полгода он пытался наладить самостоятельные занятия. Последний раз занимался неделю назад, до болезни. Тогда он пытался - стремился, пытался, пробовал - отработать произношение гласных. Напала болезнь, - а болеть он не умел, переносил тяжело, запускал всё, забрасывал увлечения, тянул по инерции только самое необходимое, брал больничный и не ходил на работу.

«...Просто. Хм-м, просто джаст соу. Джаст, джаст - что же всё-таки значит это джаст? Нет, не вспомнить. Да я и не знаю этого слова. А если не знаешь, что значит вспомнить? Вспомнить то, чего не знал? Ну ты даёшь!» - примерно так говорил он себе. «Как можно вспомнить то, чего не знал? Взять из воздуха? Надо посмотреть в словаре: узнать и запомнить. Запомнится, тогда можно будет пытаться вспоминать... Ой, горло болит как!... Разве запомнится сейчас что-нибудь... Посмотрю всё-таки, что же это за джаст такое». Он шагнул к книжным полкам, достал словарь, начал листать, отыскивая страницы со словами на букву «джей». Он сосредоточенно листал, отыскивал эту букву, задерживался глазами, если встречал знакомые слова, - он листал, когда словно ждущему с ведром у колонки, ему открыли кран и потекла вода... Внезапно он понял: сегодня уже листал словарь и что то брал в нём.

Ощущение было явным, чётким, но таким слабым, что Игорь даже замер, боясь нарушить и потерять его. Но где это было, когда?! Он зачем-то огляделся. Он был в своей квартире и никуда со вчерашнего вечера не выходил. Да и вообще уже никуда несколько дней не выходил. Он ещё машинально продолжал листать странички, а сам цеплялся за ощущение, тянул его на себя. И в памяти что-то прояснилось, и в сознание вплыл - «Что за бре...- ещё говорил язык, когда, как фильм - вплыл сон.

...Образ. Школа. Его школа - его: восьмиклассника Игоря. Класс. Его родной класс. Звонок. Звонок с урока только что отзвенел и (неуместная подробность) затих где-то в дальних концах школьного коридора. Звонок с урока - ура!... Но никто из ребят почему-то не поднимается с места, не мчит, как обычно за дверь. Все

ждут. Но чего?! (И, кажется, все даже знают точно: чего. Один Игорь недоумевает.) Игорь не понимает, однако, поддавшись общему настроению, не поднимается, не собирает портфель. Молча, по твёрдой школьной привычке держит руки на парте перед собой. («Боже! Какие подробности! Вот это да!» - влетела в сознание изумлённого сердца мысль.)

Молодая учительница приветливо улыбается. «Дети, - говорит она, обращаясь к классу, - вы, конечно, заметили: в вашем классе появилась новая ученица». Игорь прослеживает учительницы взгляд, поворачивается и... (Голос учительницы настигает его.) «...Её зовут Хэлэн». Справа от себя, за узким проходом между рядами парт, он обнаруживает новое для себя: видит симпатичную девчонку. Он приятно удивлён. «...Она из Англии. Её родители...» - сообщает голос учительницы. «Вот чудеса! - думает Игорь. - А я и не подозревал - три урока уже прошло! Но почему?!» Игорю вовсе нет дела до её родителей. Он улыбается девчонке, как старой знакомой, она улыбается ему. Они вступают в разговор. Да, (вот подробность!) - будто только они видят друг друга. И они вступают в разговор. Но вот перемена закончилась.

Следующим уроком геометрия. У Хэлэн нет стирательной резинки и угольника, у Игоря (почему-то) простого карандаша. Игорь и Хэлэн обмениваются друг с другом. Во время урока они тоже тихонько обмениваются - краткими просьбами, вроде: «Give me, please... -Thank you. Take me my... -Find me... -Yes I see that... -Let me take your...» Игорь чувствует, что порой перевирает слова, что у него ужасное произношение, что он часто неправильно делает ударения и неверно применяет времена. Но - главное! - смысл его речи его прелестной собеседнице вполне ясен.

...Как быстро, как незаметно пролетает урок! Снова звонок. Звонок - и гомон кругом, и крики, и топот, и смех. Кажется, на них никто не обращает внимания. Это хорошо. Убраны учебники, пеналы, тетради. ОНА улыбается! Какая у неё интересная улыбка... Она - нет - ОНА! - спрашивает («Зачем??»): «Do you speak English?» (Ты говоришь по-английски?) «Have you a good mark in English?» (У тебя хорошая отметка по английскому?) У Игоря в принципе давно готов ответ. Даже два варианта ответа. Например: «Yes, of course». (Конечно, само собой разумеется, несомненно.) Или: «No, please speak me slowly». (Нет, говорите, пожалуйста, медленно.) И он отвечает так. Он отвечает так, но потом ему хочется сказать ЕЙ, что он искренне хочет, искренне желает научиться, поэтому он... И он страстно подбирает ТО, единственное слово, которое скажет ЕЙ всё. Какое? «Я учусь? Нет, это не то. Я хочу? Нет. Я пробую? Не это. Нет - я пытаюсь, я стремлюсь! Вот что подойдёт! Надо сказать это!» Но Игорю неизвестно такое английское слово. И в тоже время он УЖЕ начал отвечать, он УЖЕ произносит начало ответа, он уже отвечает. Он говорит: «I... (Я...)» И пока он произносит это английское «я», спохватывается: «Что же мне делать?!» Мгновенное напряжение «памяти, ума» - и перед глазами Игоря возникает, сразу перелисты-

ваясь, словарь. Игорь (глазами) подхватывает листание, доводит до нужной страницы, находит ТО слово, ТОТ глагол. (Это глагол.) В нём три буквы. Игорь радуется, что смог быстро найти, всё сообразить. Словарь больше не нужен и словарь сам собой исчезает (словарь просто исчезает, а не становится закрыт). «Да, но как произносится слово?» Игорь теперь жалеет, что не посмотрел транскрипцию, что нет больше словаря. Но словарь и не нужен - у Игоря всегда была хорошей зрительная память, поэтому он теперь видит слово. Да, он именно видит! Две первые буквы - согласные, третья, последняя - гласная. И эта гласная в разных сочетаниях произносится двояко. Игорь в затруднении. Но, оказывается, ответ им уже произнесён!... Произнесён и... Понят и принят - принят с удовольствием, одобрением, с улыбкой, которой он добивался, которой ждал.

...О чём рассказывает, что ему щебечет теперь собеседница Игорю как-будто уже не важно, теперь не важно. Да. Потому что главное - дружбу - он завязал. Он улыбается ЕЙ, милой, прелестной в ответ, кивает в ответ, старается не пропускать в обрушивающейся на него словесной лавине вопросы, старается, пытается отвечать на них... Но всё словесное уже не важно, важно, что ОНИ теперь разговаривают на...

...«Что?» Он ошарашено замер возле пластинок, проигрывателя. Он взвешивает на ладони словарь, как будто пытается загипнотизировать толстую книгу, открыть словарь взглядом. При этом мучительно пытается осознать что-то. «Что?!...» Ему нужно удержать в себе, удержать и не упустить что-то важное. «Что?»

...«Что это? Как это так? Это - сон? Наваждение какое-то... Это значит, я пролистнул сразу все ненужные страницы, нашёл быстрехонько, за тысячные доли секунды, за наносекунду нужное слово, взял и проговорил его. То есть, сказал. Та-ак... Сказал... Взял, нашёл. Нашёл, взял, сказал. Сказал, взял, нашёл». Звук собственного голоса подействовал на Игоря отрезвляюще. Он осмотрелся: где я? Он попробовал подвигать плечами, шеей, моргнул глазами, посмотрел вверх, вниз. Всё было о'кэй.

«...Это значит... Что, собственно, это значит...» Игорь стоял и отрешённо улыбался. Он подумал, что от случившегося глупо будет просто так отмахнуться. «Так, так, так. Вот вам и джаст соу, - назидательно сказал он дочерям. - Ну-ка не балуйтесь. Не шумите так! Тихо! Тихо! «Чапай» думать будет!»

Устроившись поудобнее на диване, Игорь принялся с дотошностью выуживать из памяти всё, что осталось от сна. «А отчего я вообще проснулся? Был гудок... Нет, был звонок. Магазин, что ли, открывали внизу? Странно, обычно сон всегда прерывается на самом интересном месте. А здесь я его прошёл. А может, ещё не прошёл? Оу!... А может, я ещё не дошёл, а?!» - эта внезапная мысль настолько поразила его, что он даже испугался, ведь в таком случае его ожидало вообще нечто невероятное. «Уж тогда бы я точно дошёл: «до ручки». Да ладно, оставим чёрный юмор. Итак, была школа». Игорь подумал о ней, но что-то уже не давало полной уверенности,

а Игорь был инженером и привык к точности формулировок. «Нет - вроде бы была школа... Класс. Класс? Почему тогда не запомнилось ни одного одноклассника? Так что же: вроде был класс?!» Игорь уже не был уверен. Он колебался и уже не мог вернуть явственного изображения. Действительно, всплывшее отчётливо в первый раз, теперь потускнело: как бы заколебалось, поплыло. Так лёгкий ветерок смазывает на воде отображения. Одно лишь Игорь ухватил и держал прочно: он сам, став во сне мальчишкой, разговаривал по-английски с девочкой из Англии. И абсолютно точно, что в одном из эпизодов беседы она его спросила: ты говоришь по-английски? А он (ответив: да, говорю, но плохо, поэтому говори, медленней) постарался донести до неё, что он всё-таки... И на этом «всё-таки» изображение мгновенно расплывалось.

Игорь на минуту перестал думать о сне, перевёл дух, сказал что-то дочкам. Затем усилием воли заставил замереть всё внутри себя, попытался отнять у явно закрывающегося канала памяти кончик ниточки - часть изображения. (При этом на другом, более тонком уровне сознания он одновременно посмеялся над собой: вот, напряжение «в сети» падает и доступ к памяти прекращается. А ещё на одном - ещё более тонком он рассердился: «Ну и бардак у меня в голове! А ещё говорят, чужая душа потёмки, когда своя голова сумерки!») «...Так, что же я сделал, а?» Он растянулся на диване, непонимающе глядя на играющих дочерей. «Нет, всё-таки?...» Ему вдруг вспомнилось, что они с девочкой (ему неожиданно открылось: её звали Helen!) пели песенку «Май бони!» Он подумал: «Зацепиться бы за этот эпизод и!...» Попробовал и не смог. «Нет, надо сосредоточиться на чём-то одном, главном. Так, листающиеся страницы. Они возникли сами по себе, я лично не открывал никакого словаря. Страницы возникли сами, от сильного напряжения, от какого-то сильного желания. Слово, которое мне было нужно, я именно увидел. Нет, я - «увидел» его. И «взял». А не вспомнил, не услышал, не подсказали и так далее. Но акцент тут, пожалуй, надо поставить на «увидел», а не на «я увидел», потому что, может, это был и не я. Как теперь разберёшь? Так, слово. Слово это было - глагол. Ведь я хотел сказать ей, что я что-то делаю». Так осторожно, пользуясь то памятью, то ощущениями, то логикой Игорь пытался вытянуть на себя ниточку, добраться до слова, а главное - до СПОСОБА взятия слова! «Глагол. Из трёх букв. Две согласные. Но нет, кажется, две гласные». Он снова сел на диване, мучительно напрягаясь, всё больше недоумевая. «Если две из них согласные, то почему я думал, как их произнести? А? Над чем тут думать?!... Значит... Значит две из них гласные! Две гласные в глаголе из трёх букв - я найду его!!! Есть основа для поиска! Я отыщу слово и вспомню весь сон!» Он почувствовал, как сильнее застучало сердце. «Конечно, по двум гласным в конце я найду его - неделю буду искать, но найду!» Он попытался успокоиться и не смог. «Ну ладно...»

Прокрутив сон ещё и ещё раз, напрягая память ещё и ещё, напрягаясь весь сам

даже мышцами, Игорь почувствовал, что изображение колеблется и стирается уже напрочь. Теперь он не мог бы даже сказать, что были класс и была школа. «Да, - говорил он себе, - помещение было похоже на класс. Но почему я в этом уверен? Был разговор и потребность подобрать слово. Было увиденное на странице словаря. А был ли это словарь?! Вот!!! Был ли это словарь!... О-о-о!... Да что же это такое!!!...» Игорь чувствовал, что хочет схватиться руками за голову и потрясти её. «Тогда всё, стоп: с этим хватит. Возьмёмся за слово. Почему я решил: первые две буквы - согласные? Ведь если так, то почему я думал, как его произнести? Что за ерунда!...» Он вдруг понял, что запутался уже непоправимо. А ещё вдруг осознал, что уже какое-то время то вслух, шёпотом, то мысленно перебирает знакомые английские слова - ойл, эйк, сэй, мэй, пэй - и анализирует ударение. «Бог ты мой! - чуть не вскричал он, - вспомнить бы каплю какую ещё из сна!... Ладно, она спросила, я ответил. Дальше что? Ни-че-го». Тут Игорь осознал, что не может И УЖЕ НЕ СМОЖЕТ ни - вспомнить сон, ни - глагол.

Он поднялся с дивана, подошёл к книжным полкам, взял другой словарь, - он брал то один, то другой словарь, по очереди задумчиво листал их, потом листал просто так, туда - обратно, - но ничего не выходило, он так ничего и не нашёл. Не отыскал, не увидел, не вспомнил, не взял. Хотя - пытался.

Листая, перелистывая словари он не раз пробегался взглядом и по ТОМУ слову! Но равнодушно скользнув по нему, спешил взглядом дальше, - проходил мимо, оно ни разу не остановило, не задержало внимания, потому что в жизни он никогда не пользовался им: он вообще не встречал, не знал его.

(P.S. Я вовсе почистил бы мир: убрал бы из него всё то, о чём ты пишешь в постскриптум, потому что всё, что только помыслено, уже произведено! И в так называемой ноосфере уже существует. И давит на нас, и засоряет нас - наши чувства, наши умы. Мы же чистим иногда свалки, сжигаем мусор? Мы знаем: большие объёмы грязного, мусора - опасны. И не копим бесконечно его.)

ГРЕХ

рассказ

«...Господи, как я живу...

...Какая я грешная - я, наверное, безумная?» - она думает так, а сама - целуется, целуется, целуется! И поцелуи так упоительны, так головокружительны, так горячи и страстны, что!... Можно всё в жизни отдать, чтобы хотя раз в неделю, утром, до работы, вместо завтрака так тебя целовал твой мужчина.

Но не всё упоительно: нет покоя душе.

Прошедший праздник, день рождения старшей сестры, совместные с ней хлопоты, затем общее - все семейное, радостное, легко-праздничное родственное - застолье, поздравления от сердца, от души, (и снова то же: всем было легко, сердечно, радостно!) а потом ещё - целый, какой-то огромный день - и тёплый вечер - в этой, своей, родной семье, - как будто своей семье, потому что настоящей, своей, законной своей семьи нет, и семья сестры потихоньку, помалу, понемногу стала и своей, и родной, и единственной, - это всё, как сейчас кажется, наверное, наконец, - неожиданно пробило, раздвинуло огромным, невероятным сердечным трудом когда-то выстроенные внутренние защитные, оборонительные сооружения, щиты-доводы, отговорки-заслоны, и вот теперь («Ну почему так не к месту, не вовремя, именно сейчас!») - противоречивые мысли и чувства хлынули на неё беспощадным потоком. «Как мне быть?»

Как быть - ей, Георгине?

...Иван - её зять: муж сестры, Зины. Иван страстно и нежно обнимает свою Георгинку, любовно, сдерживаемо горячо целует и целует её. Она - вначале отзывчиво, а теперь слабо, с робостью, дрожью в теле, совсем уже не горячо, бесстрастно - отвечает ему. Здесь - это в первый раз. Здесь, сейчас ей так плохо и так хорошо, что почти дурно.

Они на кухне, утро, ей кажется, будто её целует муж. Голова кружится - от любви, желаний, земного счастья. И от греха. Грех так делать; но... «Надо забыть обо всём! Надо забыть обо всём хотя бы на этот миг, хотя бы сейчас! Надо ценить то, что есть. Не буду - не буду думать об этом сегодня!» - всё в ней, тридцатилетней строй-

ной полногрудой женщине свивается, вьюжит метелицей, всё мысленное замораживается, уносится. И всё же, мелькнувшее ощущение - что-то в ней толкает; расталкивает, раскачивает; что-то в душе; что-то вызревшее раньше и пробуждённое вчерашним праздником сегодня. И вот, по ней, этой отзывчивой, крепко отлитой, цветком раскрывающейся всему земному, и тонкой, вибрирующей у Гины от всего, бутону-наковальне, стукнув раз, застучал звонко-ледяной, пронзительно ударяющий морозцем, молоточек: грех, грех, грех, грех,... Наковальня чувствительно отозвалась настойчивым ударам, очнулась, всерьёз загудела: гре-е-е-х... Так рано утром на кухне, когда Гина с Иваном обнимаются, - и завтракают, то есть: вроде бы завтракают, - а Гинина сестра Зина, она же жена Ивана и дети Ивана после дня рождения ещё спят - «Они спят спокойно, а я...» - Гина впервые решительно уклоняется от губ, затем от рук и взгляда Ивана и тихо, росой с листа, цветочной пылью вниз - роняет: - Я не могу больше так. Не могу. Вообще не могу. Так нельзя. - Совестьливо добавляя: - Если не должна вообще: всё рассказать Зине. -

В любящем взгляде её, мгновенно отвечающем на изумлённый взгляд из глаз напротив, появляются мучение, боль, отчаяние, даже мольба. Она будто хочет донести, сказать: я тебя люблю, я не ломаюсь, ничего не выгадываю, не выпрашиваю, не хитрю. Ты должен верить мне. Я должна поступить, как следует, как положено. Но я не знаю - зачем.

Взгляд из глаз напротив её глаз вспыхивает напряжением, взгляд Ивана становится больным. Больным, потом - очень больным, потом отчаянным. Потом - как у загнанного в ловушку.

- И что ты расскажешь?

«В его вопросе: не надо, я прошу!»

- Что было.

«Это моё «нет»: мой отказ в твоей просьбе тебе».

- Зачем!? Что - было?

«Кажется, Иван пытается и понять меня, и подавить меня».

- Не надо быть наивной: ничего путного из этого не выйдет! Ни-че-го.

«Да, действительно ничего, - начинает успокаиваться, восстанавливая в душе защитные сооружения-оболочки Гина. - Ведь просто он уйдёт от Зины и всё. Ведь я уже думала об этом». Да, она передумала об этом уже многое, думала не раз, когда дождалась его прихода, не раз, когда они прощались после встречи и он уходил к своей семье, и она оставалась одна. «А уйдёт - значит, и я не приму. Не смогу. И - ни Зине, ни мне: ни-ко-му... И - ни к кому, он такой».

...Ну так что? - уже спокойно, без боли и напряжения говорит Иван. - Знай, если ты расскажешь... Или кто-нибудь ей... Если она узнает и начнёт выяснять отношения... Она такая, что изведёт этим и себя, и меня: жизни не даст. Я не собираюсь...

Тогда уж точно разведусь с ней. А-а-а!...- он с горьким смешком взмахивает рукой.

- Ваня, - тише! Тише! - шёпотом умоляет Гина.

- ...А и к родителям так вернусь, в домишко. Начну, с чего начал. - Он смотрит от-
решённо. -...От детей только не уйду. - Переводит взгляд, глядит на Георгина, глядит
строго: - ...Но и от тебя тоже уйду. -

А взгляд его договаривает ей: «Это не шантаж, не угроза, верь мне. Так будет на
самом деле».

-...Ни-че-го. - Так неожиданно для себя самой произносит Георгина. И опускает
глаза: скрыть тенью мелькнувший стыд. Всё, Иван помог ей - все шлюзы закрылись
в душе. Всё прошло, осталось ещё гуденье наковальни от того, что недавно стучал
молоточек, но всё: уже ничего, уже можно жить, уже всё по-прежнему можно опять.
«Ну и мы!... Сам грех. Ну и я».

- ...Правильно: ничего. Для чего быть такими наивными.

- Я бы хотела...

- Что? - он нечаянно перебивает её, поправляя цветы в подаренном жене на день
её тридцатисемилетия букете. Затем, тут же, поправляет рядом: в маленькой вазоч-
ке, принесённые им для Гины. Два букета, двои цветов: для жены и для неё. - ...Ину-
ля, ей богу, всё нормально. Ну не могу я полноценно, полной жизнью с Зиной жить.

- Тише, Ваня!...

- ...Да я и так тихо!

...Без тебя я...

...Гина, мне нужно на работу.

«Не могу с ней без тебя. И сразу - мне на работу. Какая логика!...»

- Вечером зайду. Мы будем и дальше с тобой... Потому что ты мне нужна. И я... Не
бойся, у меня дома всё всегда будет в порядке, я всё делаю, что обязан.

«Обязан...»

- И всё буду делать, что обязан. Подумай только, как... - Иван заминается при этих
словах. - Ну... Нам лучше встречаться. Чтобы и Димка тоже лишнего не... Не про-
болтался.

Гина машинально согласно кивает: - Угу. -

Димка - её пятилетний сын. Племянник Ивана; он любит дядю Ивана. Он считает,
что дядя Иван приходит, чтобы помогать маме. И у них всё всегда в порядке, приде-
лано дома, и мама всегда счастлива, смеётся, радуется - мама рада! Дядя Иван при-
ходит для мамы и для него, для Димки. «А что, разве не так?» Гина выходит из за-
думчивости и вдруг ещё раз вскидывается:

- Но нет! Не надо! Я не хочу! Я не хочу, я не могу!

Иван чуть наклоняет голову и глаза его смотрят из-под бровей; губы складыва-
ются укоризной: ну не ври ты, ну не ври. «Губы - лодочки». Гина смотрит, как он со-

бирается, как ходит по кухне, коридору, как бросает ей прощальный взгляд, открывает входную дверь, вот выходит. Вдруг - «Сейчас он уйдёт! Он уйдёт!...» - отчаянием дёргает за нервы в душе бабье вековечное. Хотя он - только на работу. Охватывают: отчужденье, отчаянье. И вместе с тем, после них, почти одновременно - уже радость, трепет приближения последних минут ожидания его возвращения, трепет души и тела, как при близости. Он придёт, вернётся откуда-то и протянет ей руки.

И она мгновенно вспоминает об этих руках. «Руки протягивает мне, руки! Какие у него руки! Сильные, умелые, уверенные, смелые, аккуратные... Всё в них, что нужно мне. Всё в нём, что нужно мне». Ну что она может поделать с собой, нет, не может она идти наперекор себе, против себя.

«Нет сил оттолкнуть. Нельзя притянуть насовсем, навсегда. Не хочется быть одной» - не может она быть одна! «Не хочется искать никого. Противно искать кого. Не хочется никого, потому что... Потому что с ним... Потому что с ним: хорошо! Потому что - хо-ро-шо. Да, хорошо: хорошо и всё». И нет у неё другого, более подходящего слова для выражения её состояния. Хорошо - и всё, всё. Мирно, привычно, буднично, комфортно, как привычно и комфортно, и вольготно - деревьям, кустам и цветам в уютном сквере, окружённом со всех сторон, защищённом со всех сторон от невзгодных ветров, посторонних людей, злых рук и глаз кирпичной пятиэтажной кладкой домов родного квартала.

Хорошо Гине даже в совести, потому что она Ивану не любовница. И он это понимает, и она. И это странно, и хуже всего. Это усложняет, запутывает до невозможности их отношения, их жизнь. «Когда любовница, наверное - проще».

Грех, отчаянье, стыд, муки раздумий, переживаний, душевные несчастья. И счастье, и жизнь. И - «хорошо». «Вот я какова».

За четыре последние года, которые разведена, Гина уже дважды приводила в свой дом мужчин, с одним даже пожила. С ещё несколькими поверхностно знакомилась - было несколько раз. Но нет: все не по ней, всё не по ней, как говорится: всё не то. После каждого знакомства она зарекалась, клялась себе, что больше и пробовать не будет, что не подходит ей никто - «Ну для чего пробовать, если нет именно для меня никого!?» В конце - концов начала даже отшучиваться: «Есть у меня уже один мужчина - Димка! Зачем мне ещё?»

...И тут вдруг - Иван! И всё внутри будто ахнуло!!! И всё внутри вдруг узнало «своё», схватилось за него! Всё старое свернулось, всё её существо мгновенно, разом успокоилось. Как-то сразу стало так: будто они с Иваном много лет вместе, будто она замужем.

Привычно, буднично, спокойно, горько, горестно, временами странно, временами смешно.

Странно ей, что она забыла, а теперь внезапно вспомнила и вспоминает постоянно, как когда-то, лет пятнадцать назад, сказал он ей, подмигнув, ей, пятнадцатилетней: «А ты красивая будешь!» И прозвучало это тогда, как: «Ты нравишься мне». А сам ходил к Зине. Запомнились Гине - и вспомнились теперь - с тех времён и слова его, и ласковый взгляд. Откуда и взял что: сам был лишь демобилизованный солдат, двадцатилетний.

Потом он женился, работал - жил. Родились дети, воспитывал детей.

«Сейчас он не крепко держится в семье, но совесть и долг у него есть, но детей своих, да и жену, как жену, наверное, любит».

«Что, если бы Зина - это я», - Гина смотрит вслед закрывшему двери Ивану. Утро. Рано. Слышно, как завозились и засмеялись дети, шикает на них, поднимается сестра.

...Но даже в мечтах Гине стыдно завидовать сестре, помещать себя на её место. Может быть, надо на что-то надеяться? Может быть, ни на что не надеяться ещё рано? Не Иван же один для них, обеих, сестёр, рождён. «А может быть он для меня, а не для сестры?»

Но всё-таки, как же так она смогла: «Муж сестры: мой любовник и почти муж!? Какая глупость! Несусветно! Ерунда. Нет, видно совсем я голову потеряла. Неужели мужчин, свободных, нет вокруг!» Неужели нет мужчины для неё? Но если в своём бесконечном плавании сейчас она выплыла, наконец, пусть случайно, на свой, подходящий себе для жизни остров, неужели нельзя жить, пожить на нём? Жить не таясь, открыто, пусть не на правах коренного жителя, пусть без прописки, без гражданства, но хотя бы как с визой. Не таиться, не укрываться в нору, не хорониться в бесправное гетто, ведь этот остров - свой! нравящийся! подходящий! Что ж теперь - неужели снова бросаться в безбрежную воду, гнать свою лодку, пускать её по течению, потому что опускаются руки, и снова плыть день за днём. И снова день за днём: пустынная безбрежная неутоляющая жажды вода океана. И ни-ко-го: ни рядом с тобой, ни близ, ни на твоём горизонте. Убийственно. «Что же теперь? Значит, опять - таиться, изворачиваться, таиться, скрываться. И лгать.

...А может лучше, - ведь давно у Гины мелькает эта сумасшедшая мысль, - может лучше открыться во всё сестре? Зине. Ну, не о том, что мы... Мы с Иваном, - нет, будто он и не знает ничего, только подозревает, а не... А я это всё, я! Что я это его в себе загаила, что люблю его - я, и что нужен он мне для жизни так, что не могу жить без него! Но увести мужа у сестры - сохрани бог! - не собираюсь. Мне хоть бы день - два в недельку. Жить. С ним. Ну пусть, ну пусть поделится со мной она! Разве я хочу многого? Пусть он будет и со мной немного, хоть иногда».

Гина сразу почувствовала, сразу - как только они переплелась с Иваном: ей нужен мужчина для жизни, а не любовник, ей нужен отец её детей, муж. «...Пусть он и мне будет ну-у-у... мужем. Или - нет, так ведь нельзя, чтобы две жены, значит, пусть он мне будет любовником, но не таким, чтобы...» Она запутывалась в словах, в звучаниях, понятиях. «Зина умная, она, может, поймёт?»

Гина печально, растерянно смотрит на закрытую дверь. «Да нет, что ты, как такое понять. Пока сама не окажешься... Когда рвут тебя на части... Разрывают. Всё врозь - чувства, рассудок, долг, любовь. И совесть ещё...

...Да нет, ничего Зина не поймёт: закричит, замашет руками, посоветует в психушке полежать, отправиться в Бруней... Вот и весь разговор, который выйдет». Да и не любовь у Гины к Ивану, что-то другое, иное: человеческое разумное с инстинктивным женским. И даже какой-то, непонятный пока, перед собой долг.

Гораздо проще, когда влюблённость, любовь.

«...А и не говорить ничего! Ну почему я должна придти, как бедная родственница!? Придти и просить: пода-а-йте... Да? Нет, у меня с сестрой одинаковые права на счастье. Я не виновата, что она старше меня, и он считал меня маленькой, когда ему стала нужна жена. Я не виновата, что мне не повезло.

...Но я лучше удавлю себя, чем принесу сестре горе, что из-за меня уйдёт от неё Иван».

Хотелось видеться с ним чаще, и не при Зине. Хотелось открыться, поплакаться кому-нибудь, родному. И приходилось выслушивать слезливые жалобы сестры о том, что муж, кажется, связался с какой-то «сучкой». Мол, связался, но ведёт себя так, что нет повода упрекнуть ни в чём, даже лучше стал, и это выводит из себя, раздражает.

Конечно, встречаться можно было только тайком, и только у Гины, в её квартире. «Где выход? Какой абсурд!»

Ещё более абсурдным стало вдруг замелькавшее у Георгины желание родить ребёнка. (Это произошло после того, как она во всём узнала Ивана.) И конечно, не просто ребёнка, именно, определённого, точно чьего.

Так как эти, сошедшие на неё мечты были по-земному безобидными, вовсе неземными, Гина запросто допускала их, предавалась им. То были минут засыпания её сладкие невероятные грёзы.

Беременность оглушила её.

Она испытала пронзительное ощущение: мечтаемого и сбывшегося, неземной радости и жуткого испуга - как быть? Она до мурашек на коже испугалась сама, но

ещё больше боялась увидеть, как испугается Иван, - что испугается Иван. Вздрыгнет, поведёт в сторону глазами и уйдёт, исчезнет из её жизни. И всё вокруг насупится, потемнеет, пойдёт по её жизни исчезнувшая было серая полоса опять.

После того, как первые чувства, первый испуг прошёл, она начала думать, гадать: что, как...

...И - снова скатилась в мечты!

«...Глупость, грех об этом мечтать...» Но они сами! Они сами, без её разрешения, ведома, лезли в голову, а главное - в сердце. О чём они были - о ком! «Опять?» О глазомастом русоголовом мальчишке. Чистеньком, хохочущем, в распахнутой рубашонке, наивном. И любимом. И которому почему-то сразу три-пять лет. И он похож - две капли воды! - на мужественного отца. Ивана.

«Мечты...» Гина гнала их, гнала. Она гнала, а они прилетали, навязывались, приходили. «Ну что вы - так же нельзя!» А они опять и опять. «Что вы, нельзя это, нельзя. Ну зачем вы опять!» - так прогоняла она их от себя, когда поняла, что сама хочет этого: реальной беременности, ребёнка.

И испугалась уже сильнее первого испуга, пуще прежнего.

«Что это за наваждение! Что это? Я - мать?» И эта её - природная мировая задача подмяла её, спутала всякие планы. Она начала перебирать и раскладывать поновому всё рассудительное, она всё - мысли, чувства, отношения любви, целомудрия и греха - переводила в отношения жизни в любви и рождения в любви. У неё вышло, что она, Георгина, для этого, только для этого и живёт. «Тогда пусть...» Пусть все живут по своим правилам, а она будет теперь жить по открытым ею, своим. Вот что, оказывается, с самого начала путало её.

«Хорошо...» С наивностью, простодушно улыбаясь, она посчитала свои финансы: что если она уйдёт в декрет, затем в отпуск по уходу - смогут ли они прожить втроем. Вышло не смогут. «Плохо...» Есть родственники. «Нет, все отвернутся... Как я буду вообще, если все отвернутся!?» Напали отчаяние, уныние.

Несчастье.

В сердце радость, в чувствах отчаянье, в мыслях гнёт, несчастье. И от того противостояние: мысли, чувства - всё через занавес. В уме мысли, в сердце мечты - и всё по кругу опять. Она уже забыла и про Ивана.

Но - «Тебе же нельзя рождаться, маленький... Это всё ошибка, я ошибаюсь... Или: я ошибаюсь?»

...Тебя же не пустят, не примут, места уже заняты, есть уже сын, племянники... Вот горе-то...

А ведь была бы...»

Вот картина...

По всем людским законам надо было, приходилось идти делать это.

Сделать всё незаметно для Ивана Гина не захотела. «Он должен всё знать. Он должен узнать». Но она не хотела перекладывать всё решение на его плечи. «Он не справится, потому что ему не понять! Это слишком сложно, это не для мужчин». И ещё, она была уверена, он не выпутается из законов общей и своей логики.

А ещё - она страшилась увидеть его испуганные или растерянные от испуга глаза. Хотя и желала в них заглянуть.

«...А вот возьму - и к чёрту всё!... И скажу: сына Иван тебе хочу родить, вот! Да, вот я какая!» И в этом её вызове не было никому вызова. Если только себе. Хотя нет, всё-таки это был вызов - пожалуй, это был вызов самой себе: себе воспитанной, себе внешней. Себе той, которая жила, как это положено, как повелось в человеческой общественной природе, как это полагается жить каждой, отдельно взятой человеческой единице, среднему отдельному человеку, тому, который здравствует в каждом из нас, не даёт сбиться с пути, направляет всех, независимо - мужчин, женщин - по проторённому, принятому, нормальному, потому узаконенному, что устоявшемуся, жизненному кругу. И совершенно естественно, что отклонившиеся от этого пути - мучаются, мучительно долго борются, рождают право быть самими собой, отстаивают право на свой путь, на самих себя. Прежде всего - у самих себя, своей трезвомыслящей противоположности себе.

Вот так и в истории Гины с Иваном. Хотя, Гина не знала, насколько трудно Ивану, что происходит у него внутри. Она думала, что ему легче, ведь у мужчин проще душевная организация. Но как сказать - что там, внутри?

...Вот они вдвоём с Иваном опять. Они в постели: опять Гина соглашается на всё. Его руки, нежные, ласкающие её тело, становятся напряжёнными. Вдруг он заглядывает ей в глаза. «Вот его лицо».

-...Когда у тебя должно было начаться...?

Гина молчит, изучая его глаза.

- Что, не было?

Для неё это не вопрос. Она спокойно кивает, она признаёт. Она уже не боится увидеть испуг Ивана, потому что только что сама решила всё для себя.

Испуг проявляется у него не в глазах, как ожидала она - в губах, подбородке. Но больше не на лице - где-то внутри. «И не испуг, что-то другое, иное. Жалость? Со всем не страх. Кажется, он был ко всему готов. Когда-то обдумал?»

-...Не было? Сколько уже?

- Недель шесть-семь.

- Так я и знал...

«Что?» - но у неё не срывается вопрос.

-... Что у тебя должно что-нибудь случиться.

«Разве это - «что-нибудь»? Ну ты даёшь!...»

- Что мы будем делать... - задумчиво - («Нет, больше тоскливо») - роняет он.

За это его «мы», за его тоску в словах Гина прощает ему. И прощается со своим внутренним и выношенным уже бесповоротно: «Видимо, не суждено...» Сладчайшей из её грёз. Но вслух, словами, она произносит отречение не сразу - ведь это для неё ещё и вопрос выбора, выбора её дальнейшего жизни - пути. Хорошо, если сейчас простой шаг назад, временная остановка. Рожать или не рожать - для неё вопрос выбора, и рожать - будет означать не только родить. И она отвечает:

- Не знаю.

Всему - нет: запрещает себе она. А ему отвечает: не знаю. Или, скорее так: не.знаю. Таково её теперь состояние.

И ещё: ужас охватывает её при одной мысли о предстоящей боли. (Хотя это, так, уже с ней бывало, правда, год назад и с совершенно другим.) «Но теперь главной будет не физическая. Она будет такой, что!... Вообще как выдержит сердце. Как выдержит сердце? Как ЭТО у меня вынесет сердце!...» Гина забывается, отрешается, закрывает глаза. Она уже как бы удалила из себя всё, она вновь... Она тешит себя брезжащей новой мечтой, но уже не воспаряет в свои мечты, просто сейчас она на миг не здесь, не с собой. Не на земле и не на небе, между своим небом и обычной землёй.

-... Ты не думай про боль.

- А? Что?

- Я говорю, ты не думай про боль. Ведь всего пять минут - и всё. И всё станет, как обычно, как было. Иначе, жить как? А? Всё будет опять хорошо. Хотя... Я бы тоже, может, хотел, но ведь... Но ведь нам с тобой хорошо? Да?

На свиданиях, коротких свиданиях, ставших теперь более частыми, Иван иногда повторялся, не отдавая себе отчёта, как это жестоко: напоминать о предстоящей боли. «Как это жестоко: напоминать мне про ЭТУ боль. Он не представляет, про какую мне напоминает боль!» Он говорил ей: ты не думай про боль.

Однажды у Гины вырвалось то, о чём она часто теперь думала:

- А если случится со мной что-нибудь. Ведь *он* был зачат в любви?

...Я понимаю, если бы просто... Ну, как у всех, так... Но у меня - я любила тебя. И, наверное, очень хотела *его*? Как тебя. Что, если поэтому что-нибудь случится со мной.

Смутное предчувствие двойного преступного действия томило, угнетало её. Она не высказывала вслух - не говорила даже себе - вдруг я умру, но она говорила именно об этом. Иван сердился, не пугался:

- Ну ты что! Про это не смей и думать даже! Не в средние века живём! У них там, как на конвейере, всё отлажено, Зина год назад... была. («Он пропустил слово - тоже».) -...Была - и ничего. А у неё, сама знаешь: здоровье не очень. И потом, - Иван застенялся то ли слов, то ли себя, - я тебя не... Не оставлю. Даже если лежать будешь. Я не оставлю тебя.

- Все, наверное, так говорят... - Но Гина благодарно льнула к нему.

Объятия.

Хорошо, что подоспел отпуск. Пришла пора *идти*. Гина опасалась встретить у необходимого кабинета в поликлинике кого-нибудь из знакомых, но случились лишь две полузнакомые женщины, с которыми скорее здороваться было неудобно, чем не здороваться; кажется, в школьном возрасте они часто встречались, поэтому сейчас с интересом поглядывали друг на друга.

Коридоры поликлиники были похожи на коридоры учреждения, где работала Георгина. «Даже краска на стенах такая же точно. И свежая. На одном складе что ли брали? Все мы с одного склада».

У кабинета очередь. У Гины снова - и пронзительной - возникла боль. Но здесь, *в этой очереди*, всё становится на другие места; и её больное, перевернутое состояние, кажется ей здесь естественным, обычным. «Потому что как у всех». И даже лёгким, смешным. «Всё будет хорошо». Всё будет хорошо, потому что - вон сколько их, таких здесь женщин, значит, так можно. Значит, быть в этом состоянии и отделаться от него - можно. И отделаться от этого состояния кажется здесь лёгким, предосторожным, естественным делом. И Гина забылась.

Гина забылась, но очередь была длинна, Гина долго сидела, ожидая своей очереди и опять поневоле задумалась: а что дальше? «А дальше что?» Да, ведь при её таком, безотчётном, неконтролируемом ею самой желании быть с Иваном, родить его ребёнка, она - она теперь была уверена в этом! - непременно снова забеременеет. Она теперь думала, что это закон. «...Природы... Или - чей-то закон». Это такой закон, поэтому - «Как себя уберечь? Стоит ли? Стоит ли противостоять!? Это ли не грех! Не преступление ли: не жить так, как чувствуешь, что тебе надо жить! Зачем же жить не так!? Ведь ты же не заставляешь жить так других. И стараешься никому не мешать, и не мешаешь. Ведь, если подумать, я тоже в рамках закона! Иного, какого-то - Закона».

Она не подумала, что живя по-своему, по иному она будет - бельмом, красной тряпкой и белой вороной самым одним фактом своего существования, фактом возможности своего пути.

...Замигала сигнальная лампочка. Очередь зашевелилась, заволновалась. Клеёнка, тапочки наготове, слова, которыми необходимо отвечать, у кого-то продуманы, у

кого-то выучены наизусть (а кому-то просто, как говорится, до лампочки, потому что это - фу, подумаешь, ерунда.) Врач, выслушав Гинину просьбу о направлении на аборт, осмотрела её, выписала направление на анализы. И - «Ни слова ведь!...» - не произнесла в защиту того, кто в ней, Георгине, был зарождён.

Запихнув направление в карман, Гина с нарастающей тоской вышла из кабинета. Она начинала нервничать, злиться на себя: за всё, за то, что не в силах прервать ужасное течение обыденной жизни. А он, тот, с которым она хотела бы быть, за которым хотела бы быть, как за каменной стеной, тоже не в силах, не имеет столько сил, неволен. «...Всё так устроено странно! Всё так идёт, само по себе, без тебя».

Пока шла по улице, всё считала-подсчитывала, сколько до аборта дней. Получалось около двух недель. «И за эти две...» - у того, кто в ней, кто из-за её любви зарождён, появится ещё больше клеток. «И нервов. И с каждым днём...» Ему всё невыносимее будет уничтожаться. Да и ей невероятно тяжело напивать его своими соками зря. «Боже мой!... Это кошмар!

...А может я зря? Взять, да и наплюнуть на всё! Зато будет мальчик! Или девочка! Следующим летом». Ох, бабье горе!...

...Бабье лето! Навстречу Георгине идёт беременная - с большим сроком - женщина. Идёт тяжела, идёт - шествует! Подставляет солнцу лицо, даже руки оголила, желая ухватить для своего близкого детища побольше последнего неземного золота. Гина встретилась с ней взглядом и постаралась улыбнуться так, чтобы та точно поняла: ей, её состоянию радуются, завидуют! Откровенно завидуют её состоянию, такому заметному, такому естественному! Как солнцу в бабье лето.

Да, Гина завидовала. А ещё - у неё горчило, горчило во рту: тоже ведь беременная. «Но от этой моей беременности до той, что у встретившейся женщины!... Как до другой планеты!» Беременна она теперь уже не по-настоящему.

В следующий раз в коридоре, перед процедурным кабинетом, сидели три женщины, одна - знакомая Гине по предыдущему посещению. Эта женщина объясняла другим:

-...Это раньше в порядке живой очереди, а теперь всё по талончикам на определённое время.

Гина поздоровалась, присела.

-...Что же так долго! Может ей плохо? Из вены ведь берут! Ужас!...- в который раз трепетала первая в очереди молоденькая девушка-женщина.

- Ну уж, если от этого плохо, то что говорить про другое...- снисходительно отзывалась неопределённого возраста женщина в одежде не ношеной, как будто новой, но старомодной.

- У нас, у баб, нынче всё должно быть крепко. И разношено. Как у хорошей кобылки, - нарочито грубо проговорила Гинина знакомая.

Оттого, что и она как бы была названа и отнесена к бабам, Гине стало легче. Легче и веселей, как и тогда, в первый раз, в общей очереди - толпе, когда все её тягостные женские раздумья и заботы стали казаться простыми, естественными.

...- Ой Надежда Сергеевна! И Вы у нас! - Пробегавшая мимо медицинский работник остановилась, обращаясь Гининой знакомой. - И что Вы в очередь? Вам, как медработнику, можно вне очереди. - Женщина Надежда Сергеевна отмахнулась: - Да нет уж, можно: решила пройти весь ритуал. Тут уж спешить грех. - И улыбнулась саркастично. Медработник, хмыкнув, ответив ироничной полуулыбкой, убежала, а Гина встрепенулась: вдруг что-то знакомое, важное и саднящее рядом с ней прозвучало.

Из процедурного вышла очередная пациентка. - Всё - вперёд! - скомандовала девушке-женщине Надежда Сергеевна и, обернувшись к Гине, сказала: - На общее дело, видно, идём.

-Да, - улыбнулась Гина. «Подружки».

- Вместе, так вроде и на что угодно можно, и не страшно, а вот, когда одна...

- Да...- отозвалась снова та. «Вот ведь как: можно, если все вместе. А если начнёшь думать только про себя, если начнёшь думать можно ли мне, то...

... «Ой!» - в процедурном, почувствовав боль от укола в вену, Гина безучастно, но как-то по-особому внимательно, наблюдала, как бежит в пробирку её кровь. «Это моя кровь или *его* кровь?»

Направление на аборт она получила на следующий вторник. Конспиративные вопросы в семье помог решить Иван.

- Помоги бог, - напутствовал он Гину на полном серьёзе, когда в понедельник вечером прощался с ней.

У Гины разом упало внутри всё.

- Ты что!!! В таком!!! Да ты что!? - ужаснувшись, вскричала Гина. - И закричала бессмысленно: - Даже думать! Слышишь! Накажет! - И взвилась: - Не смей! Даже думать так не смей! Это всё мы! Это я сама! Слышишь! Не смей даже думать! Не говори лучше ничего!

- Что ты!... Ну что...- болезненно скривился Иван. - Ну ведь сама понимаешь, что это просто так говорю, вырвалось так. Поговорка это. Сам что говорю не знаю...- «Прости!» - досказал ей его взгляд. - Ина, Инуля, не переживай ты так! Ну? Сутки быстро пройдут, завтра вечером уже будет - всё. А послезавтра уже будешь дома.

Рано утром, собрав всё по списку данному медсестрой, Гина отправилась в больницу. «Завтра утром уже буду возвращаться, завтра я уже буду возвращаться. Я буду в порядке, завтра я буду...» - твердила она себе. И ещё одно было в этом её утверждении, был новый оттенок, был тон - будто она хотела сказать, но ещё пока не выговаривалось, не выговаривала: завтра я начну другую жизнь; мол, да, сегодня я поступаю неверно, не для себя верно, лгу, и иду на ложь. Но завтра - завтра я буду жить так, как чувствую, как чувствуется, видится, ощущается мне. Я буду осторожна, буду всё время настороже: буду всё время стараться чувствовать, поверять собой себя. И потом, с завтра, всё будет по-другому, по-иному. Гина порадовалась, что новая жизнь начнётся у неё не с понедельника. «Это хорошая примета. Уж ладно, пусть сегодня, сейчас всё будет, как всегда, как у всех, как - все вместе. Но потом, но завтра - всё! Хватит!... Я не только - Гина, Ина, Инуля, я - Геора, Георгина. Я стану жить так, как чувствую.

...И если я пойму, что люблю Ивана, и он меня, я захочу ребёнка, и он получится из любви. А сегодня... Я боюсь всего».

Она шла. Она вдруг стала внимательной к знакомой, давно примелькавшейся дороге. По этой дороге она ходила на работу, в магазин, водила сына в детский сад. Вдруг привлекательны стали рябинки, липки, берёзки, посаженные на газонах в аллеи. «До свиданья, завтра я поздороваюсь с вами, когда завтра снова пойду домой. Когда буду возвращаться домой, к себе. К себе, но не назад».

По выщербленным бетонным ступеням она взошла на бетонное крыльцо. Задержав дыхание, всем существом замерев, потянула тяжёлую дверь, шагнула и - сразу оказалась перед Надеждой Сергеевной, сидящей в середине небольшой очереди. Они поздоровались, Надежда Сергеевна улыбнулась. «Опять вместе», - означали эти не слова. Гина улыбнулась: «Да, опять».

Она выбрала свободный стул и, не спрашивая кто последний, присела. Вскоре подошла ещё женщина, за ней ещё и ещё. Вместе их набралось - «Больше ведь тридцати человек!...» Они пошли по одному кругу. «Действительно, конвейер», - подумала Гина словами Ивана.

Вначале всем женщинам выписали индивидуальные карты, потом все переоделись, потом пошли в палаты, где стояло по десять - двенадцать коек, не застелённых, с матрацами, обтянутыми оранжевой клеёнкой. Женщины обработали выданным на палату раствором свои матрацы, кровати и тумбочки, получили постельное бельё, застелили каждая кровать, сели на стулья перед хирургическим кабинетом.

«...Через полчаса всё будет закончено, через полчаса всё закончится. Через полчаса... Через двадцать минут... Через десять...» После десяти минут сидения в этой очереди Гине стало казаться, что это не она, стиснув зубы твердит себе, в страхе, перед кабинетом, а у всех женщин в этой очереди шевелятся прикушенные до омертвления губы.

После троих или четверых неожиданно вышла женщина врач: - Женщины! Успокойте свою нервную систему! - нервно, громко заговорила она. - Наркоз не действует! Наркоз не действует, вот как некоторые возбуждены! Успокойтесь, под наркозом вы ничего не будете чувствовать! Ведь некоторые заходят и ведут себя безобразно! Невозможно сегодня работать! Да мало ли у кого что!... Успокойте себя, вы мешаете. И в конце концов, вы пришли сюда добровольно!

«Доб-ро-воль-но...» - слово-пощёчина, все другие слова, как в пустоту. Врач вернулась в кабинет и почти тотчас вышла Надежда Сергеевна с белым, как мел, лицом. - Всё нормально, - выдохнула она Гине. - Вперёд, девочка. - И Гина поднялась и, - стреножив, спеленав, обезволив себя, - шагнула вперёд и вошла. Сказав себе: «Ничего более, я иду просто на операцию, на обычную операцию, ничего больше, просто будет больно, но на обычную операцию и всё, и всё.

...Всё». Через полчаса она лежала среди других в своей палате, в постели, на кровати у стены. Лица уже знакомых женщин рядом, кругом, вокруг, были белы, как мел. Пустота внутри женских тел болела, перебивая своей болью всякие думы, лишь на одном - двух лицах как будто отражались мысли, горькие мысли - о содеянном, о прощении, мысли - мольбы, мысли не о себе. Гина отвернулась к стене.

...Через час ей захотелось пить и она повернулась. Через час ожили наиболее крепкие, после обеда - все.

...

...Живы?

...- Все живы-то у нас?

- Кажется, все, вроде бы.

- Не шевелится вон там одна у окна.

- Да-а... Большую деревню отправили мы сегодня *туда*...

Тягостная, с минуту царила пауза. Затем, вначале осторожно, как идут вдоль мёртвых тел, как ходят меж могил по незнакомому кладбищу, - как в темноте - ощупью, - затем быстрее, потом ещё быстрее, и уж зачем-то почти как бегом, женщины заговорили - и все, сразу, и так, что не перебивали друг друга.

...- Я, когда на стол ложилась, вниз случайно посмотрела - там прямо комья, и красные...

- Ой, девочки, только не про это!...

- А в божественных книгах сказано: младенцы попадут в ангелы.

- Ну!... Про таких там ничего не сказано. Таких и не было тогда.

- Разве?

Все почему-то задумались.

...-...А куда, вот, ещё рожать! Самим-то есть нечего, мы, вот, с мужем за последний год так ничего себе из вещей не купили, донашиваем всё старое. А ещё один рот - нищету плодить, что ли?

...- А лучше теперь мужа близко не подпускать, раз не умеет меня беречь.

- Ну уж скажешь тоже!...

- А вот так лучше что ли!?

- Есть некоторые, себя берегут и аборт не делают. Зато потом, когда родят, от ребёнка отказываются. Так лучше уж сразу его...

- А я - семнадцатый делаю. Уж там, кажется, и нет ничего, всё выскребено. А они всё родятся да рождаются...

- Мне сейчас кажется, что этот лучше был Женьки, с этим я хорошо ходила.

- Так чего ж не оставила, родила бы!

- А куда!?

- Да...

Снова зависла долгая тяжёлая пауза, непромокаемая скатерть молчания. Потом:

-...И меня ... Тоже... Мать говорила, не хотела родить...

- А я, вот, когда первый раз забеременела, муж говорит, иди на аборт... А теперь лучше Катюшки, так, и нет у него никого!

- Вот-вот, и я...

И ещё многое они говорили, и Гина. Говорили откровенно, неосторожно, не замечая приговорного себе, страшного в произносимых фразах, словах. Тщательно скрываемый каждой ужас её положения заключался в том, что они выговаривались вслух только для того, чтобы не оставаться наедине с собой, не давать развиваться мучительным приступам внутри - высказать, выбросить из себя всё днём наружу. Уснуть днём тоже боялись: выспишься, а потом бессонная больничная ночь истерзает взбаламученную душу.

Женщины говорили про мужей, детей, свой дом, кухню, моду, деньги, работу, даже политику. И возвращались опять и опять к своим не ношеным, не рождённым детям. Искали им, не допущенным, почему-либо к жизни, места на этом свете. И почему-то никто не считал их не детьми, это были будто их дети, а всё, что говорилось в палате, имело неосязаемой подоплёкой найти оправдание в совершённом себе подобным, себе.

А Гина не находила себе оправдания. И не научена была каяться. Да и считала, что даже если сейчас покаяться, её не смогут простить, потому что такие законы она переступила, что... Что не могут простить, как за другое всё.

И Надежда Сергеевна не открылась. Не открылась, хотя кровати их оказались рядом, хотя все вокруг сейчас открывали душу, и соседки по палате вмиг стано-

вились близкими подругами. Надежда Сергеевна говорила о себе скупое, в отличие от других была неэмоциональна, словно истощена. Но это она так задала течение, тон общего разговора, что заставила болеть даже не желавшую того душу, когда уронила - видимо, своё, - когда: «Большую деревню отправили мы сегодня туда...» Будто они - убили. Будто то, что сегодня вы... из них, как лишнее, как ненужное, и впрямь были их дети. Их дети, просто: дети. Дети - не дети, нет: не дети, но дети. Плоды. Ягодки. Да нет! - теперь просто стружки, осколки, обломки! Любвей, любви; запретной любви, желанной любви, несчастной, несчастливой, неудачной любви; не любви - удовольствий: случайных, запланированных, плотских, скотских... Но, так ли или иначе - следствия, дымки, пламешки огня, нематериального, неосязаемого - желаний. Вдруг материализовавшегося, начавшего одушевляться. В мрак: всех - в мрак.

Было настолько кромешно, что Гина не отказалась от таблетки снотворного, которое запасла для себя предусмотрительная Надежда Сергеевна. Выпила таблетку, отвернулась к стене и забылась так, что уснула.

...Если исповедоваться кому, то потребует тот, чтобы она совсем рассталась с Иваном. Гина поняла это вдруг, в минуту прихода сна. «Но ведь я этого не хочу. И не потому, что мне плохо одной, и не потому, что мне не с кем жить, и не потому, что Ивану не хватает его жены. Я вижу: он нашёл счастье любить и поддерживать меня, а я - я люблю, хочу любить и продолжать Ивана, я нашла мужчину, которого я хочу продолжать. Даже, если буду жить без него. Разве это грех, что я люблю его, что хочу жить для него. Значит, пусть и будет так, только серьезнее, честнее. Ой, какой поднимется крик!!! Я его вытерплю, а каково будет Ивану? Значит, не будем высываться, будем просто жить, жить тихо, жить, как сможем, жить для себя, для меня, для него....»

Утром стало легко, совсем легко. Жуткие мысли - и разговоры - в палате пропали, не шли. Гина удивлялась себе. И другим! Ещё вчера вечером все готовы были молиться, исповедоваться, каяться! А теперь? А сейчас? Все собирались, спешили, торопились, не глядели на других, стыдились вчерашних откровенностей и откровений. Бежать: бежать отсюда и больше не попадать, не попадаться! Все возрадовались, когда выписали их.

А Гина более всего удивлялась себе - она не боялась больше ничего. Как будто она потеряла уже всё, что могла потерять, как будто она исполнила худшее, что вообще сотворить могла и теперь надо, можно начинать всё искать и зарабатывать, и накапливать снова, и теперь всё, что она ни сделает, как ни поступит, всё будет лучше, лучше и лучше.

Это раскрепощает, она поднималась. «Я, как после падения». Её не остановила бы теперь даже родная мать. «И это ещё будет - это ещё будет».

Через несколько дней в квартире Гины появилась гневная мать. И с порога:

- Ты встречаешься с Иваном!?

«Как она узнала. Про аборт, кажется, нет».

- Да.

Гина произнесла это так спокойно, что обоих её короткое «да» просто ошеломило. Мать взорвалась:

- Ты!!!... Да ты!!!... Шлюха!

Гина не ожидала, что мать ударит, так сразу ударит её чем попало: ладошкой, по щеке сухой ладошкой. А та, кажется, не ожидала от себя этого сама.

В мгновение в ожесточившей сердце обиде Гина метнулась в кухню, не зная - закрыться ли, ответить ли, промолчать. Случайная царапина от ногтя на щеке набухла кровью. Мать вошла вслед, протянула полотенце:

- Ну глаза-то разгорелись...

- Мама!

- Замолчи! Терпи! Жаль отца в живых нет - ремнём бы приложился! Молчи и терпи, раз виновата! - И после паузы: - Я-то никому не скажу, всё от вас вытерплю!... Ой, привалило мне счастье с деточками!...- запричитала она. - Одна мужика найти не может, другая - не может со своим совладать!... Одна от другой отрывает, ой, согрешу я с вами, ой, согрешу...

- Мама! - крикнула вне себя Гина.

Та вскинулась - слёзы горечи, обиды на глазах:

- Что, мама, мама!... Что - мама!? Я не скажу, другие-то прямо пальцем ткнут! На чужой роток не накинешь платок!

- Мама!!!...

Взрывной волной накатила на Гину ярость, ярость-тоска, потому, что чувствовалось ей уже, подступало пронзающее, саднящее ощущение того, что опять не выдержишь, свернёшь, поплетёшься по обычному пути, не сумеешь жить так, как такой кровью решила. «Ведь я же решила! Добилась! Заставила быть сильной себя!» И вот Гина чувствовала, что ещё чуть-чуть и не выдержит. Смолoduшничает, испугается, просто поленится, потому что жить так, как чувствуешь, жуть, как трудно. А если - нет, не так, если снова торным, простым путём, как всегда, как все, «Значит, снова - обычный грех, значит, снова и снова: грех». Обыденный, мелкий, каждодневный, кстати, малоосуждаемый, ведь, - «Все так живут...» Грех и более ничего. «Ничего страшного, но жизнь моя пройдёт». А более ничего, и поэтому:

- Мама, ведь не удержит Зина его! Найдёт он другую и уйдёт! Я-то чувствую! Я его знаю!

Мать покорило:

- Не твоё дело его знать!

- Ну а так...

- Что - так?

«Действительно - что?»

- А так он... А так он живёт с Зиной и никакая другая ему не нужна женщина, ну, на стороне.

- Господи ты, боже мой! - всплеснула руками мать. - О, господи, ну и рассужденые у неё! А ты, так, своя! Ты, так, не сторона! Распрекрасно...

- А я - не сторона! - выпалив это, Гина недоумённо замолчала, прислушиваясь к себе, к тому, что творится внутри. Она наткнулась на недоумение внутри - она поняла, что крик - это только внешнее, внутри у неё всё совершенно спокойно, даже чересчур спокойно. И она повела себя спокойно.

Уж лучше бы она нервничала, психовала! Плакалась, металась, горячилась, ругала сестру, спорила!... Тогда бы её можно было понять. А горячее её спокойствие было необъяснимо.

- Меня он любит, любит! На Зине женился, вот и живёт, я не могу мужа у сестры уводить.

...Но смиренно, по-старушечьи головой качала и качала мать. Гина глядела на неё и снова вяжущей паутиной ткалась вокруг сердца, сковывала его тоска.

Нищета. Смирность.

-...Не знаю, не знаю, доченька-а... Не знаю, как другая, какая-а... Какой-нибудь, наверно, можно-о... Что уж, раз не удержать-иать... Раз ему блудить хочется-а...

А тебе нельзя-а... Тебе для сестры стараться надо, привязывать её мужа к её дому, а не к своему. Детей он любит, совесть имеет, хозяин хороший - из семьи не уйдёт, любит не любит, будет жить, многие так живут.

«Господи, о чём это она! Ах, да... Господи, какая тоска жить так, уж лучше не жить или жить одной».

-...Дети главное, дети...

- Дитя-то и я могу родить... - у Гины это вырвалось вдруг.

Мать ахнула:

- Да ты!!!... А-ах!... Да ты что!!!? Грешно так говорить! Даже думать!

«А желать?»

- Шутись ведь! Неуж...

«Не верит. А взглядом уже ощупывает мой живот».

- Шучу. Не смогла, - отрезала Гина. И оборвала нешуточный разговор: - Одного-то бы вырастить человеком... Эх, мама, мама...

Та опомнилась, зачастила о чём-то, вдруг:

-...Ведь помогает Зина тебе, одежду с мальчишки хорошую, добротную ещё отдаёт, всё тебе, ведь всё тебе. Разве она не помогает тебе, не любит тебя, и мне всегда тебя хвалит, ведь ну, прямо, не нахвалится, какая ты сестра, всяко ведь есть, и родные бывают хуже, чем чужие. А ты...

- Ну разве в этом дело, ой, ну что ты, мама! - Гина бросилась к ней, присела рядом, ниже, прямо на пол, обняла за колени, заговорила, залепетала о своём, громко, горячо, проникновенно. - Мама, мамочка, ну ты, хоть, пойми меня!...- И говорила много, и долго, и разумно, и бессвязно, но...

Но мать поспешила не заметить безумных дочерних идей. Нет, она больше не хлестала, не ругала - убеждала, уговаривала, внушала, навязывала. Гинины глаза всё туманились, тускнели, заволакивались, закрывались пеленой, через них - не пробиться, она закрывалась, защищалась, уходила в себя. Только в ней, только в себе, лишь в себе самой и выход, и ответ. И спасение.

-...Ну ты поняла?

- А как ты думаешь... - ответила Гина скорей для приличия, машинально.

На том и разошлись.

Подступали бессилие и тоска.

-...Я. Должна сказать тебе. - Гина то заглядывает в глаза, то смотрит на губы и подбородок Ивана, выговаривает слова, как роняет в стакан воды горошины нужных лекарств. - Я люблю тебя и захочу родить твоего ребёнка.

Его рука в спазме сжимает её руку. Гина не чувствует сопротивления, она говорит, будто идёт по длинному коридору, в котором нужно пройти много дверей, открыть много дверей; точки в конце её шагов-предложений затворяют и запирают очередную дверь.

- Больше не посылай меня, если...

- Я и не посылаю, я...

- Слышишь? Если это случится. Я хочу, чтобы было, как будет. И если это вообще случится, больше не посылай меня. Пожалуйста. Прошу.

Она долго готовила свои слова, потом долго готовилась, потом не могла решиться, потом не было случая сказать, но сказать было надо, - проговорить, произнести вслух. Себе. И ему. Себе и ему, потому что Гина думала, они, эти слова, как порог, не перешагнув который, она вообще в жизни не могла ничего иметь. Наверное, она думала так, вот они и стали - всё.

Она разрыдалась, когда выговорила их. Иван хотел, вернее, силился что-то сказать, она вдруг не разрешила ему - ладонью зажала рот. - Скажешь потом. - Растерянный, ошеломлённый смыслом её слов, её необыкновенным, необъяснимым волнением, он только гладил её по распущенным волосам, бормотал: - Успокойся, ну успокойся, Ина, ну не надо так переживать. Не стою я того. Успокойся, не переживай. Это - пока, это пройдёт...

- Что - пока! Что пройдёт? - Гина уже не хотела скрывать залитое слезами лицо. - Ты не понимаешь? Ты хочешь, чтобы прошло? - Она пристально смотрела, она изучала, - нельзя, нельзя сейчас в нём ничего пропустить! - она впивалась взглядом. - Ты хочешь, чтобы прошло?

Он едва заметно шевельнул головой.

- Да? Нет? Что ты отвечаешь? Кого ты обманываешь!

Он с печальной улыбкой показал на себя пальцем: себя. И прижался губами к её губам : всё, молчи, молчи, потому что - зачем... Зачем слова. Но ей были нужны и слова, поэтому снова:

- Да? Ты что, ничего не понял?

...Так ты не оставишь меня или уйдёшь?

Он округлил глаза, он поднял бровь, он закачал головой - мол, ну у тебя и слова, ну и вопросы. Затем сильнее прижал её к себе и тихо-тихо, - не поймёшь: счастливо? - словно внутри себя, так, чтобы было слышно на всём свете ей одной, ей едва, да и то только, когда прижмётся, прильнёт к его груди и станет вслушиваться, улавливать, слушать, - засмеялся; и подрагивал беззвучным смехом так долго, закрыв потом даже глаза, что Гина встревожилась, напугалась. Смотрела на него, смотрела, успокоилась, стала, вначале с робостью, осторожно, потом смелей - поглаживать его по щекам, плечам, груди: - Ну что ты... Ну не переживай так, ну что ты... Не стою я того... - И, уткнувшись в рубашку, забормотала уж вовсе бессмысленное: - Это пока, это пройдёт...

Он вскинул голову, залился смехом, Гина всмотрелась в его лицо, глаза, засмеялась с ним! И в этот чудный момент они, грешные, были слитны, едины, вместе: всеми мыслями, всей плотью, всем сердцем.

Потом он отвернулся от неё, не разжимая объятий, замка рук шагнул к окну, потянул за собой, к окну, которого они всегда, вдвоём опасались.

«Это было наказание мне: любить его, желать его и не сметь родить его ребёнка. Желать, любить и не сметь родить любовь - это же грех.

...Господи, как мы живём...»

Настоящая боль

рассказ

В пятницу вечером, устав от благ и сует цивилизации, из города к Андрею приехал отец; одновременно, в город, отдохнуть от сельской тишины, клонированности размеренного быта, наполниться кипящим общежития города - жена Андрея, с напросившимися к бабушке детьми, уехала из деревни к свекрови; оттого в субботу, напарившись в бане, сын и отец пили чай вдвоём.

Осеннее солнце быстро закатилось за лес. Сразу сгустились сумерки, тихо, хладно

стало в природе. А в доме излучала кирпичными боками тепло дородная русская печь, мягко светила над столом лампа в абажуре, шумел самовар. Наливали чай, молча пили его. Хорошо!... Давно переговорив обо всём, молчали. «Мир такой справедливый, даже нечего крыть...» Свои земля, дом, свет, тепло, добро... «...Филя, что молчаливый? А о чём говорить?» * Действительно: и я запомнил то диво.

Взмокший от чая отец перешёл от стола к печи, закурил у отдушника. - Затоплю я печь, - сказал он вслух как бы себе.

- Так не холодно ж, - отозвался Андрей.

- А вроде как и зябко после бани. Подтоплю немного. Да хоть посижу у огня. А что - не надо?

- Да нет, что ты, топи, конечно. - Также мокрый от пота после бани, после чая Андрей утирался полотенцем, улыбался - топить печи, баню во время приездов к ним, в деревню было увлечением, добровольной обязанностью отца. - Дрова в холодном коридоре, - прибавил он. Спohватился: - Да! Там ещё рядом с дровами ещё ноша лежит, из неё не прихвати. Да она - видно, что отдельно. Там несколько половинок и круглых чурбаков.

Покурив, отец ушёл, возвратился с охапкой поленьев. Громыхнул ими у подтопка русской печи. - Андрюша, а те дрова куда? На дрова они не похожи. - Андрей отозвался: - А там не дрова: это дедко из соседней деревни принёс. Пчеловод. Просил распустить на циркулярке на брусочки. Для рамок ему.

* - из стихов Николая Рубцова

Отец присел у печи. Андрей поднялся за книгой из-за стола.

- Читаешь? - спросил отец.

- Читаю, - ответил сын.

- Молодец.

- Угу.

-...Что читаешь?

- Теперь - Шаламова.

- Что-то ты поотстал, Андрюша, - пошутил отец. - Сейчас все читают с голыми на обложках. Да ещё эту - как её? - а, «Дикую Марию». А смотрят, «Просто Санта-Барбару».

- Издеваешься? «Просто Марию». ** И просто «Санта-Барбару». ** - Андрей посмеялся над сарказмами отца, потом: -...Вы же сами с детства запрещали мне жвачку, теперь уж - не могу: спасибо, папа, не привык.

Отец помолчал. - Может, и зря запрещали, теперь все, как навёрстывают. - Он фыркнул: - Мать, кстати, ни одной этой мыльной серии не пропускает. Каждый вечер! Каждый-то вечер!... Одно и то же всё! Я не выдерживаю: ухожу в другую комнату. - Он чиркнул спичкой, поджёг бересту в печи. Андрей, следивший за ним, вздохнул: - Рад за неё: есть чего посмотреть. А мне, вот, знаешь, смотреть совершенно нечего. Как ни выберу в программе фильм, как ни включу - всё на ерунду каждый раз нарвусь. Американские боевики смотрю, когда сильно устану. Редко наши хорошие фильмы по телевизору теперь бывают. А видеомэгафона у меня нет. Что-то и мои у телевизора редко сидят.

- ...Папа, а помнишь! - позвал отца он. - Помнишь, как мы, я помню, собирались у телевизора всей семьёй!

- Когда это?- удивился отец. - Ты чего!?

- Э-э-э!...- укорил Андрей. - Да как же! Да вспомни! Когда впервые шли эти матчи: чемпионат мира по хоккею. Когда наши, наша сборная, сборная СССР, играла с финнами, чехами, канадцами,...

- У-у-у!...- подивился отец. - Вот ты чего помнишь! Тебе и лет-то тогда было...

- Ничего себе, - перебил Андрей. - Чего лет-то: мне лет девять было. Я помню: вы никакие передачи не давали смотреть после двадцати двух, а тут!... Если матч! А особенно, если наши играют с канадцами или чехами! Да мы до двенадцати все у телевизора. И мама сидит, и пигалица Танюшка сидит. И обе таращатся в телевизор и переживают, и кричат: Го-о-ол! Когда наши забьют. Потряс! Сейчас такого не бывает.

Затрещала печь. Оба, и сын, и отец заслушались, задумавшись, замолчали. Отец подтянул к себе скамеечку, пересел на неё, остался у печи, Андрей открыл книгу. Отец молчал. Андрей ушёл в чтение. Он сидел неподвижно, только изредка листал

** - первые зарубежные телесериалы - «мыльные оперы» в России 90-х годов XX столетия

страницы рукой, а между этим не глядя нащупывал стакан с чаем, брал его не глядя, отпивал, также не глядя ставил на место.

Он сидел неподвижно, только по лицу бродили какие-то тени, и было не понять со стороны: то ли на нём отсветы огня, разгорающегося в печи и светящего на всё в комнате через щели кругов-комфорок, и бросающего на всё в комнате блики-пламя-тени, то ли в нём самом, в нём внутри расходится и начинает бушевать, и проникает наружу какой-то пожар-пламя.

Посидев у печи, отец вновь пошёл к самовару. Взял свой стакан, стал наливать. Струйка из краника текла вяло.

- Может, поставить ещё?

- Что!- отозвался Андрей.

- Да чай вот...

- Что? - Андрей спрашивал машинально. Не слушая, и, как видно, не понимая.

- Я говорю, - повысил голос отец, - будем ставить ещё самовар?

Андрей поднял глаза от книги, проследил за движениями отца.

- ...Самовар ещё будем ставить?

- А!...- догадался Андрей. - Да-да, конечно! Что нам после бани один на двоих.

Отозвавшись так, он продолжил чтение. Вдруг, будто вспомнив что-то, поднял глаза от книги, вновь, рассеянно, туманными глазами начал следить за движениями отца. Потом заговорил с ним. Задавая вопросы, звучащие как ответы.

- Папа. А дед наш ведь «сидел». До войны.

Отец ничего не ответил.

- Я запомнил откуда-то, что, мол, он хотел отравить все колодцы в городе. И что-то ещё взорвать. Не помню, вот, что - не запомнилось. Вертится что-то на уровне городской бани.

- Да... - отец ладонью нервно поворошил седые волосы. - Что-то такое. - Видя, что сын смотрит на него, ждёт, прибавил: - Не знаю. Толком - не знаю. Лет-то мне сколько тогда было... - Это, последнее прозвучало, как: зачем с этим ко мне приставать.

Андрей возразил тоном, спросив с настойчивостью: - А сколько?

Отец взглянул на него, кашлянул, снова взглянул... Нет; тогда начал считать.

- Это было в тридцать восьмом. Или в тридцать девятом. А может, сороковой шёл. Значит, лет восемь - десять.

Андрей показал, что дивится. Отец посмотрел на него задумчиво, вновь стал ворошить волосы.

-...Так восемь или десять?

- Андрюша... - мягко ответил отец. - Сейчас вам этого не понять. Мы, - он выделил, произнося, это «мы» и стало понятно, что мы - это дети, - в это не лезли, вопросов не задавали. Вообще вопросов не задавали. Взрослые с нами об этом - тоже не

говорили. Вообще не заговаривали. Как-будто так и надо, как будто ничего не было. Откуда!?... - он развёл руками. - Что я могу тебе рассказать. Только, что сам видел.

- Н-н-н-да...- Андрей иронически, Андрей криво, дивясь усмехнулся. - Действительно, ты прав: откуда!.. Откуда, откуда - наверное, из сводок Совинформбюро? Из демократически настроенной прессы.

- Кх-х... Кх-х... - отец, выразительно покашляв, глянул на сына. - Кх-х...

Сын выжидательно смотрел, смотрел на отца.

- ...Пап, ну чего ты кряхтишь. Ну хоть что-то ты знаешь?!

Отец вздохнул в ответ. Посидел молча, поднялся, шагнул к печке, взялся за сигарету.

- Знаю... Знаю, что ничего не знаю.

Знаю, арестовали. Знаю, что его не было с нами в праздник 7 ноября, не было в Новый год, Первого мая. Знаю, что какой-то тол или динамит искали у меня под кроватью, а я сидел на кровати. - Он передёрнулся, вздрогнул. Невесело, с мрачной иронией усмехнулся. -...Что ж тут такого было - свои, брат, пришли... Что на них: кидаться с ножом? - Он с вопросом, даже с вызовом уставил взгляд на сына.

Андрей помрачнел. Отвёл взгляд от отца, уронил: - Не знаю. - Посмотрел в блестящий бок самовара, посмотрел в тёмное, не задёрнутое занавеской (от кого здесь закрываться?) - окно. - Чёрт подери - не знаю! Не пойму я их. И вас. - Отец вздохнул: - Чего не поймёшь? - Андрей слабо махнул ладонью: - Не пойму: как можно было признаваться! В том! Чего нет. В том, чего не совершал! - Отец сделал несколько затяжек, покивал головой: - Да и я-то толком не пойму... - Перевёл взгляд с сына на печь, открыл дверку, пошевелил поленья кочергой. - Какой тол? Какой динамит? Вроде электроподстанцию хотел, мол, взорвать, а заодно, зачем-то, баню? - Андрей прыснул, рассмеялся: - Ну да, стратегический городской объект. - Отец даже не улыбнулся, нахохлился, уронил: - Не смешно. - Андрей, наблюдая вид его, перенимая настроение его, померк лицом, помрачнел. Но снова:

- Слушай, пап, а он... -э-э-э... - Андрей явно испытывал неловкость. - Ну-у-у, это... Он признался?

- Я не знаю.

- Его пытали ведь... Долго всё-таки не было?

- К войне выпустили.

Они помолчали. Потом:

- Знаешь... - протянул Андрей.

- Что? - отец в недоумении от его нового тона поднял голову.

- Всего страшнее испуг, бывает, когда удар неожиданный. И ещё страшней, - Андрей трудно подбирал слова, - страшнее ещё, когда поразит тебя то, чему веришь. И ещё страшней, когда это - в обличье добра.

Отец ответил: - Некогда нам было думать: мы работали. Мы всю жизнь только и делали, что - работали, работали...

-...Знаешь...

- Да?

- Мне вся та... Ваша... Та власть наша, сейчас представилась в виде страшного клоуна. Который вышел на арену. Пригласил из зала людей. Они думают, они будут участвовать в добром весёлом представлении, и вдруг - вдруг клоун оказывается не тем. Он начинает их есть. Просто. Не спрашивая. Ломать руки и ноги, выкалывать глаза, бросать в клетки хищникам, рвать ногти.

...А цирк заперли. И ни-ко-му ни-ку-да не уйти.

Все. На глазах у всех. Идут к нему на арену.

Вот это да...

...А Россия - безлюдует. И плачет. Как получившая сразу три похоронки мать.

...Папа.

- Что?

- Скажи мне, что это бред.

Отец негромко ответил: - Это бред. В жизни было хуже.
Они надолго замолчали.

...Отец покашлял, прочищая горло и поднялся. - Я дров немного положил, утром можно будет снова протопить, если нужно.

Андрей взглянул на печь, перевёл взгляд на окно. Стекло, сейчас разделяющее свет и тьму, подобно зеркалу отражало печь, стол, самовар, всю обстановку, за окном ничего не было видно. - М-м-м-да... - протянул он. На том тот разговор и оборвался.

Ночь Андрей, несмотря на вечернее чтение и вечерние разговоры спал совершенно спокойно: его действительность не позволяла врываться в неё страшным сном.

Назавтра утром, совершив необходимые хозяйственные дела, Андрей решил поработать на циркулярной пиле. Поднёс к ней свои материалы, материалы деда из соседней деревни, подключил пилу. Подошёл отец:

- Андрюша, помочь?

- Не надо, папа, - махнул рукой Андрей, - всё короткое, двоим просто нечего делать.

- Ну, хоть подстрахую.

- Да что ты... Время терять.

- Ну ладно. - Отец ещё раз осмотрел заготовки. - Пойду тогда на огород. Начну новую грядку - весной будет легче, всё не дернок копать. - С этими словами он отправился за лопатой. - Ты опилки потом собери, насыплем на грядку, - наставил он сына.

- Хорошо, - согласился Андрей.

Прострогав доски, он закрыл ножи рубанка, взялся за кряжи. Увидел: пильный диск надо заменять на больший - некоторые кряжи оказались сантиметров до двадцати по толщине. Андрею пришлось идти за тем диском, который он недавно отложил: несколько зубьев чуть высовывались из общего диаметра, из общего ряда и работать приходилось с опаской - то щепка резко отлетит, то при пилении внезапно по сучку или твёрдому месту выступающий зуб стукнет и дрогнет в руках заготовка. Требовалось выровнять все зубья этого диска по высоте. «Надо будет всё-таки сделать его по настоящему, всё равно приходится пользоваться, опасно стало им работать.» Андрей пораздумывал, глядя то на диск, то на маленькую - «Всего-то ношка» - кучку заготовок. «Да подумаешь... Переточу его потом. Часа два надо потратить, а тут...» Действительно, с десяток чурбаков и половинок сырого дерева, шестьдесят-семьдесят сантиметров длиной обещали работы минут лишь на двадцать. Андрей сходил, посмотрел на часы, дошёл до отца, посмотрел, что делает отец и вернулся к пиле.

Распускать, то есть, распиливать на бруски и досочки круглые чурбачки, кряжи, расколотые пополам кряжи ему приходилось не раз, дело было совершенно обыденным, знакомым. Привычным движением он утопил кнопку пускателя и привычным движением поднял с земли первую заготовку. Пока он привычно рассматривал её, прикидывая, как лучше распустить, с какого бока начать пилить, с какого торца начать пилить лучше, трёхкиловаттная пила, взвыв, набирала обороты. Набрала, раскрутила массивный стальной вал, легко пошла, запела. В замкнутых помещениях звук работающих циркулярных пил порой оглушает, здесь же, на вольном воздухе, он воспринимался легко, даже воспринимался мягким, естественным, пение пилы можно было назвать мелодичным. А может, всё зависит от настроения?

Настроение у Андрея было превосходным, прекрасным. Он пилил и радовался работе, он был сейчас труженик-поэт. Давно отработанные движения пальцев, рук, управляющихся как бы самими собой, управляемые своей собственной, закрепившей-

ся в мышцах памятью не мешали мыслям течь своеобразно, параллельно, работать. Андрей отпиливал, поворачивал, переворачивал, отбрасывал и поднимал заготовки и одновременно ощущал - наслаждался всем тем, что окружало его, - окружало сейчас, теперь, тем, что было кругом. Он радовался, он чувствовал, он думал. И работал.

Он радовался тому, что вот уже несколько позднеосенних дней подряд радуется солнцу! Оно прогревает воздух, оно подобрало слякотную грязь. Радовался, что лёгкий ветерок только бодрит, гладит холодом, не застужает, - ветерок, наоборот, помогает, потому что относит в сторону древесную пыль - вязь. Радовался, что всё идёт, всё происходит сейчас, как в его жизни всё последнее время, как во все последние годы: слаженно, мелодично, добродушно. Ничто не мешает жить.

Мысли о жизни текли, бежали безостановочно, струились неудержимо; рисуя картины; как по стеклу вниз вода, как по склону ручей.

Думалось о том, что впереди целый свободный день. И о том, что опять день! Опять день и опять солнце. И пусть оно ослепляет, когда взглянешь, когда глядишь на него, нельзя удержаться, чтобы хоть раз в день не взглянуть прямо на него! Хочется видеть его глазами, ощущать кожей, лицом. Кожей, слухом чувствовать ветер. Ногами хочется ступать, ступать по земле, ходить по дорогам, по лугам, по траве. Хочется удивляться! Удивляться всему! Что есть трава. И трава всё ещё зеленеет, и как будто не знает зимы, и не боится скорых холодов. А скошенная отава, как пух перин мягка, как нити шёлка извивчива, и рассыпчата, как крупа каши в печах. К утру она почти замерзает, ведь скоро зима, но ещё осталось летних сил у солнца и всё отогревается, всё благоденствует днём. Пусть скоро стужа, холода, никто не грустит, всё в природе наслаждается летом. Да... Скоро холода, скоро зима, снег. Но - зима! Зима!! Морозная весёлая зима! К зиме у него, Андрея,

всё готово. Как бы ни страдал, ни тщился, ни лютовал мороз, в доме всегда будет тепло. И в семье у него, у Андрея, всегда тепло, при любой невзгоде-непогоде. Тепло и уютно,

как бывает тепло и уютно в безветренный день на солнечном берегу луговой речки летом. Андрею беспрерывно приходилось работать, трудиться, он часто уставал, он, бывало, не успевал, но на душе всегда было мирно, уравновешенно. Благоденствовал лад, царили мир и тепло.

И вот Андрей пилил сейчас, выполнял простую, незадумчивую ра-

боту и думал о тех простых вещах, которые через ощущения понял, которые понимал теперь, и которые начал предощущать давно. Он думал, что знал о них, что ощущал их как будто всегда: как будто с детства. (А может, оно просто не умерло в нём?) И которые понял умом, принял, принял сердцем, признал за величайшие ценности, когда ему минуло тридцать лет. Тогда, в тридцать три, он впервые задумался о смерти. И внезапно, и закономерно осознал: и он уйдёт. (Присутствуя на похоронах своих умерших родственников - деда, бабушки, их братьев и сестёр, он ещё не считал, что смертен.) Как все. Как всё. Осознанно убедившись в этом, он с удивлением обнаружил в себе само собой заговорившую правду извечных человеческих ценностей: возможность видеть, возможность дышать, возможность - осязать, чувствовать, говорить, любить, работать, иметь свой дом, свою землю, свою семью, своих друзей... О, сколько же в этом всего! Какое богатство.

Ещё он обнаружил, что единственное сокровище, которым он точно располагает - от своего рождения до своей смерти, по своим способностям, своим глупости и уму - это время его жизни, время от рождения до смерти. Это единственное, оно единственно. И Андрей моментально схватился за своё время! Как золото, как бриллиант, как платину начал беречь его. Как озарилась! Как ценна, легка и проста сразу стала жизнь. Как стройно, монументально выстроились её ориентиры.

Андрей работал и думал, думал и радовался, радовался и усердно внимал тем простым, обыденным до кажущейся глупости вещам, наслаждение от ощущения которых знают лишь умудрённые старики и наивные опытом дети. Жизнь для него была проста, значительна, жизнь была прекрасна, всегда хороша.

Проходя с распиливаемой заготовкой вдоль станины пилы - пропуская её через диск, и напряжённо контролируя свои пальцы, он чувствовал и всё вокруг. Заметил, как отец, воткнув лопату в грядку, поднялся на ближний холм, стоял там. Улыбнулся: «Детство

вспоминает, детство. Наверное, представляет себя мальчиком: припоминает, что видит - что видел, пока отсюда не уехали. Вечером будет рассказывать. Про стада, про коров, лошадей... Того уже ничего давно нет». Отец посидел на зелёной вершине холма, походил там, вернулся. Продолжил копать.

Забывшись, Андрей стал напевать. Услышав, оборвал себя: и пение и бег мыслей. «Ну-ка остановись. Сколько раз говорил тебе: нельзя работать на этой штуке в приподнятом настроении, в легком настроении - не прощает легкомыслия. Она ничего не прощает. Только и ждёт момента, - он сурово, он осуждающе посмотрел на бешено вращающийся диск, на станину, на вообще пилу, - всегда ждёт - зацепить... Жамкнуть.» Да, уж он-то это знал: ножами рубанка - по ногтю (нет четверти пальца), берёзовая стрелка-щепка - в висок (шрам), диском, зубьями - палец вдоль, палец пополам... Боль, кровь, досада. Учён, многоопытен, осторожен, кажется, хлебнул достаточно.

...Количество брусочков росло. Половинки кряжей кончились, осталось несколько круглых. Андрей стал пилить их. Прогнав, распилив два кругляка стоя сбоку от диска пилы, третий, большего диаметра, он решил пилить, упирая его в торец, встав ему в торец, так было удобнее. Так было удобней и так он проделывал десятки раз. Глядя теперь на ползущий по столу пилы берёзовый чурбак, крепко держа его обеими руками и чутко слушая напряжённый звон диска пилы, по которому можно определить, как идёт пропилил, параллельно, подсознательно Андрей помыслил, как поступить, если что-то сделается не так, если кряж отбросит, вырвет из руки. «Да, что если вырвется?» - мелькнуло в сознании. Пила напряжённо звенела, гудела, пропилил дошёл уже до половины. Андрей начал перехватывать руки, чтобы сделать шаг и встать теперь сбоку, и довести пиление до конца. И...

...Почему что-то случилось дальше, что произошло дальше, он так и не узнал.

Пила, перестав звенеть натужно, загудела легко. (И он поразился!) Что-то тяжёлое шлёпнулось к ногам, больно ударив по ступням, по пальцам. Он сделал шаг назад, сделал шаг взглянуть - что там такое - под ноги, и н е у с п е л. Какая-то неумолимая сила внезапно начала его мять, начала крушить, сминать и его тело и его сознание.

«Ох... А-а-а...» Мир - незыблемый, мир - мирный, мир годами привычный и годами радушный, знаемый столь хорошо мгновение назад! - потемнел, качнулся. Дом, огород, деревья, облака, отец - всё сдвинулось со своих привычных мест, стало обращаться в винегрет образов и теней. Красная свёкла брызнула соком в глаза. Андрей ничего не понимал. Мир сбывчился, поднялся на дыбы и лягнул. Лягнул Андрея, ударил изумлённого, не ожидающего подвоха человека, пнул одним из своих сапогов. Ткнул тем безжалостней, что беспричинно, безмолвно, сразив на раз.

Сознание остановилось. Воздух отяжелел. Воздух навалился на плечи, стал зримым. Предметы вокруг оборотились враждебными, грубыми, отчуждёнными. Вместо света дня кругом теперь хмуро колыхалась завеса удушающего воздуха.

...Когда ощущения вернулись, Андрей скорчился на земле от разрывающей тело изнутри, выходящей наружу через глаза, и расширяющей до разрыва зрачки глаз, боли. Оказалось, сделанный ранее шаг предохранил его от падения на пилу, он свалился на землю. Его то перегибало пополам, и тогда он корчился, как червяк, то распластывало, и он напоминал тряпичную, с надорванными руками куклу. Он не мог справиться со своим телом, хотя оно было неразрознено, было цело: боль сильнее сознания крутила его, как хотела; схватив за всё, за что могла, правила им по своим тривиальным животным законам.

«...Бо... о... ль...но...»

Боль, всё другое ушло. Всё ушло. Ничего не было другого кругом, была одна боль. Боль вдыхалась в лёгкие, а не воздух, боль светила с неба, затмив солнце, боль щетинилась под телом землёй. Мозг разрывало единственное желание: избавиться. Мозг разрывало: любыми средствами! любой ценой! на любых условиях! «Лю... бо...е» Сознание сконцентрировалось, сознание жжалось, всё поместилось в точку. Точка слабо пульсировала, существовала сейчас ожиданием единственного: избегнуть, избавиться. Избавиться от непрерывного, от барабанного боя в голове, от хлёста плетей - по коже, из под кожи, от ужаса в нервах, игл в нервах. Жаждалось одного: укрыться! Укрыться, укрыться, укрыться!... Залезть в нору, в узкий подвал, в сталь, в бочку - куда угодно! Куда угодно. В любую нору. Лишь бы... Где тебя не достанут, не достигнут, не найдут. И отстанут. И тогда, укрывшись, ты отмякнешь, от ужаса отойдёшь, избавишься от боли, от гадкого нескончаемого страха, от страшного ощущения, что если ты не сможешь укрыться сейчас же, сейчас, то будешь, харкая кровью, срывая ногти, ползти без спасения. Ползти, а удары будут везде ждать тебя, будут наступать всюду и испуская последний вздох, не сможешь даже осознать подступающей смерти: распластанный хладнокровным насильником ты будешь не умирать. Не-ет - издыхать! Ты от боли издохнешь. Как скотина. Как червяк. Не как человек.

...На какие-то мгновения он потерял сознание - и забыть тут же протянуло ему свою спасительную руку:

конечно, он спит! То, что мелькнуло, то сон: всего лишь сон!! А в его снах!!!... ..Но ЭТА - но она влезла в сон! Тогда - спасительно вернулось сознание.

В корчах от боли постепенно отвоёвывая у неё уголки своего сознания и власть над своим телом, Андрей пополз. Прочь! Прочь! Руками по земле он потащил себя. Пила догоняла, пила мнилась опасной, - всё ещё опасной, - готовой схватить сзади, ударить, догнать, молоть, истязать. В пересохшем рту склеилась слюна. Ему ужасно хотелось сплюнуть клейкое и одновременно он этого боялся: страшился вместо слюны увидеть на земле кровь. Увидеть, увидев, узнать, и понять по ней: внутренности отбиты. В страхе он закричал: «Папа! Па-па!...» Отец не оборачивался. Лишь трава да земля слышали разевающего рот человечка.

Андрей дотащил себя до горки готовой «вагонки», переполз, перекинулся через неё спиной: хотелось выгнуться назад, так чувствовалось легче. Перебросился, задышал. Услышал своё дыхание. И услышал топот ног. Звук пилы начал меняться, угасать, наконец, совершенно растворился в нахлынувшей, напавшей тишине. Сознание, как державшийся из последних сил марафонец, и как прохожий, удирающий от ночного кладбища, пало: вот спасительный финиш, вот спасительный свет и ноги толпы.

-...Андрю...! Андрюша! Ты чего! Ты упал!? Ты - упал? - Показалось, не отец, а голос отца склонился над ним. - Па... - «Это он». Губы, руки отца дрожали, он обмяк, он был растерян. Глаза его пробежали по Андрею, отец не понимал совершенно ничего. -...омоги... - голос Андрея наконец прорвался наружу. -...моги... по...лучше... спиной... на доски... спиной...- Дыхание перехватывало.

У отца затряслись руки. Он схватил сына, он схватился за сына. Андрею показалось, он сам растерян меньше сейчас. Но это было не так: *он был не растерян, он был сломан*. Он понял это, когда ему потребовалось не одна попытка, множество усилий воли, чтобы снова стать человеком, собой. Начать думать, - чтобы начать думать, подумать о том, что необходимо сделать сначала, что - потом, что прямо сейчас. Мир изменился. Мир разделился на - после, и до-. «Ого». Поняв это, Андрей с минуту боялся его. Но понял, если что, его прикроет отец. «Если что?» Опасность ещё была везде. И ещё тело продолжало желать скрыться. Но стоял отец.

- Па... Там... Там, в шкафу... Бутылка... Коньяк...

...Н-неси скорей...

- Бинт!? Йод?

Андрей быстро приходил в себя. Сморщился - скорчился: какой бинт, какой йод, где кровь-то, где? Нету. Хотя сам в это ещё не верил. Мотнул подбородком, взглядом пробежал по себе: и показывая на себя, и сам со страхом и надеждой осматривая себя.

Отец заторопился в дом. Надо было начинать жить. Как-то. Снова. Андрей уложил себя так, чтобы боль была меньше. Закрыл глаза. Закрыл глаза, открыл глаза, поворачивал глазами. «Живы. Живут. Хорошо». Попробовал также мышцы лица, язык. Начал мыслить. «Что, что делать? Нечего делать: кажется, ничего не увидишь. Кажется, даже перевязывать нечего». Он расстегнул (дёрнул) куртку, задрал рубашку, усмехнулся:

на коже живота, на груди и чуть на боку краснело - ссадина. Губы из усмешки начали кривиться. Снова налетел, напал гадкий безудержный страх. «Получается, все разрушения внутри. О-о... Но кровь? Но кровь, кажется, только на губах. Это как? О! Кровь из губ! Упал когда, разбил. О! Как это!... Как это хорошо бы». Он усердно стал желать себе, чтобы кровь, которая была на губах, была только кровью из губ. «Это просто бы великолепно. Но что же делать!? « Никаких соображений так и не появлялось. Единственное дельное, как он посчитал, возникло сразу - было возникшим сразу: надо выпить что-нибудь спиртное, очень крепкое. «Надо выпить что-нибудь покрепче, продезинфицировать внутренности. И нервы размягчить. Ну да: вот кому надо отдых дать».

Отец вернулся с бутылкой и стопкой, спросил взглядом: «Налить?» Андрей ответил взглядом: «Наливай». Отец налил.

Неслышно подошёл кот. Подошёл, стал вертеться у ног отца, тереться, приседать, глазеть на бутылку. Картинка была комична, Андрей засмея... Тут же его так шваркнуло изнутри - по груди, по животу, по голове, нервам, - по всем нервам так, что он безголосо взвыл, вынужден был с минуту, подобно большой рыбине, выброшенной на берег, выпучив глаза, судорожно хватать ртом воздух. Человеку дыхание, воздух помогает и напряжение нервов стало ослабевать. Пристально глядя на картинку «отец-бутылка-приседающий кот» Андрей всё равно улыбнулся. Напряжение нервов стало ослабевать ещё.

Опершись на руку, он принял стопку. Осторожно сделал первый глоток. Мысленно сопроводил жидкость до желудка. Прислушался к себе: «А ничего! Как обычно». Попросил: - Ещё одну. - Выпил ещё. Взглядом оценил остаток в бутылке и состояние отца. Подумалось: «Посмотришь на нас, так не скажешь, кому сейчас хуже: мне или ему.» - Папа. Не хочешь? - Взглядом показал на бутылку. - А? Приди в себя. - Отец не улыбнулся. Постоял, налил себе, выпил. Андрей полежал ещё, подождал, прислушиваясь к себе, старательно вслушиваясь в себя. - Папа. Давай закурим.

Они закурили. Дымки сигарет мирно устремлялись вверх, плыли по воздуху. Ветер размётывал их, растворял. Его порывы, слабые внизу, у самой земли, были приятны, гладили по лицу, до ушей доносилось трепетание листьев, оставшихся на деревьях, холодило руки, распахнутую грудь.

- Ну как ты? - отец изучающе смотрел на сына.

- Я тебя звал...

- Я не слышал ничего. Догадался как-то по звуку пилы. Она всё время работала одинаково: то звенит с натугой, то легко идёт, то с натугой, то легко. А вдруг - всё легко и легко идёт. Обернулся - тебя нет. - Он устало махнул рукой. - Уф... Как всё оборвалось... Сердце закололо. Ой... И сейчас не проходит.

Андрей прищурился на солнце. Оно передвинулось, пока они курили. И он передвинулся за ним. Движение было больно, боль не ушла. Боль не ушла, но он был властен над ней. Зажмурился от сияния солнечного лица глаза, он повернулся лицом к

отцу. Открыл один глаз, словно подмигивал. - Я здесь. Я - здесь!... Здесь я. - Полежал ещё. Полежал ещё и ещё. Попробовал сесть. С кряхтением и чертыханиями - получилось. «Ага». Тогда снова лёг. Лёг, лежал, смотрел вверх, на небо, отыскивал глазами облачка, лежал, сравнивал их с силуэтами животных. Ладонями иногда шупал доски под собой, шупал, осязал шероховатости струганных досок. Потянулся, дотянувшись, взял в ладонь горсть стружек, смял их, понюхал, высыпал из руки, из поднятой ладони, ветер подхватил невесомые завитушки, метнул, они порхнули по воздуху. Дышалось, слышалось, смотрелось... - жизнь продолжалась опять.

Отец, сидевший рядом, спросил: - Ну как?

- Хорошо! - ответил Андрей.

- Чего? - удивился отец.

- Жить!

Лицо отца, сосредоточенное от пытливости взгляда, прояснилось: - Да так-то да, неплохо, оно конечно, - ответил он совершенно по-деревенски. Вместе, сын и отец, над этим посмеялись.

Сигареты догорели. Андрей вдавил свой окурок пальцами в землю, прислушиваясь к каждому «скрипу» внутри своего тела, поднялся, вдавил окурок тяжестью каблука.

- Ну ладно, потащусь в дом. Полежу. Поставишь чай через минут двадцать?

- Поставлю. Дойти помочь?

- Да нет, вроде. Да сейчас увидим.

Андрей осторожно, словно учась ходить, двинулся в дом. Обернулся, улыбнулся: мол, вот, даются шаги.

- ...Пап. Если ничего... Женщинам не рассказываем.

- О чём?

- Ну-у-у... - Показал рукой на пилу, на себя. - О ссадине на боку.

Остаток дня Андрей провёл в кровати: лежал. Лежал, хотя даже лежать было трудно: не всякое положение устраивало боль. Она, это новое... - ощущение в нём - была будто самостоятельным живым существом, поселившимся в теле. Пробовал сидеть, начал привыкать сидеть. К вечеру боль локализовалась, стала обычной, такой, что даже можно было найти положение, дающее возможность не знать о ней вообще, забыться. И Андрей заснул. Проспав, проснулся голодным, бодрым. Обрадовался голоду, как привалившему богатству. Сполз с кровати, оделся, вышел на крыльцо. Даже добрёл до пилы. Даже, преодолевая машинально включившийся животный страх, дотронулся до пильного диска, попросил у пилы внезапно сейчас не включаться. Попросив у диска не трогать его, попросил отца принести ключи. Снял злополучный диск. Снял, осмотрел, осмотрел рез на вылетевшем чурбане. Внимательно, острым взглядом криминалиста ощупал каждую деталь: глубину реза, направление реза, угол отклонения его от прямой, возможный поворот в руках и направление полёта, вес кряжа, силу удара.

А день опять выстоял. Вечером, во время заката, сын и отец вдвоём долго стояли на высоком крыльце, заворожённо, немо, восхищёнными взглядами провожали заходящее солнце, сказали друг другу о том, что каждый желал бы видеть его снова, завтра, опять. Когда стемнело, отец, сделав за сына по хозяйству все дела (обрядившись), читал, сидя возле печи, покуривая у отдушника. Андрей, дочитав шаламовские рассказы, лежал. Разные мысли теснились в голове. Он то пробовал восстановить последовательность своих действий, отдельных движений до удара, после удара, понять причину вылета берёзовой чушки, то начинал думать о том, как слаб и зависим человек. Тут же думал - задавался вопросом: как завтра будет чувствовать себя, сможет ли полноценно работать, когда сможет. Завтра? Когда сможет работать, что с его телом, что у него внутри? Мысли текли, перебегали на прочитанное, воскрешали его в памяти, заставляли думать о разном. В связи с собой, Андрей думал о том, как он слаб и беззащитен, как легкодоступны насилию, подчинению его тело, воля, сознание. Как от внезапной непереносимой боли теряешь рассудок и превращаешься в человекоживотное; превращаешься в то, что хочет скрыться от источника, причины боли, и не может. И тогда ты, счастливый минутами ранее, умный, сильный, бодрый, становишься уж зверем, катающимся в клетке, скребущим когтями по земле, птицей, бьющейся в окне, безответным безобидным ужом, извивающимся под каблуком, не в силах улизнуть, выскользнуть, бежать. Не скрыться! И тогда каждая клеточка, каждый нерв, и, наверное, каждый шарик твоей крови беззвучно вопиют. Бьются в себе, своей оболочке, бьются и плачут от боли. Плачут и вместе с тобой жаждут одного: избавленья. Избавления от боли.

«...Наверное, так - чувствует себя под косой трава.

И мечутся растревожено птицы. И летит от взрывов Земля из своего круга...»

- ...Папа!

Отец поднял от своей книги глаза.

- А деда ведь... Его ведь пытали... В НКВД.

Отец не отвечал.

- Мне тётя Ира рассказывала.

Отец потянулся за сигаретой.

- Стоя держали сутками... Их взяли вдвоём с другом. Они ни в чём не признавались и тогда им... ему... иглы... Она рассказывала, говорила: ему иглы под ногти... Почему я никак не могу вспомнить его пальцы, его руки!? - Андрей говорил медленно, собирал разбродные мысли, подбирал им подходящие слова. - А на доме, где потом жил его друг, где живёт его друг, теперь табличка: «Здесь живёт почётный гражданин города...» А когда деда хоронили, я помню, людей много было. Много ведь было?

Отец откликнулся: - Да, верно. Его многие знали. И уважали.

- Да... - Андрей лежал и невидяще смотрел в потолок. - Так что там? Он хотел отравить все колодцы в городе? Бедный дед, слава богу, что - только в нашем... Как думаешь, мне на печь сегодня нельзя? Не стоит ушиб нагреть? Так-то печь от болезней многих спасает.

Отец покачал головой: - Ой, не-ет. Точно не скажу, нельзя, не стоит, думаю. Потом уж, погоди день, потом уж - в тепло.

- ...Слушай, он... Он выдал? Кого-нибудь. - Андрей даже приподнялся вслед за вставшим, летавшим в мыслях и вдруг, и внезапно, и неловко вылетевшим. - Словом, он предал?... - Андрей потянулся, желая увидеть лицо отца, неловко повернулся на локте и тут же сморщился, скрючился и упал от проснувшейся боли. Лежал, успокаивал, перебарывал, кривился, морщился, уговаривал её. И морщился от того, что отец неправильно может понять его, недопонять его. Услышал:

- Нет. Не знаю. Нет, не могу сказать. Ни о том времени, ни о войне отец не рассказывал никогда. Ира, сестра моя, конечно, старше меня, но не знаю, что она могла знать и видеть. - Голос отца смолк, видимо, отец задумался. - Что о том времени, что про войну я от отца слышал мало. Хотя, - он даже привстал, чтобы видеть сына, даже приосанился, говоря: - Орденов и медалей сам знаешь, сколько у него было.

Андрей успокоил боль, пришёл в себя. - Да, помню, никогда не слышал ничего от него о войне. Кстати, знаешь, я у Астафьева Виктора Петровича читал об этом, эту же мысль прочитал. - Андрей с кряхтением перевернулся в ноги кровати, так, чтобы всё время видеть отца. И отец смотрел на него. - ...Слушай, я не знаю, - тут Андрей вперился в отца долгим-долгим взглядом, желая дать понять, желая убедиться, что тот будет понимать, что хочет высказать он, - мне кажется, я бы всё сказал. Всё, всё и всё. Что бы, - он усмехнулся горько, - ни попросили. Таким, как пила сегодня,

методом. Точно всё. Любое! Начиная с того, что меня зовут Рихард Зорге и Джордж Лукас одновременно. А не Андрей. И заканчивая тем, что моя бабушка была Фанни Каплан, и стреляла в Ленина. А я - агент ЦРУ. Причём, с детства. Блин, со старшей группы детского сада! Понял!!!

Отец с удивлением, даже осуждением смотрел, но Андрей не сдавался. И не устыдился.

- Я не шучу! А ты не вспыхнувших одновременно щекой. - Я агент ЦРУ колодцы в Кремле. И ещё пиротехникой Красную установить имперский бое-ло, устало-опустошённо маешь? Понимаешь! ВСЁ. во усмехнулся, - самое про-за-ви-се-ло.

Опустошённый, сам по-замолчал. Лёг, распластав- не скажет ли чего отец. в тишину.

-...Уж вроде всякое бы- бирать мысли, подбирать к рались. Помнишь, у меня которому меня водили, сказал: мальчик, ещё чуть-чуть левее удар и тебе каюк мог придти. Нет, не то. В армии - мы напилье в начале службы, после месяца, кажет- ся, молодого бойца, дисбат нам грозил. Дисбатом грозили - страх, помню, был бо- жий! Уй!... Уй, как трясли нас: выдай зачинщиков пьянки! Выдай, кто и как за ви- ном ходил! Ну, мы тряслись тогда от страха!!!... Бывшие школьники. На волосок от тюрьмы! За что!? Ну, напилье, согласно армейского обычая. И многие всё выложи- ли. Я - нет. Так что и это не то. Тут другое. - Он умолк, ища, подбирая определение тому, что сегодня испытал. Казалось невозможным простыми, человеческими слова- ми - передать точно всё; но оно пришло, они пришли, эти слова; получилось на удив- ление кратко, ёмко, просто. Он сказал: - Это - НАСТОЯЩАЯ БОЛЬ.

Незаметно для себя Андрей всё приподнимался вслед за своими словами и теперь он не лежал, сидел в постели. И так он лучше видел отца.

- ...Вот так вот!... Не знаю точно, но, кажется, всё бы сказал! Всех, всё выдал, ого- ворил. Себя-а!... - он иронически, саркастически ухмыльнулся. - Вообще запросто. И, чёрт побери, от меня бы это не-за-ви-се-ло! Понимаешь??

знал? - Он яростно, гадко от но - страха и ярости покри- и моя задача, отравить все - заминировать китайской площадь. А над Кремлём вой корабль. - Андрей уста- вздохнул. - ...Всё! Пони- ВООБЩЕ ВСЁ. И, - он кри- тивное: это бы от меня не

трясённый сказанным, он шись в постели. Полежал, Нет. Полежал, вслушиваясь

вало. - Он начал опять со- ним слова. - В школе под- лицо было разбито? Врач, к

Решив так, сказав так, он расстроился, рассердился, умолк, лёг. Уткнулся в подушку лицом, кипел, расстроенный, переживал, стыдился себя, лежал, сопел всё угрюмей. Слышал, что отец поднялся, слышал, заходил по комнате - скрипели половицы под ним. Слышал, отец начал говорить, - видимо, ему говорить. Убедительно! Громко! Может быть, даже взмахивал и отрезал ладонью, рукой помогая словам.

Андрей не слышал, что он говорит, не понимал слов, слышал только голос - так ушёл в себя. Лежал, мысли неслись о себе, о своём; думал о себе, как о чём-то слабом, негодном, недостойном; когда голос отца приближался, старался разобрать его слова, думал об отце; думал - совсем он стал стар, ходит медленно, словно осторожно, полную ношу дров уже не унесёт, гряди копает, так едва-едва, курит, а сам часто держится за сердце, часто жалуется на сердце; думалось - не дай бог что с ним случится, как я это переживу? уж, может, лучше - я? у меня ещё много здоровья; взять бы, если бы можно было так: отделить от себя понемногу матери, отделить отцу; голос отдалялся и Андрей вспоминал, что скоро вернутся его дети, жена, начинал думать о них; боль примешивалась ко всем мыслям, боль словно наставляла; заставляла думать - что, если с ними, твоими любимыми, родными, дорогими что-то случится; шаламовские рассказы накладывали поверх всего ужасный тридцать седьмой год; годы, когда никто в родной стране не ограждён ни от какого насилия; своя собственная сегодняшняя боль мучила ещё и тело, и душу. Андрей перевернулся, лёг на спину, выгнулся снова животом, подтянув под себя одеяло. Стихли - и мысли и боль.

Он лежал, вслушиваясь в себя, когда слилось всё воедино и в растревоженном чувствительном резонаторе - сердце родилось чувство совершенно новое, негаданное, неожиданное! Из слияния ощущений, из слияния звуков, - росточек-мысль и росточек-иная-боль. И он прислушивался к ним, как к чему-то дальнему, далёкому, всё тревожнее, всё громче, настойчивей стучащемуся. И уже почти слышал, уже силится, дотягивался! Уже смог почувствовать! Вот смог понять, осознать! Поражённый, он сомкнул, сжал разбитые губы, поражённый заговорил про себя: «Пожалуй только... - И закрыл глаза: - Что это такое?» Невысказываемое, невыговариваемое, невыносимое, немислимое - багровым кошмаром полыхнуло разом в глазах, нервах, крови, разом перекрыв всё иное: все мысли, ощущения, все чувства. Продрал по коже мороз. Ему вдруг привиделось!... Ему привиделось, что все те, о ком он радостно думал, кого вспоминал сегодня - дети, жена, дед, отец, мать мучимы кем-то. Мучимы безжалостно, безмолвно.

Безмолвно, без голоса плачет от боли - ударов, игл под ногтями, дед, кричат от ужаса дети, - кричат, растерзываемы, - закрылась руками мать...

Он заметался, не зная, куда себя деть! Он заметался: не смотреть! не видеть! не видеть! Не видел.

Но дуряще сверкнуло в закрытых глазах. Скрипя зубами, он перевернулся, затих. Но зарычал в подушку.

Перевернулся - собирались в ярящийся стукот мышцы, нервы - всё тело. Он собирался куда-то не чувствуя больше образумливающей его боли. Тут крикнула мать! Тут подломилась жена. Вмиг, не обдумывая, он сорвался сердцем. Рванулся, схватил, что - под руку, полетел.

Как тот богатырь былинный земли Русской! Ибо где ещё брать сил русскому человеку? Действительность его всегда страшна, прошлое, как весенний лёд, предательски-изменчиво, будущее непостижимо. Где же, в каких кладовых хранятся силы его!? В преданиях, легендах: в былинах! В повестях о роде своём! В скупой ласковости деда, мягкой щеке доброй бабушки, нежности матери, буднях отца - где же ещё, только в духе: духе своего народа.

Не было сил - вскрыл сердце, мышцам из него жизнь давая. Не осталось сердца - память, любовь, ненависть, - своё рождение, детство, юность: всё собрал. Этого не хватило - силу земли: силы природы через себя пропуская.

...Пал на темницы, проломил стены, искорёжил замки и решётки, оставляя себя на пути к любимым своим, - и оставляя на преградах к любимым своим клочья нервов, их крик, визг, и куски плоти своего тела. Достиг, достиг, - и тогда: раздвинул-

ся, расширился, распластался! Прикрыл, прикрыл, встал последней стеной: всё, всё мог, покойной душой в согласии с ней покойно теперь остывая.

...Когда он опаматовался, опомнился, очнулся, вновь ощутил себя - заплакал от того страха, что всё может случиться. Он подсознательно понимал: всё тревожное, недоговорённое, недомысленное сейчас - просто бред; но ведь ещё вчера бредом было и то, что сегодня он едва сможет встать с постели, и ещё худшим бредом: то, что сейчас представилось, привиделось ему. Всё может случиться, думал он, а он - он всего *один*: он «*один раз*», его не хватит на них всех, любимых, он не сможет прикрыть - умереть даже дважды. «Ну, так хотя бы один», - сквозь слёзы попытался улыбнуться, обнадёжить себя он.

И после пережитого - пережитым - поднимаясь, - тогда *поднимаясь, поднимая себя*, он воззвал: - Отец, *Отец!* Я понял! Я, - прошептал он, преодолевая пространства, - понял. *Да?*

Страдания тех, кого любишь - это: настоящая непереносимая боль.

Разговор о любви

или: Неимущий

рассказ

Было воскресенье, полдень.

Одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года июня двадцать седьмого числа возвратившись домой после бессонной - романтической, наполняющей вдохновением - любовной ночи, и никого из них двоих, - его и его новой женщины, - не разочаровавшего утра, что важно не менее, он долго стоял у окна.

Надолго забывшись, молча глядел вдаль. Неподвижный, недвижимый, ничем изнутри не движимый, с взглядом то тихим и радостно невидящим, то гневным, зорким, почти печальным; не воскрешая чувств, вопрошал себя. Он даже не вспоминал прошедшую любовную ночь (было не до неё): он пытал себя. Допытывался с пристрастием, грозностью; допытывался, но не звучало вопросов. Не слышалось вопросов: были - раздумье, боязнь оступиться, была боль.

...Он только что провёл восхитительную, - и душевнейшую! - ночь, одну из тех ночей, каких в жизни немного, которыми потом, спустя любое

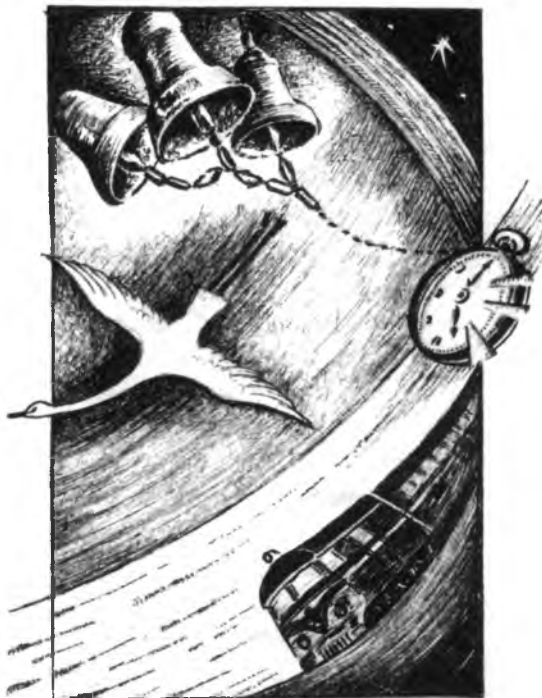

время и любые ночи, любят, как оставляют на память. Но - «Боже мой... - бесчисленный раз думал он о другом, - боже мой, что происходит. Что со мной! - ворочался внутри океан. - Что произошло!? Что!? Что!!... Почему я вдруг! Так! Зацепился за *эту* женщину? Что мне в *ней*? Почему? Отчего?... Как якорь, как брошенный с корабля якорь я долго скользил, волочился по дну. По ровному дну! Ненадолго цеплялся за редкие выступы, сворачивал их... На время замирал в уютных ямках... И вновь бежал - тёр без надежды остановиться. Потому что знал, чего не хочу. Но - куда?... Как вдруг! Вдруг, словно куда хотел, точно попал. И зацепился, и угнезвился... Показалось: вот моя крепость! Вот ощущение... - Он усмехнулся. - Хм-м. А? Хм-м...» Гм-м, гм-м, гм-м.

Он встряхнулся, стал смотреть, как по саду с соседской девочкой, выгуливающей свою собаку, бегают его собака. Зрелище было милым, было забавно. Он отвлёкся, засмотрелся. В саду творилась чехарда, он сердился, радовался одновременно. Иногда приветственно махал играющим, иногда стучал в стекло. Тогда вскрикивал, грозил пальцем: «Зина, Зина!... Зинулька - не давай им забегать на огород! Ну, куда ты сморишь: они снова потопчут гряды! Ты расстроишь маму! Не надо, Зина - играйте под яблонями, что же вам, в саду места мало!?!... Ох, Зинка, получишь ты от отца... Веста! Лайма! Назад! Ко мне! Пристрожи их, Зина!...» Всё это - под основные свои мысли, всё это - не думая о том, что кричит через стекло рам. Десятилетняя Зина, услышав его стук, о чём-то догадывалась, сейчас же спохватывалась гнать собак. Конечно, не догоняла. Замерев на бегу, хваталась за голову, делала круглые глаза, разводила руками. Потом, оборачиваясь на стук, разводила ими ещё раз, и так потешно, так смешно, что он не мог сердиться и начинал улыбаться. Отступал от окна, намереваясь сесть в кресло. Но не успевал, лишь клал руку, ладонь на спинку, снова задумывался.

Снова и снова неслись мысли: они - неумолимое. Неуёмное, растревоженное сердце не желало спокойствия, бежало впереди того, о чём так напряжённо думалось. Сбивало, сбивалось. «...У меня столько женщин, столько приятных, приватных знакомств!... И несколько близких... Но едва узнав *эту*!... Но едва узнав *эту*, я мгновенно заморозил все другие знакомства. Почему?! Я уклоняюсь от встреч, я перестал *искать* - почему? Я вдруг посчитал: нашёл. Думаю о *ней*, пытаюсь вникнуть, заглянуть в неё... Ловлю себя на том, что изучаю, непрерывно анализирую *её*: её слова, движения, поступки, мысли, фразы, манеры, чувства. Одежду, причёски, порядок и расстановку вещей в квартире - всё-всё. Меня жадно занимают, интересуют все мелочи! Я изучаю *её*, как реку, по которой предстоит плыть, как ракету, на которой предстоит либо взлететь, либо упасть. Как спутника в долгий поход. Как золотоносную жилу.

Я уже поймал себя на том, что - *примериваюсь*. Готовлюсь *начать «настройку»*. Думаю, не пора ли и делать первый шаг. Говорю себе: да! я боюсь. Ещё бы! чем мне это грозит. шаю: а можно!? А Ведь, наконец - это дет стоит мне сил: *ти*», а затем, в слу- - «*выйти*». И если не всё учёл, не всё просчитал... Я про- да... » И он закры- рых от «и...» мгно- чал головой. «Тог- что будет тогда...» собой: «Да-да, мне больше».

«*отпустить*» себя шаг.

И тут же говорю: Ещё как. Я знаю, Потому и вопро- можно, а стоит!? не флирт! И это бу- сил вначале - «*вой- чае* неудачи, сил я не всё учту, если увидел... Всего не махнусь. И тог- вал глаза, в кото- венно темнело, ка- да будет ужас, вот Он соглашался с не подняться тогда

говоря себе это, внутреннем, о ду- ские силы он ещё Не считал существенным, они возобновлялись. Душевные же - берёт. Чувствовал: без источника у них есть предел. И - учился: учился не растрчивать их понапрасну.

Он был странен, этот отличный человек. Странен уже одним тем, что всё имея для расслабленной жизни (он много и хорошо работал и теперь был обеспечен на всю жизнь, состоятелен), он не переставал трудиться. А ещё - его без обязательств любили женщины, но он, с вниманием рассматривая всех, искал, с настойчивостью искал, выбирал одну. И ещё: он не превозносил здравомыслие, знания, интеллект, ум - сердце и сердечные качества: вот предмет его разочарований и восхищений в людях, предмет стараний его.

«...А почему мне не допустить: ошибается в себе *она*? Что из того, что *она* утверждает: «Мне нужна любовь. Я ищу свою любовь». Сколько раз уже я слышал то же самое либо похожее, и после оказывалось: это только слова. Да!... Чаше всего - это только слова. Слова и слова... И нищета под оболочкой произносящего их, пустота. Либо - лень, при всех несомненных человеческих достоинствах - лень! Вялое, без- действующее, ленивое сердце. Которое хочет найти, которое может взять, но не бу- дет трудиться и создавать, не хочет, не умеет работать.

он думал только о шевном. Физиче- никогда не считал.

...А зачем *ей* любовь!? Да - зачем? Ведь я до сих пор не смог понять. Я силюсь тщетно, да! И это настораживает, это останавливает меня! И *она* - *она* мучается. Что-то чувствуя, но не постигая во мне. А я не могу помочь *ей*. Потому сам не могу с ней раскрыться - нельзя учить. Нельзя научить, можно лишь научиться.

Я научился. Конечно, я могу показать! Могу даже повести за руку. Но не каждому человеку, не всем, как дар, дана любовь.

...До сих пор не понял: зачем *ей* любовь?

...И - а вдруг мы вкладываем разный - каждый свой! - смысл в то, что все одинаково называют: любовь. Что *она* знает о любви? Почему *она* столь уверенно, убежденно говорит о цели своих отношений с женщиной именно так! Не знаю... Судя по тому, что успел о *ней* узнать я, судя по событиям, по раскладке времени в *её* жизни, *она* ещё не знала любви. Может быть - первая любовь, может быть - влюблённости. Ну и что, ну у кого их не было, но они не в счёт.

...А может, *ей* просто-напросто захотелось узнать страсть страстей. Начиталась книжек и вот: мечтает, грезит... А я-то - живу. Тогда, то насущное, то, без чего на этой Земле жить нельзя, *она* лишь поэтизирует, возносит, мечтает однажды искупаться в нём... Как в ванне с шампанским. Да - украсить свою жизнь! Как жилище красивой дорогой картиной. Приобрести, пусть с трудом, повесить на стену в гостиной... И - любоваться. И тогда... И тогда останусь я опять ни с чем. Это не любовь. Любовью нельзя любоваться.

...И что у *неё* за странные желания!?!...»

Он улыбался добродушно, он запускал ладонь, пальцы в волосы, взъерошивал их, подходил к окну, отступал от окна...

«...Интересно, что она сейчас делает. Спит? Чем-то занята?»

Вряд ли вот также стоит у окна».

«...Любовь, любить - да, это желание. Это даже жажда, потребность». И эту потребность он почему-то знал в себе всегда. «Это будто заложено или не-заложено сразу! И однажды выйдет и почувствуешь». Он почувствовал - после детства.

«Любовь, любить - это талант, это дар. Это дарованное от ... природы». В тридцать лет он сделал такое открытие, потому что в двадцать

восемь довелось полюбить. И вот, радостно оглядываясь тогда на всё, на всех людей кругом, с любопытством машинально отыскивая в таком, новом для себя состоянии, подобных себе, он с изумлением отступился. Сделал тогда грустный вывод: «Видимо это талант, раз дан, раз имеется у столь немногих».

Потеряв-исчерпав ту, первую, любовь, но не потеряв ощущения жизни в любви и не умея, не желая уже жить по иному, он нашёл-создал любовь вторую. (Он нашёл и стал трудиться, и вдруг создал её.) «Любовь, любить - это труд. Постоянный, непрерывный, громадный сердечный труд». В тридцать пять он узнал это. «Это - Жизнь».

(Случилось так, случились такие обстоятельства, что он закрыл ту страницу жизни своими руками. Был вынужден. Об этом после. Отмучался. И теперь снова искал.)

«...Какая она наивная... Она считает главное: найти человека, от которого сразу что-то вздрогнет, зажёгнется в сердце, просияет в глазах. И вдруг, и сама собой начнётся любовь! И будете пребывать в ней всю далее жизнь. И точка, и всё. Найдёшь - и точка: наступит счастье, хэппи энд, истории счастливый конец. Если бы так...»

Нет, он не отрицал: любовь может начаться и сразу. Например, возможна так называемая любовь с первого взгляда. Он полагал, она есть, у него не было так, но зная дважды любовь, он предполагал и её. Однако, он считал: в жизни существует столько обстоятельств, которые нужно сложить, сомкнуть, осмыслить, друг на друга разделить и помножить, объять и уразуметь разом все... Что лучше бы не допускать в себе любовь с первого взгляда - это ненадёжная любовь. Пусть, считал он, она будет уделом бомонда и юности, там, в случае, меньше расплата, меньше, чем тем, кто действительно нуждается в ней для жизни, ищет её, к ней идёт. «...В жизни так важно всегда иметь любовь!

...При этом, лучше бы без конца заниматься огранкой одного и того же алмаза. Превращая его в свой бриллиант. Чем всё время, или время от времени братья, от необходимости, за другие, за новые.

Открывать грани граней, оттенки цветов, - открывать оттенки цветов - удовольствие, наслаждение большего, высшего порядка, чем удовольствие открывать сами цвета.

Ну и, кроме того!... Кроме всего, в конце концов, это просто-напросто душевно-практичней».

Он оторвался, наконец, от окна, лёгкой походкой, упругой походкой походил по комнате, затопил камин и присел у набирающего силу огня. Потекли мысли другие.

«...Ну, зачем тебе именно *она*? Она мгновенно решила для себя, что у нас приятный, ни к чему не обязывающий флирт. Ну и не лезь дальше, не серьёзничай. Отстань. Как говорится: нет, так нет. Не лезь не в своё. Этот, если и огонёк, горит не про тебя». Он стал рассеянно смотреть в огонь. «Вот, например, Алла. Добрый, неглупый, постоянно развивающийся, повидавший жизнь человек. Интересна, как женщина. На год младше тебя - ровесница твоя. С полслова ты понимаешь её, с полслова она тебя. Как с женой,

как со спутницей, с ней невероятно легко. Материально независима, без детей, квартира в центре города. Но... Не твой тип женщины. Она - подруга-друг, приятельница-приятель, партнёр. Ты знаешь: тебе её не полюбить никогда».

Он грустно улыбнулся себе, понимающе улыбнулся себе: «Да-да-да... Любовь - это чувство и состояние неразумные. Но тот, кто знал её, может прогнозировать себе, в каких случаях она не наступит у него никогда».

«...Никогда. Какое страшное слово. Орфею не петь никогда...» - замелькала в параллель ассоциированная слову «никогда» мелодия-мысль. (Он мог мыслить и чувствами, и мелодиями.) Он заставил её замолчать: слишком тяжело было бы признать себе: у него уже никогда не будет любви.

«...А моя любовь, быть может, ждёт меня в двадцать первом веке!...» - это прорвалась тогда через заслон, поставленный сознанием первой мелодии, мелодия-мысль другая. Он понял, надо прерваться.

Он потянулся из кресла за дипломатом, с которым пришёл, в котором, среди прочего, привёз блок своих любимых сигарет. Он уже машинально вскрыл блок, достал из него и открыл пачку, когда вспомнил, что решил не курить постоянно, курить исключительно «по поводу»; с Серёжкой, курящим другом, например, у костра на охоте и рыбалке, в приятной компании, не более. Отчего? Несколько месяцев назад он понял (с удивлением обнаружил, почуял!): курение ощутимо отнимает жизненные силы, куришь регулярно - их меньше. Озадаченный, он сделал вывод: постоянно (да и постараться вообще) не курить. Купленной пачки сигарет хватало теперь на месяц - полтора. Временами очень хотелось курить, тогда он доставал сигареты и, постояв с ними, убирал; будто насмеялся над нежеланным собой.

Вот так, насмехаясь, возвышаясь над нежеланным, неприятным собой, он - постепенно, по своей воле, по единичке, по одной - с некоторых пор начал давить свои никчёмности, пороки, мелкие, портящие человеческую натуру прихоти. «И когда я научился этому!? - он посмеялся быстро прошедшему недоуменью. - Когда... Тогда... В первый раз при любви».

Разглядывая сейчас пачку любимых сигарет, наслаждаясь их видом, вспоминаемым вкусом, он не спеша убрал пачку в сейф. (Убрать от себя свои любимые сигареты... Ужасный человек.) Щёлкнул замок, надёжно отделила их и его металлическая дверь. Он умел убирать от себя своими руками.

«...Он не начавшейся любви просто отгородиться. Не потребуются ни замок, ни дверь - даже никаких усилий. Не езди больше - и всё. Возьми для простоты - обидься, например, что тебя не очень настойчиво зовут. Тем более, нечасто зовут.

...Неужели нельзя ещё пожить без любви?»

Он снова сел в кресло. Закинул руки за голову, сплёл пальцы. Откинув голову, смотрел в огонь.

«... Вот Людмила, мать милого сына твоего.

...Готова принять тебя. Снова и снова. Готова простить тебе. Твой уход... Ты будешь вместе с сыном, которого безумно любишь! Которому нужен ты, который нужен тебе. Да, ваша любовь умерла. Да, вместе вы никогда не жили. Но есть дитя любви: настоящее, натуральное дитя любви! Вот каков мой сын. Я ему завижусь...

...Будет семья! И неплохая жена - мать твоего сына. Как она плакалась тебе... Но между вами уже никогда не будет любви. В обеих любовь умерла. А в быту, в повседневной жизни эта женщина только раздражает тебя. А без любви этого не стерпеть».

«...Мысли-мысли... Огонь-огонь...

...Нет жизни без огня. Что она без любви?!

...Ну да - хотя, кому как... Кому-то тяжелее, кому-то проще.

...Вот Алёна, что она недавно написала тебе. Когда ты перестал с ней встречаться». Он взял со стола письмо. Пробежал начало, отыскивая нужное глазами. «Так... Это не о том... Это о другом... Вот. Вот пишет она: «Но не думаю, что любовь - это главное в жизни. Ты придаёшь этому чувству такое большое значение!... Но ведь это тоже дар. И человек, который им не обладает, не виноват, и даже не несчастлив. И что, если во мне этого дара нет? Не на этом, кажется мне, чувстве строятся постоянные отношения. И семьи. То есть, я хочу сказать, что сколько угодно пар, семей, живут без этого чувства. Прости, если такой мой взгляд покоробит тебя».

На письмо он ещё не ответил. Что бы он ей ответил. Что? «Всё верно, всё так. Конечно! Что за ерунда - конечно: большинство живут вместе и без этого. Многие даже не знают про это. Что за основа совместной жизни такая: любовь!?!... Многие и без неё прекраснейше живут. Прекрасно живут! Уж несомненно лучше, чем я. По крайней мере, не мучаются.

Почему их жизнь без любви, вне любви должна коробить меня? Нет, конечно. *Но при чём здесь я!? При чём здесь я???* Пусть они живут, как хотят, как умеют, как считают правильным и практичным, нужным. У меня же - есть свои представления о жизни. Я - не мыслю её без любви: не желаю жить просто так. Уж извини. Как-то так.

А были ещё - Катя, Нина.

«...Но нет, с Катериной случай особый. И как жаль...» Они с Катей с третьей встречи распознали друг друга. И двинулись навстречу. Он с удовольствием вспом-

нил их шутливую гроссмейстерскую игру: на глазах у всех быть вдвоём, быть наедине. «Зачем я тебе?» «Пока не знаю. Хочется быть с тобой». Спокойно, даже холодновато, без стремления к постели, даже почти без эмоций. «Хочется быть с тобой». Будто ставился опыт, будто происходил эксперимент.

Какой-то огонёк зажётся в мраке, в пустынных окрестностях каждой души у них, обоих, тогда.

Почти одновременно (вначале молча: глазами) обоими было отвечено друг другу: «Зачем ты мне? Что за глупый вопрос. Любить». А потом (уже не глазами - речью, в словах): «Для чего ты спрашиваешь, зачем ты мне? Любить. Тебя - мне есть за что любить».

Ах, какие надежды загорелись у него тогда!!! По-видимому, он угадал в Кате не только всё любимое им женское и

любимое человеческое, но и редкостное желание: строить, делать любовь разумную. По-видимому, Екатерина могла делать любовь.

«...Грубое выражение, грубое слово. Но какое великолепное! - подумалось ему. - Делать любовь, строить любовь. Да, - делать!»

Разумную любовь, так он назвал её для себя (а ещё он называл её: второй тип любви) - он считал лучшим из всех и мощнейшим. «Страсть - это поверхность. Разжечься и ровно гореть: вот сам океан». Но если даже первый тип любви - любовь-страсть - дано испытать не всем, то ещё намного меньшему числу людей дано суметь любовь вторую. «...*Любовь разумная - это нахождение своего человека, - в главном, в основных чертах, подходящей себе пары, - и доведение себя до состояния ровно горящей страсти путём настройки на своего человека*».

Они с Катей, тогда, начали «настраиваться» друг на друга.

Но ему пришлось быстро опомниться: его «находка» была замужем. Катя говори-

ла, что с мужем, фактически не живёт (и он это знал, но только понаслышке, со стороны), что собирается разводиться. Но не разводилась.

Когда он понял, что у Катеньки есть и ещё одно редкостное свойство, что она ищет разное в разных мужчинах, чтобы быть при двоих, при троих, он оборвал отношения. Резко и все сразу. Пережил отчаянные минуты. Однако заставил себя. Перестал встречаться. И всё - всего месяц отстрадал.

Потом считал, им - по крайней мере, ему - серьёзно повезло. Почему? Любви ещё не было, она не началась, она только-только складывалась, лишь создались её предпосылки. Он оборвал всё до её начала.

«...Можно удерживаться в реке, можно выбраться из неё на берег до водопада. Затянутый её течением в водопад, ты больше не управляешь собой - правит река: куда захочет, туда и вынесет, захочет, разобьёт, захочет, оставит. Прокатившись и получив безумные ощущения один раз, и оставшись в живых, не думай, что так же окончится всё во второй, в третий».

Почему повезло? Он знал: с любовью нельзя бороться. От неё можно только бежать. Истина эта также стара, как наш мир. Люди, считающие иначе, получают (от воли случая): счастье, трагедию, драму, опустошение, удар. А ему не нужны были ни свои, ни чужие - ни трагедия, ни драмы. И уж помилуй бог - удар.

Он вспомнил, какие слова приготовил тогда Екатерине: «Я хочу любить. Как и ты. Любить. Но моя любовь должна служить ещё одному делу: она должна создавать. Только создавать! Не блудить, не разрушать. Извини, у тебя, как видно, цели другие». Он не знал, поступил ли правильно. Но он не ошибся. «...Да, я впервые тогда сказал себе так. Тогда родилась эта странно звучащая жизненная формула: «Я поступил неправильно. Но я не ошибся».

Да, мне не нужна любая любовь. Когда-то любовь-страсть, дарованная небом нам с Людмилой, разрушила две семьи. Может быть - и конечно же! - они УЖЕ были готовы саморазрушиться. Но второй раз, - но ещё раз я ни за что не пойду против Законов. Есть Заповеди и нечего, незачем даже размышлять, думать: можно - не можно, сегодня можно, завтра нельзя... Надо просто исполнять. Мне нужен свободный человек. А не часть чьей-то семьи. Только так».

«...Никогда... Какое ужасное слово. Орфею не петь никогда...» - снова прорвалось и зазвучало в голове. «Нет, эта мелодия!... Она сегодня доканает меня». Он начал до-садовать. «Что значит никогда! Почему - никогда? Разве можно не петь! Любовь - это песня! Жизнь в любви - песня. Я думаю, любовью была создана та песня Орфея, ко-торой он победил всех певцов - иных певцов. Причём, наверное, более талантливых певцов! Мне кажется, Орфей не был певцом гениальным. Просто он любил. Он лю-бил свою Эвридику, и его любовь, её любовь, их любовь - главная причина его вы-сот, его побед, подъёмная сила таланту.

...А причина моих?»

Ему не нужно было размышлять, он даже не спрашивал - он давно знал: все наи-высшие достижения, которые люди приписывали ему, его личным талантам, прихо-дились на период жизни в любви.

Это не были достижения, измеряющиеся, как говорится, в метрах, килограммах, рублях. Хотя, многие из них были совершенно материальны. Это не были победы над КЕМ-ТО, то есть, над людьми - нет.

Новые оттенки, краски жизни открывались ему.

И даже целые неизвестные стороны.

Новые победы одерживал он над собой.

И даже целые качества приобретал.

Какие высоты! Какие вершины жизненных сил познал он тогда! Все поражались: где он берёт!? Чтобы жить так! А всё было просто, тривиально просто: его любовь из себя давала ему. Хотя тогда он ещё не знал, как из себя же брать. (Понимание при-шло позже.)

Высоты, краски, силы. Могучая, искрящаяся, как льющееся шампанское, жизнь. И то была первая причина, по которой он снова искал, не мог жить, не хотел жить без любви.

Вторая глобальная причина лежала рядом: любовь оказалась тем стержнем, на котором у человека держится весь внутренний мир. «Чем жить, если не любить, - сотни, тысячи раз спрашивал он себя теперь, спрашивал всегда. - Любовь делает осмысленной всю жизнь, все её проявления, все стороны. Пробовавшему жизнь в цвете и вкусе любви уже тяжело, дико, порой невозможно жить вне, без неё. Жизнь без неё - муки, страдание, даже, временами, ад, ведь жизнь человеческая вообще тя-жела.

Что есть ад? Страдание о том, что нельзя уж больше любить: вот как определённо, как тяжело высказался когда-то один человек, большой человек, огромный. И был прав: зачем вообще жить, как жить, если не любить.

...Правда, он говорил о человеческой любви вообще! Но... Я, наверное, не дорос ещё до неё. Любовь к женщине - и та трудна. А уж любовь к ближнему... Бог ты мой...

Трудно любить ближнего своего - людей. Проще, если это - женщина, для мужчины. И мужчина - для женщины. Мне кажется, любовь к человеку другого пола дана нам, как упрощённый вариант **ВООБЩЕ** любви. Может быть, мы учимся **ЛЮБИТЬ**, когда любим. Мне кажется. Не знаю. Но уже чувствую».

Он сидел теперь не шевелясь перед огнём. Они были вдвоём: только они. Они будто не могли насмотреться друг на друга. Огонь рассыпал круг себя угольки, угольки мирно курились дымком. В глубокой задумчивости он достал сигарету. «Пожалуй, сегодня можно разрешить себе. Пока она курится, я скажу огню, что знаю о любви. Успею. Ведь о ней можно - так, что в нескольких словах будет всё. А можно бесконечно. И всё равно не перескажешь всего.

Что знаю я о любви». Он присел на минуту к огню, от уголька раскурил сигарету. Её дымок, её близкий мяти слышанную в строку: «Люблю я то, что она не измеси хмыкнул, ироловой. «И кто привозможность изменсвидетельство отблещий - ни кого друму что - не желает! Для него есть только все остальные главы все остальные руки, бимое тело, и всещие ищут близости любимыми. Все вения... Не желаннужны. Чужи! Они го мира будто, из пагаемого на уровне шинально.

...Что такое любит любовь?» Ковсего - да и кто мог вспомнить, знал - многое. Дважды, он, как говорили древние, клал на алтарь любви всё. Это были совершенно разные любви.

огонёк вызвали в паюности песенную только сигарету. За няет...» Он ироничнически качнул готдумал!... Да саманы - красноречивое сутствия любви. Люгого не ищет!! Потому Он не сравнивает. ко: любимые глаза и за, любимые руки и любимая душа, люостальные. Любясти только со своидругие... Прикосноны. Неуместны. Не - чужи, они из друго- параллельного, отторинстинктивном, ма-

бовь? Какая бывавечно, он не знал знает о ней всё. Он ему - довелось, он

Это были совершенно разные, совсем непохожие любви. Первая, данная (он не знал: богом или кем) - свалилась сама. Сверху? Из ниоткуда. Главное - куда! Она попала на готовую, на многие годы усердно подготавливаемую почву. Не прорастает зерно, что упадет на камень. Вторую - он и нашёл, создал сам. Они разнились, как разнятся зимнее и летнее солнце, эти любви.

И та, и другая совершенно изменяли всю внутреннюю жизнь. Все жизненные ощущения. «...Но не только. Они изменяли и правила. Природа любви такова, что она требует постоянно себя отдавать. Любимому человеку.

...И вот ещё её признак. Она даёт тебе, много даёт тебе. Но, чтобы любить, чтобы она давала тебе, ты непременно, ты постоянно должен отдавать: любимой, любимому. Это странно, потому что на первый взгляд, она эгоистка, любовь».

Любовь первая случилась у него внезапно: они познакомились, увлеклись, и, как любовники, банально начали встречаться. Обычно это проходит. Неожиданно что-то зажглось внутри. Они признавались себе в чём-то странном, неведомом. Сравнив, поверив себя на всё, в жизни известное ранее, каждый поразился: это любовь! Каждый вначале признался в ней себе. Признав её, каждый открылся другому.

Изумительно, что было совсем неважно: любит ли его другой. Главное, они считали, - что люблю я. «...И вот ещё признак: главное, что люблю я. Тогда это любовь».

Им было не так хорошо вдвоём, - вдвоём было обычно, - как плохо друг без друга. Они мучались, задыхались один без другого, казалось, воздух им меньше нужен.

Они развелись со своими жёнами-мужьями - пусть всё будет открыто, честно. Но вместе не жили - им это было не нужно, не до того, они - не для того, чтобы вести совместное хозяйство, - их никогда не связывал общий быт. Только - чувства, только ощущения. Такая пришла любовь.

И, опять же, оба признавались: она пришла, свалилась из ниоткуда. Так прилетает прохожему случайный мяч. Упал прямо в руки, теперь он твой, собственный - держи, неси. Куда? Зачем мяч? А зачем любовь?

Они были совершенно разные люди, они разнились очень во многом: в привычках, талантах, уровне образования, воспитании.

Несколько раз они всё же пытались жить вместе, постоянно друг с другом. Не выходило. (Хотя теперь он думал, стоило терпеть и учиться.) Той любви не требовалась семья, ей требовалась лишь она сама. А она сама была - страсть, тяга, неразумное, неподдающееся анализу влечение. «...Ох... Какая бывает любовь... Ах! Какая бывает любовь!»

Надо заметить, они довольно долго жили своей страстью.

Но люди не могут бесконечно жить одной любовной страстью, в жизни их, мужчину и женщину, должно связывать что-то большее. «Да, как интересно, что я потом назвал это именно «большим, чем любовь». Наверное, я уже тогда искал в ней сочетаний сердечного и разумного. Поэтому, - а вообще, бог знает почему, - наверное, по многим

причинам, и по этой тоже: из-за меня, - та любовь кончилась. Я назвал даже: у-мер-ла. Умерла. Жаль. И было больно. Жаль, тогда я не ведал, что любовь - редкость. Дождь в Сахаре пролётётся на тебя чаще, чем в жизни тебе достанется любовь».

Они ещё какое-то время держались друг за друга, быстро расходясь, расходясь каждый на свой, на отдельный путь. Они быстро прозревали, они удивлялись: как могло случиться, что целых четыре года они не могли существовать на этой Земле друг без друга: совершенно не похожего на тебя человека. Ровно четыре года они чувствовали друг друга на расстоянии, у них совпадали периоды печалей и радостей; даже болезней. Одной улыбкой, одним поворотом головы, взглядом издали издали на улице, махом ладони за стеклом автобуса переполнялась грудь, сердцем сердцу передавались токи чувств, напряжение ощущений. «...При всём том, необязательно было быть вместе. Вместе - обычно, обычно, как чёрный хлеб, обычно, как воздух... Да, не замечаем же мы воздуха! Но когда он отсутствует, теряем сознание, безумствуем, бьёмся!... Ого - вот сильная примета!

...Да, но я уже повторяюсь. Значит, хочется. Хочется повторяться.

...И ходишь, и думаешь о другом».

Но угасло, тогда, уж и всё, последние лучики тяготения. Они остались каждый один. Он остался один, она осталась одна. У неё возникла новая любовь, кусочек прошедшей: их сын; она ушла счастливо в нём - в слитке, золотом слитке любви; её чувства не прекращались. А он?... В нём всё безмолвствовало, вместе со смертью любви он сгорел.

Но что-то же осталось в нём? «Что». Он подбросил в камин ещё дров. В руке оставалось ещё полсигареты. «Как странно, за время одной сигареты можно сказать о любви всё.

...Как хорошо светит огонь, без него в комнате было бы неудобно. Как я догадался сложить камин?

...Всё то же, да не то без огня. Всё так же, да не так. Почему? Не было бы огня, - тепла огня, света огня, волн огня, очарования огня, - была бы та же комната: окна, двери, мебель, потолок, пол, стены, - не было бы всего лишь огня. Огня. Создающего саму атмосферу её.

...Ну и что!? Жили же люди и без огня!?» Он попытался представить, как это было. «Но были ли они - люди!?»

Остаток сигареты полетел в огонь.

«Может и были.

...Но для жизни подходит не всякий огонь, только горящий, греющий ровно. И постоянно. Ровно - который можно удержать в руках. А полыхать он должен лишь тогда, когда разводишь костёр».

Он вынул из карманов разные ненужные уже бумажки. «Мусор». Всё бросил в огонь. «А ещё, в огне то, первой, страсти-любви, сгорело много сора: сора души».

Он задумался. «Да». Он вспомнил, как быстро рос тогда. Расставался с разными неприятными, и просто мусорными, сорными качествами своей натуры, своего характера. Стал терпимее и добрее. Проницательней. Появилась первая мудрость. Перестал судить. Научился принимать людей такими, какие они есть. Научился прощать. «Кажется, я только тогда начал... Начинать понимать жизнь. Кто бы я был, не случись у меня любви». Он попытался представить того человека самого себя. На лице мгновенно образовалась гримаса, нос морщился, губы кривились. «Фу ты... Но ведь тогда, то есть - тогда, раньше - я не замечал, что не нравлюсь себе! Нет. Я был всем хорош. Всем! А вот поди ж ты: уже не нравлюсь себе. Это хорошо.

...Я стал... Глубже теперь.

...Н-нет, пожалуй, какие-то из изменений только накапливались во время любви. А вот с муками потери - после! Потом! - как скакнули, пошли вперёд».

Да, он определённо стал больше, как человек.

«...И осталась потребность любить. Лю - би - ть.

...Но только как-то по-другому, не бессознательно.

...Из потребности, из жажды она перешла в натуру, в привычку. Воспиталась. Её теперь не унять».

Эту потребность ощущать жизнь так он сравнивал с зрением через бинокль, через очки. Зрение у него самого было неважное и иногда пользуясь очками, он мог сравнивать: как, что видно без очков, как в очках.

(Зрение у него было неважное, но для жизни ему хватало; очками пользоваться, носить их он не привык - когда-то врач отсоветовала, сказала ему так: глаза обленятся, ни к чему привыкать, потом зрение ещё больше упадёт.)

И вот, однажды, впервые одев хорошо подобранные очки, взглянув через них, посмотрев кругом, много лет их не одевая, он поразился, он чуть не воскликнул: «Бог мой! Как мало, оказывается, я вижу! Как много можно видеть!»

Очки носить он так и не стал (привык к своей близорукости), а вот ощущение того как можно видеть жизнь, всегда теперь носил с собой.

«...Так то всего лишь зрение, глаза, способность видеть. Без любви - близорука вся жизнь. Жизнь близорука, как глаза без очков». Вот чем стала для него любовь.

А ещё, осталась пустота в сердце: в полсердца пустота.

«...А ещё - проблемы в интимной жизни. Потому что секс - это секс. Секс после любовной близости при любви, всё равно что... «Запорожец»... После «Шевроле», «Кадиллака». Только что называется - езда, на деле - тряска, механическое передвижение. По уму, для ума, с умом».

...Вначале он метался, быстро искал. Торопился, влюблялся в одну, затем, тут же, в другую женщину. Но нет, всё его не устраивало, все были не те, всё было не то. Ему

было трудно, он знал уже, кожей ощущал разницу простых отношений, влюблённости, любовничания и любви. Начинал знакомства, начинал ухаживания - и бросал.

«...Это всё равно, что предлагать себе кушать бутерброд с «Рамой», когда знаешь, что существует масло, настоящее сливочное масло. И что есть - вологодское.

...И даже яркая влюблённость не может дать того же, что образует любовь».

Он искал ЕЁ повсюду, даже начал читать объявления знакомств, которые появились в то время в каждой газете.

Он не знал, каким будет своё, он знал, какие женщины не его.

«...Кажется, прошло два или два с половиной года. Когда, умом было выхвачено, чувствами проверено, подсознанием переварено и одобрено, интуицией обобщено: вот ОНА».

Он был уверен (и он не ошибся), потому что все эти годы, дни «до» его сердце, вкупе с его подсознанием напряжённо трудились; они работали: создавали, оформляли нужный ему образ, его женский тип, его идеал.

«...Другим, немного иным оказалось лицо. Да ну конечно. Иной - причёска. Немного - фигура. А в целом, вообще...» В целом, вообще как цельность, та женщина обладала всеми качествами, которых он желал; которые он обожал, которые он хотел и мог любить.

Перечеркнув свои претензии к мелким несоответствиям, он скорректировал сознательно выношенный, свой идеал. Так идеал перешёл, трансформировался в конкретного человека. И тогда движение в сердце, независимо от воли, вне воли - началось.

Ему хватило нескольких суток, проведённых вместе, чтобы изумиться, чтобы потрясённо признать себе: он любил!

И ещё был вывод - тут же, сразу - он ещё в одном изумился себе! Он был прав: интуитивно, бессознательно он делал то, в чём оказался прав - оказывается, надо было не ждать, надо было искать! Заниматься поиском своей любви, как обычным делом. Давно. Упорно. Целенаправленно. И тогда - ждать случай. А не ждать случая. Не ждать случая - вдруг повезёт! Нет - занимайся, трудись, создавай, твори! И придёт случай. И повезёт.

И ему повезло: он любил, он начал любить. «... Но и - не повезло тоже: я не подходил ей.

У неё никого не было, она была одна, она приняла меня, впустила в свой дом, в свою жизнь, в свою

постель, даже в своё сердце. И - всё время желала видеть с собой рядом кого-то другого. Не именно кого-то, а вообще. Такого же, во многом такого же, как я, но более... Ну, не знаю - ещё более подходящего, лучшего. Она и держалась за меня, и мучила меня. Я стал подлаживаться. Стал подлаживаться, но однажды заметил, что уж ступил на ту грань, когда вот-вот потеряю себя.

А ведь сумел вырвать её из её среды, из её окружения, которое сильно на неё, против меня, влияло. Уговорил её, и она вышла за меня замуж. Привёз её в свой дом и отдал её свой дом. Она признавала, что я в ней не ошибся, что совершенно точно определил её, вычислил её. Что она сама мучалась одиночеством - никто ей не подходил, никого она не могла поэтому найти. Но она ещё стремилась найти в точности свой идеал - найти, а не... Как я. Однажды, она призналась: «Учти, я ещё не остановилась». Я пошутил тогда: «Это звучит как словно: я не нагулялась ещё».

...И откуда взялась та болезнь? До сих пор не верю, что Ольга могла... Венерическая болезнь... Эта гадость решила всё».

Они вместе излечились. Жена, любимая, любимая жена умоляла его сотворить с ней что угодно, хоть искалечить, но не бросать. Но он не воспринимал больше её. Трещина никогда бы не заросла. Для него, превозносящего чистоту, то был чересчур сильный удар. Он отвёз ту, которую любил, обратно. Они развелись.

Наступив себе на горло, он постарался всё (её) забыть.

Не тут-то было: он начал «падать».

«...То была - бездна. Небытиё... В никуда.»

Он не учёл - «Глупость, разве я мог знать» - он просто не мог учесть, что сознанием, памятью, усилием крепкой воли всё можно заставить себя забыть, всё можно унять, но - чувства, но - сердечное, подсознательное не поддаются ни воле, ни уму, ни характеру. Они не блокируются.

«...Наступил ужас».

Сейчас уже можно было всё воскрешать, вспоминать, потому что отпущенное испытать было пройдено, прожито, пережжено до конца. А тогда он остался один на один - безоружный и бессильный - против внутренней, глубоко захватившей, поразившей всё его существо любви. Вопреки всем его усилиям, вопреки ему - вопреки всему! - она продолжала и продолжала жить в нём. Она пульсировала в его крови, она вместе с ним желала дышать. Ей требовалось - видеть! ожидать! бежать навстречу! провожать! целовать! ласкать! обожать! осязать!... Все её ощущения оставались, остались, их было ничем не убить, ничем, никак не унять. Они - он понял много спустя, потом... - могли единственно: прогореть. Но он не знал даже об этом.

«...Так костёр, оставленный в лесу, у реки будет гореть и гореть, пока не опадут золой дрова. А потом ещё будут - угли под пеплом, и останется горячей, накалённой земля.

...А пока догорает, да пока угли в золе, не дай бог вдруг ветер взметнёт огонь. Не дай бог... Тогда... Гибель соседнему лесу.

...А без ветра, в затишье, так и просто себе догорит. И останется пепелище, и нет костра, и будто никогда не было костра. И зарастёт пепелище со временем травой, засыплется листьями осенью, заметётся снегом. Но пока...»

Субъекта любви уже не было, а любовь, собственное его чувство, собственная, своя часть - были, была. И ей, его части, требовалось: жить! То есть, ей требовалось себя отдавать. Ежедневно, ежечасно отдавать!

«...Некому!!!

Нервы вылезали на кожу, наружу».

Первое время, когда становилось совсем невмоготу, он пробовал выпивать. На время помогало. На время, потому что каждому своё, а это, такой подход к жизни, были в принципе не его: помогало плохо. Он бросил.

Неожиданно стало физически болеть сердце.

Он вдруг, со смехом, сводя вывод к шутке, почувствовал, что в организме нарушился обмен веществ. Потом пришло ощущение, что организм полностью зашлакован.

Он стал быстро уставать. Вскоре впал в затяжную, хроническую усталость. Никогда не мог отдохнуть, утром поднимался уже усталым. Пройдя полтора километра, чувствовал себя, как если бы раньше, год ещё назад, преодолел двадцать-двадцать пять.

Однажды он приписал к известной песне ещё слова, свои слова - ещё одну, запретельную строчку: «...Но - отрекаются, любя».

Как-то, случайно достав Ольгину фотографию, он выронил её, потому что руки устремились закрыть глаза: нельзя! нельзя смотреть! Не видеть!

«...Но отрекаются любя...» ТАКОЕ было свыше человеческих сил.

«...Что творилось в душе... - он смотрел в камин, смотрел в свой огонь! Непроизвольно качнувшись в кресле, выдал из него отчаянный скрип. - Когда уж его смажу... В душе, что творилось в душе. Не знаю, невозможно знать. Знаю, что из жизни словно вихрем, словно в один момент выхватили смысл! Бессмысленная, она разваливалась. Бессмысленная, она оказалась ка-тор-гой».

Не всем дано себя удержать... Он - остановился. Он себя остановил. У самого края. У дна. Когда по губы, как пропадающий в болоте, пагубно прочно сидел в мраке; и когда рука уже искала, как говорится: искала пистолет.

«...Теперь, когда смотрю теперь фильм о бароне Мюнхаузене, я нисколько не смеюсь теперь. Верю ему, замороженно вниманию ему, напиваясь им в том смысле, что можно не только удержать себя «за волосы в любом болоте» - можно вытащить себя за волосы! Из любой трясины. И даже с лошастью. Вот так. И только так!

...По крайней мере, можно себя удержать. И найти опору.

Что же меня удержало в жизни тогда. Что, что, что... Что? Ведь оборвать всё ра-

зом уже было легче, чем - а я ведь понял, что со мной твориться - отмучиваться. Что удержало тогда. - Он поднялся, подошёл к окну, взглянул. - Ах, какими стали яблони: высокие, раскидистые! - За окном тоже текла, пела жизнь. - Что удержало? Да всё! Всё, что составляет жизнь! Ведь она: дом, дело, друзья, родители, дети, книги, музыка, земля, трава под ногами...

...И - любовь! - Он рассмеялся, он хохотнул так, что схватился в коликe за живот. Но, разгибаясь, упрямо мотнул головой. - И любовь. А как??!... Жизнь - это любовь. Не отрекусь от этого никогда. - Повернулся, пошёл к огню, подложил поленьев. - Поэтому... Если я... «В жизни упаду. Подберёт - музыка меня». Музыка, дом, трава, небо... Любовь к жизни. Как бы ни тонул, доставая уж ногами дна.

...И всё же, я доставал уже ногами до дна. И рот захлёбывался. И не видели глаза. И нечем было дышать. И поворачивался к смерти лицом.

Что после этого все наши проблемы. Незначащее».

Да, сейчас уже он мог вспоминать.

«...Всегда с радостью вспоминается то прошедшее, что было безоблачным. Вспоминается... Странно, - подумал он, - сегодня впервые жалею, что редко, а она как раз самая волнующая, при том, не принеся ни страданий, ни боли. Какая у меня была - первая любовь!...

Какая-то бунинская, «дворянская»: на даче в деревне.

...Милая застенчивая деревенская девушка.

Интересно, чем бы наши тайные вздохи, наши горячие взгляды могли кончиться, если бы продолжались каникулы?»

«...И ты ещё не зарёкся искать любовь? - Он ответил себе беспечно: - Не-а. - Он провёл горячими ладонями по горящим - лбу, губам, щекам. - Нет, конечно! Что наша жизнь без неё!? Незначащее. - Он заметил, что хитро улыбается. - Чему я улыбаюсь? Кому?» - Сел в кресло, поднялся снова, присел у заново набирающего силу огня.

«...У меня ощущение, что внутри меня чаша. И сейчас она - массивная, тяжёлая от своего

содержимого. Чаша. В ней до краёв - любовь. Она накопилась, я должен с нею что-то делать. Чаша уже полна до краёв, едва держит, не переливаясь. И вот поэтому я хожу сейчас так осторожно. Я не сразу понял: почему словно боюсь что-то пролить?»

Да я боюсь пролить её. Потому - ведь недолго! Потому что - нельзя на постороннего! Нельзя не на свою, на постороннюю. Ведь - опьянит. Захлестнёт! И Та подумает, решит: это для неё любовь! А это совсем не так. И будет Ей - да и обоим потом - похмелье». Поленья трещали в огне, он караулил угольки, иногда брызгавшие в сторону. «Да ведь я знаю, что не ошибусь, тут другое: могу не вынести, не дожидаться. Очень тяжело! Очень тяжело ходить с таким, внутри, содержимым».

Огонь вновь набрал силу, загудел ровно, можно было отойти, сесть в кресло, греться издалека.

«...Разве можно перекалить камин.

...Что он без огня - мебель, часть обстановки.

Так и человек, так и я - жизнь холодна, пуста без любви. И это уж вообще не жизнь.

...Где ты, мой «огонёк»?

...Как просто было с Катей.

...Катерина, это было так подло...

«Не ворчи, - сказал себе он. - О, Галилей! - мысленно воскликнул он. - Ты тоже сказал: и всё-таки она вертится!...»

Он уютней устроился в кресле. «...А ещё жаль, что может безвозвратно пройти тот возраст, тот период, то время жизни, когда можно любить, когда можешь любить не только душой. Любовная близость - это!... - Он не нашёл слов, вспыхнул на миг и угас, представил, воскресил, улетел и вернулся. Улыбнулся: -...Вот проехался по нервам... Забавно».

Он встал, походил по комнате, вышел, спустился с крыльца. Обогнув дом, прошёл в сад. Бесцельно пошёл меж яблонь. Подбежали соба-

ки. Окликнула и подошла Зина, они долго рассуждали на разные темы. Зину крикнули домой, вышел поздороваться сосед, устроились на любимом месте, у пруда под берёзой, обсудили ремонт теплотрассы, проходящей по их улице мимо их дома, посоветовали на трудности жизни, просто так, обо всём, поговорили. Потом сосед ушёл, а он вернулся в дом и позвонил коллеге по работе. Застал в офисе, узнал, что волноваться есть о чём, а переживать вряд ли, - что инженера (то есть, его) ждут завтра, а сегодня воскресенье и дела подождут до утра. Тогда сказал себе: отвлекись от дел, гуляй.

Прибежала Зина, стукнула в дверь: принесла цветов. Он поставил букет на окно.

Камин догорал, он сел и сразу ушёл в тишину. Комната, уют кресла, тепло дома; встрепеты ветерка за окном, чиликанье и тени ласточек за окнами, угольки и дымки камина. Задумался, вначале безотчётно вода пальцем по подлокотнику, затем - выстукивая что-то: ритм, мелодию. «Я леплю из плас-ти-лина. Пластилин неж-ней, чем гли-на. Я леплю из плас-ти-лина кукол, кло-у-нов, со-бак. Если кук-ла вый-дет пло-хо, назову е-ё : бед-няж-ка. Если кло-ун вый-дет пло-хо, назову е-го - бед-няк». Выстукал, понапевал, незаметно вернулся мыслями к утру, к *той* женщине, которую узнал, и с которой был, и которой ТОЖЕ почему-то ПРОСТО НЕОБХОДИМА ЛЮБОВЬ.

Подложил дров в камин, заварил чай.

«...Я хочу любить. Жизнь пуста без любви.

Моя чаша полна. В ней не кипящий сок - выдержанное вино чувства. Такого, что не пьют глотком, пригубляют. Всю жизнь. И можно пить всю жизнь, его хватит.

Я варил его, кажется, всю жизнь. Потом настаивал. А жизнь - ещё выдерживала потом.

Это вино - это вообще не вино: медленный жар крови, ток, отвар чувства. Нектар, подарок - для того, кто хочет и умеет любить.

...Ещё ничего нет, есть только предпосылки. Предпосылки У ОБОИХ.

Про них можно забыть. Не обращать внимания, разойтись.

...Возможно, мы с *тобой* говорим о разном. А если об одном? Как мне не сожалеть, что *ты* - «бежишь, торопишься». Что считаешь, можно добыть огня, один раз чиркнув спичкой.

...И почему я всё про огонь?!

Человеку свойственно объяснять необъяснимое чем-то доступным, привычным. Познав любовь, я не нахожу больших изъянов в сравнении её иногда с огнём. В чём-то это костёр двоих.

...Ещё ничего нет, есть только предпосылки, и о них можно забыть. И это тоже путь. И выход.

Бес-сон-ни-ца...

...И искать дальше, искать снова. Если бы не одно «но»... Или два «но». А в общем, пропасть «но». Ведь кому она нужна, она неудобна, любовь!

Люди всегда мечтают, но многие не сделают и шагу. И редкость, они редкость, те, кто пробивается к ней.

...Может быть, *ты* ещё не знаешь, что такие люди редки? Знаешь, *ты* сама жаловалась мне, мы говорили об этом. *Ты* не знаешь другого: КАК, НАСКОЛЬКО - насколько такие люди редки! Пространства жизни безжизненны на сотни, тысячи километров.

И встретиться, столкнуться друг с другом, это...!!!!!!

Но мы - нашлись. И тем, первое из всех огромных «но» преодолено.

...И второе, кажется, - мне кажется, как будто бы - тоже: по большинству, внутренним и внешним, - лицом, фигурой, привычками, взглядом на жизнь, бытом, обстоятельствами жизни, пониманием жизни, интимной стороной

дишь мне, а я тебе. Я это признаю, я определён- И *ты* - робко, но говорила. Чувствую, есть какая-то во мне, которая мешает тебе. И хорошо чувствую: Знала бы *ты*, сколько их в тебе для меня! И я взял варил всё это неудобное близко-внешнее. У меня кость», может быть оттого, что меня сильнее било

...Да-да, опять.

...Я леплю из пла-сти-ли-на...

...Перечеркнув свои претензии к мелким несоответствиям...

...Идеал на конкретного человека и тогда...

...Но не о-ши-бись: владение сильными чувствами, палка о двух концах.

...Есть множество «но». Но если!

...Из пункта А в пункт Б двинулись два пешехода. Из пункта А в пункт Б дорога не-лег-ка...

...И если. То... Где-то в середине, при встрече в пути - ваш огонь, и ваш костёр, и пламя, создающее саму жизнь.

Если, то. При сердечном труде в пути.

Любовь, это - жизнь!»

жизни - *ты* подхо- но об этом говорю. закавыка, которая малая, внешняя. и спокойно пере- теперь «дальнозор- и больше било.

«...Что она чувствует сейчас?
В такое время... - спит, наверное».

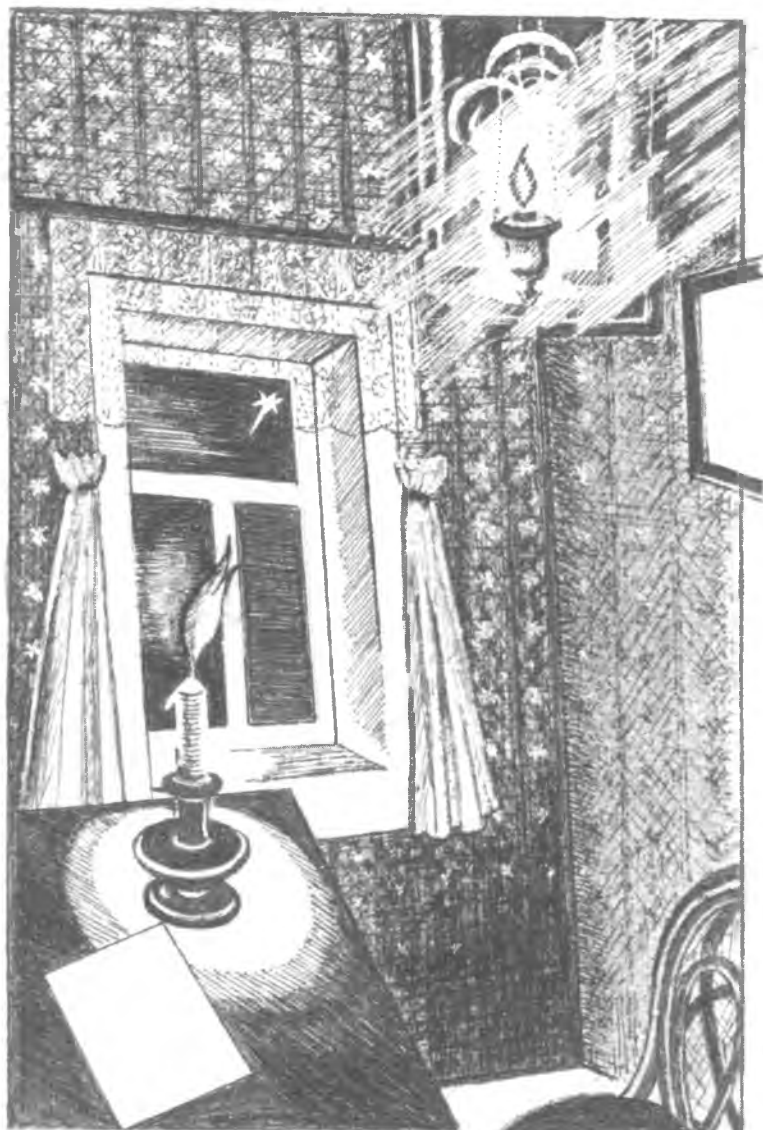

И он долго ещё смотрел в огонь, в себя, думал, о чём-то. Даже выкурил ещё одну сигарету, - из тех, что убирал от себя (он был живой человек).

«Я напишу ей об этом», - решил он. И написал.

Была полночь, воскресенья одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года июня двадцать седьмого числа.

Через два года...

...Через два года с его слов всё записал я. Знаю - слабо, длинно, трудно читаемо. Но - не жалею.

ПРИНЦЕССА АННА

Предисловие читательницам

Эта книга о вас. И только для вас.
это: современный сказ о житье-бытье женщины.

Сия повесть - пища для чувств; если - ума, то исключительно женского; а история - сродни историям сердечных женских болезней: сердечных, душевных... Душевно-сосудистых. (Ваш покорный слуга почти не интересуется внешним, телесной материей.)

Это история... болезни временами, пожалуй, даже приятной. Хотя на мой субъективный взгляд, чаще всего тайно-трагической. И чаще всего не излечиваемой. Не помогает здесь даже такое сильнодействующее средство, как время. В данном случае время не лечит. Почему? А кроме всего прочего, - своего, ни от кого, ни от чего не зависящего, - для пролечивания здесь обязательно требуется Мужчина.

...Слышал, знаю («Мужчин мало...»), не пререкаюсь.

Мужчин мало, значит, ни в чём нельзя быть уверенной. Раз невозможно быть уверенной (что - Он! - сыщется), значит, надо что-то очень твёрдо для себя решить, что-то очень и очень твёрдое - прежде, чем отправиться по стопам Принцессы Анны. Путь будет бесконечно долог... (Ну да приятных остановок и отдыха - много, но настоящих... Ой-ой...) Остановок и настоящего отдыха для тела и для души - ничтожно мало.

Конечно, выбор - дело личное.

Конечно... Бога ради. Моё дело только предупредить: описать. Покончив с книгой, вы сможете знать, что - Вперед.

Право, там много раз есть, где на вилы наткнуться. К тому же, стать «принцессой анной» несложно, вот выбрать потом (из этого состояния) - ах, не-лег-ко.

Правда, я знаю женщин; да-да;

Которые-то и излечивались. Но то были характеры сильные, почти не женские. В другом варианте - нормальным (слабым) - просто один раз невероятно везло.

Однако, чаще всего, говорит мне моя статистика, болезнь превращается в хроническую, застарелую.

Хотя некоторые, изучив мою повесть - весть, гм-м, лечатся.

...Впрочем, иные особы прекрасноумно восприняли книгу сию, ещё в рукописи, чересчур однозначно: как инструкцию. И начали ТАК жить.

Кому что. Мне же это: не нравится.

Предисловие Читателю

Погоди, Читатель, не прикуривай сигарету.

Знаешь, хоть супруга Твоя и наворковала Тебе, мне приличествует предупредить, и честно: Ты не получишь здесь того же, что она - бывают ведь специфические чтения.

И даже (как высказалась одна из ниже перечислено-упомянутых) «Ни один мужчина не прочтёт этого до конца, не дотянет». Признаться, я тогда огорчился весьма после такого признания. Да что поделаешь, уже ничего: нельзя. Так вот, не ходи сюда: ПРЕДУПРЕЖДАЮ.

Кстати. И супруга Твоя читывала сию книжку уже без особого интереса. Без того интереса, с которым - незамужние приятельницы её, в возрасте примерно от тридцати двух до сорока пяти лет. Ведь денно- и ночью пишется эта повесть о незамужней женщине. Сё Сегодня моя сфера.

Покажется, сфера узка. Да, так; к вящему сожалению, не захватит всех читательниц (многие ведь замужем, лишь тех, кто не-). Но в аналогичные похождения обрачѐнных (княгинь) мы не рискнѐм лезть. Господь с ними. Разберѐтся. (Его Вотчина.) Наша Принцесса, хоть с Ним, как кажется, узами не связана, и то где-т-то... в Приграничной области... балансирует.

Так что, не трать зря время (чай, кофе, коньяк, здоровье, сигареты), скажи своей княгине отповедь, мол, уж не юннат!... Ну, а кто, гм-м, исследователь, тот всё равно не читает чужого; свои «аз-буки-веди» проходит самостоятельно. Сам заинтересовывается, сам разочаровывается, сам, увлекаясь, впадает в глаголь. Что до книжицы этой, то, знаешь, один мой приятель всегда открывает реченное с конца. И ежели там, на последних изгибах словесной материи, вскроется что-либо ему интересное, то... Возможно, он откроет сѐ и с начала. (Ну да настоящий мужчина всегда сперва осматривает зад до того, как разглядывать перед: природа - матушка!... Так, Читатель?)

Тебе же, Читатель мой, обещаю - нет! даже, как юный пионер: торжественно клянусь! - в Следующий раз, Завтра, сделать добрую повесть для Тебя исключительно. Ни одна женщина не дочитает того до конца: заснѐт! не дотянет! То будет специфический мужской товар! (Вот уж где оторвусь! Вот уже где оторвусь без боязни накуролесить. Только держись!) Повесть о славном Тебе! Повесть - «как упоительны в России вечера...» Без секретов поведаю, как три врача, наш брат, в российской провинции познавали (и создавали, одновременно) антиномичную российскую действительность. С ещё одним нашим приятелем во главе. И я там был, «мѐд - пиво пил». Да и... На...ался... Как отвратительно в России по утрам, знаете ли. Коллеги, сотоварищи, сотовые товарищи.

Но вот
уже два Слова сказаны,
помолясь, начнём.
Эх,
действительно жаль, не тот Предмет,
негде - ну совершенно негде развернуться.
...«Негде, в тридесятom царстве...» Да,
будь так -
от печки бы начали. От Бояна.
С времён оных.
В традиции.
Ведь сказывать - петь,
а петь - сказывать.

Пели же мы оду вольности. Скажем теперь и в защиту прав верности. Верности, преданности, следовательности... Себе самой, и природа своя, женщины.

С сарказмом и почтительностию.
Не без раздумий и юмора.
О мистике и эротике.
Про мечтательность...
ПРАКТИЧНОСТЬ.
Незлоупотребление,
языковедение и кулинарию.
Даже окунёмся в историю.

И «мыслию по древу», и «серым волком по земле», и «сизым орлом под облаками»; и «напустим десять соколов на стаю лебедей». Похващаем золотом - серебром под кокошниками (без всяких - «ах, Лореаль, Париж! Я этого достойна!...»). Опустимся в тайное, заповедное
Скользнём ладьёй новгородичей в страну неизведанну,
отведаем всякого; и скоромного.
Посмеёмся - поплачемся над
василисопремудростию.

Пристало ли вам,
сёстры... А «пристало ли нам, братья,
начать старыми словами»?...
Ведь у каждого века
к каждой темени
свой плетень.

Собственно

«Пусть начнётся же песнь эта

по былинам — н а ш е г о времени».

*С почтением к Путникам,
к дошедшим со мной
аж досюда*

Автор

Пишите, у кого что на сердце, на адрес «Клиники».

Куда?

162013 страна Россия

в ней - Вологодская область

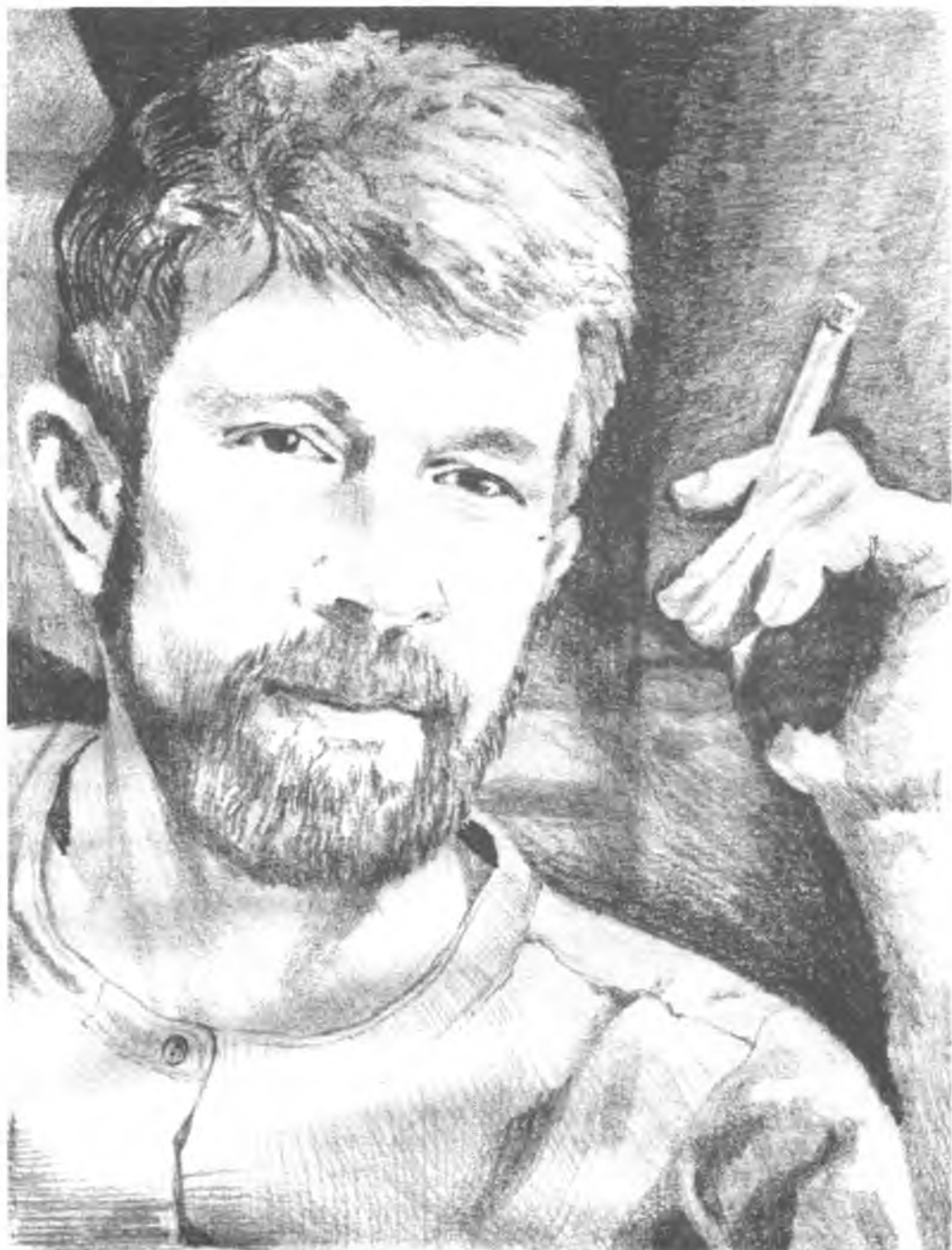
в ней - Усадьба Архангельское

собственный домъ

«Главному...»

(вспомнив больничный термин)

Надеюсь, разберёмся.

ДОКТОР ХАС

Принцесса Анна

Сказ о женщине

Сказ о женщине, *которая*
не могла найти
себе мужа,
и по этой причине,
и от разной
женской
нужды
завела - мужей

*Элечке,
Оленьке,
Валентине,
Мариночке,
Машеньке,
Танечке,
Галечке,
Наташе,
Ангелине!
Людмиле*

и другим
гм-м, прекрасноумным женщинам
сей литературный анамнез
с приложением искренней любви
и подлинной симптоматики
их сердечным поверенным

ах! - по-свя-щается!

I.

1.1 Княжна «Принцесса Анна» не была чересчур хороша собой -

обыкновенная женщина; однако,

если в летний пригожий денёк

ей желалось -

пройтись!...

и,

скромно-неброско,

ласково-мягко да куражно-азартно,

родственно кудеснику её Севера, солнышку,

себе самой глянуться, самой себе - поСВЕТИТЬся

среди волглых, - в среде упитанных туч, -

блеснуть, ПОЛУЧИТЬся

царственно на их

фоне,

то:

светлые облегающие брюки

(так выделить талию, тем - подчеркнуть бёдра),

лёгкая прозрачная блузка (показать хрупкие плечики, подать стойкую грудь),

туфельки на обожаемом высоком каблучке, -

от бедра пла-а-а-а-а-вность походки, -

волосы - стрижка либо локоны,

неброский чёткий макияж,

перстенёк, часики,

ридикюль - портфельчик в руке, -

вдалеке - взгляд рассеянный... Всевидящая,

каблучками: цок по асфальту!

Мужчины...

- заглядывались.

1.2 Конечно,
когда тебе два раза по совершеннолетию
(или чуть менее - более),
часто... ты отнюдь не дюймовочка.
И даже худенькое, на поверхностный взгляд, тело
на деле - налито, материнско:
матёро.

Поэтому иногда... Под настроение... Доставая из шифоньера свои девичьи
наряды, и разоблачаясь для примерки их перед зеркалом,
внимательно оглядев всю себя и, критически, все те лучшие места, на которые они больше
никогда не найдут - «А как сидели!...» - Принцесса
горестно вздыхала: «Ах! жаль...»

Но, пробаюкав миловидному отражению в зеркале утешное «Жаль, конечно...»,
с тёплой улыбкой не успевшей охватить её чувствительного сердечка ностальгии
она вешала одежды на место.

Анне не досаждало несбыточное.
Казалось, она была реалисткой.

1.3 Так ведь и то резон,
что выносив, и что родив двух детей,
трудно первоначально сохраниться.

... ..
...

...А во-вторых (и, заодно, сразу в четвертых, а потом в третьих) совсем не факт, что замеча-
тельные суходольные фигуры на глянцевых обложках и высоких подиумах есть предмет сла-
дострастного писка каждого из мужчин; они - кумир на час; в то время как реальная женская
фигура, выстраиваемая год за годом - возрастом, жизнью, природой, приспособлена к тяго-
стям, прелестям - и необходимым! - реальной жизни уж куда лучше.

Анна никогда не завидовала;
ни манекенщицам, ни фотомоделям, -
ни вообще: завоеваниям, славе, успехам, богатству,
жизни других.

1.4 Не фонтанирующая внешне,
не экстравагантная никогда, она была
женщина самостоятельная, состоятельная
(она состоялась); как и большинство Принцесс - образованна,
воспитанна, - обаятельна, миловидна, нескучна, добра;
поэтому всегда имела успехи свои, потому
притягивала, имела шансы,
могла выбирать.

1.5 Кстати, о несказанном.

Воспитание, будучи дево́й (княжной), Анна получила более школьное, чем домашнее. (Такая страна.) Но всё-таки главными субъектами влияния у неё на неё были отец и мать.

Её мать / княгиня, подарив мужу сына и дочь, не входила уж в иные дела; целиком посвятив себя семье, дому, мужу, сыну, дочери. Отец /князь трудился всю жизнь изо всех сил, как мог, и материально содержал семью хорошо.

(Потому и его жена могла...)

Поэтому обделённой заботой - вниманием в детстве Анна себя не чувствовала.

Детство благополучное прошло.

Юность. Открылось неведомое.

В четырнадцать лет она получила первый поцелуй не от родственника, но сверстника.

В пятнадцать - свидетельство об окончании музыкальной школы.

В шестнадцать - услышала первое робкое признание в... Том, да она - принцесса!...

И к семнадцати полным её годам её общее и общеобразовательное наполнения плюс образования - были успешно закончены.

Принцессой, надо сказать, она себя не считала.

Но, наблюдая сверстников и сверстниц своих, думала, что она, всё-таки что-то особенное.

И даже что-то большее, чем просто княжна!

Выслушав к двадцати годам примерно треть от количества своих лет клятвенных заверений! в том! что она! единственная! что принцесса!

Княжна ничуть не напыщилась.

Но - во что-то уверовала.

И принялась ждать...

(«Нет, не принца, Мариночка!

Так, - не встречай, я не работаю сейчас под Салтыкова-Щедрина моего любимого. Да - да, и не пишу ни «Легенды Невского проспекта, ни крыловские басни.

И вообще: отойдите на расстояние обе с Эльвирой: здесь противопоказано ёрничанье».)

Принца, естественно.

Что естественно.
Впрочем, княжичи её тоже, и вполне, устраивали;
всё по Закону. Вот так.

Образование далее она приобретала - жизнь свою далее она строила - своим
трудом, своими трудами; избрав для этого новый для себя большой город,
прекрасный вуз, хороший факультет.

На целых пять лет.

На целых пять длинных, переполненных юностью, лет, а по прошествии их и
навсегда, оторвалась от родителей. Училась, жила - усердно, серьёзно.

Случалось всякое.

...Но на всякие-то, отдающие хмелем и любознательным сплочением полов объединения
смотрела... м-м-м... сверху вниз, и даже запрыгнув на стул - как на ужа: не шарахаясь, не
склоняясь. Мол, бога ради, мол, дело каждого личное, мол, дело ваше, при чём здесь я. Вам
хочется, участвуйте, конечно. Пожалуйста.

Я вам не мешаю?

Я к вам?

Я?!

Нет-нет,

без моего участия. Да.

Главным тогда для неё являлось только образование.

Тогда-то, там-то - in institute - к ней и приклеилось (да и намертво)
это шутливо - насмешливое,
это уважительно - гордое,
по сути - прозвище:

«Принцесса Анна».

Что ж, не размениваясь, она была права?

(Ах, многие ли из нас не разменивались...)

Что хочется прибавить ещё.

Общезвестно: «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт».

(«В смешении воды и высоты!»)

Вот так обычная княжна Принцессой Анной и поплыла по обыденным волнам
своей необыкновенной жизни.

(«Свободно. Медленно. Не кроясь».)

1.6 Однажды...

Обнаружив однажды,
что ей уже двадцать пять, а она - всё одна, (но что-то зовёт)
Анна немедленно обратила самое пристальное внимание
на окружавшую её (всегда) мужскую свиту.
И вышла замуж. По расчёту,
«и сердцу».
Как по любви.
Вновь - консенсус, ажур, в душе хорошо.
Он был - граф, она стала графиня, образовалась пара.

...Небольшой недовес (всё-таки она - княжна) казался её пустяком: ничего,
доверстаем в другом; не в одном, так во втором, в третьем; зато снова всё чередом. И то же
- в душе. Не могла же она допустить, чтобы собою пополнить...
м-м-м... легион старых дев. Нет, это нехорошо.

Нет!

В ЖИЗНИ ВСЁ ДОЛЖНО ИДТИ СВОИМ ЧЕРЕДОМ.

Ведь просто всё!

Определённое время так и было. Ей было нельзя сказать - сахар, нельзя: мёд -
приятствие!

Ей нравилось жить семьёй. Она оч-чень хорошо относилась к мужу. (И ни на кого другого
даже не прозревала.) Она трудилась, она не жалела сил, - она создавала свой дом, свою ат-
мосферу жизни, свою атмосферу семьи. Она хотела детей

(Как Доктор, могу заверить: ТАКИХ женщин у нас гораздо меньше, чем ТАКИХ мужчин.
(И я удивляюсь, как они выживают... Да нет: дивлюсь! Героини. Бедняжки...))

Графа (мужа) она считала и частью своей небольшой вселенной, и главой, и принадлежно-
стью СВОЕЙ (не пропустите нюанс) семьи.

Он был ей нужен: он был её принцем;
потому что носил её на руках.

...Пока был принцем.

И вообще был
пока...

1.7 Жила Анна,
конечно же, в отдельном жилище.

В различные эпические времена
у графов, князей, баронов, принцев - и их принцесс -
по площади, этажности, количеству спален и высоте потолков
оно разномастно.

Но - но!

Даже из крохотной комнатухи
настоящая супруга/принцесса/княгиня всегда устроит Дворец,
это у них в крови.

Вначале,
когда ещё у Анны
имелся граф/ принц (и не имелось детей),
им вдвоём было просторно (классно, великолепно!).
(Её князь - отец удачно расстарался с двухкомнатной квартирой).

Впоследствии, когда дети,
как им и положено на жизненном пути,
случились, а муж, принц - граф, на одном из перекрёстков,
гм-м, запропал («свернул к красивой»), исчез,
постепенно стало тесней.

Почему?

Потому что,
хотя жильцов стало на 1 меньше, да,
как водится, дети росли.

Дети - росли;
и по законам страны
пора было бы расширить
...э-э-э - жилплощадь. Но - What is the Russian for? -
в стране с жильём для принцесс

было, как всегда
(badly, poorly),

а у Анны -
вроде как бы и -
ничего... (С Китаем сравнить -
вообще хорошо!

Поэтому...

Потому
она -
мирилась.

Примеч.автора: вот из ээ рашн фо - ну как это сказать по-русски
бэдли (как звучит! Тут не смысл - звук важен!) плохо, ошибочно
пууэли... плохо, недостаточно

Конечно же,
каждый житель страны
вне различия пола и звания,
образования, места прописки и места работ,
мог получать, - мог наследовать и приобретать, -
мог иметь, снимать, - нужное ему жильё.
Мог строить Дворец.

Однако в действительности,
так происходило лишь в удельных
- вотчинных - землях.
Землях с громкими - колоссальными! - названиями:

АДМИНИСТРАЦИЯ,

ГАЗПРОМ,

БАНКЪ.

Не хитрец,
Принцесса Анна
конечно там не служила.

1.8 Говоря вообще,
разумея из них каждую
и в рамках нового эгрегора,
и в их индивиду-ой особенности,
- она В О О Б Щ Е не должна была

с
л
у
ж
и
т
ь

1.9 Она вообще, - как и большинство
Принцесс,
неважно, из каких фамилий:
Князев, Баронов, Маркизов, Графов, Королёв -
Устроена и рождена была так,
чтобы из одного
женского
(девического) состояния
сразу и плавно перетечь в другое, -
из (с) одних мужских рук (плеч)
пересесть в (на) другие;
из девицы (княжны)
стать княгиней
(женой);
заниматься домом, семьёй,
их обстановкой и атмосферой,
с мужем рождением детей,
дома детьми, -
мужем, домашним трудом,
приёмом родственников, гостей,
выходом в свет..
Живя б так,
она не тужила.

Но, как и большинство Принцесс,
получивших в наследство «ничего»,
(плюс некоторое образование)
Анна просто не имела своего.
Вернее, жила не своим.
Лишь грезила,
дально мечтала,
мучилась, разрывалась на жилы;
1.10 потому что
весь божий день..
Потому что весь дневной свет..
П.Ч. ВСЮ взрослую жизнь
(с 8-ми до 17-ти,
с перерывом на обед,
а иногда - и в субботу,
«и из отпуска вызовут хоть когда»)
ей приходилось
ра-
бо-
тать.

1.11 Да - да,
представьте себе!
Как - Вы сражены?
Но чем, милуй нас бог?!
Разве есть чему изумляться
и удивляться...
Ему?
Нет - нет
Он лишь свидетель.
Я Вас прекрасно понимаю, но...
Но это не издевательство Автора - нет, нет и нет.
(Yes, да... Период Садизма он прошёл
ещё во Времена первой жены.

И это...
Как бы признался Маклауд:
«было сто лет назад...
Где-то в Вестфалии».
Меня тогда,
его
то есть, -
в общем, нас,
раз начал признаваться, -
звали «Герцог Синяя Борода».
К-хм... Сэ - ля ви.
Вот признался...
Да уж что
тут...

И вот - вдумайтесь!
О, конечно, мы привычные, но, -
но Я Вас теперь не понимаю!
И не принимаю -
это ли не издевательство?
Ся некая странность, -
эти печальная нелепость
и сейсмическая реальность,
этот, ей богу, бурлацкий
акт: женщине
зарабатывать деньги,
княжне - работать.
Атас'с...

...И ведь тяжело,
и даже отчасти унинительно
приходилось некоторым... воспитанным... из семейств...
Разные в обществе требуются работы.

Но им действительно
в жизни
ЭТО
приходило-
сь делать. Проза дней, артефакт.
(Бог мой рисует синоним мне: «представь, что...
...По пальчикам - крышкой рояля.»)
Полунощный кошмар!
Ежедневно.
Ну...

...Какие уж к чёрту
(о, прости Господи, -
ой, поплакаться б матери)
раздельные - утренний, вечерний макияж,
уход за собой и манеры детей!
Когда - улётываешься, -
когда вкальываешь
все дни
аки пчела.
И дни твои - эти ломти недели -
(о, мама моя...) теснятся нулями в ряд:
- улей - перелёт - медосбор -...
- улей - перелёт - ...
Дом - работа -
- работа -
- дом.
Ну и ну...

1.12 Уже поэтому
Анна завидовала
(умилялась)
той прежней себе, когда...
И тем немногим знакомым её,
княгиням из Принцесс,
которые...
Ежели и работали,
то - так, знаете...
Чтобы не скучать; чтобы -
на люди - свой гардероб, чтобы не закиснуть, -
чтобы развеяться; некоторые - для того,
чтобы самореализоваться.
(Сейчас это современно, знаете,
и даже модно. И даже некоторые принцессы крови
пробуют, и довольно успешно...
Труд. Но -
к чему?

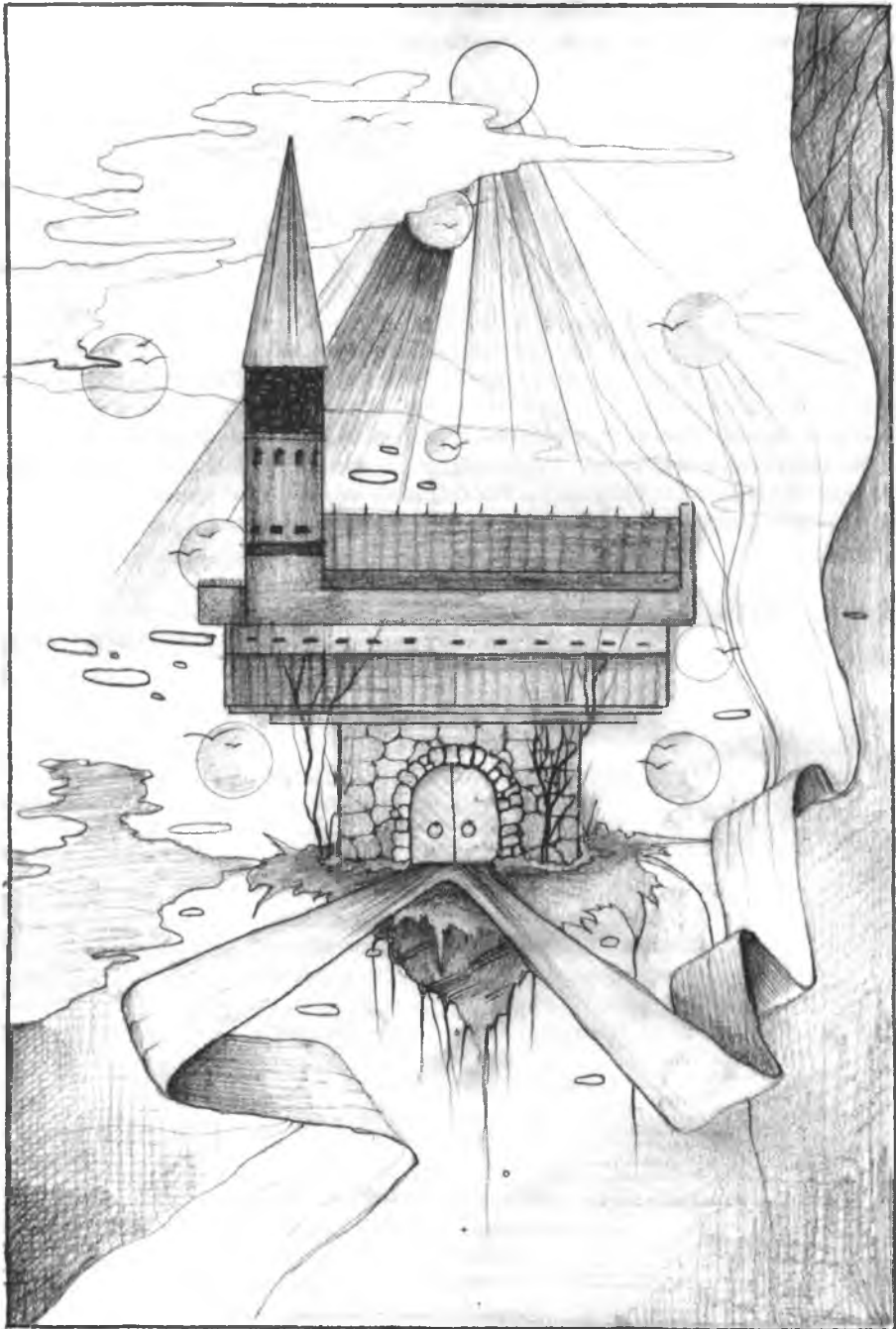
1.13 Не-е-ет,
быть княгиней,
что ни говорите,
приятно. И душевно практично.
И для женского здоровья, тоже, полезно.
Во-первых, «регулярность» важна;
во-вторых, если князь твой -
кормчий твой, и король
хотя бы просто состоялся,
как мужчина, как лидер в паре, как человек,
это одно уже разом снимает нагрузку - тяжесть с твоих души - плеч.
(И им можно позволить быть хрупкими, узкими,
исходящими из природы женской
(что мужчинам так нравится),
и ножки в домкраты
не превращать!
(Не быть - бр-р-р... - мускулистой.)
Ведь по Закону: тяжести - удел мужчин.ы.
За плечи которого можно уйти;
либо - кому что нравится -
рядом шагать.
А если князь твой
состоятелен и ма-те-ри-ально,
так сказать, плюсом к тому, что он - Человек!
Тогда!
Тогда!!!
ТОГДА-А!

(...Тогда просто не находится у ж. слов.)

Но если не находится у самой женщины слов,
тогда, может быть, мы сами - ибо мы-то с Вами знаем его:
договорим, выскажем, произнесём вслух за Принцессу,
то, что не подобает её устам, -
это чрезвычайное!
Сочно - краткое!
Ёмкое!
Разом исчерпывающее,
и одним вмахом описывающее
мечтаемую всеми, от крестьянок до королев, ситуацию,
нирванное, знакомое всем нам словцо.
Конечно, ЛА-ФА...

(Конечно, звучит оно как-то по-мужски, и даже как-то по-sovetski. И оно - не музыкальный аккорд «си - ре - фа». Но - Язык мой, дар-бог мой: прости прегрешитель твой! - точнее, короче, крепче - не скажешь.)

ЖИВЯ ТАК, РАЗВЕ Б ТУЖИЛА.

1.14 Сидя ли на диване, или стоя у окна, идя ль на работу, или давясь
в переполненном авто, Анна могла задуматься внезапно и - и

у - - у
л ...улететь л
е В иную реальность е
т В свой другой мир т
е Не шутя е
ть (Свойство Джонатана - Ассоль) ть

«Я могла бы, - воображала себе она, - не ходить каждое божье утро, - и день! На эту добровольную каторгу: работу.

Нет, она мне часто даже и нравится! Когда я... Я привыкла, но всё же...

Но мне так хочется!... Хочется много времени тратить на детей!...

Мне хочется привить им хорошие манеры - я учила бы их! Следила бы за образовани-
ем! Уберегала от улицы!

...А семья! А дом! Какую бы я построила семью! А какой бы устроила дом!

...Я бы даже не стала излишне напрягать своего мужа - пусть бы он приносил столько денег, сколько ему по силам, сколько бы смог, потому что я многое умею сама».

(Ах это - «Я - сама»!... Волшебно - отвратительное состояние.)

Временами, когда

*«...На крыльях вымысла носимый
Ум улетал за край земной...»*

её воображение
переступало границы мира фантазий,
и она
достигала в иных своих областях
осязаемости идей.

Тогда сверху,
например, усов непосредственного начальника
Анне вдруг виделись реальные полки
с реальными банками: солений, маринований, варений,
которые она этикетировала, размечала.

Начальнику тогда казалось, что у него на лбу...

Что-т-то... Будто... Приклеивают
к портрету.

Он в недоумении трогал лоб.

Всё также: пусто.

Или -

(Анна отклеивала этикетку)

отрывается что-то. Он хватался за грамотейский ус!

Н-н-н-н-нет. Что же?! Где?!

...А это была она:

она -

талантливая практическая фантазёрка Анка!

1.15 «Например, в августе, - мечтала - планировала себе она, - я бы ходила за ягодами на рынок. Или - мы ездили бы за ними в деревню. Пастеризовала бы ягоды, варила варенье, компот. Тогда зимой, а весной особенно, можно было бы не покупать всякие искусственные штучки в магазинах. И полезнее, и денег много можно сэкономить. ...Помнится в ...-м году ягод было так много, что стоили они - копейки! - совсем недорого. И я так развернулась!... Я закрутила двести литров одних компотов! А сколько наварила всего другого... Я всех закрутила! У меня даже муж вместо водки стал пить компот. И нахваливать. ...Ах, как вкусен зимой домашний компот!... Можно открывать и пить его сразу, как только сделан, но лучше дать настояться. Месяца три. Не меньше, чем два. Тогда аромат ягод как-то растворяется, ну, не знаю - как-то, - смешивается с жидкостью и... У меня были: яблочно-малиновые, яблочно-клюквенные, черничные, черёмуховые, смородиновые, черешневые, даже персиковые. Прямо и не упомнишь всего, надо будет посмотреть свои записи. ...Очень хорош чисто малиновый компот - ах, прелесть какая! А вот крыжовниковый и виноградный - их делать не стоит: безвкусны. А вот если найти дешёвых яблок, то можно добавлять к ним, когда варишь или пастеризуешь, каких-нибудь ягод и тогда выйдет, как-будто из этих ягод: и вкус такой же, и намного дешевле. А при пастеризовании свежих ягод я тогда первый раз попробовала мёд вместо сахарного песка. И получилось очень интересно. Хотя дорого. ...Да, а вот лимоны пастеризовать не стоит: теперь на рынке их всегда много, а от пастеризованных, когда через полгода открываешь баночку, идёт какой-то неприятный запах, даже - гадкий запах. Вначале я даже подумала, что они испортились, но, нет, не испортились: их, наверное, опрыскивают чем-то, какой-то гадостью, когда выращивают - от всяких там тлей. И она, эта гадость, выходит потом, и пахнет в консервах: невкусно, бяка какая-то, нехорошо».

И она
краем воображения
вычёркивала из своего списка лимон.
А её соседка по троллейбусу в растерянности
никак не могла найти свой
для контроля
билет.

Словом,
кроме почти необъяснимой,
почти крестьянской, практичности
Принцесса Анна вполне обладала зельем:
сильно, осязаемо, практически
мечтать.

Что
1. при длительном
2. трудовом напряжении,
3. алкающем непрестанно желании
граничит с грандиозным:
умением delать !
Умением делать «так называемые чудеса»
своими собственными руками.

«...Ой, - зарилась и досадовала она, - я бы так хотела пошить! Но не урывками, как приходится мне сейчас - я так ничего настоящего никогда не могу. Мне надо, чтобы было всегда всё под рукой, и чтобы времени - вдоволь. Чтобы, хоть день шей, хоть два, - и чтобы можно было шитьё отложить, и так, чтобы для него отдельное место было, и крой с булавками никто со стола не сдёрнул: чтобы - положила и лежит. А самой - всех накормить, со всеми посидеть, посмотреть телевизор, сесть за шитьё опять».

Она на ходу, тайком,
ещё раз оглядывала на себе платье.
Надо признать, платье сшилось ладно!
Можно было бы, конечно, поискать ещё и ещё другого оттенка оборку,
да то уж были её придирки,
так...

«...А если бы наш доход был мал, и мы жили бедно, я всё равно нашла бы, придумывала, чем порадовать детей и мужа. Я бы по чуть-чуть откладывала всегда денег, чтобы купить когда-нибудь чего-то просто так детям. Я бы, например, научилась варить пиво, чтобы у мужа было пиво к бане, или, когда у него соберутся друзья».

Ну скажите на милость: в чём нам отказать Принцессе, как?!

1.16 «Но главное», -
размышляла про себя Анна, -
и вот тут мы подходим к интересному и даже пикантному
(что отнюдь не является поводом для ханжеского злословия и зубоскальства)
месту, ибо по жизни это скорее грустно - печально,
нежели зло - смешно, -
«главное,
мне не нужно было бы
привлекать и привечать, приручать
к себе, к своему дому
всех этих - ах, ох -
маркизов,
баронов,
графьёфф...»

«...Боже мой!...
Боже, как всё это мне надоело!... -
иногда молилась с отчаяньем и тоской она. -
Ну скажи мне! Скажи, смилуйся надо мной!
Как?! Как быть мне?! Боже - как?!
Устала я... одинокой...
Ведь я же женщина! -
глухо стенала она. -
Ну почему! я такая несчастная.
Ну почему! Всё так нехорошо. Всё так...
...Почему я должна держать себя с ними так,
чтобы подавать надежды.
Сама в надежде: а вдруг!?
Вдруг среди всех -
толпы -

он!
Мой он.
Мой принц,
мой королевич!
Который возьмёт,
который поведёт меня!
Который мне будет:
опора, защита,
властитель,
корона!
Мой король.

...Ах, всё не он...
Всё не те
и не то.
И я
делаю им глаза...

Делаю вид, что внимаю,
с умным видом поддакиваю и на них смотрю...
Выслушиваю их, господибожемой, глупоумную болтовню.
О, господи, я уже знаю все сорта антифризов
и многие повести о славном себе.

Как они похожи все!

...А придя,
будучи приглашены
и приняты несколько раз,
начинают тесней садится на диване
и после двадцати трёх уж чуть ли не инстинктивно
вертятся и зыркают в сторону спальни,
уж словно - ну вот пожар!

Или опередит кто.

...А я - и сама ХОЧУ.

Но я без душевной близости
НЕ МОГУ.

А им на душевную близость -
наплевать».

1.17 Вообще, в ЭТОМ ВОПРОСЕ
Принцесса не была ни недотрогой, ни жадиной.
И если, к примеру - граф или маркиз, князь,
барон ей положительно нравились,
и не возникало
сопротивления в душе,
не возникало сопротивления
и в известном месте
в известное время.
Вот так.

1.18 «Да.
Главное,
чтобы не догадывались дети
как их мама перебирает пап, чтобы
хоть у детей была иная судьба», -
надеялась она.
«А я?
А мне?!
А на что надеяться мне?!
Где? Как - найти мне мою «судьбу»?
Где мой единственный,
Где мой...»

С каждым,
в порожнюю от одиночества пролетевшим годом,
она всё более становилась самодостаточной,
всё менее - нереалисткой, и всё реже
воспроизводила даже внутри себя
то - межпланетное - слово...

То
заветное, желаемое, -
то близкое, то далёкое, -
то, - меркнувшее на горизонте
с каждым, вдаль, шагом от юности,
и доступное, видимо,
лишь ей, зареюкой,
да киношной действительности,
да христиановским сказкам.
...Временами даже уже отступала!
Даже паниковала - подумывала:
«Может быть пусть?...
Ну не совсем любой,
но уж лишь бы был.
Был свой у меня...
Пусть и не принц.
А?»

Хотя всё так же,
в душе, всегда в глубине
была Принцессой, всегда оставалась
княжной. Наверное,
это не вытравимо.
Это - от рождения и на всю жизнь.
Это - в крови: Принцессами - рождаются,
Принцессами не становятся.
Можно подделаться,
показаться, -
потренировавшись,
сделать имидж, - под имидж навести антураж...
и не быть при этом ею
никак.

Это - гены,
это заданность,
нацеленность на вертикальный полёт, -
беспокойный груз, желаний,
способностей крест.

1.19 И вот тут мы подходим
к ещё более интересному, уж не пикант... -
- тс-с-с-с -
интим.....у
и - главному (!) - месту нашего повествования:
(ради чего весь сыр - бор)

как Анна начала...
(гм-м - подождите, что-то тут не... Бога ради - всего минуту.)
как Анна начала!...
(Помилуйте, ничего не подбирается - бог мой: срам нам, ей богу!)
Хм-м, гм-м, как Анна начала?...
Н-н-н-да, тут не язык, тут - История определению затрудняется. (!)

Быль это
или небыль,
было это или не было, -
бывало не раз, скорее всего,
да раз в летописях следа не оставило,
значит, не множество раз было, -
коль не множество раз было,
значит, язык для ЭТОГО
слова не создал.
Значит,
надо
термин
Вводить.

Что мы, заодно,
сей историей
и делаем.

II. (продолжение диссертации)

2.1 Дело, гм-м,
заключается в том,
что Анна:

- начала
- создавать
- себе мужа.

А так как
его долгое время
не находилось в одной
телесной субстанции - реальности,
она начала создавать его из того доступного,
что близ вилось, рядом имелось.
Априори наличествовало
круг неё в био- и ноо- объединённых сферах
бесконечное, практически, и в полном объёме, конечно, глупонужное множество
разнокалиберных, разноплановых и различных мужчин.
Но чин для неё - лишнее,
требовался ей -
муж!

2.2 Читающие, надеемся, уже поняли:
им не стал мифический собирательный образ идеального мужчины;
создав который своим практическим воображением

Анна в него же и влюбилась. Нет.
(Нарциссизмом она не страдала.)

Читающие также, с первых страниц, понимают,
наша Анна не была миллиардершей. Следовательно,
не распоряжалась деспотично суверенной территорией.

Скажем, небольшим прелестным островком;
скажем, в Малайзии.

Следовательно,
не могла создать свой МЕНРЭМ
(назовём его запросто и условно)
так натурально.

Нет -

выражаясь логическим
ясным языком математиков и животноводов,
она, в отсутствие естественно доступной возможности
обрести в одном лице - одном элементе, одной мужской особи -
качества, требуемые её чувствами, разумом, рассудком и телом,
собрала, сгруппировала у своих рук и ног
некоторое конечное множество
обладающих, гм-м, порознь
искомыми свойствами
элементов.

Гурт
мужчин.

Этакий виртуальный муж!

(И если уж продолжать сё подобие, то
как и виртуальные терминалы - вначале: при включении в «сеть» -
о сосуществовании друг с другом они ничегошеньки не знали.
Каждый из них нёс свою функциональную нагрузку,
все они были параллельны.)

((Вот ведь: кажется - жизнь,
а так и проглядывает долобачевская геометрия!))

(Бог мой, ответь без утайки, по совести:
какие предметы тщательнее всего должны преподаваться в школе?)

2.3 Впрочем, случилось всё без расчёта, без умысла.

Подвернулся - и вмешался! -

как всегда - Случай.

Затем - Чай.

...Ах, чай!

Напиток людей, дар им богов.

Присказка и обстоятельства на все случаи жизни!

Пейте и слушайте невзначай,

чай не должен простыть: не скучайте;

наливайте; крепче пока не надо!

...Ах, уже налито??!

«Поехали...»

«...Знайте,

каким он парнем был»

2.4 Когда однажды - ВДРУГ -

в один буденный день,

исчез из её жизни,

как мы уже сказали: запропал,

её бывший принц,

граф/муж,

Анна в испуге

подняла на себя глаза.

И долго не мигала.

(Таращилась.)

Она не понимала.

Она НЕ понимала!

ОНА НЕ ПОНИМАЛА.

Чего?

«ЧТО.ГДЕ.КОГДА»

И?

«И при чём здесь - я».

(То есть, она.)

!

?

2.8 Затем... Затем... Затем... Затем, -
затем: долго мучилась от внезапно возникших пустот -
в доме,
за столом,
в душе,
кошечке,
постели...

2.9 Затем,
долго приводила в порядок
расстроившуюся денежную систему...

...Ещё дольше
расстроившуюся
сердечно-нервную...

(И на такой истощённой почве произросли некоторые
банально-итоговые, какие неинтересны ни ей, ни нам,
которые, так сказать, нулевой, а не первый акт пьесы,
сорняки любви - любовные истории.
Ими заполнилась галёрка новых событий.)

2.10 Затем начал заполняться партер
и произошёл первый акт:
«Привыкание к одинокости,
одинокая свобода,
смена партнёров,
герой-любовник».

Акт непродолжительный;
не заинтересовало.
Быстро прошло -
занавес.
Свидетельствуем факт.

[Handwritten signature]

2.11 Затем (однажды),
когда в очередной раз от одичания одиночеством
она чересчур приветливо у-у-у... лыбнулась
(случился преприятный маркиз)
то, одеваясь затем в ночи,
внезапно окончательно и холодно
(хладнокровно, в некоторой, впрочем, задумчивости)
яро себе решила: «Ну, всё: точка.
Хватит, матушка,
ты уж не в ту степь зашла».
(А где - та? Вот о чём задумчивость.)
«Уж совсем тупиковый вариант. Скоро не Анной - Нюткой будешь...»
В мгновение ока расставила точки и всё бесповоротно себе решила.

...Когда чрез упущенное мгновенье (о, как нединамичны мужчины)
маркиз её приобнял - «А неплохо бы ночечку повторить...»
(Лёжа, конечно.) Она рассмеялась и из рук выскользнула.
Способом: «матушка простота».

«И неплохо бы...
Полежать?
Да. Да
всё, что плохо лежало,
всё уже отдала, так что...
Так что, так что: нечего больше «давать».
(Браво, Анна! Настоящая принцесса
никогда не строит из себя
невинного ангела.)

...Когда в следующий раз Преприятный...
Она сказалась больна.
В следующий раз:
пришли гости.
В следующий раз (открытым текстом): «Мес...е... Ё!...»
(«Вот пристал! С двух раз надо понимать!») - понимаешь.)
Потом были (раз всё Так):
менингит у щенка собаки соседа,
коклюш у мужа приятельской кошки...
флёр причуд у ново-модных одежд...
В общем, в целом... -
нашла некая поголовная скарлатина на «лебедей».
Анну - не переупрямишь! Анну - на измор не возьмёшь!
И прехороший, преприятный маркиз отстал.

Она вообще порвала с «маркизами».

Вот так.

2.12 пьеска прошла.

Она грянулась в жизнь.

Странности устройства личной -
когда тебе «за тридцать»,
тем паче, с детьми -
её ошеломили.

...Это
«детская игра»; игра
на открытых, на доступным всем нервах,
с глухой повязкой на слепо, округло раскрытых глазах.
(«Широко закрытыми глазами».)

- холодно
- вот теплее
- ещё теплее
- совсем - ой - горячо!
- снова - снова: ой - холодно!...
- а вот: холодно - жарко

Ах, как холодно - жарко!

...Ох, осторожнее, Аня:
не ровён час и обморозиться, и ошпариться.

Читатель, Ты ещё здесь?
Небось, скучаешь.

2.13 Отвернувшись, на время переосмысливания себя
от всех,
она начала жить тем,
что начала жить исключительно для себя.
Одеваться, прибираться, подкрашиваться, держаться,
зарабатывать, растить детей... -
Д Л Я С Е Б Я
и - тщательно.

Период: «Я САМА».

Ах...

2.14 Но со временем,
старательно живя для себя,
и тщательно отбирая по себе платья,
Анна начала, - в сущности, аналогично -

при-
глядывать «по себе»
раз-

и мужчин.

Системный подход,
«высшая Математика».

И одиночествующая женщина,
взгляд - монокль.

III.

3.1 И вот случилось КАК-ТО ей
выйти с покупками из универсального магазина.
(Что случается, согласитесь, нередко.)
Но раз - донельзя уставшей, одной.
(Дети - дома, она - с работы.)
А один мужчина,
на неё загля... Глянувши,
вовремя придержал летящую на неё дверь.
Просто придержал, и просто пропустил, ничего более.
Ничего более, но иначе
Анну бы стукнуло
и ушибло
всерьёз
(ведь руки заняты),
а он: помог избежать.
И она сразу его
оглядела.

Тогда про себя:

*«Так. Черты лица простые приятные пострижен аккуратно одет просто но сносно вполне
хорошо гладит как будто сам ботинки не растоптаны и не замызганы не неряха ростом чуть
выше меня фигура не полная и не тощий глаза спокойные не ледяные не пустые взгляд
не бегающий не плотоядный дипломат в руке старенький ничего особенного неинтересен
совершенно обычный мешковат и меланхоличен немного».*

Оглядев так, Ничего не нашла,
проронила «спасибо», как не родное «здравствуйте»,
направилась дальше; как бы, спеша по делам; чтобы не пристал.
Но некстати вывалившийся
из сумы её на тротуар
свёрток,
и его шлепок,
и её - «тьфу...» и «ах!»
много способствовали тому,
чтобы тот мужчина ещё раз... Загляделся.

(Вот так к столбовой дороге примыкают - и её мыкают
- второстепенные:
Случай!..)

И мужчина предложил:
- Вам помочь?
- Ну-у... Помогите.

Тут она увидела, что и он её, как не занятую, разглядел.
Оглядел; и с желанием познакомиться,
но без нахальства желаний
в спокойных глазах
предложил:
- Подвезу.

И она, намаявшаяся за день,
даже отдохнула до дома в его серых от древности «Жигулях».
(А может, «Москвиче» - Анна не разбирала.)

Конечно,
он не был принц.
Он не князь и не граф, пожалуй - барон.
(Время показало, она не обмишурилась.)
(Зато и не маркиз: «М-мур-р-мяу-о-подол-ну-мяу-дай...
Мр-р-р, мр-р-р... Хр-р-р... Ну, я пошёл-л-л...» «Ну и!.. Брысь».)
Барон, так барон,
сумки подняты на этаж, и то хорошо.
- Благодарю Вас, большое спасибо.
- Да не за что, что Вы,
давайте и занесу.

3.2 Но вот,
сумки подняты, и всё слава богу,
и дома всё хорошо, и он прощается у дверей
(он тоже понял, куда попал), и не ждёт ничего.
...Но он же ей представился,
но он же поговорил с нею в дороге, -
а ещё раньше - помог, неприятностей «избежал».
А она ведь - княжна. И Принцесса!
И потому - некий долг. Врождённая обязательность!
Да и манеры. Не наплевать.
И один процент,
- надо добавить к случайности,
надо всегда что-нибудь добавлять к случайности -
неудовлетворённого женского любопытства:
чёртик дёргал, бес лез, щекотал,
мол, надо попытаться,
«!а вдруг?»
Впрочем,
всё бессознательное
говорило ей сразу: бароны, это тоже не твоё.

...Впрочем, от ощущений всегда хочется отмахнуться,
думается, им можно не верить,
думается им себя не вверять,
когда хочется на что-то
закрыть глаза.

Итак, он приглашается пить чай.
То есть,
(Attention! Внимание!)
он не уезжает домой сразу!

Отсюда выходит: случай пришёл, случай ушёл,
мужчина остался.

Вот случай!..

3.3 Дальше-э-э!... Всё просто.
Как советские три рубля. Как фильм «Экипаж».
(Потому - логика жизни)
Как игра «русская рулетка»...
Когда в барабане револьвера восемь-девять патронов
заряжены, и один или два - холостые, так что почти каждый выстрел
на смерть достигает цели.
Здесь же
из «десяти патронов»
целых четыре пустых (то есть, четыре против:
их же двое, разнохарактерных и разных каст холостяков,
да ещё двое детей у неё).
Так что
Не всякий «выстрел» достигнет цели,
и схождение любой-то уж паре
не гарантировано.
Однако,
эта игра такова,
что всех всегда тянет попробовать.
(«Авось!... А вдруг?»)
И все одинокие машинально пробуют.
Ну что ж, пробуем, давайте: договорились.

...Итак, два промаха не учитываем сразу:
их же двое одиноких и разнополых, и их тянет друг к другу.
Остаются ещё два. Из них следующий «минус один» отбавляем на чай.
Почему?? Загадка русской души, «немчуре» не понять.

Остаётся ещё один.

Но - всего один!

Блин!!...

И вот этот последний один надо
обязательно отнести, проверить и учесть на «мыть руки».
Всеобязательно. И всенепременно;

потому что,

где - пить чай,

там - мыть руки, естественно,

где - мыть руки, там с чем-нибудь неспрравным

в квартире/доме у одиноко хозяйствующего субъекта «женщина» - ванная.

(Не приведи господь - туалет, тогда шансы категорически повышаются.)

А что для мужчины с руками, если он только не лентяй и не моральный урод
поправить всё, и даже более, - тем более, рядом постоянно и близко мелькает нечто пока не-
доступное (о, се важный момент), и прекрасное, и он уже вдохновлён, - покуда кипит чай?

Да - фу, да - фи: ерунда! Времени б только хватило.

Лишь поспешай. ...А если чайник поставлен обычный,

то есть, пяти, трёх - литровый,

и для полноты счастья

от полноты души

доверху налитый.

А-у... ..

(В смысле: вау!)

Как оно: узнаете? Как - верите?

3.4 Вот-т-и-накренилась
подгрызенная жистью
зимнечерёмушка.

И уж -
«Кагорчика, -
лётom летит, -
к чаю, не пожелаете?
Или, может, ложечку бальзама в чай?
Для скусности. Намёк понял...

...Осподи! -
ну выронила вожжу,
утратила бдительно-управление,
ну вырвалось непроизвольно безвредное,
так она же седок, не кучер:
она женщина.

Так она же единственно из желания приятное
милейшему человеку
сделать.
Женщина же.
Добротой сослужить.
Без всяких, там, задних мыслей.

А он спокойненько:
«Да нет'с, знаете, если позволите,
как-нибудь в другой'с раз. Нельзя'с, потому как:
ведь я за рулём. Не стоит, знаете'с, рисковать: не люблю'с.
Особливо, когда'с с машиной. Ведь тогда, как потом'с,
после алкоголя, садиться за руль?
Придётся заночевать». (С...)
...Господи, как же она покраснела...
Настроение!.. Уж, кажется, Китайской стеной стояло,
да Берлинской враз рухнуло.
Ведь, что мог подумать'с!?
Этот приятный, похозяйственный...
А он - опять поддержал, а уж и не вспомнить: как, чем.
Только опять: без шума и как невзначай.
Чай!...

Так вот и закрепился,
нужненький.
И княжна-и-Принцесса
теперь без него, как без рук.
А как без рук, знаете ли.
Лучше и не проверяйте:
проверено!

3.5 Как?

У каждого, конечно, своё,
а я так, надысь, из любопытства
печнику ассистировал.
И из-за его... ух я ему,
попадёт уж он ко мне!
Молодого его подсобника
при работе на руке палец сломал.
Всего-то палец. Всего делов-то, подумаешь, палец, -
вдвоём с дежурным хирургом споро на место поставили.
Но вот рукой уже, как прежде,
не повладеешь.
Пуговиц не застегнуть! Хоть плачь.
Жизнь моментально потускнела-а...
Враз дошло: КАК без рук.
Отвратительно до-
Не поверите.

3.6 Ах-с

фейерверки, фанфары! Мы на счастье набредшие.
Малиновый перезвон в душе и кухни окрестностях.

Если глаза призакрыть, сердце жмурится.

У меня слепилось,
из того, что мнилось, -
вилось в снах зарилось,
вот и приключилось. Вопросы -
излишнее.

Душкой барон стал, серым лебедем.

(Все мы вначале : душки и лебеди,
все - белые и пушистые,
пока не проквасаем.)

Пока не взвиделся гусём лапчатым!

Но эт-всё потом, пока ж -
душкой, лебедем.

(Ведь синица в руках,
не журавль в небушке,
где ей покрошено,
там и поклёвывает,
где журавлик только натопчет,
синичка подберёт дочиста, как уборку сделает.
Ласковая птица, синица,
не гордая.
Домная.)

*Стал барон у Принцессы
синицею домовитой,
обласкан был,
лётал лебедем.
Зажили они нравственно,
как петух с лебедушкой.
Сказочка'с.*

Почему? - спросите.
(Вопрос не про нравственность.)
Ведь она грезила... Да-да, конечно.
Понимать зигзаг Принцессин
так надобно:
кому дано
и в небе летать,
и на земле стоять крепенько,
кому свойственно и мечтать, и хозяйствовать,
тот помощь в решении насущных земных проблем
невероятно оценивает: ценит.
Особенно,
если в ней остро нуждается.

Как наша Принцесса, Анна Павловна.
Посему (так отвечаем (разводим руками): «Поэтому».

3.7 И вот уж проблемы её
первым ея помощником,
добровольным приспешником,
решаться стали, и почти автоматически.
...-То-о-ля, - звонит, к примеру, ввечеру она. -
Ты зна-а-ешь, у нас ведь картошка кончилась. Не привезёшь!
(Интонация в разговоре, конечно, вопросительная,
но не знак вопроса, заметьте, в конце,
он не ставится. Почему?
А вот потому что.
Кто Толя?
Приятель?
Любовник?
Друг?
...Муж.
В чём-то.
Либо кое в чём.
Пусть не прописанный,
пускай не оформленный.
Вместе они каждый день не живут,
у него есть своя квартира;
но хозяйство ведут
этак процентов
на девяносто
совместное.
И делят друг с другом
жизнь, и то, что имеют в ней,
и всё, что у каждого из них имеется.
И ключи от квартир, и за детьми присмотреть,
и бельё постирать, и спинку потереть,
и полы, и окна помыть,
и рамы покрасить.
Хозяйничают.)
Уверенное:

...- Так когда привезёшь.

Да-а... - разочарованно - Завтра не сможешь?!

А я так надеялась.

- ...

- А что мы тогда есть будем?

- ...

- Да нет, есть, конечно, что поесть, это я так.

- ...

- Но ты уж привези поскорее.

- ...

- Да-а, уж постарайся.

- ...

- Да-а, можно сразу и мешок привезти.

- ...

- Поставим? Куда поставим? Поставим в подвал: в кладовую. И ещё - раз уж ты всё равно на рынок поедешь... (Далее следует список требуемого.)

Или.

Он приехал вечером, к нему она:

- Толя! Ты постельное бельё своё привёз?

- Да ну... - хочет отмахнуться он. - Ещё чистое.

- Нетушки! Я же тебе говорила!

- Да ведь я у тебя больше сплю.

- Всё равно: две недели прошло, надо поменять. Надо бы вообще каждую неделю менять, да я не успеваю, Времени всё не хватает стирать... И рубашку больше так не зашивай.

- Ладно-ладно, слушаюсь и повинуюсь. Я просто думал, чтобы тебе поменьше стирать.

- Так ведь ещё больше стирать, когда заношено!

Другие варианты.

Маша звонит (дочь её).

- Дядь Толя, привет! Это я - узнал? -

На том конце провода рокочет нечто радостное, добродушное, приветливое.

- Дядь Толя! Мама просила тебя посмотреть в магазине... Штуки такие... Ой, как их!... Ну кран когда потёк!

- ...

- У кого? У кого, у кого: у нас, конечно!

- ...

- Где? На кухне.

- ...

- Какой? Горячей воды.

- ...

- А-а-а

- ...

- Ты знал, что может потечь.

- ...

- И уже купил! Вот здорово! Да, и ещё: чего тебя долго нет-то?

- ...
- Как всего два дня?! Да-а?! Разве? Всего-то два дня?
- ...
- Мы по тебе уже соскучились.
- ...
- Да-а: и я, и Игорёшка.
- ...
- Не-ет, ты уж постарайся. И вечером приезжай.
- ...
- Ну приходи-и, ну дядя Толя... Ну приезжай сегодня-то... В «Дэнди» поиграем, и вообще...
- ...
- Как мама? Ждёт ли мама? Да не знаю я: ты у неё спрашивай. Хочешь, я спрошу.
- ...
- Соскучилась ли она? Да не знаю я! Наверное! Вы же друг без друга, наверно, скучаете, значит, соскучилась. Она занята, она всё время что-то делает, нет, чтобы с нами посидела.
- ...
- Да нет, главное, что мы тебя ждём!

Вот такой разговор.

Дети от души полюбили его.

(Он был простая душа.)

И он их.

По крайней мере, друг к другу они
очень хорошо относились -
издалека: видно.

В чём-то, даже лучше
чем друг к другу
с дядей Толей
мама.

Так то
дети, простая душа.

Вот такой расклад.

3.8. Вот вечер.

Среда, часов девятнадцать. Дом многоквартирный, подъезд, этаж.

Сцена: кухня, Анна, стол у окна, Барон за ужином, кастрюли на плите. Дети уже поели, мечутся - то в комнату, к телевизору, то на кухню: к маме и дяде Толе: соскучились за день. Анна в домашнем платье и переднике поверх него: готовит на завтра, на день. Одновременно моет посуду, одновременно со всеми говорит.

Анна. - Толь, ну что ты сегодня. Как день? Где был? Как дела?

Барон. (Он в домашних мягких брюках, клетчатой фланелевой рубашке с длинными, закатанными сейчас до локтей, рукавами, тапочках.) - Да так-то много где был. Подустил, конечно. (Зачерпывает очередную ложку рожков с тушёной, не торопясь, прожёвывает.) А день ничего, ничего...

(Анна слушает: его в пол уха, в пол уха детей, моет посуду, думает о своём. (О, как она невзлюбила потом эти «ничего-ничего». «Всё нормально, всё ничего», «всё ничего»... Господи, да уж когда хоть что-то-будет!...))

Барон. (отрезая хлеб, продолжает) - Мы съездили на скла-ад. Шеф написал, что привезти. Ну и завезли на объект.

Анна. (отрываясь от своих мыслей) - А-а, это что-то строится у вас?

Барон. - Да-а ...Ну вот. Мы поехали вдвоём на ГАЗ пятьдесят третьем...

Анна. - Это такая машина, которую «газик» зовут?

Барон. - Нет, «газик» - это другая. Это, знаешь, тот же завод, ну - того же завода машина, но «газик», это старая модель. Он был до «уазика».

Анна. (выпрямляется над раковиной, оглядывается на плиту, где стоит кастрюля с супом, прикидывает, не пора ли заправлять) - А-а. Я «уазик» представляю: это такой, в лес на нём все ездят, потому что у него, говорят, все колёса ведущие.

Барон. (одобряя познания) - Да-а... В лес, на рыбалку, на охоту... Вообще, штука в хозяйстве... (Делает красноречивый жест свободной левой рукой, выставляя вверх большой палец.)

Анна. (возвращая рассказчика в русло) - ...Ну- на склад, и?

Барон. (смотрит на неё, прерывает течение своей, начатой было, мысли о преползном в хозяйстве «уазике», и снова начинает говорить о прошедшем в делах своём дне. Барон всегда следовал за Анной, даже если хотел говорить о своём: так было удобней.) - Ну, там, гвозди загрузили, краску, пергамин, рубероид, потом олифу я чуть не забыл...

Барон последовательно перечисляет, что они привезли, Анна слушает. Маша, старшая из детей Анны, девочка лет двенадцати, входит в кухню, встаёт у дверей и тоже слушает: её занимает, о чём говорят взрослые.

Анна. - ...То есть, на крышу его нельзя.

Барон. (речь идёт о пергамене) - Да, на крышу его нельзя. (Вспоминает что хотел сообщить сразу по приходу.) - Я, кстати, гвоздей немного привёз. У нас ведь - у тебя, ведь - не было. Нет?

Анна. (разворачивается к нему от раковины с недоумёнными глазами) - Толь! Ну откуда у меня гвозди?

Барон. - Я их в кладовку положил, Игорьку показал. И мы с ним разложили по коробочкам. Ну, знаешь, это - где «пятидесятка», где «сотка», где «сороковка», «тридцатки» несколько горстей взял, пригодятся. Ну - «двухсотки» я, знаешь, брать не стал. Хотя так-то, оно можно бы, оно ведь никогда не знаешь, что в хозяйстве пригодится, что там завтра пригодится.

Анна. (огорчается) - Ну что ж ты не взял! «Двухсотка» - это на двадцать сантиметров гвоздь?

(Автор (улыбаясь). Выучила ведь! Узнала!)

Барон. (с удовлетворением) - Да-а.

Анна. (размышляет вслух) - На-а-пример - жерди к столбам на заборе, на даче, чтобы прибить. А?

Барон. (очень и очень серьёзно) - Ну-у-у... «Двухсоткой»? Ну незачем. Там всё тонкое, на том заборе, «двухсотка» там ни к чему. Я их прибью «сто пятидесяткой». (Немного задумывается.) Или даже нет: хватит на сто двадцать. (Сказал, как пригвоздил.)

Анна. (дождавшись, пока он закончит говорить) - А вообще, ты молодец! И что Игорёшку приучаешь. (Кричит в комнату: «Игорь! ИгОрька! Подойди сюда». В кухню вбегает сын Анны: весёлый подвижный, крепкий мальчик лет семи-восьми. Анна ласково улыбается ему и одновременно выражением глаз строжит его. Говорит:) - Слушай, ты всё запомнил, что вы с дядей Толей раскладывали? Ты запоминай, смотри, как дядя Толя делает! (Мальчик дважды в знак согласия кивает головой и уносится в комнату.)

Анна. - Хорошо, когда всё в порядке, и всё разложено по полочкам. Всё должно быть по полочкам. Ведь когда в хозяйстве всё по полочкам, намного легче: протянул руку и взял, и искать не надо. Я вот всё время пытаюсь навести такой порядок. Да и не только в хозяйстве. (Взглядывает, не подложить ли ещё Барону.) ...Кстати, меня на работе иногда в пример ставят, даже неудобно, у нас все женщины хорошие. ...А сегодня директор пришёл, говорит: «Зайдите, - говорит, - ко мне, Анна Павловна».

(Анна от раковины разворачивается к Барону, перестаёт заниматься другими делами, только рассказывает.)

Анна. - Представляешь, мне показалось, он совершенно хмурый такой! Я начала сразу думать, я ведь мнительная: что я могла такого неправильного сделать? Нет, ничего, кажется, не сотворила, не могла сотворить. Думала-думала, ну не знаю. Думаю, и бог с ним - будь что будет!... Поднимаюсь наверх. Сидит, уткнувшись в чертёж, кругом бумаги. Я когда вошла, он показал рукой на стул, я села. Буркнул: «Садитесь. Поздравляю». Ну уж я тогда не выдержала: а в чём, собственно, говорю, дело? А он вдруг засмеялся и уже нормальным голосом мне говорит: «Ну что ж, поздравляю. Как говорится, Вы добились своего!» Тогда я вообще перепугалась...

(Анна спохватывается, начинает хлопотать над супом, подкладывает ещё Барону, заворачивает краны воды, при этом продолжает говорить, всё более напоминая жену Верещагина, хлопчущую по хозяйству и одновременно разговаривающую с мужем, почти без перерыва в словах, без пауз и на одном дыхании. «Белое солнце пустыни».)

Анна. - ...Неужели он мои мысли прочитал? Ну неужели же прочитал?? Что не по нутру мне всё это: карьера, дела, работа и вообще работа. «Жалко мне с Вами, - говорит он мне, - расставаться». Ну вообще... (Анна смеётся и сердится, и заправляет суп.) Ну вообще - так здорово получилось: он о своём, я о своём, он о своём, я о своём. «Но зажимать Вас, - говорит, - как работника, тоже не могу. Да и время сейчас не то: эффективность нужна, понимаете! В главном управлении Вы принесёте больше пользы: так мне генеральный сказал». (Анна делает круглые глаза, кричит в комнату.) Маша! Игорь! Вы слышите? (Обращается к Барону.) - Толя, ты не представляешь! Они меня повысили! Вцепились и едут. Вези!.. Кто везёт.

(Вбегают Маша, Игорь, спрашивают.) - Мама, что?

Анна. (демонстрирует рукой рост чего-то) - Повысили меня! Я теперь... (демонстрирует рукой ещё раз повышение) Переводят меня, выше...

Маша. (подпрыгивает, кричит «ура», спрашивает мгновенно) - Мама, сколько теперь ты будешь получать?

Игорь. (задумывается, склоняет голову набок, внимательно смотрит на мать) - Мама, а теперь ты не будешь задерживаться с работы?

Барон. (с восхищением) - Поздравляю!

Анна. (обречённо машет рукой всем) - Да ладно...

Барон. (не противореча) - Ну да... Ну-ка, давай-ка, по стопочке-ка по такому поводу!

(Анна смеётся, показывает, что не отказывается. Барон достаёт из холодильника бутылку водки, бутылка уже открыта, неполна. Он наливает в подставленные Анной рюмки, Анна машет ему рукой, говорит, мне только половинку. Выпивают, чокнувшись. Анна закашливается, все смеются. Анна делано сердится за это на всех, но затем тоже смеётся.)

Анна. (Барону) - Ну и что вы ещё?

Барон. (закусывает, прожёвывает) - Ну как... Ну...

Анна. (перебивая) - Вкусно?

Барон. (отмахивается) - Вкусно, конечно вкусно.

Анна. (озабоченно) - А мне показалось... Не очень что-то, чего-то, кажется... Не получилось у меня. Ну да ладно.

Барон. - Дай, пожалуйста, руки вытереть.

(Анна подаёт ему полотенце. Барон улыбается: ему очень и очень нравится его хозяйка.)

Барон. - Ну мы... Давай пить чай. ...Загрузили мы много. Объект хоть небольшой, ассортимента требует много, разного. Стекло, вот, к примеру: трёх видов. Ящики, веришь-нет, такие, что вчетвером едва сдвигали! А матовое стекло вообще по одному листу носили - не дай бог разбить, оно ведь метр на метр. (Задумывается.) Я думаю, завтра тоже придётся ещё тоже снабженьишком заниматься: всегда какой-нибудь мелочёвки не хватит, вот потом и беги. Но завтра я пораньше вернусь. (Поворачивается к выходу из кухни, немного повысив голос говорит в сторону комнаты.) Игорёк, ты меня слышишь?

(Ответа нет, и Барон встаёт, спокойно, без малейшего раздражения ещё трижды окликает Игоря. Когда тот, наконец, отрывается от телевизора, Барон садится на своё прежнее место и сообщает Игорю и Анне.)

Барон. - Завтра надо косяки у входной двери подладить. (Анне) Ты сама говорила, что что-то они расшатались.

(Он снова встаёт, идёт к входной двери, трогает, осматривает косяки. Анна окликает его.)

Анна. - Толя, сядь, доешь.

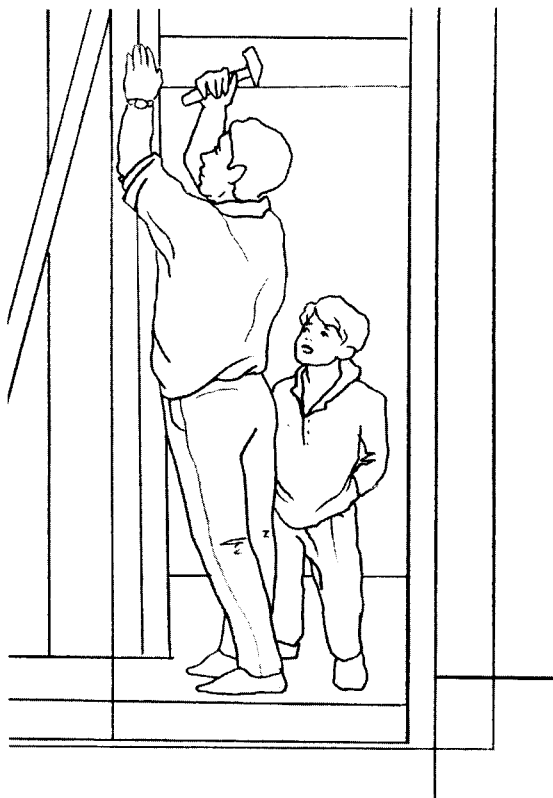
Барон. (возвращается, садится, берётся за бокал с чаем) - Д-да... (Делает движения языком во рту, вычищая застрявшие кусочки мяса от тушёнки, кивком указывает Анне на выход из кухни. Надо понимать, он показывает на входную, в квартиру, дверь.) Д-да, расшатались, всё мне было некогда. Надо-надо... Не нравится мне это, вот, никак.

Анна. - Д-да! (Анна глядит на своего Барона очень и очень уважительно.)

(В этот момент опускается занавес, на авансцене довольная Анна.)

Анне нравилось, да.
Да.
Да-да!
Представьте,
вот нравилось ей,
что не надо вспоминать о косяках, -
ей думать, ей помнить, ей вспоминать о косяках
и протчем, протчем подобном разном.
Пусть даже она про что-то забудет,
ничего в её квартире при этом
не слу-чит-ся.
Не вывалится дверь никак.
Потому что - Барон!
Вот так.
Такой вот эпизод,
незаурядная семейная сцена.

И вот такой расклад.

3.9 И

вот таким макарон, -
тьфу-ты! Что я говорю - несу:
наслушался чужих разговоров,
насмотрелся «сцен» -
Анатоляном! -
хозяйственно-бытовые
и интимно-повседневные проблемы Анны,
пусть простенько,
уладились.

3.10 И уж запланированы были

1.сообща на лето
2.более масштабные,
3.абсолютные ранее здельвейсы - дела,
как-то:
освоить дачу,
произвести ремонт в зале,
затеять в прихожей новый всеобъемлющий шкаф,
поменять «Москвич» (был «Москвич» всё-таки) на «Жигули»,
установить вторую входную дверь;
вроде бы даже - пожениться;
что-то там дальше насчёт
слияния двух
квартир...

Как наступила - весна.

3.11 Весна.

Вначале просто всплакнёт мороз.
Ночи ещё полны зимнего света.
Каменные оттепели в городах,
робкое солнце смотрит поля.
Шубу одеть, пальто?
Утеплённый кожаный плащ.
А на ноги? Сапожки?
Потом! -
зашумит,
разворошится,
разродится что-то!
Начнутся причуды погоды!
Только разнежись солнышком - ветер! Шквал!..
«Шквал! Хорошо, что успела добежать» -
причёсываясь, глянешь в окно,
брызнет в лицо-стекло: дождь?
Стечёт по стеклу-лицу: снег?
Что это: зима? Весна?
...Март - братец.

Затем
потеплеет
торжественно.
Метаниям - нет,
пошёл, не обратится процесс.

...И то же в душе.
Как об этом сказать?!
Напрасно описывать: нищи слова.
Что слова - обозначения, термины.
Да ещё каждый их понимает по-разному, -
да ещё разнятся дети и старики, женщины и мужчины...

Мужчины и женщины.

Вот образчик
весеннего разговора мужчин:

«На весну, как на каждое время года, хорошо б иметь специальную «резину». Машину вовремя «переобуть». Надо бы и свой сорт двигательного масла. Ну - «анти-коррозийку» подновить. Тосол пока можно оставить. А вот насчёт плотности электролита...» (На да уж прибавлю «по-поручик-Ржевский»: ещё бы и вторую подружку - зимой помягче б, - оно потеплее, - летом более худенькую: меньше потеет, приятней смотрится на пляжУ.)
(Ну - рази меня!...)

Разве душа
так?
воспринимает весну.

Лишь ветер вначале,
Треск - ропот зимы;
робость потом;
трепетания;
трель;
волны, воздух,
флюиды, глюки...

Чу - складываются звуки:
колеблется, осознаёт себя мир.
Создаётся музыка дирижёрством Весны!
Она махнёт - и прольётся скрипка, закапает домра, побежит мандолина,
баян разольётся, протечёт фагот...
Но вначале, до всех, -
о, конечно, -
выстроенный говор,
крупные: каждая - глас!
Переходы - шаги, звуки - ступени,
аккорды Её фано.

Беленитесь, поэты!
Петра творение
переписать.

Чайковский. Грозди, мириады - весь сонм! Весенних ассоциаций!

Бо-лу-бен-хий, хистый под-снеж-ник цвето-ок, а

под-ле сквозистый пос-лед-ний снег. Лос-!

...-там-там-там-там-...

Слышите? Чувствуется?

Как набирается ТАМ весна!

Как прогревает, - и тянется вверх, к солнечному теплу

Подснежник - вверху стана, в правой руке.

И как оседает медленный снег, и - капает

каПАЕТ, КАПАЕТ - внизу:

уж сыро стало в

левой руке.

лед-ни-е слё-зи о го-ре бы-ло-ам.

пер-ва-е зрё-зи о сгастве и-но-ам...

3.12 «Allegretto con moto e un poco rubato». «Апрель».

Подснежники!

Ручейки!

Почки!

Ветерки!

Пиано с фортиссимо попеременно, -

по весне всё, знаете ли, обостряется:

Handwritten musical score for piano, consisting of two systems of staves. The first system is marked with a double quote on the left and a dynamic marking 'p' (piano). The second system is marked with a double quote on the right and a dynamic marking 'f' (forte). Both systems feature a treble and bass clef, a key signature of one flat, and a 6/8 time signature. The music includes various notes, rests, and articulation marks like accents and slurs.

!!!

Ах, эти ручейки - почки...
Принцесса элементарно затосковала.

3.13 Руки теперь у неё
были при деле,
а душа -
душа
так и оставалась незанятой.
И томилась в бездеятельности, и сохла,
как засыхает от бездействия
всё движущееся,
живое.
Томиться любит блюдо.
Ша! Не прививался барон в душе
и всё тут! Ведь даже не всякое семечко прорастает в земле.
Не срасталась душой Принцесса с Бароном;
может, она и хотела бы свиться с ним, но -
ЧУВСТВА ЕЁ МОЛЧАЛИ.

...В итоге
даже ночью для Анны
стало что-то чисто механическое.
Что-то происходило с ней, что - про-изводили с ней,
что - обязательное, что нужно (переждать);
а ведь ЕЙ ХОТЕЛОСЬ ЛЮБИТЬ.
И ещё ей ждалось:
насытиться.
И только потом уже
семейные и другие обязанности.
Так пригасилась
к ней
вторая беда.

Жизнь стала разлаживаться,
жизнь стала некрасива.

3.14 Барон же, казалось,
ни о чём не тужил!
Был доволен всем!
Не сомневался!
Ни о чём не догадывался,
ведь он - ЖИЛ ! И как! Жил, как барон!
(Все лавры на поясе.)
У него было всё,
он давал
семье своей всё.
Чего ж ещё пожелать?
Он - сама заботливость. По-своему.
И сама беспечность.

(Ай-я-яй, брат - Барон...
Как он вам, сёстры?)

3.15 И откуда кто
мог тогда знать,
что всякой Принцессе -
и княжне Принцессе Анне тож, -
как бы жизнь баронесс их ни устраивала,
всегда: будет недоставать
для полноты жизни
чего-то ещё.
Чего? - спросите.
Ах, ахти меня -
рука об руку,
бок о бок с руками, -
на голову у них выше рук! -
сердечные кипенья, ощущения любви...
...Набухание почек, шум листвы, пот дождей, -
ливни, смиряющие жару, -
знойный июль,
холодеющий август,
краткое сентябрьское лето,
восторги осеннего увяданья...
Зимняя одинокая дорога - снежное преддверие,
неожиданный взрыв нового апреля!
И вот так им нужна:
всю жизнь!
Что?
Поддерживаемое
постоянное кипение,
постоянное движение, напряжение,
необходимая смена времён года
внутри.
И без этого им,
Принцессам, сёстры,
никак!

Однажды Анна невпопад ответила Барону:
«Это же элементарно, ватсон».

3.16 Однако - весна.

Вскрылись реки, растрогались почки,
снег сошёл, над полями - испарина, и - «...Ландыши,
ландыши - белого мая приве-ет...»
«Май». Andantio. «Белые ночи».

Принцесса с Бароном семьёй, впервые совместно,
решили выехать на природу. Ах, натура, как бы рёк Карамзин,
всех тянет к себе, матушка. И их потянуло.

Выкатили за город, местечко выбрали;
поляна, костёр, речка невдалеке,
на земле, под брезентом,
лапник еловый.

Дух-то какой!

А вид!!!

Дух захватывает.

Отдых души: пик-ни-чок.

Всё, как у людей, конечно:

мама захватила, чем утолить голод,
дочь - магнитофон, сын - деревянные ружья, кораблики.
Дядю Толю обязали найти гитару, чтобы у костра сыграл и спел -
а-а ка-ак же! Костёр и гитара для Принцесс две вещи

такие же неразлучные,
как для советской интеллигенции -
например, кухня и разговоры о политике на ней,
или как «Монастырка» и шоколад,
или, на крайний случай,
Моцарт и Сальери.

Кратче сказать -
как перина и горошина
лук и слёзы для настоящих сказочных
невыдуманных принцесс!

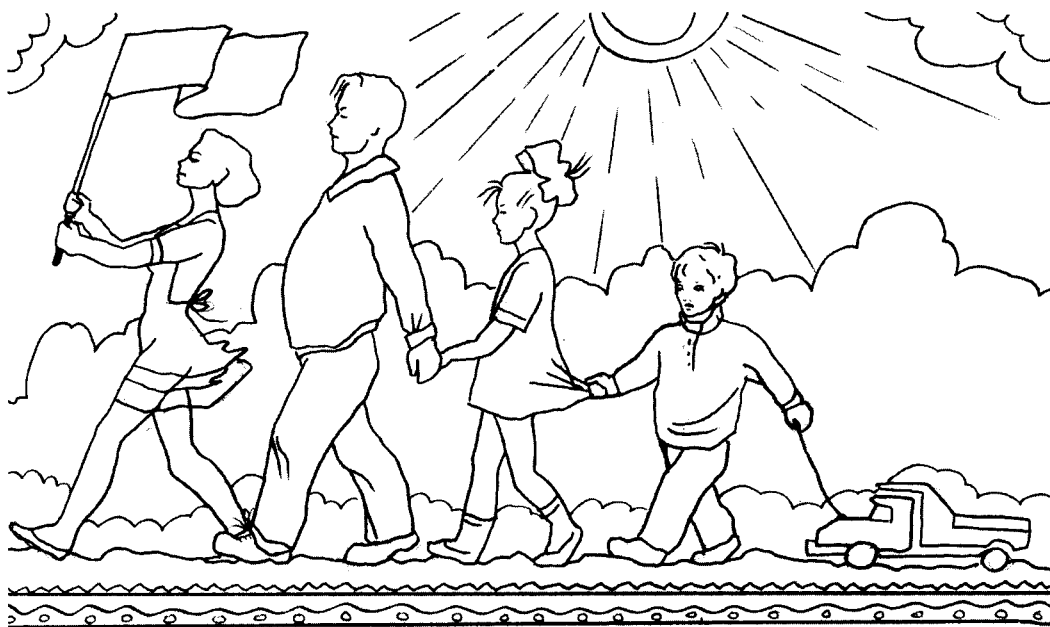
...Ах, как удачно они выехали!
Место попало пре!красное,
«Москвичок» дорогу вы!держал,
шашлычок не! подкачал,
погода - не портила.
Настроение!... вО!

Вечер, костёр, искры до небес,
гитара, семья... Море воздуха, лесов
и прелестей жизни впереди. У-по-ень-е! Ах!

Воспрянула Анна, ожила душой,
Барон возлюбленным,
очаровательнейшим,
богоданным ей
показался.

Глаз
от него -
не отрывала!
У костра тесно прижавшись - сидела!
Добилась, чего хотела:
влюбила себя!
Влюбила
на раз,
по уши!
Молодец!
Герой - умница!
Так держать, флаг в руки!

- ...Толя, поехали ещё раз, а!
- Ну, конечно.

3.17 Поехали.
«Июнь». Andante cantabile.
Прозвучала и «Баркарола».
И поехали ещё раз.
И ещё два.
...И приелось;
как обычное удовольствие.

3.18 И поникла душа, вновь
застряла в полосе безжизненности, однообразия;
гортанными кликами птиц улетела ещё дальше на север мечты.
(«Птички твари неразумные - куда летят?!...» Вот «Земля Санникова»)

3.19 Но всё проходит.
Прошли и весна, и начало лета;
лето - в разгаре: огороды, грядки...
Жизнь - ключом: огороды, грядки, поливка, прополка,
купания, загар, салат... - ей богу, не до тоски!
Но... но... но.

3.20 Кончилось лето.
«Август. Жатва». Allegro vivace.
Копка картошки.

3.21 Осень,
andante... «Осень...
Что такое осень, это где-то
Плачущее небо под ногами!...»
До боли знакомый Шевчук с гитарой
в расстёгнутой рубашке...

3.21a В новой форме дети пошли в школу.

3.22 Но вот, руки-ноги свободны,
на теле загар, на работе дела,
дети здоровы и полны сил,
дети в школе: учатся.
Дом - работа, дом - полная чаша!
Кажется, никаких проблем:
трудишься день,
жизнь обес...
беспечна.

...Снова затомилось сердечко:
чем жить? Заболела у Принцессы головушка.
Вовсе нестерпим барон стал -
достал! Докучен, однообразен!
Об-ре-ме-ни-те-лен.
Никакого полёта -
«шесть соток»,
no fantasy,
«суша,
пригодная для оленеводства».
(Чукчи, чумы, чуни, нарты, малицы...)
И этот, Б-р-р-он, который в своей тундре -
суше, пригодной для оленеводства -
«в чуме ждёт рассвета».

3.23 ...Но даже и это проходит.
Прошла и осень,
грустная, печальная пора.

Осень, «На тройке».
...Какое - на тройке!
«Осенняя песня» надолго, до декабря,
всё существо Анны составила.

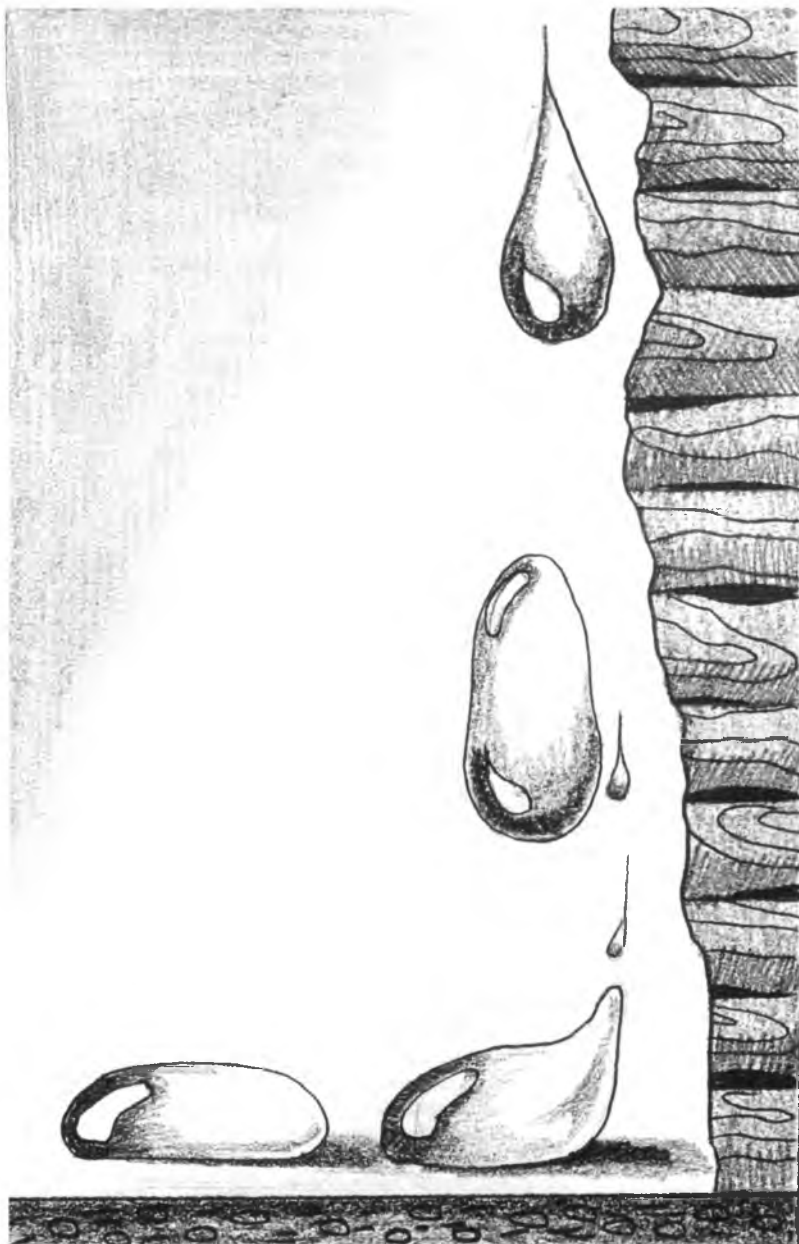
«Осень, осыпается
весь наш бедный сад.
Листья пожелтевшие по ветру летят...»
Andante dolorosa e molto cantabile.

Однажды
избыла себя осень.
От жажды
избыла себя Анна.
На душе у ней,
как на улице:
глянешь в окно -
то посверкивает, замёрзло,
то раскисло, непогодится.

Трудно жить, когда
пусты дороги, мрачны деревья,
встали реки, хладны дома.
...Странно, пугая взгляд,
убиваются на голой коже ветвей
скрючившиеся мёртвые листья. Они зачем?
Анна с ужасом чувствовала, что замерзает.
Она и вправду *иззяблась*.
Она *продрогла* вся.

Как мужчина...

И стекал год

IV

4.1 И вот,
после года совместного,
Принцесса - чуть не взягнула,
(но принцессы не лошади: не лягаются, и
правильнее сказать здесь не по-литературному: она
дёрнулась, рыпнулась - на сторону,
и после...

Несколько дней
Барона не привечала.
Сказалась больна. Барон простил
(он был не обидчив).
К тому же,
владеть Принцессой
ему представлялось лестным,
и он спускал ей мелкие - м-м... шалости...
Не нужен, не любят - не показывался
пару неделечек
и всего!

Ему - что...
(вот, вот)
Подумаешь, недолечко без «сладкого».
Принцесса же - запаниковала!

И волей-неволей
(долей - недолей)
одумалась.
«Что, если
он вообще
не покажется?
Ведь снова одна?!
Как же я тогда буду?..
Кто же мне тогда будет?..»
Кроме глубоко личного ночьего
она представила себе железнодорожный состав
и маленькую тележку того морочного,
что приходится перевозить на себе
в этой жизни женщине
с детьми

и
оставшейся
при том одной, и
враз обмякши, тяжко вздохнула,
слёзы смигнула,
не голосив,
в тишь
только ойкнула.
Воля её сделалась
Гуттаперчевой,
сама она вткнула себе,
фантазёрке корытошной,
«!нет!» губительное.

4.2 ...Пятьдесят часов
(ли минут) продержалась,
бедная,
в мелкопоместной воительности.
(Гаврилу Дубровского - помните отца Разбойника,
восставшего Троекурову? -
сверх меры напоминая.
Скончалась аналогично: в ужасе;
когда субъект мириться
приехали-с.)

4.3 ...Когда Барон -
«Ну наконец-то...
(тогда Принцессы ещё не употребляли словечко «блин...»)
Приехал», -
пока Барон
совладения обошёл,
с детьми побыл, по кухне шастал,
нет-стержень Принцессу ещё держал;
даже экспансией мимоходом промышляя.
Когда же Барон и дальше остался,
(«О, боже!!!...») она, взыв, -
как на каторгу.

Всё же решив,
что как жена - должна,
что недостаточно о нём заботится,
и вообще - «ближе надо быть к людям» -
(ах уж это неизводимое, как чернильное пятно, советское,
всем народом впитываемое, как молоко матери: Программа Партии!)
по полной программе с Бароном отработала.
(Даже пресловутое «небо в алмазах»
в порыве страсти-долга
продемонстрировать
постаралась.
Нет,
не сумела:
не веллеровская «Марина».
Она звёзд с неба никогда не хватала.

Да, кстати, о звёздах. Во всех областях
(жизни) брала восприимчивостью, усидчивостью,
где и отдачей себя.

...Барон уснул,
протрясено-отласканный,
она, собой потрясённая,
тяжкую думу думала.
Горе-печаль варила,
варом её в горе мыла,
та же её - горбатила.

...Даже ноготки погрызла.
(Что принцессам несвойственно.)
Себя грызла, вот из-за чего всё, -
все места свои, золотые, отданные,
как девушка в первый раз,
ненавидя.

Мылась после
долго под душем,
словно что-то налипшее с себя стирала.
Ещё и Мойдодыром выговаривала:
«А и поделом тебе, сударыня -
а не томишься несбыточным.
Лихо? Не якшайся с баронами.
Любо? Будь последовательной.
А то от таких женщин...ёрзанных
действительно: все беды на свете.
...А не от женщин вообще,
это глупо мужчины думают.
Барон-то здесь при чём?
Барон-то с собой честен,
при чём здесь Барон...»

И что-то решила там,
В ванном, под водном царстве
незамеченное.
Струёй промытое,
водой пролитое,
печатью Принцесс помеченное,
и даже самой себе не реченое.

4.4 С той поры мало-помалу,
потихоньку-понемногу,
младой сапочкой,
стала Принцесса
от Барона
от... Отделиваться.

(Нет, нет,
всё правильно, господа,
т.к. это не банальная литература,
а СЛОВОобразование.
Даже: словообразовывание.
Вот заковыристость.)

На деле, -
в видимой части
жизненного айсберга,
всё как будто оставалось по-прежнему.
(И даже изменять она ему перестала,
но не от верности.)

Просто

начала Принцесса
пространство Барона
в своей душе

с у ж и в а т ь.

Пока он -
само! -
не ограничилось
фактически занятым им

площади её Круга

...уголком,

с
е е
к к
т т
о о
р р
о о
м м

Так первый
...-э-э-э...
член её кружка
(вспоминаем анекдот)
в площади круга её души
обрёл соответственный статус.
Занял подобающее своему статусу место.

СТАТУС - вот она «горошина» !
Статус - вот оно наиважное!

Стал Барон
«зав.Сектором».

4.5 Мгновенно
всё стало на свои места.
Принцесса - «Гм-м» - задумалась.
Ведь, насколько ничего не изменившись, всё
стало лучше. В душе стало лучше!
Гор-раздо лучше!
Как никогда!
«Хорошо...»

Отсюда, из всего этого,
1. без дум, практически,
2. как сам собой,
3. от желаний автоматически
4. у Принцессы проклюнулся

п л а н.

План - нулевой шаг Действий!
План - выразитель, катализатор надежды.
Действие плюс надежда - уже само по себе хорошо.
И если ещё нет, чем жить,
уже есть
основание не умирать.

К тому же, надежда - известный «компас земной,
а удача...» Ах, что - удача...

Птенец последовательных,
лавр трудолюбивых,

мирная сень не подлых
и Принцесса Анна,

4.6 решившись
отдалась воле двух случаев.
Во-первых, у неё была подруга, коллега по жизни,
и коллеге было наказано
Анну знакомить.
Во-вторых,
повзвешивав и поколебавшись,
Анна о себе объявила: написала,
дала объявление.
Так, мол и так, такая-то
приблизительно Принцесса
ожидает своего Принца зпт мечтает тчк
надеется на встречу.
(...После дождя,
в Летнем саду...)
Конечно же,
в том объявлении были совершенно иные,
какие-то характерные особенные,
лично её слова.
И ещё:
никогда никто
из особ сословия,
способного полётам
над распаханными у всех под картофельные клубни полями,
прямо о себе такого на публику
не заявляет.
Ферштейн? Андэстэнд?
На то у них есть свой язык,
коего особенный диалект
иными категориями народонаселения
ни под сурдинку (или самогон - водочку), -
ни под руководством какого хрущева (он - целина!) неосвоимый,
ни с каким сусаниным (да он трущоба!) не пройти его.
Вернее, те думают, понимают всё,
даже гувьями могут сделать
хлубокомысленное,

на деле ж
кумекают одну вторую бельмеса.
(Всё-таки старик Эзоп - был, и был гений.)

4.7 Написала, отправила.

Принялась ожидать. (Маннны небесной.)

Ответов! («Ой-ёй...») Просыпалось...

(У нас ведь куда ни плюнь,
всё в Принца попадётся.
И каждый считает себя...)

(Особенно их много
«из мест лишения».
Ох, будьте начеку, женщины!)

Она в замешательстве качала головой.

Перечитала все,
над коими и поплакала.
(Трудно, братья, удержаться от слёз женщине,
зря жалобливые мужские слёзы.)

Но то - роман, ей как быть?

Золушке - скликнули бы мышей,

Анна - создала сита.

Просеяла «крупку» через крупные два,
ответов осталось три.

Просеяла через среднее -

один.

Мелкое -

один,

тот же.

Что ж,

похоже,

это был Принц,

пора отвечать.

4.8 Списались.

Встретились.

Их - *закружило!*

4.9 Это был

действительно Принц,

Анна о таком даже

не мечтала.

Иногда думала,

что не потянет его,

иной раз в шутку пыталась:

не устаивается ли он внимания Королев?..

Но всё у них длилось. И тогда,

улучив момент,

Анна

заикнулась.

О постоянстве.

О княжестве. Венце и короне,
статусе княгини, князя/короля.

Принц...

Как о что-то споткнулся. Устоял.

Ей ответ был, как приговор палача: окончателен.

Ответ ей был: «Подожди».

«Хорошо. И?»

«Видишь ли,

вначале я должен отстроить дворец. Ладно, пусть - дом.

Затем отвоевать у недружественного Графа
себе кусок территории.

Для Княжества».

(То бишь, мощно укрепить свой бизнес, дела.)

«Не станет же моя королева ра-бо-тать, не могу допустить. Ага?»

«Да, и?»

«И потом можно устраивать всё прочее - остальное».

(Под прочим по-видимому, он имел всё, что не дела.)

Признаться,

княжна скуксилась.

(И Принцессу сё не устраивало:

быть верной любовницей,

хоть бы и короля.)

...О, принцессы, королевы, княгини -
о, женщины.

Может, и ни к селу,

но как здесь без философии.

Не чурайтесь её, не бегите, и она: жизнь!

И, кстати, ещё пятьсот-четыреста лет назад
в обществе ею увлекались вы все, да-да!

Но нам здесь она лишь к слову -

Слову о верности.

Если помните,

в самом-самом начале

здесь обещалось сказать о верности,
вашей, и преданности себе и природа своя
вообще женщины. (А также и нашей.)

Так вот,

беседуя по утрам

за чаем, пред русским камином

(русской печью) с нашим знаменитейшим из коллег,

мы - начинающий, он умудрённый,

нам с удовольствием

довелось узнать то,

что открылось через природу,

и что подтвердилось чрез Анну.

Он рассуждал о своём, не слышал меня, -

куда нам, он мировое светило! -

но мысль оказалась ясна,

и я лишь добавлю

(его мысль ниже):

оказывается,

за 420 лет

природа княгинь

ничуточку не изменилась!

Это подтверждает, на этом настаивает он.

И пусть нашего коллегу не называют «доктор»,
всё ж за прививками от многих душевно-сосудистых болезней
наши чутьё и образование в юности
отсылают к нему.

Вслушайтесь:

«Ни одна женщина,
которой брак пришёлся бы по вкусу, не пожелала бы поменяться местами
с любовницей или подругой своего мужа».

Мишель Монтень,

1 марта

1580 года.

Вот даже КАК!

Коленопреклоняюсь.

Такова была и Анна.

...Повздыхав,

и ещё немножечко подержавшись,
(всё-таки - за будущего б короля!)

Анна от него отошла.

Похоже,

Он был ещё «маленький».

Она видела, что напрасно теряется время.

(А она не покупала платья на вырост.)

Впрочем, он исчез и сам:

вот такое адью.

4.10 От подруги
желанного События не было.

~

Подруга иногда Анне зудила:
«Как нам с тобой ещё не надоест...
Проживём и одинокими».

~

А ещё иногда,
после первой *рюмки* чая
подруга науськивала Анну:
«Как всё чудесно и чудно -
весна, раскрытое окно!
...И сигареты огонёк,
и разговоры до ночи!
...И мне пока ж то не в до мёк:
что все мужчины -

с

в

о

л

о

ч

и

..»

Отшучиваясь, смеясь,
Анна дистанцировалась
...с сигаретой.

~
«А может,
давай заведём с тобой
хор-роших спонсоров! -
после *второй*
предлагала подруга.
- Будут они нас, когда захотят,
тр...ть.

Ну и х.. с ним,
а, - нет: с ними, с нами.
Зато ЗАЖИВЁМ материально!»
«Кому мы с тобой нужны-ы...» -
как бы соглашалась Анна.

~
«Ну ладно,
(вот неуёмная была у неё подруга!)
ну тогда давай, -
после *третьей* предлагала она, -
тогда давай приглядим себе
чистеньких хорошеньких мужичков.
Будут прибегать иногда,
ну, это - *баклуши бить*... Сытые да весёлые.
Жена надоела до смерти, тёща до безобразия,
а тут (и она обволакивала по-мужски взглядом Анну)
вот такая ничего себе ... отдушинка.
Отдушечка - подушечка.
А тебе - стирать не надо
- фу! - носков чьих-то грязных,
убиваться готовить не надо, рань-раннюю вставать...»
«Да я бы уж лучше, кажется, встава-а-ала» - слезилась Анна.
«Ну и... Мучайся тогда. А может, давай?»
«Нет».
«Твоя стойкость меня поражает».

~
«...Пусть за мной будет только один грех».
«Это какой же? - любопытно настораживалась подруга. -
Это мы чего с тобой: пьяные что ли уже?
Исповеди что ли у нас начинаются?
Ну, давай ещё «по пять грамм»».
«Давай. А я не пьяная ещё? Незаметно?
Смотри, напоишь меня, дети увидят».
«О, господи! - всплескивала подруга, наливая. -
Вы поглядите, о чём она волнуется!
Тебе о другом думать надо! Как...
Держи сигарету».
«Да не курю я».
«А, - всё забываю. Ну и...
Ну и каков твой грех из себя-а-а...
Молодой, красивый? Богат? Обаятельный? Обходитель?»

«Да что ты всё к одному-то сведёшь.

Это - ах: уныние...»

«Ик...»

«Ну да, это ведь тоже грех».

«Ну ты, мать, дала...»

«Да никому я уже давно не...»

«Да я тоже...»

«Ты на меня не обижайся».

«Да-а, не обижайся...»

И они ставили в магнитофон кассету,
и подпевали - поначалу тихонечко, горько-печально,
потом всё громче, громче, потом - жизнерадостно-горько!

И вспоминали свои недавние пустые знакомства...

Пустые у обоих, потому что подруга
сама всё кого-то ждала,
ждала и не находила всё.

И пела им плакальщица женской доли
русской эстрады
Ирина Аллегрова.

«Ну что нам делать, что? - плакалась подруге Принцесса Анна. -
Кругом всё одни женщины незамужние...»
«Угу, хоть пруд пруди. А мужчин кот наплакал.
Может, нам где-нибудь... Подобрать? По ничейному, никому не нужному.
Отмоешь, откормишь, усадишь на диван».
«Да-а, и будет потом тебе «шариков»...»
«Н-н-да, ты права, мать, подай пепельницу.
Да пошевелись ты! Пепел падает уж.
...Будет стряхивать пепел на мой ковёр.
И писать мимо моего унитаза.

...Или - откормишь, отмоешь, на ноги поставишь,
а он этими новыми ножками к другой уйдёт.
Ты представляешь, какой кошмар! А?
Во мы вляпались».
«Ах, подруга».

4.11 Время шло.
Барон оставался.
Анна - иногда знакомилась,
с той же частотой расставалась.
Года через два решила объявить о себе опять.
Объявила. Снова - как манна,
снова сита, снова ни одного.
Маркизы же, бароны, графы, чужие князья,
равно, как разночинцы или простолюдины
её, для того, что она мечтала иметь,
что желала построить,
для себя создать,
не устраивали.
Ну, нет так нет,
вздохнула, подождала,
объявила опять.
И опять.

Тут
среди прочих
почудился один! Встретились.
Так и есть: он - Княжич, и он - Принц,
как говорится: чутьё не подвело.
Ура, ура, ура, ура и ура.
И до утра.

Он был другого,
чем ей хотелось бы, склада,
и, может быть, если ей крепче задуматься,
не совсем то; но она посчитала,
что повезло, причём -
несказанно.

4.12 Как это объяснить?

Да что тут объяснять, история не своеобразна,
когда ждёшь, когда терпишь.

...Однажды, в чужой стороне,
озираясь на неродные уклады, порядки,
и уже тоскуя по родине, я
встретил земляка. Бо! же!

Как отлегло от сердца.

«Как здорово! - восторгался я. -

Как повезло! Свой человек - это главное!»

Мы шли попутно, мы радовались с ним от души.

Помнится, у нас не нашлось денег и времени на ресторан, но -

*«...Рыбак и витязь на берегах
До поздней ночи просидели
С душой и сердцем на устах
Часы невидимо летели».*

4.13 И они радовались, как им повезло:

есть с кем отвести душу.

Анна в момент привязалась к нему.

Он действительно был Принцем,

потому что она и не заметила,

как оказалась у него -

и на руках, и в

руках.

Побывали у него:

«Fine».

Побывали у неё:

«Nice».

И вообще: all present and correct во многих местах.

(И е?...)

Угу-м.

Конечно, они заглянули и в спальню.

...Едва о времени вспомнили,

когда уж вот-вот дети...

Господи, «Москва слезам не верит»

всеизвестное.)

(Как-то потом, когда уже привычно доверяли друг другу,

целую ночь посвятили прениям на тему: «Если у людей

противоположного пола совпадают душа и тело,

то есть, душевное и телесное,

желание и обладание друг другом

приводят к ощущениям

несуветным.

Разум можно потерять.

(Кулинары говорят лучше: ум можно отъесть.)

Разногласий не было.

(А барон всё оставался.)

4.14 Принцесса с Княжичем
начали узнавать друг друга, даже - притираться.
С её детьми у него отношения сложились, в быту он её, в общем и целом,
устраивал, о теле и душе, кажется, сказано.

В не великих делах его
царил порядок.

Так что
выяснила она точно,
что Барона бы он ей заменил.
Пусть не совершенно, да это уж придирки её, мелочи -
глупо задираться, когда наличествует главное,
всё ж княжич - не барон.
Ведь барон - что? Мостик, ступенька,

4.15 переходный этап в её семейной политике,
счастье прибудное и набредшее.

Ведь барон...
так никогда бы и не...
как бы жизнь баронессы её ни...
Принцессе всегда...

от жизни...

Что-то

ещё.

Да...

как бы

жизнь её

материальная

сыто ни сложилась.

Даже если русскому коту - масленица,
а таджикскому - амэрикэн Биг Мак на обед.

4.16 Поэтому, хоть с явлением нового лица

в видимой части жизни Анны

ничего не изменилось,

она - ЗАЖИЛА

Ещё КАК ЗАЖИЛА !

ЗАЖИЛА НА ШИРОКУЮ НОГУ

Барону (бедняжке) было заявлено честно:

(впрочем, витиевато, и не в упор)

«Я ишу спутника жизни,

по-крупному, на всё, навсегда. ...Но, видишь ли...

Я его ведь пока не нашла? Его нет. Нет - честно, не лгу.

А ты - есть. Так что...

Если хочешь быть, ну-у... Будь.

Но я сама по себе, ты уж excuse me, my dear-dear friend».

Барон, не фыркнув, смолчал. Ну да ведь уже было сказано:

Он не понимал по не-своему.

«...Однако... Что ж...

Раз так - будь».

Какова!

4.17 ... Анна!..

Проводила дни тем, что ждала!
Нет, она и работала, и - дома всё-всё-всё,
но - ждала, ЖДАЛА! Когда ОН придёт.
(Он тоже был без наследственной вотчины,
поэтому целые дни тру-дил-ся.)

Их краткие встречи!...

На фоне длинных, утомительно-хозяйственных при одиночестве вечеров,
наряжали их жизнь, -
заряжали,
напитывали огненными брызгами
язычески яркого праздника!

4.18 Они были поклонник шампанского, токайского, -
музыки, литературы, - всяческих вдохновений,
романтики путешествий!..
Всё пронизывали доброжелательность,
доверие и тепло, -
доминировала поэзия,
царила любовь.

...Ежели вечер не торопил,
они всегда начинали его, застольный,
с глотка: символического,
крепкого.

4.18.1 Водка вообще утомляет.

Тем более не полезна она
для любви.
Но как хорош -
замечателен! огнедышац!
полезен желудку, смягчает чувства, бодрит дух и тело,
поднимает тонус, общий градус предвкушаемого вечера
её один-единственный, перед всем
брошенный грамм в 40 - 70
выдох - глоток.
«За!...»
Страстный жар.

Он улучался Принцессой
в тот переходный момент - просвет,
когда уже сервированный стол полными тарелками
ещё не накрыт, ещё рано потчевать, ещё шкворчит в кухне.
Вот-вот и...

Тогда
Анна наполняла
до краёв мизерные фамильные рюмки, и
(не предлагая собравшимся ни сала, ни мяса, ни хлеба, ни капусты,
ни молока, ни воды, ни котлет... ну- огурчик, долечка,
можно хлебушка - запах-ломоток)
намекала:
задержать дыханье,
не дыша взглянуть в небо
окуляром донышка.
«За встречу...»

Друзья!
.....Тихо.....
.....прозрачно.....
вСКРИКнет тонкий хрусталь,
кремний, расплавленный в огне,
огонёк жидкости стёгнутым тигром
пронесётся в кольцо дыханья,
неслышная струйка каплями,
хладным родничком юркнет...
...Н-никакого эф-фекта.
Вдруг: н!н!н!н-на! -
глубоко внутри разольётся
и полыхнёт тот кипяток,
что минуту назад
грозил
спалить -
горло, губы, всё тело!

Ста - ри - на.
Вот теперь можно подавать, нести на стол,
и не спеша гасить начинающийся голодный синдром,
червячка заморили.

Далее водка в такой вечер
не рекомендуется.

4.18.2 Обильная пища

также не в пользу любви;
поэтому, ежели позволяло время и находилось сил,
Принцесса любила приготовить немного мяса и горку овощей к нему,
украсить всё веточкой салата, приложить яблоковидный перец...
Спокойный разговор... спокойно поесть...
Хотя... Перец уже взвихряет силы,
торопит вино.

4.18.3 После,

из кухни-столовой,
они перебирались в комнату - спальню.

Откупоривалось, если было
легчайшее вино,
зажигались свечи,
приносились фрукты, шоколад:
у них вечер растекался, горел за вином.
(Они чувствовались сторонниками прелюдий.)
Но если в кухне-столовой, под водочку, за едой
Анна судачила с Княжичем на разные-разные темы,
то здесь, - при свечах, на подушках, перед трепетом, за вином -
никаких простуд у детей, неурядиц на работе, выборов, политиков,
нехватки денег на колготки и денег до зарплаты, и...
Вообще ничего отвлекающее-государственного,
даже внутреннего личного, хозяйственного,
квартирного, делового, бытового.
(В известном смысле
то был тоже труд,
и тоже талант:
создавать,
создать
атмосферу.)
Нет этих проблем,
вообще нет проблем.
Пьём!... друг друга и «Cotnary».
(Ах, почаще бы в это уединение вдвоём -
в эту сверхъестественную
божественную
сферу.)

4.18.4 - Представь, Анатолий, - рассказала как-то она, любуясь, изучая цвета в своём фужере. - У нас на работе! Сегодня разыгрался целый спектакль!...

Княжич в такие минуты разворачивался к ней на диване лицом, откидывался на подушки, внимал. («Я слушаю, говори».)

- Да. Собрались мы к чаю - иногда мы пьём чай. Вдруг! Откуда-то - крик!.. Ты понимаешь?!.. - У Принцессы расширились в такие минуты глаза, они отражали её всю непроизвольно. - Дикий совершенно! Животный, право слово. Крик, вопль! Мы ничего не поняли, содрогнулись. Замерли, замолчали все, ждём. Глядим друг на друга - чего ждём?!.. Полная тишина.

Та-а-акая тишина наступила... Жуткая тишина.

Кошмар, как я испугалась.

Думаю: хоть бы не погас свет!

- Стой-стой, - задержал её Княжич, - причём здесь свет? Ну хорошо, погас свет - а окно: там ведь было окно.

- Но ведь всё равно! - Принцесса недоумевала: «Как ты можешь не понимать?!» - Представь! Такой вопль. И вдруг ещё погасает свет!..

Княжич, конечно, смеялся.

-...Сколько же вас там было?

- Где, там?

- Да там: где чай.

- Четверо, женщин.

- Ах, ну четверо - всё нормально.

Княжич демонстративно успокаивался. Тогда Принцесса не понимала.

- Ну так вот, - продолжала она, - мы сидим и прислушиваемся. Уж прямо и боимся, и ждём. Не повторится опять?

...И вдруг!.. Опять же этот... Вопль. Ну совершенно такой... Не передать. Вот - натуральный.

Княжич хохотал. Хотя...

- Но есть в нём что-то... Что-то странно-знакомое...

Что? Откуда? Опять?!..

Тут наша Надя срывается с места: «Девочки! Это же Наташка наша!..»

Мы - ох, ах, да, ах, Наташенька, неужели же у неё роды начались!.. Но странно... Ведь...

Ну и мы, конечно, бросаемся все...

- Что - все?

- Как - что? Все! Все-все бежим!

И бежим, бежим по лестнице на первый этаж.

Бежим, бежим...

- А вы на каком сидели?

- Мы? На втором - ах, не прерывай, не перебивай.

...Так вот. Вбегаем в то, туда, где должна быть наша Наташа - Натали нет!.. И распахнуто окно.

Тут Принцесса замерла. Тут Анна показала, какие у них, у всех, были в тот ужасный момент распахнутые глаза: глаза - блюдца, блюдища! Ах! Ой.

- И только - только мы вбежали туда, из-за окна, из-за стены! ЭТО. Раздаётся опять... Истош-но-со-вер-шен-но. Ай!.. Я смотрю, Жанна уже побелела.

В Анна чувствах отставила от себя фужер - так можно и расплескать!

- Валечка с Надей бросаются к этому окну! И Надя готовится, я смотрю, выпрыгнуть! Она у нас такая решительная. А я думаю, как мне? Мне тоже надо что-то... Помогать.

Анна всплеснула руками!

Анна всплеснула руками - рассмеялась: мирно, покойно. Накал страстей был снят. Анатолий заинтриговался. Тогда Анна взяла фужер и легко допила. Также - историю.

- ...Представь! Тут входит - никогда не догадаешься, кто!

Да-да - Наталья! С животиком миленьким своим, а Надя, Валя обе хохочут у окна.

...И потом мы все очень жалели бедную эту собаку... Представь, как её было тяжело.

- Какую собаку?! - делано возмутился Анатолий. (Они ни разу не ссорились.) - Аня, я догадываюсь, конечно, о чём ты, но у тебя логика такая... Объясни, бога ради, в чём было дело - у вас, что: ещё кто-то был в положении?

- Ах, да нет! Нет же, совсем нет!

...Обычная у меня логика. Это у мужчин всё, что не прямолинейно, то нелогично, - собака, со-ба-ка, к нам на территорию вбежала собака. Тяжёлая уже.

Лежала, лежала, нашла местечко укромное, под окном, почему-то ей там понравилось, под окном: там прикрыто высокой травой, и ещё там кусты.

И вот она начала шениться. И никак не могла. Ты можешь себе представить, какво?!

Её Анатолий пробурчал в ответ нечто невразумительное.

...И она начала кричать. Как женщина. Мы потом ещё все удивлялись: ну вот что это!!!

...А если бы это происходило в роддоме. Пожалуй, никто бы и не понял, и не догадался: кто кричит.

Кто-то рожает... Природа...

Вот как устроено всё. Всё связано, переплетено всё.

Молчание.

- ...Ты знаешь... Я временами чувствую какое-то единство, со всем... Мне кажется... Меня охватывают те же ощущения, те же чувства... Как и животных, как деревья: как всё в природе, как - ВСЁ.

Анна долго смотрела на друга, думала.

(Честно признать, мы не берёмся ответить: что в такие минуты думает женщина. Доктор не бес-с-страсенс.)

Может,
она думала
о каком-то единстве всей природы,
о превратностях в природе,
витиеватости судьбы -
может быть,
не более.

- ...Иногда я думаю: мы должны жить в согласии.

У Княжича в такие минуты поднималась бровь. «Перестань: ты, как Арчи - Арчи Гудвин» - смеялась ему она.

- Нет, ты, наверное, не поймёшь, - махала она. - В согласии! Понимаешь?

Даже не с природой, потому что с природой, это само собой. В согласии вообще. С Законами какими-то... Ну не знаю. Нет-нет, я не запуталась: я недоощущаю.

С собой, наверное.

...А со мной? (Это вопрошал Княжич.)

- Да.

...Очень бы хорошо жить в согласии, с собой. Но ведь хорошо, а?

- Да конечно.
- А ещё я вспомнила...

Но тут её Княжич, - но тут Анатолий...

4.18.5

Да что говорить...

В общем -

они и так уже

давно ... подрагивали.

(А ведь желание и терпение не бесконечны?)

Они притягивались друг к другу, и происходило то,

что однажды Принцесса именovala

на выдохе:

«Бож...

какой-т...

ой... - фристайл»

Странно, как мы раньше этого не замечали...

Надо присмотреться, надо попроб...)

Испробуйте

одну руку -

на грудь,

другой

приобнять,

испробуйте

сплести

пальцы рук,

когда уже много огня.

Либо по-своему - личное что-то

когда уже тлеет внутри заплыл.

О! Как заворочается ожеки,

как всплеснется,

завинчиваясь

как взвихрятся погоды!

Испробуйте

вершину холма,

когда под ноги

стелется спуск -

разве после толчка

потребуется... что-то для...

(И если ваш друг только не Наполеон,

не позволяйте ему направляться

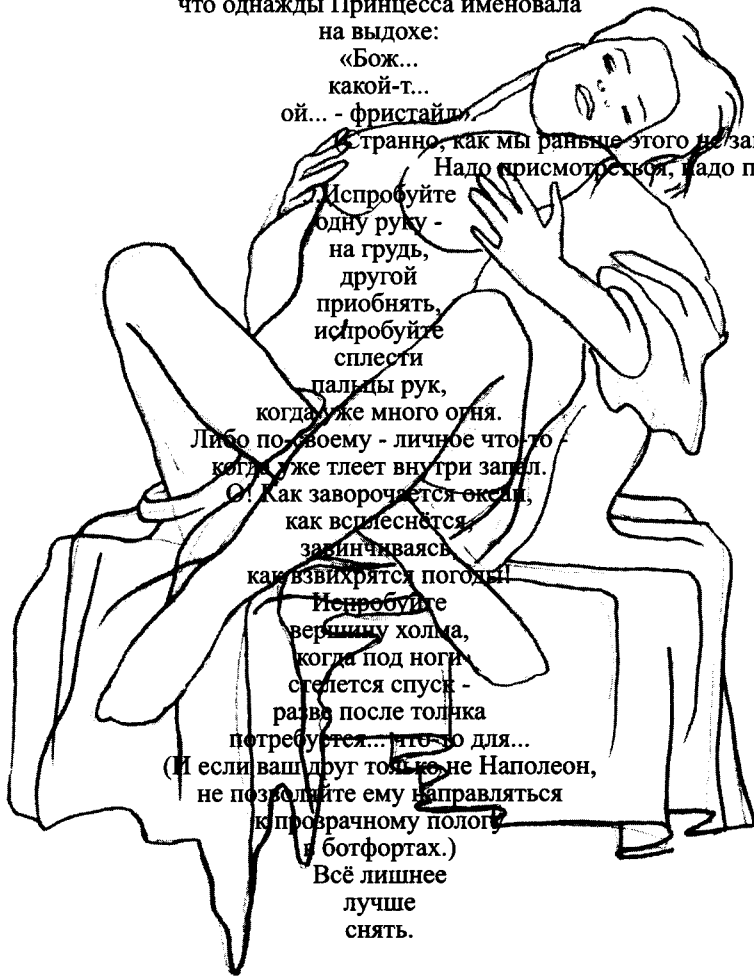
к прозрачному пологу

в богфортах.)

Всё лишнее

лучше

снять.

...Что это?
Пусть будет - гора.
...Гора - высока;
когда ты на вершине,
простирается бесконечной.
Внизу долина, там покой, сладкий сон.
На острие же - перехватывает дух,
сама кровь ухает волнами
отчего-то.
Там,
у самой долины -
трамплин.
Он порождение природы,
редко, кто минует его.
С него всегда приземлишься,
не разобьёшься после любого скачка.
Здесь, на вершине -
засов.
И калитка.
Запирает начало пути.
У кого-то из вас ключи от неё.
Кому подобрать ключи? Кому отомкнуть?
Кому засов снять?
Анна не соревновалась,
Анна всегда ждала открытия изнутри.
«Отвори меня - увлеку, распахни, кликни - первым.
Первый твой шаг. Мой? Когда ты внутри.
Я за тобой. Ты скор, я улитка».

...В общем, кому нравится что.
Можно, например, сразу поставить себе цель:
на трамплин, жажда велика!
Что ж, друзья - вперёд?
(Флаг вам в руки.)
Скорей: к цели!
Так,
лыжи -
носками вперёд,
палки -
остриями вниз,
губы сжаты,
плотнее,
носы по ветру.
Нос к носу, бёдра напряжены...
Требуется полнейшее сосредоточенье.
Склон проскакиваем на «ура!»,
ласки отставить,
поцелуи не принимать -
а-а-а, ух-ух - два счёта, всё позади.

Та-ак сверк-нет в глазах!
Так подкинет
трамплинище. Оу-полёт, жуть-красота!
Лётом вниз, полётом через провал...
...Конец спуска! Опалило огнём.
Неизбежное,
долина,
покой,
сон.
Чу- де- са.

Одна-а-а-ко...
Однако,
не все же такие
...ярые лыжники.
(Ярило и то
разогревает Плодородную
постепенно. И как! Зноем... Солнцестоянием.)
В этом же парном катании,
как в любом устремлении,
каждом почти искусстве
есть свои:

стайеры, спринтеры,
любители, дилетанты, профессионалы, -
есть профаны, партнёры,
«толькосвистники».

К своему возрасту Принцесса Анна
не была ни спринтером, ни профессионалом.
(Согласитесь, есть в этом что-то сродни специальности.)

Нет, у неё всё получалось как бы
само собой.

И она не любила гонки
вообще,

тем более, с такой горы.

Что - «Вокзал для двоих»? Три минуты?

Ну, право...

...Нет!

Беззвучно,

одними глазами,

током не осмеливающихся губ

было - отомкнуть её калитку в начале склона,
незаметно, попустительно-непроизвольно вместе
шагнуть... Обязательно вместе, одновременно, страдально...

Ощутить лёгкий испуг сердец, - двоих,
когда ноги... теряют... ступеней...

Скольжение

давно началось -

и вы знали об этом!

Давно началось, может, у входной двери,
какое-то время назад, звонком, - да! Оно началось со звонка!

И слов: «Здравствуй! Я так спешил!..»
«Здравствуй! Я так ждала».
«Что дети?» «Ах, уложены спать».
«Жаль, я хотел с ними...»
Милый обман.

А может,
оно начало ещё раньше,
откуда вам знать?! Оно уже было, было, просто...
Просто качались, не отпускали, тормоза.

Анну не прельщало - фу,
совлечись, сорваться, слететь, «тряхнуться», со-перекурить,
схватуи на боковой. Не-ет!... Но
лёгкой струёй впитывая в
пологости склона,
тихой волной,
скользнуть в общий вскрик,
лобзания волн переживы тел толчки привыканье

.....захватыв... отрез...к
первой
прямой. И
опять волны
снова, опять...
Её влекут в сторону,
она оказывается на боку, куда-то грудью
как-то спиной... Она увядает, смолкнет, опомнится на коленях...
окажутся лицом к лицу - подхватит дыхание, движение!

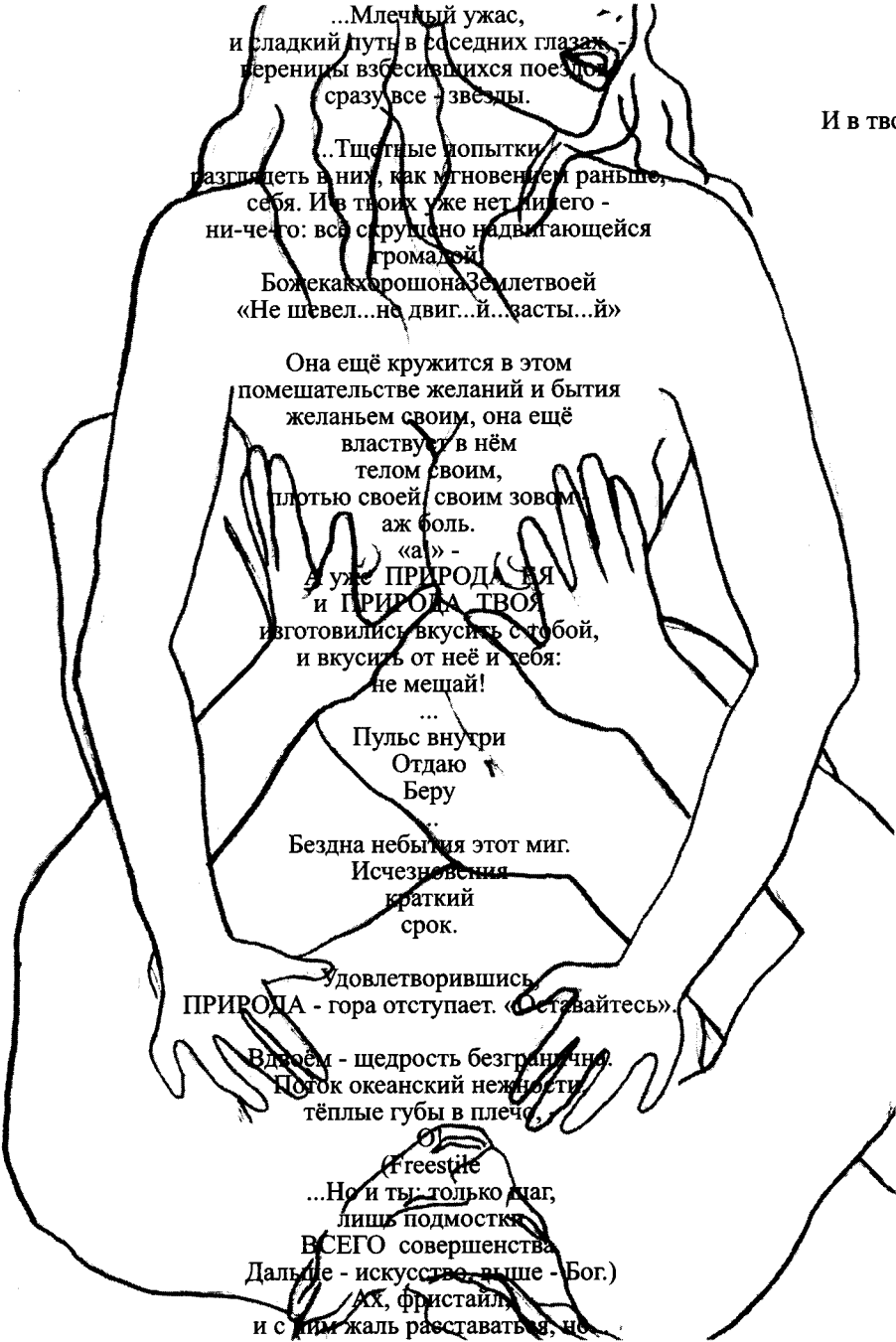
Замрёт...
Накопится чувств!!!
А-ах...
Испытает шок малого взлёта.
...Десяток таких трамплин... -
сольют вместе тела. Блаженность - умрёт,
они - одно, они одно, они одно...

Зыбка,
колыбель на волнах,
«Санта-Люция».

Ещё справляясь губами, глазами,
ещё держа руки свои, ещё управляя собой
она думает чего-то ждать, -
испить в полустанок,
продлить блаженство узловый.

Как СТАНЕТ ГОРОЙ ! Которая - НЕ ИДЁТ К МАГОМЕТУ !

Как - сама сдвинется: «На - меня»
И - всё, всё, ВСЁ ПОТАЩИТ СОБОЙ.
...Сама сверкнёт мольбою в ночи, даже не заклиной,
разомкнётся сим-нимом в раз, и на час -
распахиваясь удобоэрастно.

...Млечный ужас,
и сладкий путь в соседних глазах -
перенимы взбесившихся поездов
сразу все - звезды.

И в твоих...

...Тщетные попытки
разглядеть в них, как мгновенно раньше,
себя. И в твоих уже нет ничего -
ни-че-го: всё сжато надвигающейся
громадой.

Боже как хороша Землетвоя
«Не шевел...не двиг...й...засты...й»

Она ещё кружится в этом
помешательстве желаний и бытия
желаньем своим, она ещё
властвует в нём
телом своим,
плотью своей, своим зовом
аж боль.

«а» -
уже ПРИРОДА моя
и ПРИРОДА ТВОЯ
изготовились вкусить с тобой,
и вкусить от неё и тебя:
не мешай!

...
Пulsь внутри
Отдаю
Беру

Бездна небытия этот миг.
Исчезновения
краткий
срок.

Удовлетворившись,
ПРИРОДА - гора отступает. «Оставьте!».

Вдвоем - щедрость безгранична.
Поток океанский нежности
тёплые губы в плечо.

(Freestyle)
...Но и ты - только шаг,
лишь подмостки
ВСЕГО совершенства.
Дальше - искусство, выше - (Бог.)
Ах, фристайл,
и с ним жаль расставаться, но...

Суметь отдохнуть и можно,
 (ах, это тайна...)
 не поднимаясь, вернуться ещё раз,
 и ещё раз, и опять, прямо, снова в полёт.
 И можно так, что - сразу: и в взлёт,
 ей. И этот, второй,
 Анна - о, как! - любила!
 Но все же всегда, всегда больше всего,
 её привлекала сама, полная недомолвок, взаимной нежности,
 ласк, хитросплетений рук и чувств, прелюдия: она манила. А за нею, потом,
 сам медленно-головокружительный склон - любовная песня.
 За ними - невозможный танец-хорал.
 За ним игра - северное сияние.
 И, конечно - долина.
 Всегда,
 после всего.
 Маятниковость внутри,
 подорожниковая пери!на...
 Ах, светел свет! Ах, ровен огонь!
 О, вкусен мир. ...И сладко плечо.
 Ты - словно тебя растекло.
 Хочется собой обернуть, самой обернуться,
 навсегда совлечься, поприжиматься,
 едва целовать...
 В отмирании страсти вдруг! - «Бэсса мэ, бэсса мэ мучо...»
 Сколько неги, нежности, тишины
 рождалось в ней, женщине,
 от уюта,
 который сама же и создала.
 Друга тянуло спать, её - танцевать!
 Всё в ней только пробуждалось! (И она заражала его.)
 Её чувственность не ведала тогда границ!
 Беспредельная, разливала моря!
 Неосторожным движеньем
 её вмиг забрасывало в новосклон, в океан!
 И она могла начать свой новый этюд, опять!
 Полифонический, тонкий, как бестелесный,
 осязательный, полусонный...
 Где изящество, простота, и с тем -
 менуэтное острие чувств.
 Анну всегда удивляло:
 как этого не понимают мужчины.

- - -

Читатель, что - Ты ещё слушаешь меня? И-и... Что - всерьёз поверил: всё так? Да Ты что!.. Автор -э-э-э... - увлекается иногда, и пишет, что чувствует: так сказать, вообще женщин. Ты спросишь тогда: какова же была Принцесса Анна? Ну-ну, так я всем и рассказал... Не отважусь - нельзя всем, понимаешь. Да и что за вопрос: вычеркни половину из этой длинной главы, и всё сам получишь, не вызывая водопроводчика, не заказывая маэстро. Какую (половину) вычеркнуть? Какую предпочтёшь: не ошибёшься - всё равно ответом молчание. Всё равно: каков Ты, такова будет и твоя Принцесса. Адьо.

V.

- ...Толь.

Молчание.

Наконец, в просыпающейся мгле:

-...А? Что? Да.

- Рассказать?

- Что?

- Ну то - что... Что вспомнила, когда ты...

- Нет, когда - ты...

- Разве? Когда это я?..

Смешки у обоих. (Нам не понять от чего.)

- ...Вспомнила рассказать тебе.

...Что случилось. Когда я рожала.

Друг повернулся.

- Не бойся, не про роды. Это не натурализм - другое. Само по себе.

Вообще... Не понимаю. Не по-ни-ма-ю...

Анну передёрнуло.

- Бр-р-р!... Не понимаю этого до сих пор.

...И хотела тебе... рассказать... И что ты скажешь...

Она долго молчала. Потом:

-...Когда я родила Машу, её мне показали и унесли. Я уснула. И вот: снится мне, что я стою, держу своего ребёночка, первого, только-только родившегося, держу на руках.

...И вдруг подходит откуда-то моя мама.

...А она тогда уже умерла.

...И говорит мне: «Давай! Давай поддержи я ребёночка».

Анна смолкла, боря переживания. Анатолий, подтолкнуть её, спросил:

- А ты?

Она долго собирала ответ.

- В том-то и дело: я только подумала дать её... поддержать... Как тут же подумала: а зачем? За-че-е-ем?!

...Ой, не могу... - она полезла прятаться другу лицом в плечо, одновременно заставляя обнимать её, как бы закрывать её тело руками. - ...И не хочу я давать держать. И вообще никому! А ведь мама - умерла.

Анна вдруг села в постели. Белели её руки, плечи, блестели глаза.

- Ведь если она умерла, зачем ей: поддержать?? Ведь это, - Анна искала слово, но ничего не шло, кроме книжного, - ведь это противоестественно!

...А она уже протянула руку. И взяла Машу за ручку. А Маша почему-то раскутанная такая, тянет свои ручонки, нет, чтобы прижала.

...И ведь, знаешь, я не стала отдавать.

Анна поползла под одеяло, стала прятаться, как за стеной крепости, на груди друга.

Шёпот - шепоток:

--И--вот--нас--ту--пил--страх---...даже--не--страх--что--то--паучье--такое--липкое--и--ползучее--Анну передёрнуло--Липкий--страх!--я--тяну--ребеночка--своего--на--себя--она--на--себя--я--на--себя--она--на--себя---...и--вот--ой--Толечка--держи--меня--я--ведь--и---вспомнила--сейчас--потому--что--с--тобой--одна--я--боюсь--и--вспоминать. - Анна перешла с шепота на что-то еще более тишайшее: пред шепот, треть-шепот. --И--вот---я---не---знаю--почему--не---знаю---как---но---я---поняла---что---если---она---перетянет---Маша---умрет--и---вот---я--- тяну---

Анна замерла, зажимая лицо, глаза руками.

- А ты?..

Она очнулась словно. - Что? Я? - вернулась ОТТУДА, заговорила, заговорила тревогой, отчаяньем, прорезывая тишину то шепотом, то голосом, не управляя плачущими губами.

--И--ведь--ты--знаешь--мы--тянем--и--она--не--уступает--мне--не--хочет--мне--уступить! И я не уступаю! ...Я привыкла ей подчиняться, вот - и - молчу--а--мне--надо-- было - закричать! Закричать ей, закричать--на--неё! Что---ты---делаешь! Ведь--ребенок--мой--не--может--быть--с--тобой! ...А ей, что ли, очень хочется, она не успела внуков поддержать ...--И--вот--я--не--уступаю--а--уже--и--боюсь--разорвать--ребеночка-- ... Я заголосила вся! Не - голосом - не - знаю - чем! Сама вся, как будто: я! Выдрала, буквально, Машку! И все: хлопнулась об землю, там... И все: закричала--говорят--и--проснулась. И---я---про---сну---лась.

Ладони Анны были влажны, пальцы - мокры. Ее пальцы были на глазах: удерживали глаза, закрывали глаза. Она, наконец, отняла ладони.

В темноте,

из-за век,

из-под ресниц,

мелькнули мгновенно -

даже искренний друг этого не видал:

секундой жалостливые женские,

искрой в ночи - бабьи.

- ... И ведь ты знаешь, - продолжила Анна, - я помню: я выдираю в конце уж безжалостно. А когда - падать, прижала-к-груди--а--падать--ударяться---извернулась---на--спину--вот.

- Ты - мать, - помолчав, согласился с чем-то ее Принц.

(Он знал, чем обласкать её).

- ...Да, - подвела черту она. - Вот еще, в конце какого-то разговора врач потом сказала мне, она сообщила мне: «Ваш ребенок чуть не умер после рождения. Мы боролись за него и спасли его. Несколько минут Ваша девочка была на грани жизни и смерти». Вот так.

Они долго и глухо молчали. Потом:

- Это ты спасла её...

- Вот так.

...Толь, зачем она делала ЭТО?!

- Не-знаю-я- что-тебе-скажу- Я никогда не слышал подобного.

- Но - зачем - но - почему - а?

VI

А как-то раз, в другой раз,
когда Анна утомленно и сладко никла головкой на его плече, и ноги устало
переплелись и сердце как умерло в груди,
она неожиданно, - и логично, и безумно,
по-своему, конечно, логично!
по-людски, наверно, безумно!
спросила.

Его.

Кого-то.

Может быть, его.

«Знаешь,

а Бог: мужчина или женщина?»

Княжич долго не отвечал.

Наверное, он смутился.

Или не хотел отвечать,
или не знал.

«А?»

«Что».

«Ты молчишь: думаешь?»

«Я? - Княжич усмехнулся темноте. -

- Ну да, думаю... Я думаю, что от твоих вопросов...

Что от твоих вопросов я иногда шалею.Во-вторых, я ищу не ответ...»

«А-а ... - она понимала, он ищет от чего возник вопрос.

«А причину твоего вопроса».

«...Не знаю я...»

«Ну и брось, не надо».

«Ладно...»

Анна потерлась о него, провела рукой по груди,
он вздрогнул, как и она, он был телом очень чувствителен.

Она счастливо прижалась, он прижал ее.

Один миг!

- и -

краска

чувств единения

естества.

«...А хорошо вдвоем».

«Очень».

«Так хорошо!.. Чувствуешь свою цельность».

«Как никогда».

«...И еще что-то--что-то--невыразимое--что-то...»

«Да--...--да... И--ты--...»

«Я--и--подумала--...»

«Что?»

«ЕМУ--наверное--плохо - одному».

«Ты--о - ком».

«Я--все--о--НЕМ--... --Ведь--плохо--одному?»

«А--ОН--один?»

«И--еще--я--подумала--Ему--не--дано--ощутить--того--что--
ощущаем--мы--когда--...»

«Когда? А! ... Понял, - Княжич тихонько засмеялся, потому что Анна уже не только прижималась к нему...

Не только прижимаясь, она шептала одновременно:

«...Не—хочу—быть—самодостаточной—как -Бог—не—хочу—и—все-- хочу--все--вдвоём--
а--не--только--то--что—сейчас».

И согласное эхо вторило ей, шепталось ее словами,
шумношепотом шелестело в устах,
отзываясь во всем теле, грело пах...

«Да-не-только-то-что-сейчас...»

«Да-не-только-то-что-сейчас».

«Почему?»

«Почему--откуда--я--знаю--...--и все-таки-если-ОН-женщина-
ЕМУ-не-к-кому-прижаться-и-некому-отдать-себя».

«Людам».

Взрыв заглушенного смеха,

отчаянные попытки остановиться и лежать, не шевелиться, не стронуться
- все только что было!

«...-А-если-ОН-мужчина-кого-ОН-может-добиться-и-ласкать».

Никто не отвечал. Плечо под ее щекой нервноволнительно подрагивало, Анна хотела приподняться, чтобы взглянуть в лицо, чтобы шепнуть:

«Что-ты-делаешь?» Он, видимо, не делал ничего, но, когда он внутренне
рассмеялся, от ниже пояса по ней погналась горячая волна, настигла ее в голове,
подняла на себя, закружила, и уже сама Анна стала этой волной, а он еще не ответил ей,
и он еще не начинал, а ей уже было не остановиться. Ее понесло.

Толчок созданя единением нервов, единением фантазий, ощущений,
перешел в ритм...

«...Да, смеюсь я--смеюсь--и--боюсь--тоже--побаиваюсь--тоже--
-непостижима—ты».

«Замолчи ... оу!...» -

она дождалась его и мучилась.

«-Как--ты--можешь--ТАК--с--НЕМ...»

«Замолч...» Что-то вскрикнуло, «полетели тормоза».

Всхлипы, клики.

Молчание, молчание, молчание, молчание.

Из него -

нервных губ

кривящихся, не обретши голоса,
шепоток.

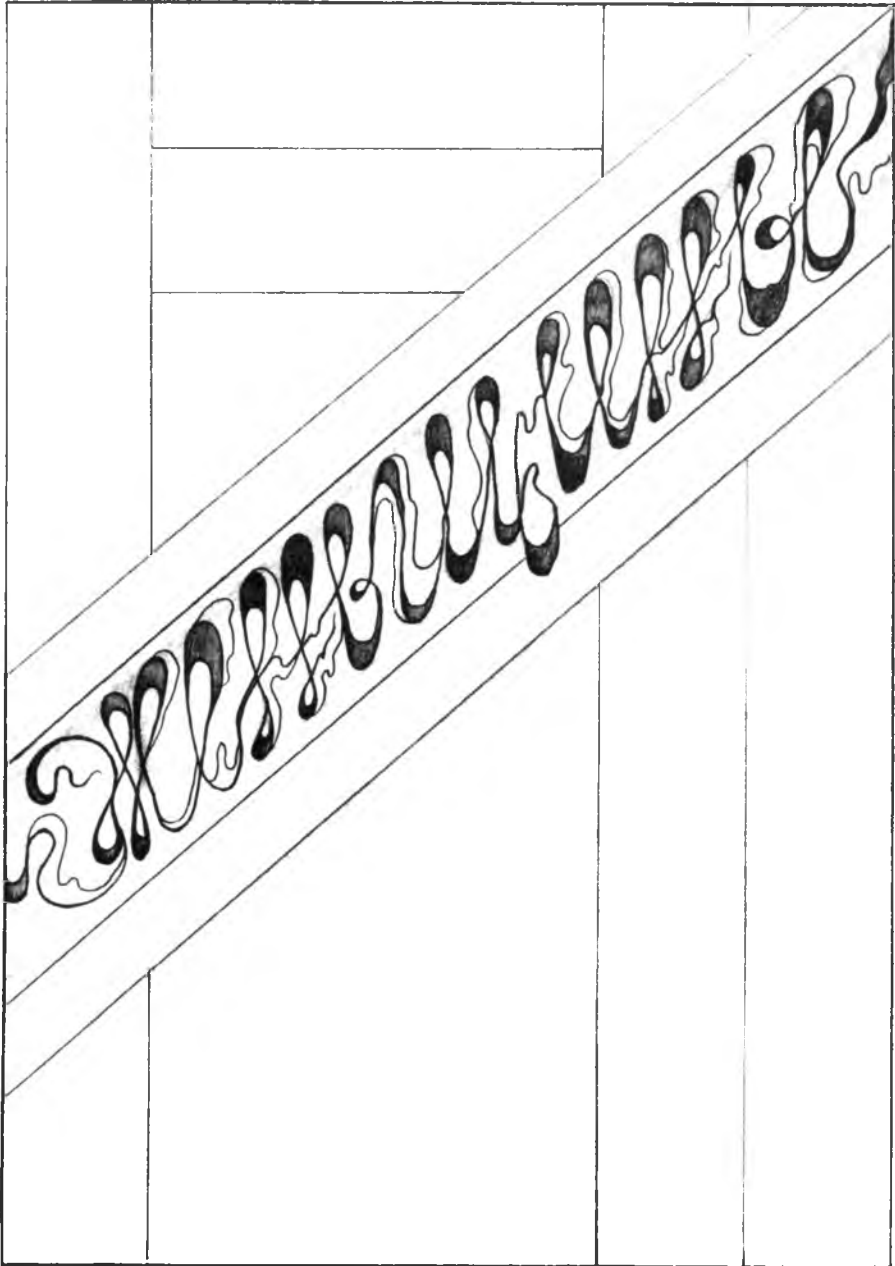
Слезящаяся,
радость, как чаяния;
откровение! руки! волосы!
- ... -...-...-...-...-...-
«...-Я--не--знаю».
«...-Причем--ты--и--жа-ле-ешь--ЕГО--од-но-вре-мен-но».
«Ну--и--что».
«То-- ... --Ты--вообще--думаешь?!...»
«Да--перестань--ты--говорить--шепотом--все--же--спят--никто не слышит».
«Бо-юсь». «Не-бой-ся-я-с-то-бой».
Двое как один расхохотались.
И, сплотившись ещё,
разъединились.
Молчание.
Молчание.

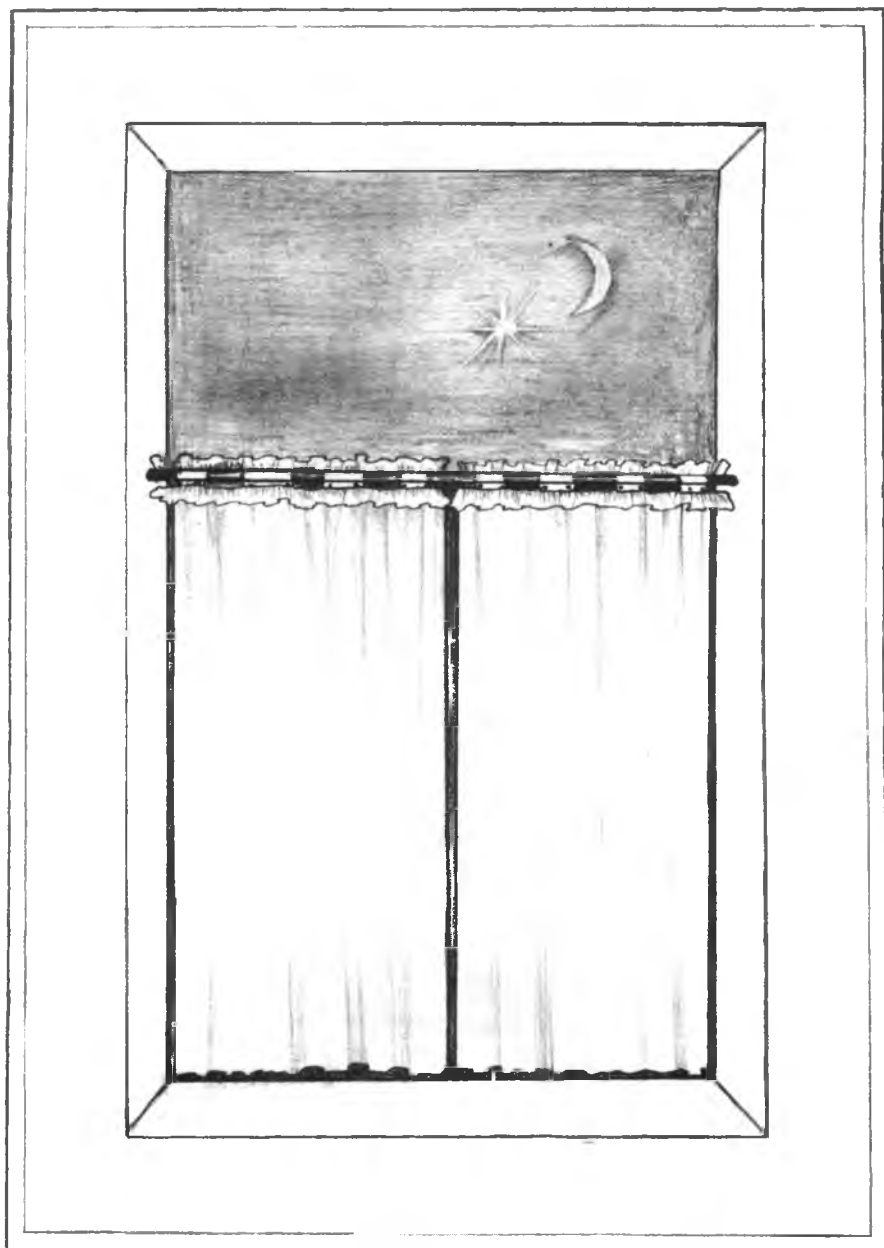
...Слово раньше было такое.
Ну да, я знаю...
...богобоязненность.

И все-таки:

БОГ - мужчина или женщина?

VII.

«Бабушке помогаю»

«Мальчик, как тебя зовут?» «Света»

«Золушка»

«Не хватаем...»

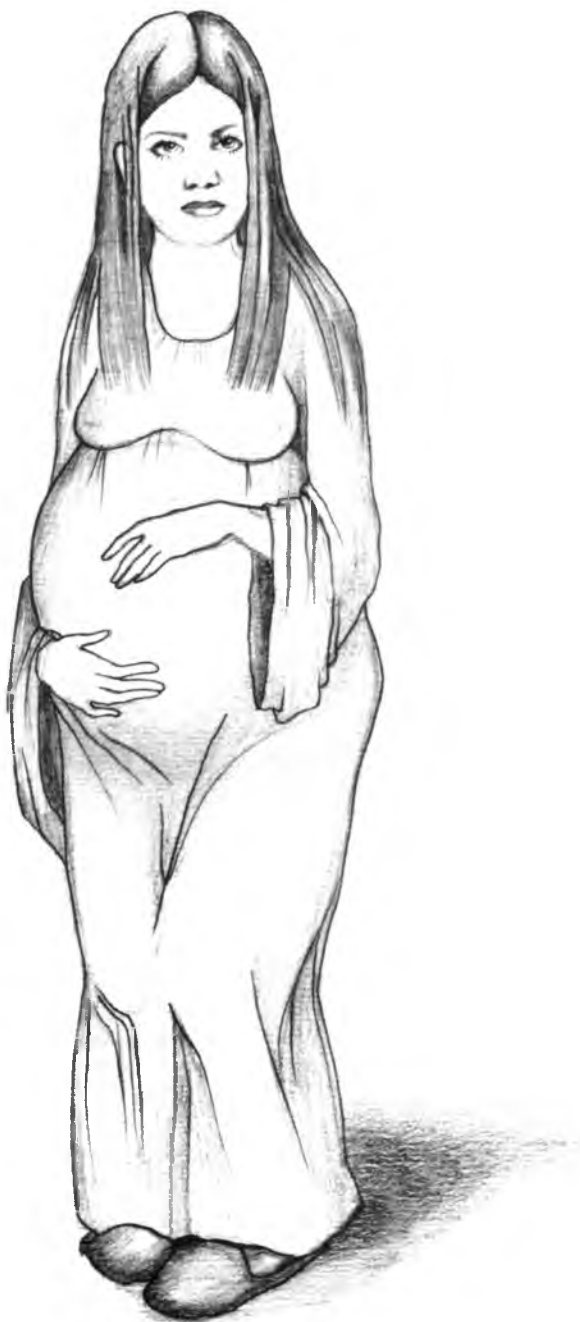

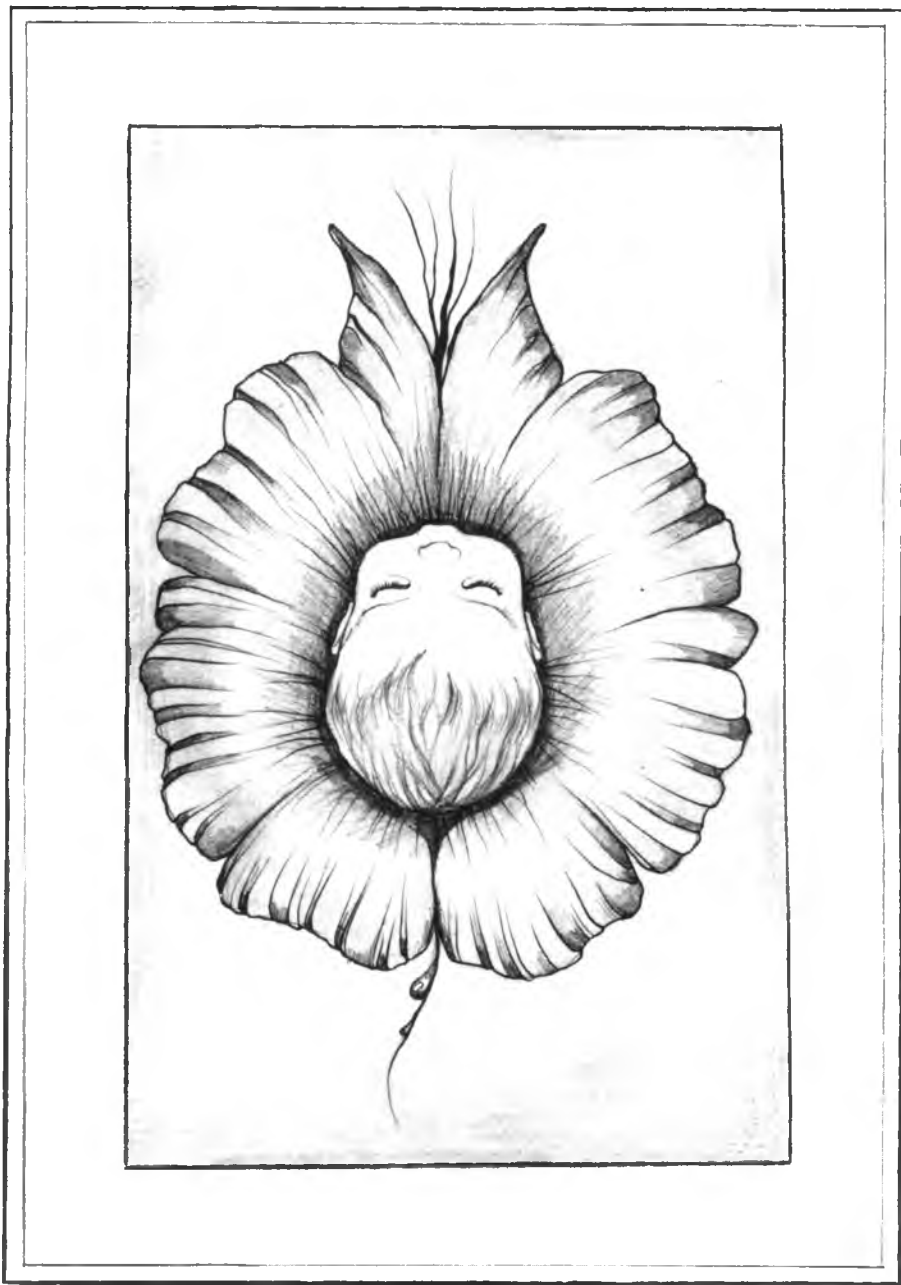

«Актриса»

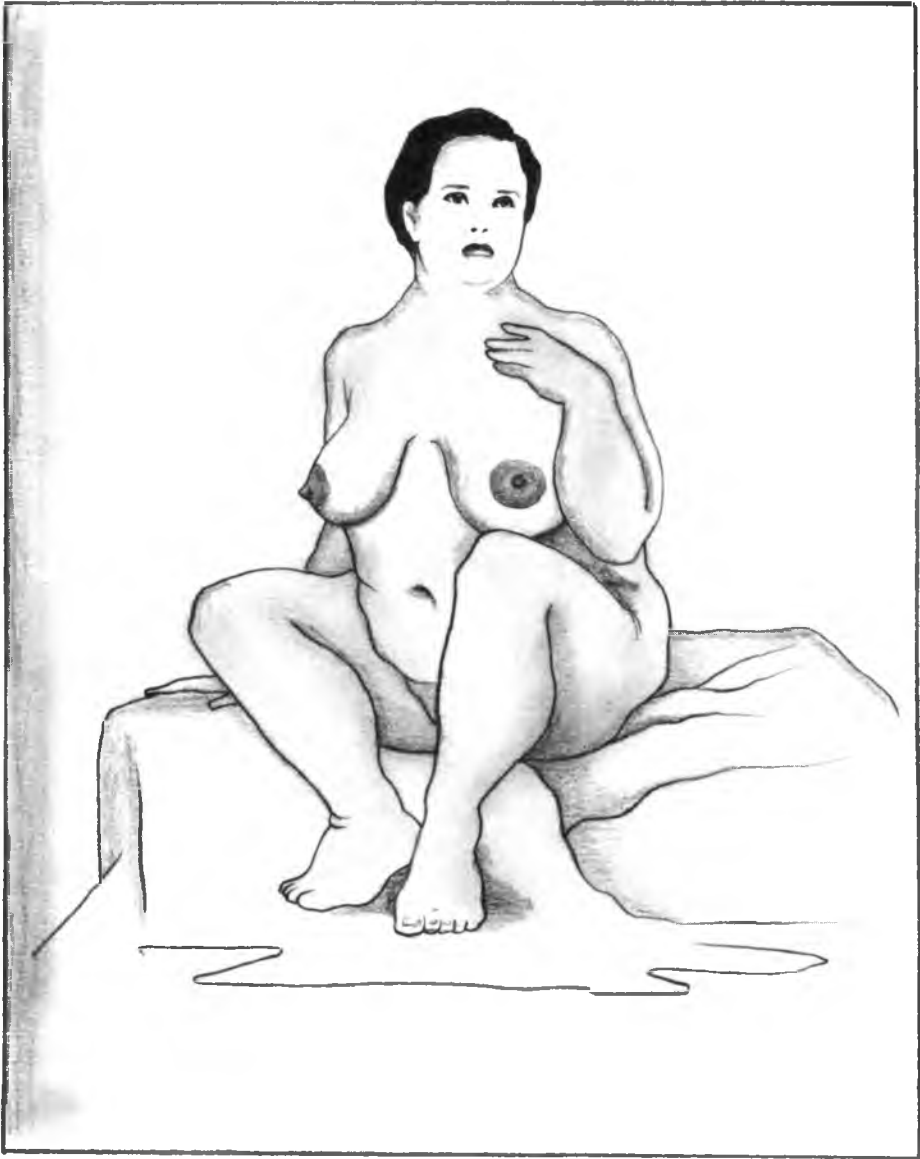
«Пы возьми меня с собой»

«Я сапоги купила»

Серия «Ева»

«Птица перелётная»

«Хорошо с утра...»

«Без парика»

«Посидим на дорожку»

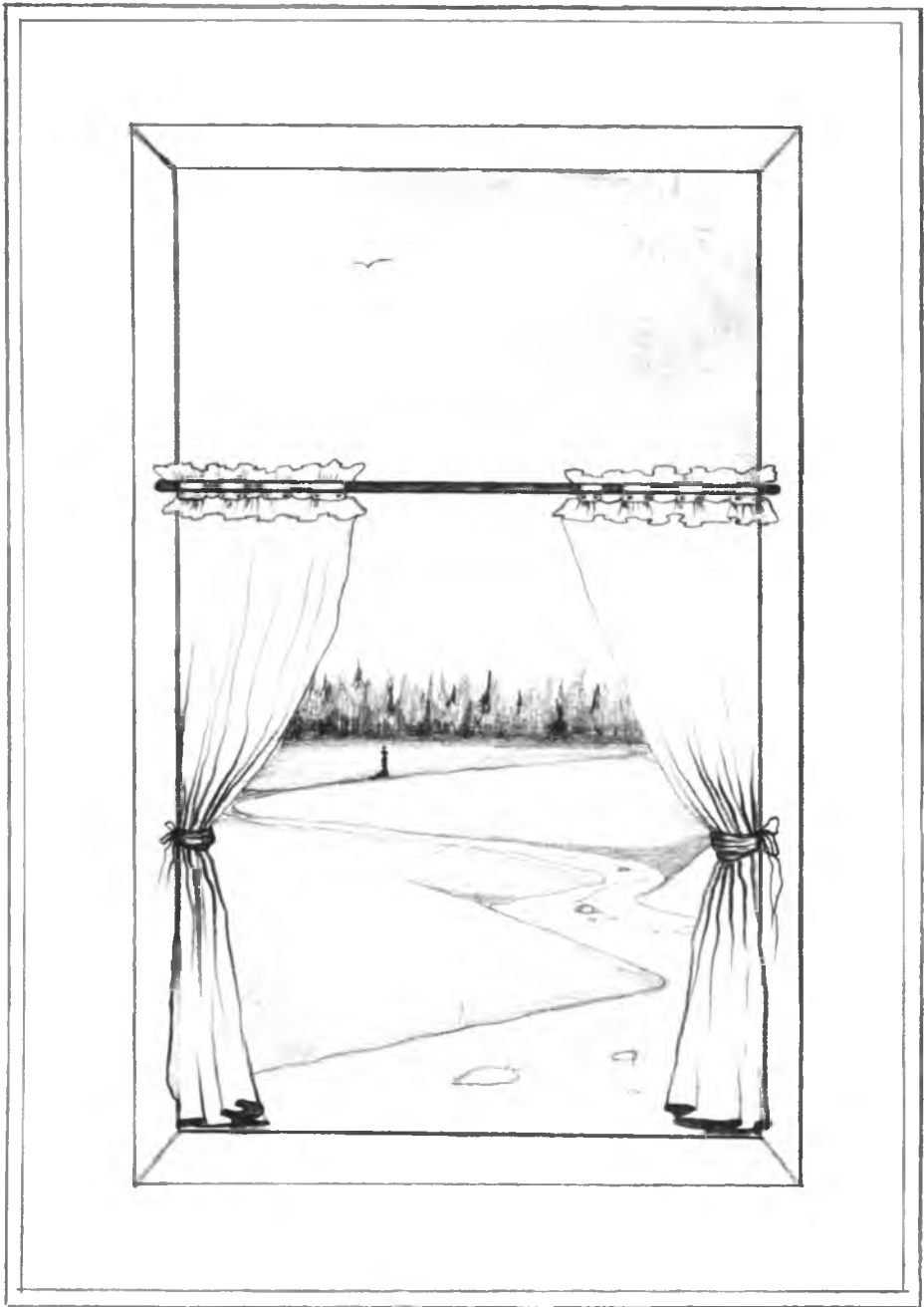

«Очарование»

«Скоро сорок»

«Caua»

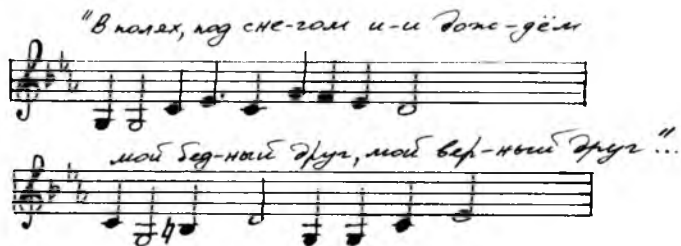
«Саша»

VIII

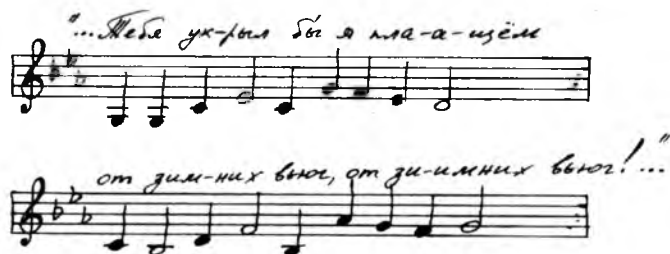
8.1 Конечно,
такие темы и такие вопросы
были у них откровением, не повседневностью.
Да, Анна любила неземное, но
немало интересовало ее
и то, что возвышаясь,
тем не менее
не...

Не отрывается от поверхности.
Так, она, например, обожала, когда Княжич играл ей и пел.
(И только для этого в спальне лежала гитара.)
Она часто даже не засыпала, покуда он не поиграет,
и ей всегда было неважно: как, что...

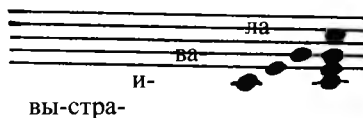
Пусть он не Маккартни,
она теребила его:
«Спой, спой «Yesterday»
«Но у меня же, как говорится: рязанский английский ...»
- отшучивался будущий гвидон.
«Ну и что, что за комиссия -
спой, пожалуйста».
И он ей пел.
Пусть он не Бернес,
не Макаревич, не Александр Градский...
Она просила его,
и он:

Она не хотела петь вместе,
Она хотела слушать!

Внимая музыке,
она постигала что-то,
питалась ею, её переживала,
готовая впитывать и выпитывать,
насыщаться без конца.
Быть может, потому,
что только музыка (своими узами)
не всякая, конечно, лишь созвучная чужь,
охватывая, гармонизируя звуками
цельной своей мелодией, звуча
восстанавливала,
выстраивала!

ее полуразрушенный,
невосстанавливающийся,
утраченный,
личный
мир.

Должный быть,
- стремящийся быть:
княжеством лада, царством гармонии.
Может быть, потому,
что музыка,
как и математика,
это согласованный душе мир;
который Анна, как и всякая принцесса,
еще в плодных водах матери проходила.
И недаром прошла:
она не умела говорить им,
но уж УМЕЛА СЛУШАТЬ!

...Верь-не верь,
мерь не мерь - прислушивайся иногда,
вслушивайся в то, что тебе поют.
Не верь словам - они для ушей,
не верь глазам - они для глаз;
и рукам не верь: для рук они;
впусти в себя звуки,
открой краски,
настройся: созвучность?
Поверь камертоном своих ощущений
услышанную основную тему пиимой мелодии.

«... И если б дали мне в удел весь шар земной, весь ша-ар зем-ной...»

"... И если б дали мне в удел весь шар земной,

весь ша-ар зем-ной.

С каким бы счастьем я владел тобой одной,

то-бой одной,..."

С каким бы счастьем я владел: тобой одной, тобой одной, тобой одной».

По непроверенным данным
 Анна не была потомком Мусоргского,
 Но, как бы, вероятно, усмехнулся последний:
 «Ну-у... Что вы, господа:
 тут и к Глинке не ходи,
 все ясно. И ясно, ЧТО мостит
 Сия мелодия. Впрочем, решайте».

... Впрочем, геометр Лобачевский,
 кажется, возразил бы ему.

Добавив:

«Гм-м, господа...

Простите за фривольность...

Но у последнего четко описанного полукружья,
 что с жирной точкой в конце, - да-да, там полукруг, -
 мне видится отсутствие базиса, незавершенность!

И если б Она подводила свои полукружья под Него не токмо б,
 гм-м, в постеле, их общая фигура злилась куда сплочённой. А так... И так,

и к Эвклиду не ходи: эти параллельные не пересекаются. Романтикам, господа, полезно любить точные науки. А что вы думали!
Над романтикой необходимо трудиться!»

...Ну и бред... Что?... Откуда?..
К жизни нельзя подходить так.
А как можно?
Как мы?

8.3 ...В результате трех месяцев,
э-э-э... «песнопений»,
княжич-принц
принял однозначное решение:
«будь моей женой». И Анна,
надо сказать, была готова,
он нравился ей очень.

8.4 И Принцесса была готова.
И не растерялась.

...Все-таки,
сразу
она не посмела взглянуть ему в глаза...
- ...Видишь ли, Анатоль...
Княжич не поверил ушам!
- ...! Ты что, отказываешь мне!?
(Господи, как самонадеянны все мужчины...)
Тогда она его
усадила,
уцеловала,
умиротворила,
заставила ждать чай, пить чай,
поволноваться заставила, попереживать,
и, наконец, еще удивила:
«Видишь ли, Анатоль...»
Оказывается...

(Помилуйте, еще прорывается кто-то.
Одну минуточку, надобно послушать
что за разговор.....
...А-а-а! Все тот же, двух -э-э-э-
специалистов, так сказать,
из прошлого-будущего.
Только теперь
они вдвоем, сами,
дискутируют о чем-то.
Еще минуту... Всё ясно. По поговорке:
«спорит Вологда и спорит Кострома».)

8.5 Оказывается

ей до смерти
надоели
извечно одинаковые
проблемы
и порядки
(точнее, бес-порядки)

этой
её,
этой родной её,
страны.

Однажды
ей расхотелось

Жить так.

Вернее,

ей захотелось
не жить так,
ничего не преодолевать,

ничего всем народом

не добиваться -

просто жить.

Да, пусть, как птичке:

просто, хлопотливо.

- Ну что, Модест Петрович!..
А я ведь предупреждал: незавершённость
фигуры есть хотя бы вялый признак
её будущего разрушения.
Да, я доказал,
что даже параллельные прямые пересекаются.
Но я же не доказывал, что после
точки пересечения
они сольются в одну, это же домыслы,
и порядки учёных недоучек!
А Вы - музыка, музыка...
Математика - вот!
Геометрия, алгебра жизни.
Вам как?
- А мне, любезный Николай Иванович,
некоторые, ах, не будем показывать пальцем,
просто не дали договорить.
- Ах, Модест Петрович, Модест Петрович,
на самом деле мне жаль эту пару.
Это красивое множество
из двух недоказанных теорем!

- Вот Вы и сейчас, Николай Иванович,
мне объяснить не даёте...

- Так ведь, милейший Модест Петрович,
поздно уже! За музыкой
ходите теперь в оперу.

- Э-э, батенька, не так просто всё.

Я не отвергаю Вашу царицу наук, но...

- Вот-вот, знакомство с царицей
полезно всем княжичам.

- А царицам полезно
пробовать подпевать иногда! И ежели вместе
не поётся! А так себе, знаете, постельно-
Подпевается... Так...

Двуголосием надобно поверять всё,
только, батенька, двуголосием!

Там сразу-т-ка и проявляется всё: кто в какой
октаве, кто в какой тональности. И размер!..

Как бы Вы выразились: совпадение фаз.

Чтобы - чтобы два колебания, две волны
Шли уж ежели в...

Не думать, например,
о деньгах постоянно -

не думать, где их добыть
(не женское это дело).

Ей виделось просто:
жить. И

заниматься тем,
чем ей бы хотелось,
чем ей по природе

предписано
заниматься.

И вот -

- ...Уж ежели в синусе, так в синусе,
а в косинусе, так в косинусе.

- Ну так что, батенька?

- Всё так, уважаемый Модест Петрович,
всё так, всё верно: именно в одной фазе!
Тогда оне, знаете ли, ещё и усиливают
Друг друга.

- Да что Вы говорите?!

Как интересно!

Ну-т-ка, ну-т-ка, расскажите, расскажите...

...

...

...

- Нет уж, сначала позвольте попенять Вам:
Почто Вы написали
«Балет невылупившихся птенцов»?
В Ваших «Картинках с выставки».
Вот оне, Ваши картинки и...

(И наши картинки.)

8.6 как-то,
один раз, «Однажды, поверь - случайно», задолго до того, как
«Я познакомилась с тобой»,
на одном из фуршетов-приемов -
«Я разговорилась с одним иностранцем».

... ?

(Княжич сделался подобен только вылупившемуся птенцу.)

«Да ну что ты! Какое знакомство - просто так. Точнее, он со мной: ну что я знаю в англий-
ском... И мы с ним то на русском, то на английском,
то по разговорнику, то со словарем
поразговаривали».

Потом он «Попросил меня
помочь ему в одном его деле»,
так как плохо знал язык и порядки этой страны.

Затем они долго бродили по городу,
«Я показывала ему город»,
сидели в кафе,

когда «Ноги стоптали»,
он «Попросил мой адрес, я подала».

И вот с год уже они переписываются.

(А однажды он научил ее, и она иногда
отправляет свои письменные послания ему

по Интернету).
Княжич казался: заинтригован, убит.
- Ты слушаешь? - не поняла она.
- Да-да ...

8.7 - ...И, как всегда, пытаешься обосновать мой тебе ответ.
- Ну да... Ты... Хочешь уехать отсюда?
Она призналась
нехотя,
она
колебалась сама.
- Да... Наверное, хочу, ну пойми!..
И дальше открылась ему.
(Вся?)
...Кстати, в том,
что она все больше, даже незаметно для самой себя,
становилась небоязненна,
ему открыта,
виновата именно музыка.
Ведь кто не знает, тот - чувствует.
Анна не «знала», она просто чувствовала; она чувствовала,
кому и когда всю себя можно доверять.
- Ты пойми,
последнее слово, конечно, за женщиной.
Но выбор, предпочтение, делает все-таки женщина.
Вот поэтому-то
сейчас у меня, - понимаешь? - сейчас передо мной не
принять твое предложение или не принять,
сейчас ты меня заставляешь выбрать,
решиться на какую-то судьбу!
Мою.
И моих детей!
Ведь с кем я пойду,
такая и судьба у меня дальше будет!
И ведь, ты пойми, абсолютно разная! Ну, ведь совершенно разная,
Непохожая абсолютно одна на другую. Так?
Ведь должна я все взвесить?!
...И ведь дальше я,
- на прижала руки к груди,
как для молитвы, она подалась вперед, к нему, как для поцелуя, -
СУЩЕСТВЕННО ПОВЛИЯТЬ на свою судьбу
не смогу.
...Что? ...Я не буду уже главной.
Княжич непонимающе хмурился и молчал.
- ...А - кто.
Она показала взглядом.
Он ответил кривой улыбкой: «Я?!... Дождешься от тебя».
- ...А... ясно: твой мужчина.
- Нет, муж мой.
Княжич хмурился и молчал. Конечно, он переживал, ведь...

не каждый день отказывают тебе.
-А при чем здесь «здесь», «там»? Что - там- мужчины другие?

Анна посмотрела в сторону, повздыхала.

- ... Проблемы - ТАМ - другие, мужчины - не знаю.

Княжич смотрел на нее,

Принцесса смотрела на него.

Конечно, он переживал:

так Анна думала.

Она вглядывалась, пыталась взгляд его,
она переживала, нервничала, она боялась потерять,
она хотела узнать, о чем думает,

что чувствует он.

И спросила.

Она узнала:

он изумлен, растерян, расстроен,
ему не стыдно признаться. (И это еще покорило её.)

Но ничего боле, он не сердится на нее. Просто он думал...

Он уважает выбор её, просто он думал, что он все решил, и... Оказывается, он решил, но не согласилась она: оказывается, не решила она.

Он не думал, что

женщина, как и мужчина, может иметь много знакомств,

Чтобы

иметь

что

выбирать.

- ...А как же? - он показал взглядом на спальню.

- Что? - Анна не сразу же поняла. - А!.. - покачала головой,
отрицая, - никакого выбора, только с одним. (То есть, только с тобой).

(Барона, кажется, она, гм-м, не считала).

(Но тут пока не ясен был и ей княжич). Ну - пока.

8.8 Вот так случилось,
что с «ближним» принцем,
как с вариантом «жена-муж»,
Анна (и Княжич, понятно) расстались.

Кое-что замолчав,

по принципу «проехали»,
они продолжали встречаться. Уже реже,
уже редко, уже иногда; больше не возвращаясь,
не обсуждая вариантов совместного пути.

Но в остальном все у них *было*,

все у них оставалось

по-прежнему.

Им нравилось бывать вместе,
им хорошо *было* вдвоем, они обогащались,
освежались и насыщались,
бывая вместе.

И все тут.

И жизнь Анны, смутившись на минуту, потекла «как всегда».

8.9 Но отчего, -
как так? -
но почему
мы ничего не знаем
(а Мы - ничего не расскажем)
про принца ее заграничного?
О-о-о!..
Ся часть истории флегматически
темна.
Как может знать кто-то, мы,
ежели Анна сама порой терялась:
Принц то или не Принц?
Нужна ли она ему?
Нужен ли он
ей, самой!
Она знала его как человека,
она знала его несколько дней,
она знала его обхожденье,
деловые качества,
его манеры.
И все?
Из разговоров,
из писем она знала,
какую он ведет жизнь.
Кажется - всё.
Все-слова...
Он был инженер,
он был американец... ..
В письмах они обсуждали многое;
и если был правдив ответ, то...
...То Рэй подходил ей очень,
очень и оч-чень.
Кроме всего,
у него был свой дом!
Он был обеспечен материально!
Он хотел умную, образованную, заботливую жену!
Женщину-спутницу, друга, супругу!
Которую бы любил и сам.
И так далее.
(Нет особого смысла перечислять взгляды другого лица,
если они: суть взгляды нашей Принцессы Анны.)

8.10 Что наш барон?
Он-был.

8.11 Что Княжич Анатолий?
Он оставался.

8.12 Ни тот, ни другой
не были при Анне
постоянно,
всегда.

С бароном ясно: был близко.
Княжич - отошел на расстояние.
Но оставался поблизости!
Был рядышком, тут.
Его статус
определился как:
«любовник, доверенное лицо, друг».
«Ты my friend always*», -
говаривала ему она.
Все-таки,
они были похожи.
(И, кстати, он также некогда жил:
жил с Баронессой).

Анна увлеклась им навсегда,
Анна изучила его до полуслова.
И такое бывает.
Главное,
говорить ей с ним,
доверять, доверяться ей ему
можно было во всем. (Анна не доверяла своему полу.)
(Впрочем, и мужчинам). Княжич даже стал ей
кем-то вроде подружки,
и чем дальше,
тем больше вручалось ему
ею своих маленьких, о себе, тайн.
Иногда Анне чувствовалось, что она,
не говоря худого слова,
по-русски говоря:
... дура.
...

* My friend always (англ.) - мой друг всегда. Прим. автора.

Почему?

Да что не вышла за него.

(И это ощущение донимало ее.)

Но также она отдавала себе отчет и в том,
что все ее существо, всю систему ее потребностей и желаний,
ее Княжич обеспечить, «потянуть» бы
не смог.

!

И дело было даже не в том,
что у него не хватало сил, недоставало способностей -
в конце концов, Анна на что!? Разве она бы ему не помогала?
Просто ей все время казалось, что в этой - их стране -
жизнь устроена как-то...

(о, пардон, будет Словецо автора)
в «позе бобра».

(Ох уж циники эти доктора...)

Видимо, Анна родилась не там.

Либо не в своей стране.

Либо от времени своего
в стороне.

Либо

ей казалось:

она где-то не там.

(Сплошь и рядом такое бывает:
людям кажется, а люди,
и не думают креститься).

Однажды княжич пропел ей

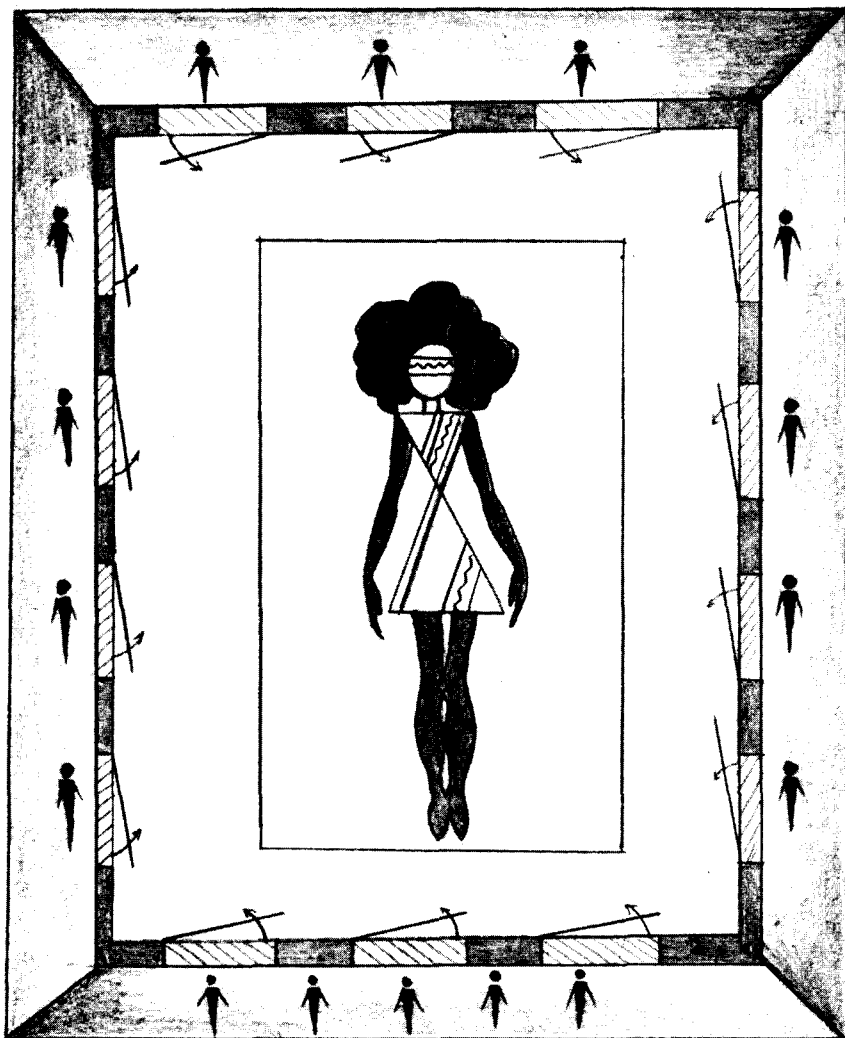
(когда она засыпала на его руке в кровати):

«Кто Вы такая, откуда Вы? Ах, я смешной человек...

Просто Вы дверь перепутали.

Улицу. Город.

И век».

IX.

9.1 Наутро Анна сообщила ему:

- Ты знаешь! Я сегодня странный видела сон! Странный, ужасный сон.
(Сейчас мы от Анны, заодно с Княжичем,
узнаем одну из так называемых женских тайн).

- ...Приснилось,

что Я нахожусь в какой-то комнате.

Старая комната, древняя, как мир, комната. Странная...

Что-то она напомнила мне.

...?

...И вот,

стою посредине. Оглядываюсь.

...Почему-то в ней совсем нет окон, ни одного окна!

А?

Но много дверей.

Но?

Я думаю, что бы это все значило?... Но надо идти.

И!

Не стоять же всю жизнь так: посреди и одной.

О.

...Я подхожу к двери напротив, пробую ручку.

Дверь не заперта, дверь открывается!

Я почему-то знаю: надо идти.

И боюсь идти.

И страшусь быть одной.

Ты бы знал.

...Я открываю дверь, за ней мужчина. -

Поежился Княжич: - Бр-р... Триллер? - Анна сделала глазами укор: «Ну...» («...За той дверью стоит и, видимо, ЖДЕТ МЕНЯ МУЖЧИНА. - Заинтересовался Княжич: - Хм-м... Знакомый мужчина? - Анна показала взглядом, кого она видит сей час, кого она знает ...До пят.

- Д! а!-а! .. - Княжич в неподдельном изумлении приподнялся в кровати. - Вот это да! Ну и что - я?! - Анна задумалась. - ...Ты?... Ты как будто... Протягиваешь мне руку. Ты молвишь мне: «Пойдем со мной». (Полуобороты голов, застывшие лица, взгляды, близ, упор, туманность изображения). - ...И... Я... Ты... И что - ты? - Я? Я вроде... (Мгновенное притяжение, след Амура. Отсюда - и навек! Но что - небеса?) - ...Я вроде бы ответила. Но что? Не помню, сон ведь. Может, я ответила, подожди? Я же должна узнать. (Спад адреналина, последний гулкий удар в груди, в прошлое возврата нет) - Я же должна узнать, куда ведут, для чего здесь все другие двери. Для чего здесь столько дверей!? - Анна помолчала, пока успокоятся сердца. - ...Я закрываю твою дверь. - Княжич показал скептически: «аплодирую». - Точно сказано: в этом вся ты... (Поглаживанье, ласки рук). - Ну... Не обижайся... Сон ведь. Сон какой-то ... как-и-вовсе-не-про-меня- ... и-я-пошла-к-двери-другой-я-пошла-открываю-ее-за-ней-барон. Стоит, смотрит на меня, ждет. - Тут Принцесса немножечко взорвалась. (Раздражение.) - Вот чего он ждет! Ну почему я должна вести его за собой!? Мужчина он или не мужчина?!.. Взят бы, раз взял, да и повел! Я бы поупиралась, конечно, посопротивлялась, конечно, и пошла... - Да врешь ты все. (Скепсис, утвердительно) ...Два шага бы с ним ты прошла... - А чего ждать-то?! Чтобы женщина вела его?! Что я - буксир?! Что ли ... я вообще, по

жизни, эта ... - Анна показала, как тянут, рукой, - Ну - эта, как его - баржа! (Заливистый, чрез секунду, двойной смех.) Оба прыснули. (Приглушенный хохот.) Княжич подлил комплиментного яду:

- Самоходная разве, но небольшая: «корма» невелика... - (Шутливый шлепок: «Что за дела!?» И за дела?! И задело.) - Не смейся, пожалуйста, я ведь серьезно. Анна задумалась. - ...А ведь действительно: взял бы кто, привязал и потянул бы по морю за собой. - ... На баржу ведь грузы наваливают ... (Вкрадчивость, и ещё - и ещё: многозначительность) - Вот я и везла бы груз! (Решительность, самоуверенность) - Я ведь все равно везу! Только тни за собой и не перегружай. А так... Я ведь сильная, много вывезу. - Ты сильная... - вздохнул княжич. - Чересчур даже. ...И врешь ты все, сильная: не буксир тебе ледекол нужен. - Ну-у ... - погудела-покачалась Анна. - В общем, я закрываю эту дверь, иду к следующей.

Знаешь!

(вдохновение)

мне уже становится просто любопытно!

Любопытно, аж жуть!

Мужчина. И знаешь, за каждой дверью - стоит...

- Ну и кто?

(ах, ревнивы эти мужчины! Разборки? Ковер?!) - Ну что ты!... Я ведь не знаю кто! Сон ведь. (Вымоленное прощенье) - И ты?.. - Я? Я вернулась на свою середину, центр комнаты. Стою, не могу ничего решить, ничего не могу... Решиться, куда мне идти? К какой из дверей? -

Анна задумалась, закрыла глаза.

(Полет, блуждание в собственной тьме,
возврат в неопределенность; реальность)

- О, это ужасно!

Не знаю, к чему был такой сон!

Ведь я осталась, **ОСТАЛАСЬ ОДНА В ТОЙ КОМНАТЕ!**

(Смятение! Вьюги, бураны, слепые глаза. Внутри -)

- ...Я металась. Я металась одна в этой комнате!

Я металась от двери к двери! Открывала множество неизвестных дверей! Делала шаг и оглядывалась! Отбегала назад, чтобы -

- надо подумать - и дрожала. Остаться? Одна?

Боялась с кем-то пойти, держалась

за барона, страшилась

без тебя.

Бросала все,

бросалась к тебе!

Но ты не выдерживал моей тяжести, ведь я... И я...

Анна поникла.

- ...Ты же прекрасно понимаешь...

(Предел откровения.)

...Уж я не для тебя... Начать бы нам в двадцать лет!

Но в двадцать... Мы торопились... Мы закрывали глаза...

(Туманный взгляд изнутри в «была бы счастливость прошлого».)

Кто-то легонько потряс ее за плечо.

- А?

- Перестань, Аня, а?

- А? Что?

(Она сделалась недовольна.)

Тут грубовато толкнули.

- Да нечего заниматься фигнёй, - цыкнул простолодно ё князь.

(Встрепенулась. Взвисься! И - ... покорилась.

Непроизвольность).

- Ты не ругай меня.

- Да брось, я сам сожалею. ...Бы в двадцать лет...

(Задумчивое

разобщение,

единое молчание,

одиночество вдвоем,

одинокость, одинокость...)

- А Рэй? - вспомнил Анатоль.

- Рэй?

Анну мучил вопрос, Анну томил, не давался ответ.

- Рэй - он как-то странно... Я не могу даже припомнить: был ли он там? - Она всхлипнула вдруг. - Прости меня! Прости, Толечка, прости меня, что я говорю тебе, нельзя так, наверное... И поплакалась ему: - Я не знаю, что делать... Ведь он уж написал, что приедет, вдруг звонит: дали срочную работу.

- И что!? И ничего, «первым делом - самолетъ».

- Но ведь так уже не в первый раз! - Анна явно кому-то возражала. -

В первый он написал, что вот собирается, и даже дату. Потом звонит: заболел. И весь отпуск, - у них же, знаешь, такие короткие отпуска, потратил на лечение.

В глазах Анны блестели слезы.

- Так ведь надо ж лечиться!

- А я?

- Что ты? Обида?

- Да, обида! На жизнь. Почему я такая несчастная!?!..

Ну что все вот так!.. Толечка, дай я поплачу хоть на твоём плече...

И Анна поплакала. А друг необидно смеялся. Смеялся, и, она слышала, выговаривал: «Теперь я у тебя еще и вместо подушки-подружки ... Не-ет, матушка, надо мне с этим делом завязывать... Ладно хоть, в подружку, как сама говорит, в подушку уже превратила».

Анна не отпускала.

Анна умела не отпускать.

9.2 Позавтракали.

Договорились, в принципе, о следующей встрече,

Анна ушла, княжич ушел.

9.3 Кстати!

Он был барону - тезка!

Ведь так?

И если первого

ее дети, ее дружная семья,

звали иногда, для различения,

дядя Толя-первый,

то второго -

(обескуражит простота,

потому не угадаете)

дядя Толя-второй.

Таков сказ.

Так они и жили.

Х.

10.1 Но!

(... Читатель, Ты уже чувствуешь?
Ты уже настороже?)

Чего-то
«недохватало» Анне
еще. Чего-о...
Гм, чего?
Женщина она была
не только образованная,
но и с наличием беспокойного красочного ума.
И тягой ко всему зрелому
еще с детства.
Однажды она поняла,
что в её Княжиче - её лучшем друге,
ее закадычном любовнике и верной подруге -
ей недостает **«большого»**. Непременно - **большого!**
А не равного, как у ней, всего;
что в нём ей не хватает
какого-то - веса,
тяжелости
тоннажа!
И даже
не в Княжиче!
Вообще не хватает,
вообще недостает. Круг её, для неё - пробел:
пробел зрелости, мудрости, складности большого ума,
чистой платоничности; рядом нет всепокоряющего седого -
львиного! - мужского обаяния. (Которое захватывает сердечко
девочки в 12-14 лет, какое бывает у мужчин лишь краткий период
близ старости.) Ей жаждется светского лоска,
сократовских бесед.
(Читатель, как Тебе дама? Дать прикурить?)

Как человек
она была устроена так,
что тяготилась жизнью, жить,
если не могла постоянно расти, развиваться.

(Но качество ли это принцесс,
о, друг наш,
Читатель.)

Как женщина
она была устроена так,

что всегда подспудно хотела мужа,
который своими размерами во всём был бы больше её,
даже огромное, настолько, что
автоматически подчинял,
даже подавлял,
глубиной,
не силой.
Чтобы она,
по своей воле,
когда хотела, могла смотреть ему в рот;
как кошечка в большом хозяйском доме, всегда
для любого желания своего могла найти
весьма (!) подходящий уголок,

такое:
то видное,
то укромное
местечко;
и не дремать там;
или -
дремать там;
или -
внимать оттуда;
или -
мурлыкать;
или -
ждать, когда позовут.

Соблюдая, конечно,
при всём паритет
между
зависимостью
и
незабвенной
самостоятельностью.

(Ты как думаешь, Читатель,
такое получится? Такое возможно?)

10.2 Поколебавшись,
Анна решила, гм-м, приблизить к себе
ещё одного.
На, покамест, «пионерское расстояние».
На расстоянии предложенной руки...для прогулки.
Давно предполагая в нём Принца
(и возможный совместный путь)
она вскоре с удивлением
обнаружила лишь...

(Бог мой - язык мой, что у нас Сегодня
за вечные с Тобой проблемы с терминологией!)

...
- мужа для ума -

(О, Бог, придётся разгрызть китайский, потому что
даже уже по-английски не сказывается.)

Сей муж был на пол поколения старше её, -
работал, жил материально обеспечен, -
был умнее, воспитаннее,
образованнее её.
Общение с ним
ОЧЕНЬ
ДАВАЛО Анне.
Анна обожала его.

10.3 Иногда они!.. Уединялись вдвоем.
(То есть, пили кофе вдвоем, либо гуляли вдвоем).

Когда они
укромно, парочкой,
брели летним днем по живописным заулкам
уместно было, машинально было
ах - восторгить:
«Господа! Господа, взгляните!
Какая великолепная пара! А какой день!
Аспирантка вышла замуж за ректора».
Так они смотрелись вдвоем,
когда уединялись вдвоем.
И головка Анны,
и носик
задирались выше.
Неправда ли, есть отчего.

10.4 Чего бы Анна ни захотела,
он удовлетворял все: решительно все!
Она плыла-качалась, она взмывала-носила
в течениях его насыщенного ума.

Он был: Муж.
Он не был герой-любовник.

...Ах, какие у них происходили разговоры!..
О звездах!.. (Эта тема неисчерпаема между мужчинами и
женщинами.) О Земле! Ее обитателях! Птицах! О дающих нектар
цветах! О химии в кулинарии!
Не пересказать всего.

10.5 Однажды она упомянула что-то про лица известных политиков. Современной Руси. (Переливалось бабье лето 1999 года). От её слов: «Какие-то они... Непородистые» - пыхнуло усмешкой.

...Она была сражена, как он развил тему!

- Все верно... - сожалеательно вздохнул он. - Вы, Аннушка, попали не то что в бровь - в глаз. В самое глазное яблоко. (Ох, как он... бр-р... садист... самоучка...) Они, действительно, непородисты. Ежели сей термин можно применить к людям. Потому что они не-ро-до-ви-ты.

...Вы знаете, принадлежность к детерминированному роду обязательно накладывает свою печать. Да-да. Мы можем осознавать это, не осознавать этого, но это так. И, конечно, наш род задает черты наших лиц. Я попытаюсь объяснить Вам ваш вопрос, прервете, когда наскучит.

- Что Вы, Анатолий Яковлевич!! - вскричала Анна. - Я всегда с наслаждением слушаю Вас!

- Ну так вот'с...

И они под руку двинулись дальше.

- То, что мы с Вами видим сейчас, так сказать, лицеизреем, вся эта политическая борьба, кухня, возня, суть - смутное колебание поверхности. Да'с...

Уходя в себя, в свои мыслительные процессы, при ходьбе он чуть подавался корпусом вперед, тогда рука, за которую Анна держалась, как бы пружинила (чего он не замечал), была мягка и властна. Идя сам, он увлекал двигаться за собой. Как флейта змею, Анну завораживало это.

- Глубинные процессы, первопричины, я думаю, вряд ли видны кому. И никому не ясны. Я думаю, кое-что не осознается сейчас и самими политиками, - он чуть отрешенно и едва заметно насмешливо усмехнулся. - Они думают, что это они варят, заварили кашу. Да нет, жернова мелют без них, они только носители, расходный материал в данном конкретном веке.

...Видите ли, Анна, я и некоторые из моих друзей считаем, что сейчас в России вновь началась борьба за власть между представителями русских родов и **е-ди-но-вер-ца-ми**. Это первое. И основное.

Рассказчик вдруг поморщился.

- Но это, знаете ли, такая опасная тема... у меня нет желания ее развивать. В первый раз это случилось в период Смуты на Руси. Тогда собственно корневых русских вытеснили, оттолкнули.

- Как?!?

- Да-да... Та борьба привела на трон Романовых. Да-да, те самые Романовы.

Тут рассказчик решил запнуться. (Остановиться вовремя - преползнейшая, и отличительная черта Мужчины.)

- Знаете, Аня - не буду. Это такая опасная тема, легко поскользнуться. А я не специалист... И не национал-патриот... Я просто чуть-чуть образованный русский. А как специалист я могу быть необъективен: недостает знаний. Хотя этого, знаний о нашей истории, как я понимаю, не имеет у нас никто. Так что, бог с ними, с иудеями...

Давайте лучше о нас.

- Давайте о нас, лучше о нас, - хозяйкой своего лета легко согласилась она.

- Ну'с, вот выше я упомянул про глубинный слой. В котором нам с Вами не разобраться. Но который отражается поверхностью. В том числе и лиц в телевизорах.

«Тонкий намек», - благосклонилась она.

- Есть второй слой, более нам близкий и понятный: сейчас в России, ... кроме упомянутого, ... происходит прорыв к власти представителей определенных родов. - Он повернулся на ходу к ней. - Поймите, Анна, родов, - в его поднятой, поднесенной к груди руке, как бы лежало что-то плотное, округлое, - самих родов, как таковых, уже нет. - Круглое сжалось. - Но их представители, но носители их генетической информации - существуют, остались! - Ла-

донь вновь разжалась, на ней не было ничего. Но были пальцы! - Хотим мы этого или не хотим, рода всегда борются за власть! Не обязательно вооруженным путем.

- Да, я согласна, - поддержала Анна.

- Так вот, рода.

...Видите ли, Аннушка, на Руси было всего пятнадцать родов: кривичи, то есть кривля, радомичи, или радомля, поляне - поля, меря, славины, татры, аланы, болгары, арты... Я, знаете, всех не скажу: не специалист, как говорится, «Спросите у Португалова».

Все рода имели свою территорию, географическую, каждый род имел свои характерные черты и признаки, в том числе и топонимику лица. Чувствуете? В том числе и топонимику лица!

А центральная власть иногда переходила от одного рода роду другому, причем обязательно - мирным путем, а уж никак не путем заговоров, революций, экспроприаций, контрибуций... Это Петруша... Поднял Матушку на дыбы.

Так она до сих пор: то на дыбах, то на дыбе...

- Да уж... - вздохнула о чем-то своем Анна. Иногда она ощущала себя с ним, как в консерватории: под сложную, органную музыку его речей вдруг обдумывалось, созревало, понималось что-то свое, что-то глубоко личное.

- ...И пошли уж не смердов давить - царей. Да разве так можно! Царь должен быть неприкосновенен! И не как наш депутат, а - вообще. Вообще! Во-об-ще. Что бы ни натворил. Например, допускает в стране беспорядки, не заботится об Отчизне, не заботится о народе своем, не блюдет честь и казну - пошел в отставку, в запас.

- ...Дать ему охрану, госдачу, «шестисотый», прислугу, речку, капусту, огород, - вставила Принцесса Анна.

- Всенепременно, - отозвался ей спутник.

- Да что Вы, я же пошутила!

- Вы не пошутили, Вы определили все правильно.

Рассказчик остановился, повернулся к Анне лицом. О, как ее будоражила его младая старость, его здоровая седина!

- Но покончим с этим, давайте - на лица.

- Давайте.

- Опять же, это не моя профессия, и если я сейчас заглядываюсь на Ваше лицо, это не значит, что я по нему что-то вычисляю.

Он улыбался очень интересно, специфически: мягко, властно. Если можно так говорить про улыбку.

- Я сужу больше по месту рождения: по-моему, Вы из кривичей. А я вот радомля: радомич.

- Это же где? - поинтересовалась Анна.

- Это Москва, ее окрестности, Серпухов, например. У нас с Вами разнохарактерные лица. Но наши рода - близки, все-таки не такая разнотипность, как, например, меря и славины. А вот еще: Вы найдете множество людей, чем-то глобально, макрохарактерно схожих с Вами, подобных Вам. И мы, кстати, произвольно тянемся к людям - представителям своего исконного рода. Особенно явно и сильно это происходит между мужчинами и женщинами: тяга, произвольная тяга. В наших генах как бы заложен тип своего представителя противоположного пола. Это очень важно для рода, нельзя этим пренебрегать. И наши предки это знали, прекрасно знали. Но, конечно, это важно только для составления семьи до деторождения.

- Тяга к себе подобному - это природа, ее власть, - жмурясь от солнышка, промурлыкала Анна.

- Да-да, вот так, кстати, было между мной и моей... безвременно... супругой, - рассказчик

понервничал. - Но - не будем, некстати я вспомнил, только к слову о родах... Просто я все еще скорблю, хоть столько лет...

- Да, конечно, - словами посочувствовала Анна. - Но Вы бы поинтересовались и другими женщинами теперь, Вам-то при Ваших положении и внешности нетрудно было бы, совсем нетрудно произвести впечатление, заинтересовать собой, увлечь...

Но... Спутник ее только... Съезживался.

Так, в тишине, без разговора, они сделал много шагов.

Наконец, опытный ходок увлек Анну в другую сторону.

-... А вот Ваш знакомый, как его, то бишь, Анатолий, кажется?

Анна ответила («Княжич»):

- Анатолий, да, его зовут.

- Так вот, Ваш Анатолий явно принадлежит к роду меря.

Анна посмотрела пристально: что это - намек? испытание?

- А что, скажите, подделывает он?

- Он бывший инженер, сейчас предприниматель.

- Так-так, нарождающийся средний класс. Это очень хорошо для страны. Чем таких аналогей у нас, у Вас будет больше, тем для всех нас лучше, устойчивее, крепче будет.

Анна... чуть не остолбенела: «Господи!...»

(I'm sorry to be so late, скорей передать слово автору, пока не сморозила что-нибудь Принцесса... Что сказать. Что за лопух, пардон! Знал бы, какими двусмысленностями он говорит. Впрочем... А!..)

Но пока она собиралась обидеться, он дальше увлек ее. Что ей оставалось? Идти.

- ...Ну'с, давайте рассмотрим теперь так заинтересовавшие Вас политические лица. Оставим в стороне господ Клинтона, Коля, Ширака, Хомейни... Шучу, считайте, что предисловие. Нам интересна Россия!.. Хотя, знаете, Аннушка, не исключено вовсе, что господин Ширак, например... Потому как на территории современной Франции располагалось когда-то весьма независимое герцогство Артуа. Которое являлось тогда частью родовой территории наших артов. Кстати, уже не герцог, граф Артуа приезжал зачем-то в Россию, в царствование Великой Екатерины. И та благосклонно весьма его принимала. О, простите мне мои многочисленные оговорки, я, наверное, забиваю Вам голову.

- Да что Вы! Как интересно! Он приезжал в самом деле? - Анна в самом деле была чуть запутана, но крайне увлечена. - Что Вы, я вся внимание, вся Ваша.

Он из тактичности (?) решил не замечать.

- Ну'с, прервете, когда захотите, я знаю, за мной водится растекаться мыслию по древу, еще моя покойная супруга частенько ставила мне на вид, что... О, простите.

Анна!...

(Sorry! Успеть отдать слово автору! Автору простительно все, что предосудительно Принцессам. Валите все на автора, друзья.

Ой!.. Ну что за дуралей!.. Разве с женщиной можно так!? Разве так можно с женщиной! Тем более с той, в которую тайно влюблен. Сто лет живи, сто лет учи вас: нельзя-когда-находишься-с-женщиной-хоть-что-то-упоминать-о-другой. И упаси бог - положительно отзывать даже о родной сестре.

...Но, сестры, что скажете? По-моему, он безнадежен. Бесполезен ей и к тому же себе на

уме. Нечего Анне и время терять. Не становиться же ей с ним разбойницей, поймите нетривиально).

...жмурилась от бабьего солнцелета.

- Значит, бог с ней, с Францией.
- Во-от! - Принцесса надулась. - Но почему?
- Нет-нет: Россия! Чем же она, матушка, поражает нас.
- Ой, Анатолий Яковлевич, много всего.
- Да-да, именно, много!

(Друзья мои, дайте и мне здесь хоть словечко, хоть полслова!
Как я с вами согласен: много, без меры, без продыха. И почему?)

- Да, конечно!
 - И это уже стало общим местом.
- Кажется, потакания Анны его заводили.

- Но Ваш, Аннушка, вопрос конкретный. И чрезвычайно интересный вопрос. Вы даже не представляете, куда попала Ваша стрела - в яблочко! Да... Но я, кажется, об этом уже говорил... Итак, смотрите, что поделявается у нас. Во-первых, Романовы. Династия Романовых. Гм-м, династия Романовых УЖЕ не была представителем детерминированного, корневого, имеющего по русским родовым законам права на центральную власть, рода. Как они пришли к власти, отдельный разговор... Мы с некоторых пор негодуем: вот, большевики переписали историю... Это, знаете ли, цветочки! Как наши, гм-м, Романовы переписали общерусскую историю, эти ягодки у нас еще впереди.

- Волчьих ягодки? - утвердительно прибавила вопросом Анна.

Рассказчик пожал руку ее.

- Знаете, я не раз замечал, как образно иногда мыслите Вы. Вероятно, Вам нравится Филатов. И эта его сказка про стрельца.

- Как Вы догадались! - засмеялась Анна. - Обожаю Филатова! У него такой своеобразный, такой экзотический русский язык. Просто невероятный! Такое сочетание современного, современных словечек, с устаревшими. Это даже и модно.

- Да, вероятно у Вас, как и у большинства представителей слабого пола, чрезвычайно, по сравнению с нами, развит ассоциативный аппарат.

- У женщин, я замечал, вообще

логическое начало развито меньше.

Недаром, например, подавляющее большинство выдающихся учёных - мужчины.

Особенно в области точных наук.

Зато в гуманитарной сфере мы с вами начинаем равняться.

А уж во всём, что касается души...

(Да Вы что, Анатолий Яковлевич, серьёзно?
А как же тогда Филатов?)

(Ах, ты, какой исследователь!
Какие он слова знает!)

(Хм-м, так-то оно вроде и дело мужик говорит.)
(Гм-м, действительно.)
(без коммент.)

(Совершенно с Вами солидарен, ведь...)

«Женщина, как говорится, существо нематериальное».

...Особенно, когда 17-й год. О, простите, зарапортовался...

Они на пару великодушно посмеялись.

- ...17-й год, революция. Ну'с, здесь и далее всё ясно, какие уж там законы и рода, когда передел и вакханалия.

Дальше. Первый президент, Горбачёв. - Спутник вдруг остановил Анну. - Вот видите, как мы издалека вдруг дошли до Вашего вопроса.

Принцесса промурлыкала что-то, её было хорошо, тепло, надёжно, приятно. Они двинулись дальше. Природа цвела.

- Откуда, спрашивается, сей герой.

- У-у... Ставрополье, кажется.

- Да. Степные районы. Так вот - не было там царствующего русского рода.

- Вот как!?

- Второй наш президент: товарищ Ельцин Б.Н. Он откуда? Урал. Что такое «Урал» раньше демографически. Место жительства беглецов, дух не государственности, но вольницы. Затем там - места ссылки, места казённых заводов. А, извините, казённый люд и самостоятельные хозяева, это такая же разница, как вольница и свобода.

Там проживал люмпен - пролетариат.

Вы ещё помните, ЧТО ЭТО такое со школы?

- Это те, кому нечего терять, - вырвалось у Анны. - Кроме своих цепей, ведь больше ничего у них нет.

Спутник Анны вдруг расхохотался, Анна удивилась тому. Отсмеявшись, он себя объяснил:

- Знаете, Аннушка, так, как Вы сейчас сказали, я слышал, мои коллеги и подчиненные аналогично шутят про «новых русских».

- Да-а?! - Анна все не могла утвердиться в наличии у него чувства юмора и образности мышления.

Но они пошли.

- ...Чем характерен люмпен. Опустим слово-туман «пролетариат».

Отсутствие способностей, жизненной конструктивности, здоровой предприимчивости... Лодыри, бездельники, хитрованы, пьяницы. И так далее.

...Даже из уральского рода, вернее, фамилии, Строгановых по древнерусским родовым законам никто бы не мог рассчитывать, иметь права на царскую власть. А уж потомки неизвестно кого!.. А мы все как-то рассчитывали, надеялись, митинговали, отстаивали, голосовали, кричали столько лет: Ельцин, Ельцин... Эти люди, вернее, лучшие, способнейшие их представители, хороши, незаменимы только тогда, когда нужно разрушать. Строить, поддерживать порядок, держаться закона, исполнять закон они генетически не способны. Да и мы-то...

Так'с, дальше; возьмем, к примеру, государство Казахстан. Кто у нас там?

Они снова добродушно посмеялись. (И я намек понял.)

- Назарбаев.

Назарбаев - это род! Поэтому, хотя там бедно сейчас, но там, - в принципе, базисно, -

неплохо. Возьмите Азербайджан. Там вообще бесподобно! Гейдар - это что-то!... Армения, Киргизия - у власти, так сказать, слабые рода. Таджикистан идет борьба. Теперь, после моей маленькой лекции, Вы понимаете, что там за борьба?

- Уж да-а.

- У нас же, из всей правящей политической элиты, но опять же, я специально не изучал, лишь один господин Лужков, как мне кажется, представитель определенного рода. Он: явный меря. И он это, кстати, подтверждает. Меря всегда отличались хозяйственностью, клановостью, стремлением во всем создать свой порядок. И вот, Юрий Михайлович, как мэр, таков и есть.

...Меря - это могущественнейший, огромный род. Этот род способен был поднять и подчинить всех. Но! Он никогда этого не делал. И! Он никогда не брался за центральную власть. Власть, знаете ли, Аннушка, бремя...

- Уж да...

- Бремя и время. Возьмите, к примеру, хотя бы меня. Я иногда, Аннушка, просто мечтаю: отдать все эти многочисленные бразды... Которые... Рук не хватает, просто рук не хватает всё постоянно, каждую минуту держать в руках. Как руку с пульса, так начинает всё дезорганизовываться, разрезаться, рассыпаться.

Это просто большой труд. И большая, не сказать - огромная, ответственность, вовсе не райски куши. Да и заработок не ахти велик.

Анна, по-видимому, подозрительно на него посмотрела. Он спохватился:

- Ах, да... Но я же говорю про себя, про своих друзей! Руку даю на отсечение! Но не так, как однажды на председатель Центробанка. Руку на отсечение даю, мне в моей компании руки не подадут! Если кто-то где-то как-то просто услышит, узнает про меня: крадёт. Это, знаете ли, без порток лучше ходить, чем...

Впрочем, мне ли жаловаться, у меня всего достаёт материально. Как - помните? - в нашем самом популярном фильме про царя: «Портсигар золотой 0 три, пиджак кожаный - три, магнитофон импортный - четыре...»

Он с лукавством посмотрел на Анну. Вспомнив, она залилась смехом. И они смеялись на пару несколько минут кряду.

- Да уж!..

- Да уж.. Но ведь, грех, действительно жаловаться. Просто, административная часть моей деятельности - утомляет. Годы что ли начинают сказываться?

(Ох, Яковлевич... С женщиной ж идёшь! Кошмар, как он ведёт себя с ней! Такое ощущение уже создаётся, что он специально тонкой манерой дистанцию держит.

...Всё-таки он - «третье поколение». «Третье», оно третье и есть: много «высшего» в генах накоплено.

Анна, кстати, и по отцу, и по матери была: «второе».)

- ...Утомляет она, высасывает. Как вот эту нашу реку городской водозабор. - Они как раз проходили парком мимо. - И ещё, на власти поскользнуться легко, нужен ооченный стержень внутри. И врождённо - воспитанные принципы. Иначе - голова с плеч.

- ...Как только Аннушка разольёт масло...

(Это уже не он, это Анна прибавила. В рассеянности.)

Ну и так далее.

10.6 Присмотревшись,
привязавшись к нему,
Анна решила приблизиться еще более.

Найдя предлог,
забегала повечерять,
найдя предлог,
завала в гости -
на чай
Что ж?

С досадой
она призналась себе:
и этот **ВОТЩЕ**, не идеален.
У него, например, отсутствовали те качества барона,
которые она очень ценила,
у него,
на ее глазомер,
отсутствовали определенные качества
Анатolia-второго, которые она просто любила.
Что из того, что он,
третий,
был от нее без ума?!

Он принуждал себя по-настоящему не подавать и виду.
Как так, видя перед собой обожаемую женщину,
наблюдая знаки внимания, которые та оказывает ему, он...

Он настолько высоко - и однобоко - относился к ней,
что! Что позволил бы себе поцеловать ее лишь
как -э-э-э ... товарища по работе.

(На профсоюзной елке, при вручении звезды.)

А уж раздеть ее...
(Нет уж, ... извините...)

Читатель, Ты плохо действуешь па меня,
я в дебри полез, это здесь ни к чему.
...Он деликатный пожилой человек, воспитанный и церемонный,
блин, не Ванька-встанька).

... Разве что, приняв от нее пальто.

(Сестры, согласитесь:
желающих выбыть из Принцесс
при дву на десятом свидании
это убивает).

...Сама же сделать с ним этого

Анна не могла -
все-таки она была
княжна (и Принцесса)
и не воспитывалась (не Мата Хари)
для таких... -м-м-м... выкрутасов.

В общем, никак она не смогла
(поймите нетривиально) растормошить его, что ли.
Да и по хозяйству он ее все равно бы не устроил.
Так что Анна прекрасно, за-ме-ча-тель-но
с ним себя чувствовала,
выгуливалась под руку
и развиваясь, как
человек.

Кстати, звали его: Анатолий.

XI

Но что же дальше!?
Дальше?
Да - как, что?
Да почти ничего. Дальше
так и текла ее, Принцессы Анны, размеренная буднями,
должная годам,
безвестная
земная
жизнь.

Жизнь, Что - Ты?
Я?
У кого - что.

Я -
дом,
дети,
дела,
праздники
души, тела,
надежды,
волнами огорченья,
проблемы и счастья,
жизнюшки твоих детей,
иногда - поездки, у кого - встречи, переписка...
С жизнью в стране для принцесс
было
как всегда
(то есть - плохо), а у Анны
как бы и -
ничего
(то есть, уже хорошо),
«Все нормально». (Она мирилась).
Все present and correct, чего же еще.
Тем более, три «мощности» под рукой.
«ДТ -1» - овощи/фрукты; на пикник свозит; пожалишься, квартиру поблудет;
с детьми позанимается, когда свободен и не прогнала; посопит ночью. Он прав. да.
Он всегда под рукой. Зыбок, как руль; но если в руках держать, всегда есть
на кого в житейских трудностях, в буднях положиться.
Он по первому зову - хозяйственному.
«ДТ-2» - где-то тут, поблизости; не пропадает, сигналы подает. (Так в лесу рябчик
посвистывает). Невидим, неощутим, ежедневно недосыгаем, да все рядышком.
(Самочка свистнет, рябок прилетит. Рядышком сядет, вместе и перышки
кловушками почистят). То сам прилетит, то прилетит, когда позовешь.

Вот уж с кем! вот уж когда! распахнутся все створы! без стеснения - жалости.

Он - для души, для праздника. С ним все можно: от низкого до высокого. Как говорится: что разбудите Вы. Второй, он и друг преданный, и любовник истовый, и психотерапевт, и исповедник. Требуется иногда остаться в чем мать родила да какой сама стала. После помолодевшей, освеженной, готовой для новых свершений - потерь - забот чувствуешь себя. Когда месяц, когда неделю. И потом еще сколько-то можно на воспоминаниях продержаться. Каждый-то день такой бури, такого водопада ниагар, такого высоковольтного электричества и не нужно. Притупится, не выдержите, опостылеет - а так, всегда свежесть и острота чувств. То - праздник, не праздничек.

«ДТ-3» - он, когда ум твой да и вся существом подзакиснешь, когда умственно застопо-ришься. И начнет что-то этакое изнутри толкать: пора, мол, пора, мол, поднапитать себя, напитать новшествами.

Сей зов не такой ражий, как первые два, да присутствует.

...Да!

И еще бывает: «если»

бывает столкнешься, встретишься с кем
из когда-то бывших своих, периода активных поисков,
мужчин, - как бы их назвать? - ...фаворитов-сановников,
то, если искра интереса и притяжения меж двух облаков вспыхнет,
на день-другой внимание и здесь подзадержится,
и затормозишь, обернешься в «шаге» своем,
спортивной по жизни ходьбе: вдруг?!

Вдруг ТАМ

что-то новое появилось?!

Иль развилось. Из тех основ, зачатков,
которые ты когда-то
узнала.

Бывает также

маркиз какой прилипнет
на вечеринке, у друзей, по работе.

И этим поинтересуешься.

Но Анна

отношений с маркизами
больше не развивала: они были ей не нужны,
даже неинтересны.

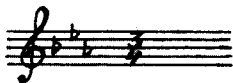
Анна

берегла теперь,
перестала разбазаривать -
может, копила? -
силы.

Анна
при случае,
от скуки наблюдала за мужчинами,
изучала: породы, классы, типажи, стада...
...О! Она выяснила-таки, что есть -- маркиз-- !
Она классифицировала их, как - **коты**,
мужчины-коты. Таким от женщины
нужно либо то,
что у ней ниже пояса,
либо, и чаще, то, на чем сидит она.
(А и зря, сестры, морщитесь, это -
выщарапать какой нужный кусок.
В бизнесе, в карьере,
делах - работе...
Ай, умница, все-таки,
ваша Принцесса Анна!)

XII

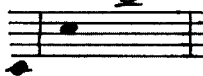
...Из преж них

не вы рас та ло ни че го.

На но вых

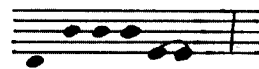
не до ста ва ло сил.

И, чаще всего,

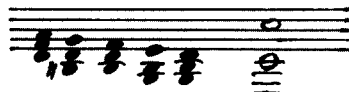
и чаще всего,

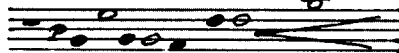
Анне стало хватать

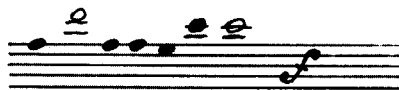
имеющихся трех.

...Мечталось же - одного,

мечталось по - прежнему.

та- га- та- му!

Меч- меч- лось же но-го та- не- од- меч- лось по меч- меч- лось по-преж-

...Вот

на на на
ло бегаются,
мается она, трудится за день, -
перемоей, постирает,
подотрёт, погладит,
сварит,
а ещё
приготовит к школе,
выслушает,
пожалует, уложит детей;

ВОТ

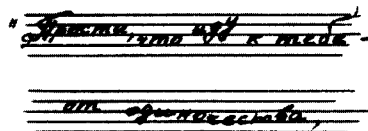
у
па сама, разметается,
дѣт затем
задремлет свернѣтся в клубок и,

засыпая,

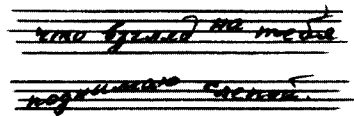

иногда размечтается:

«...Ах, если бы
Славного
укоротить в его поисках.

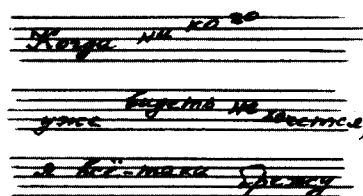

Отдать ему размеренность,
Обуть его в будничность
Здорового.

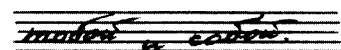

Или...

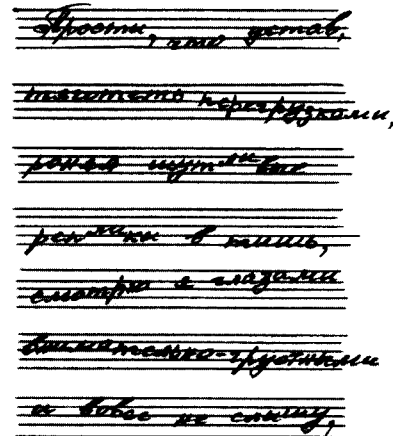
А большому -
сообщить чувственность
Славного,
прихлестнуть его решительность.

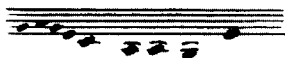
Или...

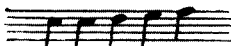
Или
как-нибудь - сложить,
слить всё
из них в одного!
Вот это бы... Вот был бы!..
...А что он бы сказал мне?
Может, «Лягушка-царевна»?..

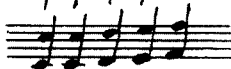
Да...

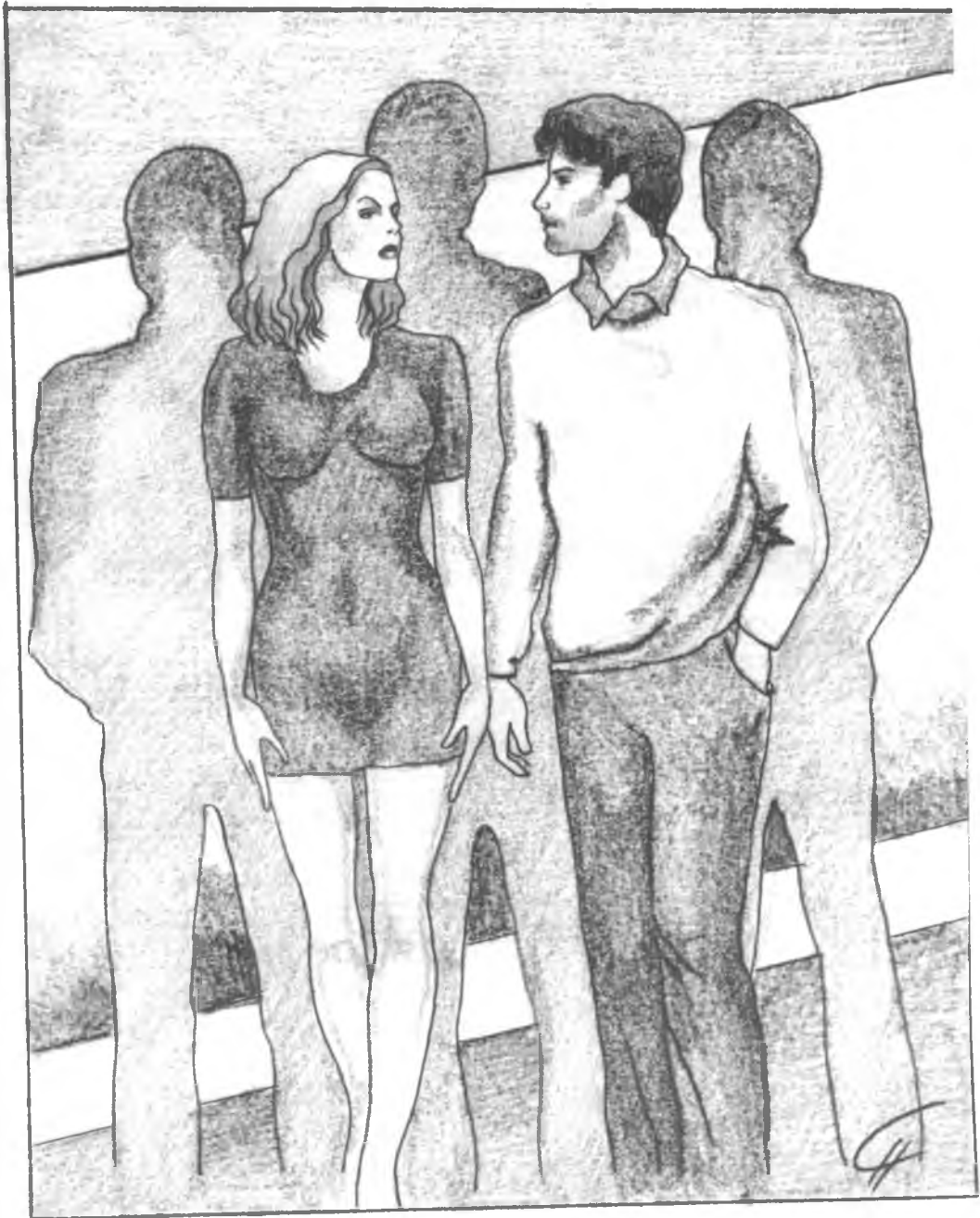

Вот это было бы!..

Вот это мы бы!...»

И сама сразившись
 созданному из реальных и воображаемых, -
 бывших, будущих и настоящих ее мужчин, -
 образу
 потрясенным сном
 вперивается в него!

B: Донышками глаз внутрь - обзирает!
 Кожей, телом, дрожа, осязает!
 Души токами ластится бестелесно!

Как с ним говорит!

СЛЫШИТ!
 ЧУВСТВУЕТ!
 ПОНИМАЕТ!
 его

" Прости, что ищу тебя, словно призрачества!

Прости
 согрешила, слабость прости.

Прости, что не ведаю
 даю имени - отчества,

плыву по течению,
 сби ватось с пути!"

Мгновенно проснувшейся видится:
друг недалёко.
Ведь все ей уж близко, все знакомо,
все присутствует, теплится рядышком - все!
Рукой дотянуться,
руку подать, -
заснуть и проснуться,
взять,
достать...

Но -
сны...
немоты...

Она там... И тут же проваливаясь опять... Она с Ним...

...Н-е-е-ет! Она не влюбляется! Не любит!

след ему

в

9	идёт
	Она: отдаёт себя!
	сли
	ваётся

с ним

То к плечу прислонится.
То рядом пойдёт.
Толкнет в сторону. Вдруг за собой потащит.
Ах! - и за спину скроется.
Надо - грудью встанет!
В рот не заглянет! Слушает, открыв рот.
Спуску не даст. Слова не скажет.
На руки заберется.
Спину подставит.
Выбранит. Пожалееет.
Ноги вымоет.
Сцену устроит.
Согреет.
Согреется.
Поплачется.

ВОТ ЧТО ЕЙ НУЖНО!

ВОТ - КТО!

ВОТ - КАК!

...И несут Её тогда
 чувственная и телесная -
 и телесная до оргазма -
 лихорадки. И в сне, и не в сон.
 И ознобят душу,
 и утомят тело.

И изнемогшая
 плачется Она Ему.
 И клянёт Его!
 Что Он - есть!
 И Он - не приходит.

"Куда я двину",
 в таком сердце остаётся,
 набравше, оставше
 как последний шорок.
 Но в наш рудничок
 себе ^{идеально} ^{кажется}
 тебе лишь ^{на} ^{дерево}
^{как} ^{слабый} ^{тош}.

Прости, кто во все!
 Эти дни, эти ланиты,
 Не верю не-претяну
 в силе свои!
 ищу у тебе я
 и ласки и помощи,
 и губы - увы, ^{неудачно}
 ... ^{тогда!}

Или - вот будто был только что!

Будто бы был даже рядом!

Да ушел с чем-то,
да вернется вот-вот.

"Когда ты уходишь,

куда - мы будем без тебя

(когда заслоняют
тебе кто-то плечи мне)

прийти, что с трудом,

но скрываю в груди:

такое сухое,

такое извечное,

такое над
равное

- не

уходи -"

И выдохнется Она,
сном нагруженная, снами усталая,
мечтами забытая днем, -
и забудется, околдована,
собой горизонты свои
раздвигая, -
и шепнется у Ней,
между ночью и днем,
с брани яви и сна,
изнеможения грани:

«Друг мой, в мире, где я, -
в мире, где Господом на два начала все,
все пополам изначально, -
жизнь мне - только вдвоем!
Как жить одной!?

Ведь - какая бы жизнь!

Ты княжил бы мной!

А какая бы я!?

Я - тобой».

И даже обетное:

«Уж я бы Тебе... Сослужила».

“ ... Прости, что жаву я =

предувещивала выдох!

когда уже сердца

такие встретились влюб...?

... Прости, что не ви

из этого
вышла.

... Прости, если можно

простить за любовь.”

...

Ходят - ходят потом
грезы над ней
весь ее сон.
И распухшие глаза,
и невыплаканная слеза,
и боль головная по утрам.

«Уж вроде бы лучше и не было этого ничего...»

Снова - день,
с нею часы -
четки забот
на теле
одежд повседневная ткань;
завтрак, «Дети - пора! До вечера! В обед - позвоню».

И

с разладившейся душой
- на работу!

XIII

Но!

Губы - подкрашены.

Грудь вперед!

Прическа!

Костюм!

Талия!

Сумочка на руке.

Туфельки. Каблучок!

Дети. Квартира. Порядок.

Взгляд не пустой, не пустой кошелек.

Образованна. Не скандальна. Не скучна. Добра.

Субмарина надежд! Баржа нерастраченной верности!

...Умыта низ-верх ватерлинии...

Утренний макияж!

Крестик, брошка.

Всё на крючок,

как на замке

вся под застежками собрана! - Цок - по асфальту!

Вот она: достигаемая, единственная,
обычная, одиночествующая
куда-то торопится.

Ах, что за женщина!

Ах! - много.

Э-тен-шн, ман*! - в жены княжна,

attention, мен**! - «Принцесса Анна».

* Этеншн (произнош.) Attention, ман (англ.): Внимание, мужчина.

** Attention, ман (англ.) - Внимание, мужчины.

Послесловие читательницам:

...Пристало ли вам, сестры?

Послесловие Читателю:

Постой, Читатель, не убирай сигарету: перл кончился - самое то перекурить.

Ах, как сладко сменить после трудового дня штилеты на тапочки, пропустить стаканчик... два, три... пива... вытянутся в любимом кресле, затануться хорошей сигаретой, с удовольствием признаться: «Устал...»

...Признаться, я тоже. А временами, кроме того, изнервничался. Вот помнишь, когда... Э-э, брат, да Ты не читал! И я же сам предупредил Тебя. Жаль, хотелось посоветоваться. Да и вообще: поболтать запросто. С Принцессой ведь не поразговариваешь. Хоть и не соскучишься... Да, жаль - куря сообщца, хорошо общается.

Знаешь, временами мне казалось: вот и все, шабаш! Вот, наконец, и пик, и кратер, и извержение, И произойдет остывание истории.

А она все дальше и дальше. Вот лава кипучая, как с горы едет! Что делать: я за ней слеую. Так все 170-т «верст», или сколько там, надо бы посчитать, и отшагались... пронеслись... минулись.

А Принцесса - о чадушко! вот неумная! вот неугомонная! Что ни подай, все не по ней. Чего ей надобно?! И все вперед, и вперед. Я, бывало, утром, едва за чай, глядь - Она уж выгарцовывает! Так и приходилось: стакан с любимым напитком в одной руке, поводья - в другой, и за Ней, галопами, следом. Хорошо бывает, знаешь, в конце осени - пороша выручит. А зимой, представь, когда закрутит, завьюжит, - когда ночью пронесется пурга, - утром глядь: все следочки как сдуло. Уж попутаешься, попотеешь на разных дорогах. Бывало, едва след возьму, едва едва нагнать успею, как рассержусь! Бывало... Ох, кричу, ей, ужо доберусь я до тебя, вирус ты компьютерный!.. Да только доберусь, Она снова из рук выскользнет. И - круть! - вперед: то ланью быстроногой, то легкой лодочкой.

Но когда Княжич Ей предложение делал, эх, как я возрадовался! Тут-то, рисовалось, ты и попалась, голубушка! ...Х-х, размечтался... Пока был на отдыхе, Она Княжича задвинула. Вот где мне не на шутку обеспокоилось! Я к Ней - Она за кордон ринула. Ремешок сумочки за что-то здесь зацепился и удержал. Потом, спасибо, Анатолий Яковлевич подхватил эстафету. Как они прогуливаться начали, мне опять передохнулось. Хотя, признаться, своим реверансом с Княжичем Принцесса сильно меня обескуражила. Спасибо, повторю еще и еще раз, Яковлевичу - помог.

Но и зол я на него тоже, не на шутку, зело зол! Читатель, сам посуди - послушай: Принцессе любо дома остаться, да с кем - нет. А Он прогуливается с Ней и в упор её ему книксены не замечает! Я уж начал было даже ему суфлировать. (Бог мой, чего только не прощается автору). Суфлирую, ассистирую, перевязочной сестрой работаю, вроде дело пошло. Мужчина Он, наблюдаю, очень умный (наверное, и регалии имеютя), я и поуспокоился. А он! ...Как сдаст назад!.. своим трактором... Я едва отскочить успел. И уж ору ему, попросту говоря, из-за укрытия: «Яковлич! Ты что! Ни шагу назад! Позади Москва! Ты же один наша братская надежда... остался, двое наших не справились! Не дадим заарканить свою Принцессу забугорному атаману! Пшеницу ввозим, скоро начнем и лен, и пеньку, и Принцесс ввозить!? Ни шагу назад! Это приказ!»

Так нет же, сделал вид «ничего не замечаю». «Водозабор, мол, водозабор». «В греческом зале, в греческом зале!..» - так мне и хотелось ему на ухо вякнуть, когда они парочкой мимо вальсировали.

Ох... Да... Ладно. Страсти улягутся, История во всем разберется. И все по местам расставится.

Мы перекуриваем.

- ...

Ты что, кстати, куришь?

- ...

А-а... А у меня, знаешь, две постоянные любви: «Беломор», фабрики им.Урицкого, и DUNHILL (фабрики имени Брижит Бардо) (Шутка).

Хотелось обкурить мне с Тобой, Читатель, одну затейливую идею. Идея, конечно, стара, как мир, и плоска, как Земля на картах древности. Но прозрачно, так, сестры мне ее намекают. Что надо бы в этом отчет дать, что чаще всего это случается как раз у нашего с Тобой, Читатель, Сословия. (Только надо зарубить сразу, гаремы здесь ни при чем). А мысль, в общем, такая: что если б «Анна» был - мужчина. И как бы ЭТО ВСЕ выглядело в моей рестаурации/ интерпретации. Вот я и хотел с Тобой... обкурив, порешать, так сказать ... -э-э-э ... некоторые вопросы.

Во-первых, как назвать мне тогда героя повести? По аналогии - Принцесс Анна? ...Фу, мне так не нравится, от этого сильно отдает нарциссизмом. Нет, данным излишеством Анна не страдал, могу свидетельствовать. Как и другими излишествами; пожалуй, кроме любви к собакам, машинам (и женщинам тоже) тоже.

Тогда - Принц Анна?

Как-то высокогато.

Княжич Анна?

Чуть низковато, недобор, и очень на вьюношу смахивает. А «как вы лодку назовете, так...» Ну - помнишь, начало помнишь, самые первые главки.

Выходит все-таки: Принц. Принц Анна. Княжич Принц Анна. Что ж... Тоже неплохо, привыкнется.

И если я правильно понял намеки сестер и Тебя, Читатель, история Принца Анны примерно такова. Родился и вырос в семье; хотя рос большею частью в детском саду и потом школе. Возможно, окончил и музыкальную. Получил образование, служил Родине. Затем оставил службу (вышел в запас). Основал собственное дело, постепенно встал на ноги (помощи ему ниоткуда не было). Одновременно с становлением на ноги прошел путь любовей.

- ...Хм-м, да-да...

И решил обзавестись семьей. Вот тут и началось.

- ...Хи-хи, ха-ха...

...Стоп, стоп, стоп, стоп, Читатель, это Ты зря. Или нет, по-моему, это не Твой голос. Вот тут я готов за Анну и спорить и вздорить: Принц не имел походов с замужними

синьорами! Они, конечно, были опытны и милы, но они были не подходящи ему для того, что он мечтал иметь и что хотел построить. Анна не любил чужое, Анна не любил разрушать. И еще: Принц был бого-бо-яз-не-нен.

...Итак, он начал искать, просеивать, делать сравнения, выводы, оргвыводы, осуществлять выбор, локацию, вот оно и началось...

Одна хозяйственна, на ощупь приятна, добра... Да глупа. (Как та сахарная с сахарными грудьми, у Евграфовича, которая восклицала поминутно своему помпадуру-градонадначальнику: «И за что ты меня, простую бабу, полюбил!» Принц Анна терпеть не мог баб, Принц любил женщин.

Другая и возвышенна, и сексуальна, и любвеобильна, как Мэрилин Монро, да абсолютный нуль по хозяйству.

Есть где-то почти как Ассоль. Да нет корабля (и столько лет, денег и виз), чтобы за нею странствовать.

Четвертая - умная (ни дать, ни взять, вылитая Ирина Хакамада), да с нею не жизнь, а - то презентация, то апробация, то секвестирование, то реструктуризация. Конфуз и акция. А еще на носу у неё диссертация. И все на бегу, все в делах, детей от нее, как от козла молока дождешься. (...Да так-то все возможно, конечно).

Анна взял было да пожил широким фронтом - покняжил что-то около года троими - четверыми (всеми). Но по истечении что-т загрустил. Как на ветке осенний продрогший листок. («Я спросил у ясеня, где моя любимая?..») Потому что хотелось ему подругу, хозяйку, любовницу, мать детей потом, друга, умницу - в одном лице и под одной, своей (его) крышей. Да вот ирония судьбы - не находилось всего вместе в одном лице. И Анна взял и бросил всех, да и пожил с баронессой.

Это - вкратце.

Так что, Читатель, перекур наш закончен? И что нам теперь, начинать опять всё, всё с самого начала? О, господи... Бог мой, как там оно начиналось-то...

~ ...

Да знаю я, что можно списывать, не подсказывай.

II - I.1

Княжич Принц Анна
не был чересчур собой.
Всегда трезв,
подтянут, выбрит,
в меру великолепен.

Обыкновенный мужчина.

Плечи, уже талия, ...

Однако,

если по завершению трудового дня ему вздумывалось
пофланировать!
прогуляться!
и он, не торопясь,
скользил на своей бежевой «Волге»
вдоль тротуаров, аллеек, набережной,
то в лето и демисезон
иные пары
приятных чувственных глаз
из-под шляпок и зонтиков, или из-за зеркальных очков
оч-чень заинтересовано и весьма,
весьма недвусмысленно
заглядывались.

II-I.2 Конечно, когда тебе дважды, как призовут повоевать,
или чуть менее-более, часто ты выглядишь на полтора-два принца
Флоризеля.

Но свои ботинки, нагнувшись, еще сам зашнуровать в состоянии.

... ..

...

...Оу. Блин. Вот черт! (И тем же пусть и помянут.)
Думаю, чего мне спокойно не пишется!?... У меня же радиатор потек!..
И уже недели две, как Она на приколе.

- ...

Кто - Она -? Да машина, конечно, кто же еще!?... А без «колес», как без рук, сами знаете! А как без рук!? Отвратительно, не поверите! Пешком хожу, ногами грабастаю. (И Принцессы сразу заохали: мол, как это - на автобусе на Прием что ли ездить! Интересный они народ, расскажу как-нибудь. Потом, после). А вчера договорился я с автобусниками - привози, говорят, ладно, привози в автопарк, наш радиаторщик все сделает. Один радиатор везти, спрашиваю. Хоть - два, «бабки» только не забудь, хохочут, а сам радиатор можешь дома оставить. И вот когда - хоть два - мне услышалось, точно, думаю, а ведь и верно: пусть-ка распаяют, да почистят, заодно, и от «печки» радиатор, машина не новая, и на воде ездывал, и черпал из луж. Поиздержусь, но сделаю все, а?

Так'с, кто там у нас? Следующий!

- ...

Что за тихомолки! Сестра, пригласите очередного.

- ...

Ну'с, что, уважаемый, скажете'с? Ах - обыкновенный мужчина! Посмотрим, посмотрим, давайте историю. Ах, уже пункт 1.2. История болезни - болезненная история. Каламбурчик'с, прошу прощения.

Значит, Вы у нас Принцесса Анна - 2. Выходит, пора приниматься, нам приниматься за Принцессу Анну - 2 теперь?

-...Гм-м, не рано ли?

Это еще кто!?! Это кто под руку в приемной! ...Ах, извини, рассеялся с радиатором, понимаешь, - это Ты, друг Читатель. И на что Ты намекаешь мне?

- ...

А, откуда я уверен в успехе. Прости, не понял, успехе чего? Принцессы Анны?

А она что, не преуспевает? По-своему, конечно, по-своему...

- ...

Ах, Ты о книжице моей!.. Ну уж это, брат, извини... Ты, видно, Сестер наших не знаешь! (А еще подписался, что не юный исследователь). Им только дай! У них столько потребностей, что!.. Чтобы от Твоих попреков прикрыться до против Тебя же самого их и обратить, они, как только завидят, мгновенно вздымут Анну на свои хрупкие плечики и, сомкнувшись мастодонтной фалангой, также упорно и сладостно будут таранить ею Тебя, как некогда греки ворота Трои. (Троя, кстати, пала, Ты знаешь об этом?)

Да-да! Друг мой, да-да - мне следует предупредить Тебя заранее и честно: Ты зря не читал. Этим копьем, Принцессой Анной, они будут колоть и колоть Тебя. Прикрываясь ею же от Тебя, как щитом, вдохновляясь, как знаменем. И от бесчисленных их легионов придется Тебе, брат, бежать. («Черт ли сладит с бабой гневной»). А убегая, меня читать. Вот видишь! Цель и достигнута. А во-вторых, Сказ мой некоторые прекрасноумные особы однозначно воспримут: как инструкцию. Значит, не прочитай его, Ты сам поспешишь им, поспособствуешь возникновению у них секретного оружия. Неужели допустишь!

- ...

Вот видишь. А Ты: сомнительна слава, сомнительна слава. «...Ах, Аполлон, ах, Аполлон». Логика! Стратегия! Математика!

Хотя в тактике я, Ты прав, могу проиграть: в тактике я не силен. (Помнится даже, по «Тактике» у меня была «троечка». А экзамен еле-еле на «четверочку» вытянул). Не моё дело тактика.

А Ты, как я понимаю, силен. Ну так, значит, еще не раз поморщишься на меня настоящим российским полковником (а кто и зубы поскалит): «Собрать бы книги все, да сжечь!» А вот это уже было, и плагиат, и пробовать ни к чему.

А еще, мнится мне, помянешь меня не раз за, так сказать, принцессоаннооткрытие. Когда подруга Твоя/супруга Твоя, то Бароном, то Графом, Тебя позовет. Ты только вздумаешь к ней вечерочком подольстится, посмеется над Маркизом Тобой. (Иная и «брысь» вмажет). Ты ей тогда о политике, она в ответ: что, дорогой, нанюхался от «Яковлича»? Вот тут, в тупике, когда потеряешься, когда претерпишь, когда задумаешься, у кого из вас «крыша» поехала, Ты, опасаясь, меня и вспомнешь. И вот все, недобром, помянуть бы не надо, очень прошу за себя. Слово, оно сильную силу имеет, иное - убийственной выстрела. Ты заметь, я треплюсь, треплюсь, да своим оружием браню крайне осторожно. И даже по пьяному делу ни-ког-да в Тебя не выстрелю. А с нами что делают? Ты вспомни, ведь никто из нас, А.С.-ов, начиная с открывателя Чацкого, доселе своей смертью не умирал, всех растерзывали... А ведь пожить и Чацкому хочется, - а ведь пожить и на этой Земле хочется.

Что касается другого оборота, другой базы славы, так и быть: тайночку Тебе открою. (Но только - Тебе, потому - курим вместе). Слушай, -Принцессы-Анны-ведь-не-было-это-без-прописки-и-паспорта-женщина-это-тип - она - неосязаемая - (не: берешь в руки, маешь вещь) - женщина. Да - да.

- ...

Ты разочарован?

- ...

Ты говоришь: жаль, она - ничего?

- ...

Не грусти, поспешу успокоить Тебя, встретишь ее завтра же!

- ...

Где? Да вот, как на работу поедешь, присмотришь.

- ...

Ну - не на каждом шагу...

- ...

Но сестры меня ИДЕНТИЧНЫМИ примерами уже и...ловили! Откуда я знал, кого пишу! Что они себе думают, так просто: взял, увидел, сел, написал, адыю. Если бы. Что будет дано, то только и напишется. И «...тему гор - другой возьмет поэт». «А ты не знал такую-то женщину? Вылитая твоя Принцесса Анна! Признайся, знал».

Ты представляешь, что мне приходится выслушивать!!! О, Бог мой...

Слушай, Читатель, мало того! Намедни! Привозят мне! Вдруг! Видеокассету с записью. Усаживают смотреть. Ба! Знакомые все лица: Валерий Комиссаров и его «Моя семья». То ли

февраля, то ли марта сего, 2000-го года, выпуск. Я поворачиваюсь: и что!? Мол, что!? Смотри, отвечают. Смотрю. Вижу: сидит за столом женщина. Темные короткие волосы, роста невысокого, на лицо и фигуру приятная, в очках. Назвала себя: Анна я. Эта Анна любит троих мужчин вот уже два года, хочет выйти замуж, не знает предпочесть кого.

Братя! Я чуть анисовкой не поперхнулся!.. Хорошо по спине вовремя пробарабанили. И начал - вот ведь дурак - через телевизор бурчать на Комиссарова! «Ты почто, - сержусь, - это делаешь! Ты зачем нам обоим малину портишь! У меня еще книжица только что написана, я еще кумекаю, где, как, на что издавать! А ты уже Анну публике демонстрируешь! Разве ТАК делается! Уел, понимаешь, провинциала... Тоже «тройка» что ли по тактике? Разве так делается? Ты же шоу-мэн все-таки! Придержал эту женщину, определил момент - когда, на обозрение выставил - оп ля, прошу любить и жаловать: Принцесса Анна! Когда все теоретически ее знают. Налицо восторг публики, рейтинг программы еще повысился. (Выпускаем аджику «Моя семья» под названием «Принцесса Анна», прибыля пополам.)

Принцессы сзади смех перекатывают.

«Учиться надо! - бурчу я на него. - Учиться и учиться!

...Как завещал великий Дедушка *».

- ...

Ты спрашиваешь: у кого? - Читатель, говоришь, не у Дедушки же? У него ж трудов ни о шоу, ни о женщинах нет. (Такое впечатление, что даже в постели он больше о политике думал).

Да, здесь у нас с Тобой мнения сходятся. Но при чем здесь конкретное Дедушкино занятие! Ведь - Ты вспомни! - он, в принципе, был потрясающий шоу-мэн!!! Он ВСЕГДА ЗНАЛ кого, когда, в какой экипировке, с каким текстом и лицом на сцену вывести. Потому каких успехов! добился!

- ...

Ты говоришь, нам-то что от этого - ни жарко, ни холодно, там все политика?

Да-да-да-да... Вообще-то, и жарко, и холодно, лучше бы наш Дедушка в бизнесе таких же успехов добился.

В бизнесе, в бизнесе... Кто у нас там, у кого поучиться, кто и на ТВ, и в бизнесе. Неужели нет величин?

- ...

Фу-у, что Ты, у этого нельзя учиться...

Ба! Есть! Ты что - под боком же у Валерия! (Вернее, наоборот). Помнишь, в 96-м, кажется, двое по Кремлю с коробкой для ксерокса (а в коробочке полмиллиона «зеленых») ходили. Потом (что за дела - не берет никто) - на выход пошли. И уж на выходе нашлось таки кому взять. Так вот один из них (из тех, кто носил) - Сергей Лисовский.

Сергей Федорович. (Поскольку лично я его за изрядные таланты уважаю).

- ...

И что.

- ...

* «Великий Дедушка» - Ленин. Не путать с «Великий Кормчий» - Мао (Примеч. автора).

Как Ты повторяешь - прохиндей? Ну и что. Но вот же: и большой бизнес, и шоу-мэн - прекрасный образец для подражания Комиссарову.

- ...

Основания? А послушаешь, так расскажу.

Помнится, в 1998-м году, посетив в очередной раз наш Архангельск (ах, как я его люблю!), сидел я дома. По утрам - у печи! Пил чай, смотрел в огонь, и мысли невнятные о чем-то сказочном, красивом, где-то на изнанке уголка шебуршились.

Неделю сижу, другую, месяц прошел, лето разгорается. Вдруг стучат (то бишь, звенит колокольчик). «Здесь, гряд, живет такой-то?» Да, говорю, это я. «Вы не могли бы сделать...» (Деталей, прости, Читатель, пока не раскрываю). Да подумаю, грю. «Сколько думать будете?» А-а, два дня. «О' кей, через два дня будем». И уехали.

И я, закрыв воротную дверь, пшел по двору озадаченный преизрядно. Задача ставилась не из разряда простых: сделай то, не знаю что, как, придумай сам, но чтобы выглядело - ну очень! - красиво. А чтобы лучше думалось, толщину пачки «зеленых», коль исполню заветное желание заказчика, с толщиной пачки любимых папирос моих сравнили.

Долго ли - коротко ли бродил я по дорожкам своим (а вотчина у меня, надо сказать, двести раз по шесть соток), только когда вновь те приехали, за работу я взялся, ведь, собственно признаться, выражала, материализовывала она те мои собственные неясные замыслы - мысли, которые, как понял я потом, мне бы через полгода - год захотелось реализовать.

И вот, общие контуры работы мы с приехавшими обговорили, сроки установили, тут же даже и денежки они мне, не чинясь, подали, - и по доброму, с пожеланием успеха и удачи, и здоровья, и заработка подали, - и, откланявшись, и торопя меня, мол, друг наш, поспешай, отбывают. Стой, кричу, ребята! Стой, стой - на кого, собственно, работаем? Что-то я и «забыть спросил». «А на Сергея Лисовского», - пожимают плечами.

Вау!.. Полный отпад. В натуре и конкретно.

...И я принялся.

Вот три месяца проходят, в Горки-10 переводят. По Рублевскому шоссе, с заездом в Барвиху. Ваше!..

Там я и заканчивал. Работу сделал, вышло - сказка! Такая сказка, что заплатили мне даже после «черного вторника», когда все в мире финансов рушилось, долларами и без лишних слов, не вошкаясь. И домой отвезли, за тридевять верст, через тридесять гибло-алчных заплотов ГИБДД на машине. (И я в ней плыл, джин-тоник пил, по усам текло, помощникам перепало...)

Ах, какая сделалась сказка! Ах!.. Жаль, работа та была приватная, не для обозрения. В смысле: один человек платит, один и владеет, не на показ. Хотя пресса все же край заметила. «Комсомолка», потом, кажется, «Российская газета», потом «Известия».

- ...

А? Правильно. ...Но Ты, Читатель, вникли в мою талибатью, Ты понял хоть, о чем на самом деле я Тебе заливаю?

- ...

...Я еще ПОДУМАТЬ НЕ УСПЕЛ! А от Лисовского УЖЕ ПРИЕХАЛИ. Вот это постановление дела! Вот это разворот, размах, подход человека от бизнеса! Вот это глубина! Вот это выправка! Я ведь и сам не сразу понял: чего я делаю.

- ...

Да я не хвастаюсь.

- ...

Да не хвастаюсь я.

- ...

Да ну - и похвалиться не грешно: сам себя не похвалишь, кто похвалит. Да и хорошая вещь получилась. Такая, что кроме определения «сказка» другого ничего не подбирается.

...Я, кстати, уже для второго всероссийского Сергея Федоровича работу делаю. Выполнял. Тот, первый, в свое время числился у нас, в СССР, вообще в «гималаях»! Рядом постоять, уже было престижно. Сергей Бондарчук! Монстр, циклоп советского кино-телевидения.

Летом-осенью 1981 года участвовал я в съемке его самой-самой эпопеи «Красные ворота». Не знаю, сейчас её вспомнит ли кто.

- ...

Кем? На каких ролях?

- ...

Пешкой. Его Величества короля советской кинематографии. Гоняли нас, вузучащихся, избивать солдат. В десятитысячной массовке. Мы штурмовали Зимний (85 раз...), мы ломались в Гостиный Двор, митинговали у Казанского, дымили сигарками на ступенях Исаакя. Боже, что творилось там! Бондарчук снимал историю, репетировал съёмки, мы третировали историю. Дворцовая площадь была загажена, как бесплатный вокзальный туалет! (Вот когда я понял, знаешь, Читатель, что революция - это: не хорошо). Матросики в темных очках с наклейкой «Монта-на» и командирскими советскими часами на руках попадали Бондарчуку в кадр, бритые (!...) солдатики в шинелях покроя Первой мировой в кадре курила «Родопи» и «Стюардессу». Бондарчук от этого матерился громче мегафонов распорядителей и виртуозней извозчиков.

...А от моих снимков просто позеленел.

...Но фотография, где я около него, с надписью «Саше на память о съемках фильма «Красные колокола. С.Бондарчук» вот уже много лет радует меня, вызывает шквал воспоминаний, когда пересматриваю старый фотоальбом.

...Теперь думаю: два есть, кто будет третий?

- ...

...Третий? Из... этих... В смысле - «третий».

- ...

Да нет, третий в моем «послужном списке всероссийских Сергей Федорычей». Двое было, третьего не миновать.

- ...

- ...

- ...

Да-да-да! Всё-всё-всё-всё-всё. Возвращаюсь к Валерию. Ты прав, как всегда, Ты прав, Читатель. Разговор шел о Валерии. «...Са-а-а-мо-лет, тот, что меня уносит...»

- ...

Да не путаю я Тебя! Мне просто песня нравится, Валерия здесь ни при чем, я рассуждал о шоу, о бизнесе, о работе Валерия Комиссарова.

Недолго, в общем, я пенял, взяло верх профессиональное человеколюбие: надел очки, достал принцессоскоп (Hi-Fi, ноу-хау). Присмотрелся, -э-э-э... да здесь только-только процентов 18-20 Княжны Принцессы. Остальное: имя, ситуация, видимость.

Да, действительно: Анна - трое - близкие отношения - выбирает она, не знает - она, она думает, кого предпочесть. Но. Принцесса Анна ведь не любит троих; Анна не разрывается (однозначно); Анна в принципе не блудничает; Анна ищет, где все сразу и в одном лице; Анна богохульничает (потому что не в том тянется к Богу); пассианство Анны, ее бег, ее поиск КАК БЫ конструктивны; желание Анны объединяет.

Ты примечаешь, Читатель, я уже убрал даже слова различения пола, нет разницы, в ЭТОМ - нет разницы. Мужчины и женщины кое в чем ведут себя чересчур одинаково. Нечто человеческое... аннам не чуждо.

Поэтому не буду я - неинтересно, признаюсь, - писать «Принцессу Анну - 2», скука. Представь? Заново перепевать, только иными словесами, все те же ситуации, нормы, коррелированные мажоры-миноры, сердца, терции. Мотивы ведь - окажется! - одни. Лишь тональность придется сменить, только перейти пониже в октаву. (Октавой выше, октавой ниже - название нот одинаково).

«...У всех нас в жизни есть мелодия одна

ее берут у тех, кто музыкой богат.

И учат много лет, без отдыха и сна.

Но - сочинить свою

Труднее во сто крат».

О! Прелесть какая! Обалденное что-то! Это тоже Александр - Дольский. Ты знаешь, Читатель, автор таков от рождения, что ему не нравится ходить изведанными путями. Поэтому с Пр. А-2 мы с Тобой поступим так: начнем и закончим. К чему транжирить попусту! Кто любит поесть, тот уже в моем трактире филейки отведал, а кому - жевать, тот пусть лакомится в макдональдсах.

У нас же с Тобой, Читатель, - «колеса», - у нас, у каждого, с ними свои проблемы, - у меня вот радиатор потек. У меня роман «Это жизнь» почти готов, затем берусь за сборник стихов и рассказов, у меня еще откуда-то сказка-басня «Жил-был щенок» (а словом «щенок» русский язык дает сразу два понятия) - разгорается. Потом пойдет элегическая помпея про Тебя, любимого... Так что: «Ну!» - как поднимал граненый наш национальный генерал-герой - «За нас, братья!» Нет - он кричал еще короче, тогда: Ну - за братие!» Во - кратность! А за ней - жидкость. А в ней - яд таланту. Так будем же кратки (это тост) умеренно!

Давай, Читатель, поставим Сёстрам жаждомый ими капкан, Введём, нарисовав, наше Противоядие. Доброе, конечно, доброе, ведь: «Все мы братья и сестры, и любви нашей свет озаряет тернистую эту по жизни дорогу».

Принц Анна был всем пригож: ни прибавить, ни отнять.

Attention, women! - Князь,

Анна симптоматический. Он Принц Иван, а?

Раскрасьте сами, додумайте,

кто какого видит и хочет,

Эскиз, Лекало имеются.

— — —

Впрочем,
действительно :
соединилось в них
общечеловеческое что-то -
он, она -
Анна.

СОДЕРЖАНИЕ СКАЗА

Предисловие читательницам	
Предисловие Читателю	
Гл. I	
Гл. II	
Гл. III	
Гл. IV	
Гл. V	
Гл. VI	
Гл. VII	
Гл. VIII	
Гл. IX	
Гл. X	
Гл. XI	
Гл. XII	
Гл. XIII.....	
Послесловие читательницам	
Послесловие Читателю и Итог.....	

Содержание

том первый

<i>наименование</i>	<i>что это</i>	
Предисловие	СЛОВО о КНИГЕ	5
Финт	нет ничего Нового под Солнцем	46
Не повторяется... такое - никогда	... на ладони	78
В эпистолярном жанре	Соперники	114
Грех	о беззаконии	176
Настоящая боль	новое определение	201
Разговор о любви	о сокровенном	221
Принцесса Анна (книга в книге)	введение Термина	245

Р и с у н к и

Для первого тома - специально и заблаговременно рисовали :

Светлана Шухаева

Саша Немирова

Вера Крохалева

Антонина Завьялова

Александра Ланская

и

Алексей Ланской

«Издательство «Семейные Традиции»:

*составление описаний и издание книг
о характерных явлениях
человеческой
и всеобщей
природы*

АЛЕКСАНДР ХАЛОВ
МИЛЫЙ НЕНАВИДИМЫЙ ЛЮБИМЫЙ
Том 1

Редактор: Александр Халов

Верстка: Ольга Малютина

Формат 70х90/16. Печать офсетная.

Подписано в печать 22.11.2012. Тираж 1000 экз.

Заказ 2550

Над книгой работало издательство «Семейные Традиции».

Адрес: Россия, Вологодская область, э/с Высокая Поляна

e-mail: ac_halov@list.ru

Отпечатано: ООО ПФ «Полиграф-Периодика».

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.